

ЧЕРНОЕ ФАНТАЗИ

СЕРАИ СЕСТРА

ВСТУПАЮЩИЙ В СЕРИЮ «ЧЕРНОЕ ФАНТАЗИ»

МАРК ЛОУРЕНС

В женском монастыре Святые Угодники из молодых девушек воспитывают убийц. Нона Грей — одна из его послушниц. Прежде чем покинуть монастырь, Нона должна выбрать, какому ордену посвятить себя: молитвам и служению или клинку и кулаку.

Все, что стоит между ней и этим выбором, — гордость убийцы, планы будущей императрицы и жажда мести самого богатого лорда империи.

Нона в окружении врагом, но ей придётся найти свой собственный путь, несмотря на узы дружбы, мечь, амбиций и верность.

И точно ясно только одно: путь будет кровавым.

Серая сестра

Перевод Александра Вироховского

Посвящение

*Моей бабушке, Беатрисе «БД» Джорджина,
которая абсолютно точно знала, что я буду капитаном корабля*

БЛАГОДАРНОСТИ

Я безмерно благодарен Агнес Месарош, без чьего бета-чтения история Ноны была бы совсем другой и гораздо менее увлекательной для написания. Она работала не покладая рук и не позволяла мне делать ничего, кроме того, что я делал изо всех сил.

Я также должен поблагодарить, как всегда, Джессику Уэйд из АСЕ за управление этим кораблем и всю ее команду, включая Алексиса Никсона и Миранду Хилл, за их невероятные усилия. И, конечно же, моего агента Яна Дьюри и команду из Шейл-Лэнда.

ПРЕДЫДУЩИЕ СОБЫТИЯ

ДЛЯ ТЕХ ИЗ вас, кому пришлось немного подождать эту книгу, я привожу краткие заметки к Первой книге, чтобы освежить ваши воспоминания и избежать неловкой ситуации, когда персонажи рассказывают друг другу для вас то, что они уже знают.

Здесь я привожу только то, что имеет значение для последующего рассказа.

Вы можете обнаружить, что спрашиваете себя, что такое Кеот, когда до него дойдете. Вы *должны* спросить себя. Но вы это узнаете. Он не упоминается в Первой книге.

Абет — планета, вращающаяся вокруг умирающего красного солнца. Он покрыт льдом, и подавляющее большинство его жителей живет в огражденным ледяными стенами Коридоре шириной в пятьдесят миль, который идет вокруг экватора.

Искусственная луна, огромное орбитальное зеркало, сохраняет Коридор свободным ото льда, каждую ночь фокусируя на него солнечные лучи.

Когда, тысячи лет назад, четыре первоначальных племени людей пришли в Абет со звезд, они нашли руины исчезнувшего народа, который они называли Пропавшими.

Империя ограничена землями Скифроула на востоке и морем Марн на западе. За морем лежит Дарн. В конце первой книги рейдеры Дарна совершали набеги вглубь страны с побережья.

Герант вырастет очень крупным, хунска — фантастически быстрым, марджал способен освоить все виды малой и средней магии, включая плетение теней, написание сигиллов и власть над элементами. Квантал может получить доступ к сырой силе Пути и манипулировать нитями, переплетение которых творит саму реальность.

Имперская знать — это *Сис*. Суффикс прилагается к названию благородных семейств, например Таксис, Йотсис и так далее.

Первоначальными племенами, пришедшими в Абет, были герант, хунска, марджал и

квантал. Их кровь иногда проявляется в нынешнем населении, наделяя уникальными способностями. Герант вырастает очень большим, хунска — фантастически быстрым, марджал может проявлять все виды малой и средней магии, включая плетение теней, написание сигиллов и владение элементами. Квантал может получить доступ к сырой силе Пути и манипулировать нитями, чье переплетение создает реальность.

Говорят, суда, доставившие племена со звезд, приводили в движение их корабль-сердца. Малость этих шаров еще присутствует в пределах империи. Они высоко ценятся, так как усиливают магические способности кванталов и марджалов.

Пропавшие оставили после себя сооружения, называемые «Ковчегами». В Коридоре их трое. Императорский дворец построен вокруг одного из них. Нет никаких достоверных записей о том, что кто-то мог открыть Ковчег, но поддельное пророчество предсказывает приход Избранной, которая сможет это сделать.

Нона Грей — крестьянская девочка из безымянной деревни. Она была отдана похитителю детей Гилджону, который продал ее бойцовскому залу, Калтессу. Там обучают ринг-бойцов, которые дерутся на ринге друг против друга.

Нона оказалась в монастыре Сладкое Милосердие, где послушниц обучают служению Предку. Послушницы принимают обеты и становятся монахинями одного из четырех видов. Святая Сестра (исключительно религиозные обязанности), Серая Сестра/Сестра Благоразумия (обученная убийству и скрытности), Красная Сестра/Боевая Сестра (обученная сражаться), Святая Ведьма/Мистическая Сестра (обученная ходить по Пути).

Нона оказалась три-кровкой. Невероятно редкое явление. Она хунска, марджал и квантал. У Ноны совершенно черные глаза, побочный эффект от приема опасного противоядия. У нее нет тени, она отрезала ее, сражаясь с Йишт.

Йишт — женщина из лед-племен и служит Шерзал, сестре императора. Йишт украли корабль-сердце Сладкого Милосердия и убила подругу Ноны Гессу.

Лорд Туран Таксис ненавидит Нону, потому что она сначала ранила, а потом убила его сына Раймела, ринг-бойца, геранта. Ее также ненавидит оставшийся в живых сын Турана, Лано. Таксисы послали ассасинов, известных как ной-гуин, за Ноной. Взавшись за работу, ной-гуин редко прекращают свои усилия до тех пор, пока цель не будет мертва, даже если для этого требуются годы терпения.

Во время кражи корабль-сердца Нона была предана ее подругой и коллегой-послушницей, Клерой Гомал. Среди оставшихся друзей Ноны — послушницы Ара, Дарла, Рули и Джула. Арабелла Йотсис происходит из могущественной семьи и является редкой два-кровкой, она — хунска и квантал. Дарла — дочь важного офицера императорской армии, и в ее жилах течет кровь герантов. Рули имеет незначительный талант марджал. Джула очень прилежна и надеется стать Святой Сестрой.

Зоул — важная послушница. Она из лед-племен и пришла в монастырь по настоянию Шерзал, чтобы отвлечь внимание на себя и помочь похитить корабль-сердце. Она — единственная известная четыре-кровка, имеющая все таланты изначальных племен. Многие считают ее Избранной из пророчества. Согласно пророчеству, Зоул — это Аргата, а Нона — ее Щит.

Монастырь Сладкое Милосердие возглавляет Настоятельница Стекло, женщина, чьи связи в Церкви и за ее пределами простираются дальше, чем кажется.

Самые главные среди остальных монахинь — старшие сестры, Колесо и Роза. Сестра Колесо преподает Дух. Сестра Роза управляет санаторием. Другие важные фигуры: Сестра

Сало, которая учит Мечу; Сестра Сквородка, которая учит Пути; и Сестра Яблоко, которая учит Тени. Сестра Чайник — Серая Сестра, живущая в монастыре. Она и Яблоко — любовницы.

Есть четыре класса/стадии, через которые проходят послушницы, когда они готовятся принять священный сан в качестве монахинь. Красный Класс, Серый Класс, Мистический Класс и Святой Класс. Первая книга заканчивалась тем, что Нона находится в Сером Классе где обычно учатся девочки одиннадцати-двенадцати лет.

Становясь монахинями, послушницы принимают новые имена. Нона станет Сестрой Клетка. Ара будет Сестрой Шип.

Первая книга заканчивалась тем, как Нона убила Раймела Таксиса в дикой местности. Сестры Чайник и Яблоко тайно наблюдали за послушницами, но Чайник была отравлена ассасином ной-гуин, выслеживающим Нону, и Яблоко пошла ей на помощь.

УНИЧТОЖЕНИЕ ЛЮБОГО МОНАСТЫРЯ или обители — это не то, что можно лег предпринять. Даже могущества дома Таксисов, чей род происходил от императоров, может оказаться недостаточно.

Лано Таксис пришел к Скале Веры, одетый для войны, его доспехи из ковчег-стали были окровавлены светом тысячи алых звезд. Перед ним — сомкнутые ряды его личной гвардии, железное ядро армии Таксисов, выкованное его отцом. Солдаты, закаленные в битвах на восточных границах империи и на западных берегах Марна.

Но уверенность Лано опиралась не только на копья его армии. Ной-гуин шли рядом с ним, приведенные из темных залов Тетрагода.

Когда ребенка отдают ной-гуин, его приносят в жертву тьме. Немногие переживут обучение, но люди, которые больше чем через десять лет, в безлунную ночь спустятся со стен крепости, будут особыми. Они будут отрезаны от любой преданности родителям или родственникам, отрезаны от древа Предка. Они будут ной-гуин — орудиями смерти, стоящими выше религии, ниже морали, посвятившие себя только той задаче, которая им дана. Самые богатые из Сис могут покупать их услуги, но лишь немногие миссии требуют более одного ребенка Тетрагода. Никто из живущих не помнит, чтобы больше трех действовали вместе. Даже самые древние истории никогда не говорят о более чем пяти. Восемь шли с Лано Таксисом в тот день, когда он пришел к монастырю, стоящему на Скале Веры.

— Нона Грей? Ты уверена? — Лано поднял забрало и прищурился, глядя на темную фигуру, одиноко стоящую на пути его армии, крошку перед огромным отрядом колонн. — Сестра Клетка... вернулась в Сладкое Милосердия. — Кулак ударил по ладони, перчатки лязгнули. — О, это прекрасно! Я боялся, что она ушла, несмотря на мои инструкции. — Взгляд налево. — Ты уверена, что это она?

Клера Гомал подняла на него свои темные глаза:

— Конечно. Кто другой отпустил бы меня?

•••

СЕСТРА КЛЕТКА ЖДАЛА среди теней колонн, сама не отбрасывая тени. Старь монахини и молодые послушницы наблюдали за ней из каменного леса позади нее. Когда придет Таксис и начнет течь кровь, сестра Роза все еще будет сражаться где-то там, пытаясь спасти Сестру Шип, несмотря на полученные той раны. Клера оставила Шип истекать кровью. Она могла убить ее в одно мгновение. Но не убила. Хотя бы это, по крайней мере.

Меч, который держала Клетка, предлагал миру свою остроту, и ветер Коридора, разделенный его кромкой, шипел от боли. Сестра Клетка ждала своей битвы, охотясь за ее центром, ища тишины и покоя, пока пеларти уходили. Мало кто из Красных Сестер, когда-либо покинувших монастырь Сладкого Милосердия, был способен лучше Сестры Шип практиковать то, чему их научили Госпожи Меч и Путь.

Сестра Клетка шла в другом ритме.

Святые считают гневаться ниже своего достоинства, ибо какая вера не является, по сути, принятием того, что ты не можешь изменить? Мудрецы называют гнев неразумным,

ибо там можно найти лишь несколько истин. Те, кто правит нами, топчут гнев, ибо они ясно видят его, зная, что это за огонь. Кто же пригласит такое голодное пламя туда, где находятся его владения?

Но для Сестры Клетка ярость была оружием. Она открылась ярости, которую до сих пор сдерживала. Ее подруга лежала при смерти. *Ее подруга*. В ярости есть чистота. Она выжжет печаль. На время. Выжжет страх. Даже жестокость и ненависть будут искать убежища, ярость не хочет никого из них, она хочет только разрушать. Ярость — это дар, который дает нам наша природа, сформированный бесчисленными годами развития. Зачем ее отбрасывать?

Каждый закон церкви или государства стремится отделить вас от вашего гнева. Каждое правило служит для того, чтобы укротить вас — взять из ваших рук то, чем вы должны владеть. Каждая строгость направлена на то, чтобы поместить месть, которая принадлежит вам, в руки судов, присяжных, правосудия и судей. Книги законов стремятся заменить чернильными линиями то, что вы считаете правильным. Тюрьмы и палачи стоят только для того, чтобы уберечь ваши руки от крови тех, кто причинил вам зло. Каждая часть закона существует для того, чтобы увеличить время и расстояние между преступлением и последствием. Чтобы освободить нас от нашей животной природы, посадить в клетку и приручить зверя.

Сестра Клетка посмотрела на своего врага, на блеск стали на Скале.

Ее — гнев океанской волны, катящейся по глубоким водам, чтобы излить свою белую ярость на берег; волны катятся одна за другой, безжалостные, срывающие высокие утесы, дробящие камни, перемалывающие получившуюся гальку в песок, смывающие горы. Ее — гнев бури, потрясающей громом, пронзающей молниями, несущей ветер, который вырывает самые старые деревья из твердости земли. Ее — вызов камня, поднятый в гневе против холодных небес. Ее — гнев, который сидит, как разбитое стекло в груди, гнев, который не позволяет ни спать, ни отступить, ни идти на компромисс.

•••

НОНА ГРЕЙ ПОДНИМАЕТ голову и смотрит на своего врага полуночными глазами. Возможно, это просто отражение света факелов, но где-то в их темноте, кажется, горит красное пламя.

— Я сама себе клетка. — Она поднимает меч. — И я открыла дверь.

ЕСТЬ МНОГО ЯДОВ, вызывающих безумие, но ни один из них не может быть столь действенным, как любовь. Сестра Яблоко несла с собой сотню противоядий, но она по собственной воле выпила именно этот напиток, зная, что лекарства нет.

Терновник и шиповник рвали ее, ледяной ветер выл на нее, даже земля противостояла ей своей крутизной, долгими милями и землей, твердой, как железо. Отравительница шла вперед, измученная, чувствуя каждый из своих тридцати лет, ее поход-пальто было разорвано в клочья, лохмотья плясали по милости ветра.

Когда оленья тропа вырвалась на открытое место, пересекая изрытую колеями широкую дорогу, Яблоко без колебаний проследовала по ней, не отводя глаз от рядов деревьев, возобновлявших свой марш вдаль на той стороне.

— Стой! — Резкий крик совсем рядом.

Яблоко проигнорировала его. Чайник призвала ее. Она знала направление, расстояние и даже боль. Чайник позвала ее. Чайник никогда бы не позвала ее с наблюдения, даже если бы ее жизнь была в опасности. Но она *позвала*.

— Стой! — закричало уже несколько голосов, диалект был резким и трудно понимаемым.

Линия деревьев стояла в десяти ярдах по другую сторону канавы. Как только она доберется до тени под ветвями, она будет в безопасности. Мимо нее пронеслась стрела. Яблоко посмотрела вдоль дороги.

Пять дарнищев растянулись по всей ширине, их простеганные доспехи были в пятнах от соли и грязи, железные пластины на плечах и предплечьях были коричневыми от ржавчины. Яблоко могла добраться до деревьев прежде, чем мужчины поймают ее — но не раньше, чем это сделает следующая стрела или копьё.

Выругавшись, она сунула обе руки в карманы пальто. Некоторые из непристойностей, которые она произнесла, вероятно, никогда раньше не произносились монахиней. Даже дарнищцы казались удивленными.

— Не убивайте меня. Живая я для вас дороже. — Яблоко старалась, чтобы ее голос не звучал так, будто она читает лекцию классу. Она вытянула руки: в одной — восковая капсула бескостного, в другой — упаковка серой горчицы, а между большим и указательным пальцами — маленькая белая таблетка. Она сунула таблетку в рот, надеясь, что это горьковилл. Все противоядия были разложены в строгом порядке по множеству внутренних кармашков рясы, но, потянувшись туда, она напросилась бы на стрелу, так что приходилось пытаться счастья с внезапно вспомненным, нащупанным и выуженным из наружного кармана поход-пальто.

— Ты... монахиня? — Самый высокий из них сделал шаг вперед, подняв копьё. Он был старше остальных четверых. Тертый калач.

— Да. Святая Сестра. — Она проглотила таблетку, поморщившись. На вкус она напоминала горьковилл. Четверо молодых рейдеров, все с одинаковыми темными и лохматыми волосами, крепче сжали оружие, бормоча что-то языческим богам. Возможно, одна монахиня из сотни не была Святой Сестрой, но с историями, которые рассказывали в Дарне, их нельзя было винить за то, что, по их мнению, каждая женщина в рясе была Красной Сестрой или Святой Ведьмой, просто жаждущей взорвать их и поплясать на

дымящихся останках. — Монахиня. Из монастыря.

— Монастырь. — Вожак покатал это слово по губам. — Монастырь. — Он выплюнул его сквозь потрескавшиеся от мороза губы.

Яблоко кивнула. Она подавила желание сказать: «С большой золотой статуей». Мужчины должны придти в ловушку сами. Если они почувствуют, что она ведет их, она умрет через несколько мгновений.

Предводитель оглянулся на своих людей, бормоча слова, которые почти имели смысл. Дарнишский был похож на язык империи, но пропущенный через мясорубку и посыпанный специями. У нее было такое чувство, что если бы они говорили чуть медленнее и поменяли бы акцент, то все стало бы понятно. Однако Яблоко уловила два слова, которые могли бы сохранить ей жизнь. «Монастырь» и «золото». Она разломала капсулу бескостного в кулаке и потерла пальцами ладонь, чтобы размазать бывший внутри сироп, прежде чем вытереть руку о тыльную сторону другой и о запястье.

— Ты. Отведи нас в монастырь. — Мужчина сделал еще два шага вперед, показывая копьём, чтобы она двигалась.

— Не отведу! — Яблоко старалась говорить скорее испуганно, чем нетерпеливо. Она подумала о том, что Чайник в опасности, может быть, ранена, и в ее голосе прозвучал страх. — Я не могу. Это запрещено. — Она должна была подойти к ним поближе. Она мало что сможет сделать, если они будут подталкивать ее вперед острием копья. Она позволила своему взгляду скользнуть между лицами мужчин, предлагая колеблющийся вызов. Вызов, который бы они с удовольствием сломили.

Предводитель сделал знак, и двое его людей подошли, чтобы схватить Яблоко за руки. Третий держал лук наготове, наполовину натянутый, стрела смотрит на нее, на случай, если она отважится бежать. Последний оперся на копьё, рассеянно улыбаясь.

Яблоко изобразила панику, подняв руки, чтобы перехватить тех, кто потянулся к ней, но оказала слишком слабое сопротивление, чтобы вызвать удары. Один из пары, казалось, не нуждался в оправданиях и все равно шлепнул ее по лицу твердой мозолистой рукой. Она сплюнула кровь и взмолилась о пощаде. Теперь оба были измазаны прозрачным сиропом бескостного, прилипшего на их пальцы.

Шлепатель заломил ей руку за спину, а другой попытался расстегнуть пальто, возможно, забыв, что невесты Предка дают обет бедности. Зная, что он найдет ее набор ядов и лекарств, а не золото или серебро, Яблоко жалобно завывала, подняв сжатый кулак, чтобы напомнить им, что у нее есть что-то более очевидно скрытое.

Шлепатель что-то неразборчиво пробормотал Грабителю, и тот бросил завязки пальто, чтобы разжать руку Яблоко. Схватив ее, он получил вторую дозу бескостного, на свою ладонь. Из-за горьковилла, который противостоял яду, Яблоко чувствовала только онемение там, где сироп покрывал ее, сила рук осталась нетронутой.

Яблоко начала кричать, продолжая сжимать кулак, несмотря на слабеющие усилия Грабителя. Шлепатель попытался заставить ее подчиниться, и это было больно, как огонь, но она сумела достаточно сопротивляться, чтобы он не сломал ей руку за спиной. В то же время Яблоко бросалась то влево, то вправо, всегда стараясь приблизиться к предводителю и лучнику, хотя она ни разу не взглянула в их сторону. Сапоги дарнишцев скользили по грязи. Остальные рейдеры громко смеялись над усилиями своих товарищей, не делая никаких попыток помочь. Предводитель, фыркнув от отвращения, жестом указал лучнику пройти вперед, затем воткнул древко копья в грязь и пошел сам подстраховывать группу,

приближавшуюся вихляя.

Ни Шлепатель, ни Грабитель, казалось, еще не поняли, что их отравили, вероятно, полагая, что Яблоко была ненормально сильной женщиной, возможно, черпающей какую-то животную силу из глубин своего ужаса. Яблоко поднесла кулак к лицу, когда офицер подошел к ним. Она выдохнула сквозь сжатую ладонь, короткий резкий выдох, и облако порошка из смятой упаковки расцвело вокруг головы мужчины. Край облака поймал лучника прямо у него за спиной.

Истинный ужас придал Яблоко сил, чтобы броситься назад, выпав из лап рейдеров в изрытую колеями грязь. Она видела, на что способна серая горчица, и ничто из ее арсенала противоядий не могло уменьшить боль и увечья до приемлемого уровня.

Крик офицера сотряс воздух, он вдохнул, что закричать снова, и всосал споры горчицы в легкие. Лучник упал на спину, расчесывая глаза. Шлепатель и Грабитель, покачиваясь и спотыкаясь, побрели прочь. Что оставило Яблоко с пустыми руками, на земле, с одним здоровым противником с копьем в руке всего в нескольких ярдах от нее.

Страдание другого вызывает определенное восхищение; человек стоял с отвисшей челюстью и в ужасе смотрел, как офицер царапает себе лицо, раздирая его в клочья. Яблоко посмотрела на тени между деревьями. Так близко: мгновенный бросок, и она окажется в безопасности в их объятиях. Необходимость мчаться к Чайник привлекала ее даже сильнее, чем желание убежать. Но Сестры Благоразумия дают обеты не только благочестия и бедности. Подавив нетерпеливое рычание, Яблоко вытащила нож. Она медленно поднялась из грязи среди булькающих криков офицера, проклятий лучника и борьбы двух других дарнищев, которые безуспешно пытались устоять на ногах. Ее головной убор распустился, рыжие волосы рассыпались по плечам. Последняя из ее завязок уступила, и поход-пальто распахнулось вокруг нее, как темные крылья хищника. Она держала нож наготове для броска, а в другой руке держала мешочек с мерттрафом на случай, если ей удастся взять копыеносца живым.

Рейдер заметил ее в последний момент, оторвав взгляд от бившегося в конвульсиях офицера, упавшего в канаву. Когда он направил копьё на нее, рука Яблоко поднялась в броске снизу вверх, и мгновение спустя рукоять ее ножа торчала у него под подбородком. Он сел, в замешательстве схватившись за горло.

Рядом, шатаясь, стоял лучник, ослепленный слезами и кровью. Яблоко подобрала упавшее копьё и вонзила его в грудь мужчины. Затем она подошла, чтобы предложить милосердие офицеру, теперь извивающемуся из грязи и травы в ледяной воде канавы. Она оставила его в багровой ванне и принялась рассматривать двух поверженных дарнищев, Шлепателя и Грабителя. Один лежал лицом к ней и следил глазами за окровавленным наконечником ее копья. Яблоко нахмурилась, ее взгляд снова устремился к линии деревьев, ей хотелось бежать. У нее не хватало духу убивать беспомощных врагов. По правде говоря, у нее не хватало духу убивать. Она всегда была лучшим учителем, чем исполнителем.

Яблоко присела на корточки.

— Сестры Благоразумия должны проходить незамеченными, и их невозможно застать врасплох. — Она взяла две фиолетовые пилюли из своей рясы, блестящий землеворт. Она сама выкопала и приготовила корни, спрессовала пилюли и запечатала их воском. — Все это очень неловко. Я никому не скажу, если вы этого не сделаете. — Она быстро очистила таблетки от воска и бросила по одной в рот каждому мужчине, затем перекатила их, чтобы они не подавились. — Если никто не найдет и не убьет вас прежде, чем вы снова сможете

двигаться — и поверьте мне, вы заслуживаете того, чтобы вас нашли и убили, — тогда мой совет: бегите обратно к своей лодке изо всех сил.

Она вытерла руку о плащ Шлепателя. От землеворта их будет тошнить целую неделю. Месяц, если они проглотят слишком много. Она подумала о том, чтобы оставить свой кинжал в шее копейщика, но все-таки пошла за ним, вытащив клинок с дрожью отвращения. В следующее мгновение она уже бежала к деревьям с красным клинком в руке.

•••

ЯБЛОКО ВСЕГДА БЫЛА именно учительницей, ей не хватало железа для самых темных оттенков серой работы. Чайник, однако, никогда не отказывалась делать то, что требовалось, без удовольствия или жалобы. Совершенное оружие. Когда долг призывал ее, она могла запереть свою милую природу в ящик, чтобы снова открыть, когда миссия будет завершена. Лишь подумав о том, чем может оказаться то, что заставило ее вызвать помощь, Яблоко вздрогнула. Чайник никогда бы по доброй воле не заставила Яблоко перестать выполнять приказ настоятельницы. Арабелла Йотсис теперь находилась в дикой природе одна, без присмотра.

Яблоко поднажала, используя всю свою решимость, чтобы идти быстрее, а не бежать. Впереди мили. Она петляла между деревьями, некоторое время шла по оленьей тропе, а потом свернула к ручью, покрытому гнилым льдом.

Чайник присматривала за Ноной. Что-то случилось с ребенком? Нона была бесстрашна, свирепа и быстро соображала, но в Коридоре были более опасные существа, чем Нона Грей. Возможно, это Ноне нужна помощь... Яблоко отогнала эту мысль: боль была от Чайник, как и страх.

Появился клубящийся туман, поднятый где-то фокусом луны и, возможно, несколько дней несомый лед-ветром. Лес цеплялся за нее, на каждом шагу пытался повалить на землю, заманить более легкими тропинками. В слепой белизне Яблоко нашла свой путь, следуя за слабым эхом крика Чайник через тень.

Многие мили стали немногими и, когда туман рассеялся, обернулись единственной оставшейся. Лес перешел в пустошь, почва которой была слишком жидка и кисла для посевов. Далеко разбросанные фермы занимались овцами да козами; лишь несколько домов встали настолько рядом, чтобы видеть друг друга. Яблоко набрала скорость, теперь гоня себя через неровную землю, разделенную тут и там заросшими травой дорожками и развалившимися заборами сухой кладки. Впереди земля понижалась. Ручей прокладывал свой путь между деревьями, растущими в широкой долине, прежде чем затеряться в более густом лесу. Чайник ждала среди этих лесов, Яблоко чувствовала это; близость возлюбленной тянула за шрам, оставленный ее тень-криком.

Яблоко замедлила шаг, приближаясь к первым деревьям. Раньше она вела себя неосторожно: поспешность привела ее в руки людей, которых она могла бы обойти незамеченной, если бы не отвлеклась. Она прошла между двумя вязами, тени обтекали ее тело, текли вокруг вздетых рук. Тень-работа всегда давалась ей легко. Темнота собралась в ее ладонях. Когда тени откликались на ее волю, ей казалось, что она вспомнила какое-то имя, которое давно ускользнуло от нее, или узнала разгадку загадки, испытывая что-то вроде душевного облегчения, почти радости. В лесу творилась и другая тень-магия. Пустые пространства дрожали от ее эха. Там лежал крик Чайник, резкий и глубокий, но были и

другие следы, следы кислой работы ной-гуин. Яблоко уже пробовала их раньше, в Сладком Милосердии, в ту ночь, когда Туран Таксис послал двоих из них убить Нону. То, что они не справились с этой задачей, было выше ее понимания.

Яблоко завернулась в темноту и стала искать терпение Серой Сестры. Госпожа Путь научила ее мантрам двадцать лет назад, и Яблоко сделала их частью своего собственного фундамента, вплетенного в ее сердцевину. Однако сегодня, когда тревога Чайник пульсировала в тени, терпение пришло с трудом.

Подлесок царапался, рвался и шуршал с каждым шагом Яблоко. Она чувствовала себя такой же грубой, как любая послушница, ее лес-искусство заржавело от неупотребления, она была уверена, что ее приближение будет услышано любым врагом в радиусе тысячи ярдов. Наживка в ловушке. Тактика такая же старая, как убийство. Оставь раненого товарища, друга, возлюбленного, а потом жди и наблюдай. Ной-гуин мог лежать среди ветвей любого дерева, с арбалетом наготове, с болтом, смазанным ядом.

Чайник не стала бы меня звать, если бы это было правдой. Яблоко двинулась вперед, оставив терпение позади, но принеся с собой тени.

Единственное, что привлекло ее внимание к Чайник, — связь между ними. Монахиня лежала у подножия огромного мороз-дуба, ее тело соответствовало изгибам корней. Листья покрывали ее поход-пальто, листья и грязь, головной убор исчез, разметавшиеся волосы цвета воронова крыла открывали только тонкие ломтики бледного лица. Она лежала, распластавшись, как мертвая, часть лесной подстилки, камуфляж, которым гордилась бы любая Серая Сестра.

— Чайник! — Яблоко подошла к ней, страх перед луком убийцы был подавлен уверенностью, что Чайник мертва и что у нее не осталось никакой цели в этом мире. Она взяла грязные пальцы Чайник своими, потрясенная их холодностью. — Чайник... это я. — Она подавилась словами, ошеломленная, в то время как другая ее рука, все еще спокойная, с привычной легкостью нащупывала пульс монахини. Ничего. Нет... не ничего, шепот.

Яблоко потянулась к Чайник, чтобы поднять ее с холодной земли, но увидела рукоять ножа, торчащую из ее бока чуть выше бедра. Она прикоснулась пальцем к навершию, железному шару. Рукоятка оплетена кожей. Она узнала кинжал. Чайник показывала ей такой же после того, как его отобрали у Ноны. Ной-гуин, точно. Та, которая сбежала. Яблоко усадила возлюбленную к себе на колени и некоторое время сидела, обнимая ее, крепко зажмурив глаза от слез. Через несколько секунд она сделала глубокий судорожный вдох и попыталась успокоиться.

Думай.

Яблоко посадила Чайник обратно на землю и сняла собственное поход-пальто. Положив Чайник на пальто, она осмотрела ее на предмет других повреждений, проверяя цвет кожи, поднимая веки, прислушиваясь к дыханию, наблюдая за скоростью, с которой кровообращение возвращалось к ее конечностям, когда их щипали. Она взяла тонкую кожаную трубку из коллекции, хранившейся в ее рясе, и сломала печать. Холод уже заставлял ее дрожать. Она вылила жидкость в рот Чайник, села и стала наблюдать. Кроме раны от ножа никаких других не было. Клинок, наверняка, был покрыт ядом, но не было никаких признаков, явных настолько, чтобы сузить выбор.

В течение самой длинной минуты в жизни Яблоко ничего не происходило. Деревья вокруг нее стонали от ветра, их листья бурлили. Потом Чайник дернулась, захлебнулась и начал задыхаться. Яблоко схватила за голову.

— Полегче! Просто дыши.

— Г-где? — Любой дальнейший вопрос потерялся в кашле и удушье. Одна рука вцепилась в поход-пальто как раз над ножом. — Болит.

— Я же сказала тебе дышать, идиотка.

— Я-Ябби? — Чайник повернула голову и прищурилась, как будто свет был слишком ярким. Кожа у нее была белая, как кость, губы почти синие. — Сестра. — Слабая улыбка.

— Я дала тебе адрин, это ненадолго. Скажи мне, что ты приняла. Быстро!

— Нона. Она заставила меня позвать. — Чайник невнятно произнесла эти слова, глядя мимо Яблоко на листья, черные на фоне белого неба. — Теперь ушла.

Яблоко встряхнула ее:

— Что ты приняла? Это очень важно!

— Ч... — Чайник моргнула, пытаясь сосредоточиться. — Черное лекарство. — Ее дыхание стало поверхностным и быстрым. — И... калеворт.

— Калеворт?

— Мне... было холодно. Подумала, что это... может быть ночь-трава

— Кто намазывает клинок ядом из ночь-травы? — Яблоко покачала головой. — Где ассасин?

— Ушла. — Глаза Чайник закрылись, голова откинулась назад.

Яблоко закусил губу. Черное лекарство должно было подавить все, что могла использовать ной-гуин. Она почувствовала вкус крови и нахмурилась. В голове было пусто. Ничто из ее огромного запаса знаний не указывало на причину или лекарство.

Отчаяние сомкнулось вокруг Яблока. Ее губы шевелились, произнося яды, ни один из которых не соответствовал симптомам. Щупальца тени обвились вокруг Чайник, двигаясь по ней клочьями. Яблоко уставилась на тени, нахмутив брови и лихорадочно соображая. Поход-пальто Чайник поглотило почти всю ее руку, но на обнаженном белом дюйме запястья линия тени следовала по пути самой большой вены.

— Нет? — Яблоко жестом послала собравшиеся вокруг нее тени вперед, и они, словно темное море, омыли Чайник. Когда они отодвинулись, следы теней остались, удерживаемые ее венами, как магнит держит толченное железо, обнажая невидимые линии своего действия. — Да!

Она схватила лицо Чайник обеими руками.

— Проснись! Чайник, проснись! — Чайник лежала, такая же бескостная, как дарнищцы на дороге. Яблоко отвесила ей пощечину: — Проснись! Это был темный яд.

— Значит, я мертва. — Чайник широко раскрыла глаза. — Мне очень жаль. — В уголке ее глаза заблестела слеза. Она подняла руку, как будто это была самая тяжелая вещь в мире, к щеке Яблоко. — У тебя кровь идет.

Яблоко взяла ее пальцы и поцеловала их:

— Ты — моя кровь.

Вокруг них начала расти темнота, тени устремились к Яблоко, сгущаясь вокруг нее.

— Что... ты делаешь? — Гладкий лоб Чайник нахмурился, и ее рука снова опустилась.

— Спасая тебя, — сказала Яблоко. От усилия призвать так много теней и так быстро ее голос напрягся. Она почувствовала холод в костях, боль в глазах.

— К-как? — Чайник нашла ее глаза. — Нет способа.

— Есть. — Сейчас Яблоко видела Чайник только потому, что темнота была так глубоко в ней. Ночь окутала их обоих, кулак тьмы в глубине леса становился все светлее по мере

того, как исчезали его тени. — Я должна толкнуть тебя в тень.

— Нет. — Чайник с трудом покачала головой. — Предок...

— Я должна. Это единственный способ. — Яблоко руками собирала темноту вокруг себя, пока даже для ее ночного зрения руки не стали дырами, вырезанными в ее теле, без глубины и контраста. Ной-гуин толкали лучших из своих убийц в тень, так далеко, насколько их разум мог это вынести. Это сломало некоторые из них. Другие затерялись в темных уголках за миром. Но ценой, которую Чайник боялась заплатить, была ее душа. Церковь учила, что те, кто заходит слишком далеко в тень, никогда не присоединятся к Предку.

— Не надо. — У Чайник не хватило сил снова поднять руки. — Сестра Колесо... говорит, что Предок...

— К черту Колесо и к черту Предка. — Яблоко положила одну руку на грудь Чайник, стоя на коленях над ней, готовая толкнуть. Она взяла рукоять ножа в другую руку. — Ты моя, и я не собираюсь тебя терять. — Она опустила голову, и слезы полились из ее глаз. — Позволь мне это сделать. — Ее губы дрожали, слова вырывались отрывистыми всхлипами. — Пожалуйста.

— Отравительница. — Чайник нашла в себе силы поднять руку, запустив белые пальцы в пламя волос Яблоко. Она задержала ее на мгновение. — Отрави меня.

И Яблоко с криком надавила на нее одной черной ладонью, вложив в нее всю свою силу, а другой вытащила нож ассасин из раны, вытягивая вместе со сталью и кровью черный яд, рожденный тьмой, обитающей между звездами.

Два года спустя

— ТЫ ПРИШЛА ВЗЯТЬ стирку? — Высокая девушка, стройная блондинка узким красивым лицом, отошла от кровати и наклонилась, чтобы снять с нее постельное белье. Хихиканье пробежало среди других послушниц, раздевающихся по комнате. Мистический Класс занимал весь второй этаж дормитория, и кровати были свободно расставлены вдоль стен, с письменными столами между ними.

Нону предупредили насчет Джоэли Намсис. Ее семья владела землями на западе и поддерживала тесный союз с Тураном Таксисом.

— Да, — сказала она и быстро шагнула вперед, с хунска-скоростью взяв свернутые в узел простыни. Она вернулась к двери и сбросила узел с лестницы. У нее на спине Кеот задрожал от смеха.

— Итак, какая кровать моя? Или я должна занять любую? — Нона оглядела их лица, дюжину, по-разному удивленных или испуганных, пару даже потрясенных. Из всех послушниц, с которыми Нона училась в Красном Классе, она первой присоединилась к Мистику. Три девушки из ее Серого Класса добрались до Мистика раньше нее: Мэлли, хунска прайм, которая была старостой, занимала кровать рядом с дверью; Алата наблюдала за ней темными глазами из дальнего угла комнаты, ритуальный узор ее шрамов черной паутиной покрывал руки и щеки; и Дарла, которая присоединилась к ним неделю назад, ухмылялась под каштановой копной своих волос: ее размеры заставляла большие кровати Мистика казаться маленькими.

— Ну, это была ошибка, крестьянка. — Джоэли подошла и встала перед Ноной.

— Мы учимся на ошибках, — Нона выжидающе посмотрела через плечо Джоэли на пустую кровать.

— Возможно, мне следует преподать тебе еще один урок. — Джоэли подняла руку, растопырив пальцы. Белая дымка линий заполнила Путь-зрение Ноны. Некоторые говорили, что Джоэли — лучшая нить-работница в монастыре, и после смерти Гессы Нона предположила, что это может быть правдой. Однако использование любого вида Путь-силы вне урока было верным способом разорвать свою спину тростью из металл-ивы, независимо от того, какую фамилию ты носишь.

Нона подняла глаза, встретилась взглядом с зелеными щелочками глаз Джоэли и заговорила со всей искренностью, на которую была способна:

— Я люблю тебя как сестру, и, когда мы умрем, мы будем вместе в Предке, наша кровь смешается. — Тепло разлилось по ее спине, когда Кеот погрузился в ее плоть. Мгновение спустя он уже схватил ее язык. — Но я должна предупредить тебя, сестра, что во мне живет болезнь, и если ты сделаешь себя моим врагом, я разрушу твою жизнь, потому что я рождена войной.

Джоэли уставилась на Нону широко раскрытыми глазами, словно узнавая обещание, а не угрозу. Затем раздался взрыв смеха, чистый и контролируемый, уверенность отодвинула разумный страх.

— Как драматично! «Я рождена войной», — передразнила Джоэли слова Кеота, подчеркнув крестьянской диалект. — Ты родилась в глинобитной хижине в глуши. — Она

посмотрела на своих подруг. — Что за странное создание эта послушница. Теперь я понимаю, почему Сестра Очаг так стремилась изгнать ее из своего класса. — Она отвернулась.

Нона воспротивилась, когда Кеот попытался поднять ее руку и схватить девушку за шею. Вместо этого она с рычанием повернулась к пустой кровати, злясь на то, что отвлеклась, позволив Кеоту говорить за нее.

«Я разрушу твою жизнь». Кеот?

Ты должна была позволить мне. Эта сука принесет тебе неприятности.

Нона села на кровать, которую выбрала сама, одну из двух слишком опрятных, чтобы принадлежать кому бы то ни было. Она засунула под письменный стол свою маленькую сумку, в которой находилась, в основном, запасная одежда. Джоэли уже оживленно беседовала с тремя послушницами в другом конце комнаты, смех и взгляды в сторону Ноны подчеркивали их разговор. Четвертая девушка вернулась с лестницы с простынями, которые бросила Нона.

Если ты убьешь одну из них, остальные будут тебя уважать.

Заткнись.

Дверь снова открылась, и вошла Зоул, скрестив руки на сумке, которую она принесла из Серого дормитория. Когда Нона вышла из класса, где Сестра Очаг проверяла ее свидетельства о заслугах, Зоул уже ждала ее за дверью. Они оба кивнули в знак узнавания, но лед-девушка никогда не делилась информацией добровольно.

— Еще одна? — Джоэли жалобно повысила голос.

Лицо Зоул ничего не выражало, темные глаза над широкими скулами внимательно осмотрели комнату. Ее лицо было похоже на маску. Нона могла сосчитать по пальцам одной руки, сколько раз она видела ее улыбающейся или хмурой.

— Я... — Джоэли, похоже, собиралась выразить свое неудовольствие, но на этот раз известность Зоул затмила ее якобы забытую аристократическую семью. Послушницы поднимались со всех сторон вместе с возбужденным гулом голосов, когда они подходили, чтобы приветствовать Аргату. Нона решила не прикрывать ее, хотя была уверена, что Зоул скорее собьет послушниц с ног, чем станет терпеть их внимание.

Зоул медленно, но уверенно продвигалась к кровати рядом с Ноной, отвечая на вопросы и лезть короткими кивками. В тех редких случаях, когда она отвечала, она произносила только отдельные слова. По большей части «нет». За пределами монастыря все обстояло гораздо хуже. Ее тайна была раскрыта всего через несколько месяцев после того, как они вернулись из похода. Некоторые говорили, что Шерзал сама распространила эту новость, но какой бы ни была правда, вся Истина вскоре шепталась о том, что Зоул — четыре-кровка, о которой говорится в пророчестве Аргаты, что Избранная пришла, чтобы отогнать лед и принести спасение! Вся остальная империя узнала об этом в течение следующего месяца. Пилигримы приходили, чтобы посидеть на страже за колоннами, даже в те дни, когда настоятельница ставила сестру у подножия Виноградной Лестницы, чтобы сказать им, что нет никакой возможности встретиться с Послушницей Зоул.

Зоул добралась до кровати и сердитым взглядом отогнала последнюю пару послушниц. На уроках Духа Сестра Колесо уже почти три года только и говорила о пророчестве Аргаты, и ей удалось заразить своим рвением значительную часть монастыря, включая большинство послушниц. По крайней мере тех, кто не знал Зоул.

— Ты заводишь друзей почти так же быстро, как и я. — Нона встала и сняла с себя рясу.

Зоул пожалала плечами:

— Никто из них не умывался кровью.

Нона опустилась на колени и принялась рыться в сумке в поисках ночной рубашки. Кеот мог на несколько мгновений исчезнуть из виду и знал достаточно, чтобы его не заметили. Нона объяснила ему, что монахини постараются сжечь его, прежде чем выбросить ее из монастыря — и с обрыва, если ей не повезет. Никто, запятнанный дьяволом, не мог оставаться в услужении у Предка, даже после того, как зараза была изгнана из него раскаленным железом. Уроки Сестры Колесо не оставляли места для сомнений на этот счет.

— Добро пожаловать в Мистик, кровать. — Дарла подошла к изножью кровати Ноны, несколько комичная в своей ночной рубашке-палатке, ее мускулистые руки торчали из коротких, отделанных оборками рукавов. — Очень милый вход.

— Я делаю все, что в моих силах. — Нона вылезла из нижнего белья и как можно быстрее натянула через голову свою ночную рубашку. В Сером дорме над ней издевались за то, что она стесняется, но она торопилась из-за Кеота. К тому же она стеснялась.

— Она угрожала убить Джоэли еще до того, как добралась до своей кровати, — сказала Дарла Зоул. — И у нее даже не было толпы, пытающейся встать у нее на пути.

Зоул подняла глаза от своей сумки, одной рукой обхватив резной зуб какого-то морского чудовища:

— Хорошо. Мне не нравится эта Джоэли.

— Ты никого не любишь, — сказала Нона.

Зоул пожалала плечами.

— Кроме того, я не угрожала убить ее.

— «Я разрушу твою жизнь», — процитировала Дарла с широкой улыбкой.

— Это в лучшем случае увечье, — сказала Нона. — И я, кажется, помню, что мой прием в Сером тоже был не слишком теплым.

Дарла сдержала усмешку:

— Это был всего лишь пинок. Джоэли гораздо опаснее. Нить-работник может испортить тебе настроение. И ей даже не нужно этого делать. У нее много друзей. Слишком многие послушницы в этом классе думают, что могут не принять обеты, а просто вернуться к своим семьям. И, когда ты начинаешь так думать, ты также начинаешь думать, как полезно иметь таких друзей, как Намсис.

— Дьявол схватил меня за язык, — сказала Нона. — Мне следовало держать его крепче.

Я сказал правду. Твоя крепость построена из таких моментов, они — камни, брошенные в колодец твоего завтра.

Заткнись.

Нона проверила кровать на наличие пауков и других желанных подарков, затем скользнула под одеяло и зевнула. Дарла рассмеялась.

— Выспись получше, Щит. — Она шлепнула ладонью по кровати. — Завтра долгий день. Теперь ты с большими девочками.

По всей комнате послушницы забирались под толстые одеяла, Алата спала одна, пока Лини не получила свидетельство о ее заслугах в Духе. Сестра Колесо, казалось, получала особое удовольствие, отказывая ей. Джоэли Намсис лежала в постели в одной смуглой коже, возможно, гордясь своим женским телом. Нона отвела взгляд. Ей будет не хватать присутствия Ары на соседней постели, достаточно близко, чтобы можно было протянуть руку и дотронуться. Она снова зевнула и устала на пляшущие на стропилах тени. В

глубине души она все еще была ребенком Серости, и, как бы ни было тепло в комнате, ей никогда не будет легко обнажаться, даже в бане. Рули научила Нону трюку пар-плетения, который она впервые показала им у провала во время фокуса луны, и, когда это было возможно, Нона надевала в бассейне паровую мантию. В такие минуты Кеот прятался у нее на левой ноге.

Тени — ничто. Лучше поговори со мной.

Заткнись.

Ты должна поблагодарить меня. Твои враги делают тебя тем, кто ты есть. Твои враги формируют твою жизнь больше, чем когда-нибудь могли бы друзья. Эта Джозели — хорошая практика.

Нона проигнорировала Кеота и стала наблюдать за тенями. Большинство послушниц с кровью марджал могли заставить их плясать под свою дудку, но такие трюки стали недоступны ей в тот день, когда она освободила свою собственную тень. В тот день, когда она запустила ее в Йишт, чтобы попытаться спасти Гессу. Она потерпела неудачу. Она потеряла и свою подругу, и свою тень, а Йишт сбежала вместе с корабль-сердцем. Сон приходил медленно, как всегда, сражаясь с гневом. В конце концов она заснула, гадая, где сейчас может быть ее тень, и ей приснилось, что она заблудилась в темных местах.

— В МИСТИКЕ МЫ используем острую сталь, — сказала Сестра Сало Зоул и Нон перекрывая звон мечей — пары других послушниц, широко распределившись по Залу Меча, сражались на песке. Она держала два обнаженных меча, выкованных скорее из железа, чем из ковчег-стали, как у Красных Сестер, но явно острых. Каждый из них имел тот же изгиб, что и сестра-меч, и был одинаковой длины, примерно с человеческую руку от плеча до кончиков пальцев. — Есть некоторые уроки, которые должны быть записаны шрамами.

Сестра Сало предложила им рукояти. Нона взяла свою, неуклюжая в новых боевых перчатках. Как и ее новая меч-одежда, рукавицы были укреплены вшитыми полосками железа. Ими не остановить каждый удар, но так уменьшается возможность пролить кровь.

— Хороший меч. — Зоул взмахнула своим, затем повела кончиком перед собой.

Нона подняла свой, обнаружив, что он тяжелее затупленных, которые им давали в Сером Класе. Она чувствовала себя неловко в меч-одежде, словно шла вброд через бассейн бани. Красные Сестры носили черн-кожу, но она была похищена из корпусов кораблей, доставивших четыре племени на Абет, и стоила больше, чем золото такого же веса. Гораздо больше. Опытная Красная Сестра должна была умереть или стать Святой, прежде чем новая получит ее доспехи.

— Начинайте спарринг. Я буду наблюдать. — Сестра Сало указала на чистый участок песка. — Не выпендривайтесь. У нас впереди серьезная и опасная работа, и я бы предпочла отправить вас в Священный Класс с тем же количеством пальцев и глаз, что было у вас, когда вы оказались в Мистике.

Нона повернулась к Зоул. Лед-девушка уже была ростом с Сестру Сало, возможно, начала проявляться ее кровь герантов. Нона осталась на голову ниже. Нона предполагала, что ей около пятнадцати, но в деревне, из которой она приехала где-то шесть лет назад, она понятия не имела, что существуют даты, и уж точно не знала, в какую из них родилась.

— А каковы правила? — спросила Нона. Кеот вопил в голове, требуя крови, и совершенно ясно высказывал свое мнение о правилах.

— Никаких убийственных выпадов. — Сестра Сало отступила назад.

— И это все? — У Ноны больше не было времени на расспросы. Зол натянула сетчатую маску на лицо и двинулась в атаку. Нона надела свою и подняла меч.

Зоул двигалась быстро, как всегда, не предлагая пощады. Сестре Сало никогда не приходилось читать девушке нотации о том, как контролировать свой темперамент. Нона не была уверена, что у Зоул он есть. Ара говорила, что если они вскроют Избранную, то внутри найдут лед.

Мир Ноны сузился до мелькания клинков и лязга железа. При такой скорости Ноне приходилось полагаться на тренировки, на память, которую сестра Сало запечатлела в ее мышцах. Даже глубже — в ее костях. Она отчаянно защищалась от более сильной девушки, остро сознавая, что лезвие, которое встречалось с ее, может нанести смертельные раны или даже что-то отрезать, причем это что-то исчезнет в мгновение ока и никогда не вернется. Зоул было бы все равно, даже если бы она отрезала до костяшек все четыре пальца с руки Ноны, держащей меч.

— Стоп! — Сестра Сало подняла руку.

Нона подняла меч, вздохнув с облегчением.

— Тебя побеждает твой страх. — Сестра Сало приколола Нону взглядом, сузив глаза. — Зоул даже не должна пытаться.

— Я не боюсь! — Рычание. И ложь. Меч-работа внушала Ноне страх, которого не было, когда она сражалась с пустыми руками. Возможно, он начался тогда, когда Раймел Таксис замахнулся на нее мечом, а усталость украла у нее скорость. Возможно раньше. Против большинства послушниц меч-работа была просто игрой, но перед лицом хунска прайм и чист-кровок ее самообладание исчезало, а в голову лезли образы бойни.

— Найди свой центр, послушница. Носи свою безмятежность, как вторую кожу. — Сало жестом велела им продолжать.

Нона нахмурилась и подняла клинок. Безмятежность никогда не помогала ей найти Путь. Именно страсть приводила ее туда. Ярость. На меч-пути, подвешенным высоко над полом в комнате за раздевалкой, она обнаружила, что ей нужно скользить, а не держаться; только так она смогла перестать падать. Там, где другие послушницы осторожно переступали, Нона бежала.

Зоул снова набросилась на нее, энергичная, безжалостная, холодная. Клинки в лязгом ударились друг о друга, и снова ударились. Безмятежность укроет страх, который мешал ей, но она также сдержит гнев, в котором она нуждалась. Нона должна была принять участие в бою всем сердцем, иначе это будет не бой, а какая-то игра. Что ей требовалось, так это правильный баланс.

Нона ударила Зоул сбоку. Лед-девушка шагнула внутрь удара, поймав запястье Ноны своими ребрами, и прижала собственный клинок к толстому воротнику вокруг шеи Ноны.

— Брейк! — Сало подняла руку. — Отрабатывайте стандартные приемы удара и парирования. И подумай о моем наставлении, послушница. Меня не зря называют Госпожой Меч...

•••

ПОСЛЕ УРОКА ОСТАВАЛОСЬ еще полчаса до бани. Нона переделалась в самую легкую из своих меч-одежд и присоединилась к другим послушницам Мистика, которые решили попрактиковаться на меч-пути.

Она обнаружила, что большая часть класса была там: половина на платформе высоко над сеткой, половина внизу, глядя на зрелище. Появилась даже Дарла, которую Нона почти никогда не видела в этой комнате. Джоэли тоже стояла в дверях внизу, наблюдая за происходящим вместе с тремя ближайшими подругами. Белокурая девушка, Меша, стояла рядом с ней, а перед ними — пол-кровки хунска Элани и Кроси, крепкие и хитрые, похожие, словно близнецы. К ним присоединилась послушница из Священного Класа. Нона часто видела, как она гуляет с Джоэли.

Нона нашла место на краю платформы рядом с Зоул и села, свесив ноги в пустоту.

— Теперь, когда ты в Мистике, ты пойдешь в лед-поход.

Зоул хмыкнула.

— Ты заметила, как они перевели нас в Мистик в один и тот же день? — Нона смотрела на Алату, шедшую по меч-пути. Она хорошо двигалась и уже преодолела половину дистанции.

— Это дело рук Колесо. Она хочет, чтобы Аргата и Щит были вместе. Она сидела на моем свидетельстве о заслугах, пока они не были готовы отпустить тебя, — сказала Зоул.

Нона прищурилась, и, словно ее взгляд стал оружием, Алата споткнулась, поскользнулась и с проклятием упала.

— Твой характер удерживал тебя там, где ты была, — продолжала Зоул, глядя куда-то в пустоту.

— Я... — Нона проглотила резкий ответ. Это было правдой. В основном. Кеот вернулся вместе с ней из Коридор-похода. Она потеряла тень, потеряла двух друзей и приобрела дьявола. Нона полагала, что она никогда не была самой кроткой из послушниц, но с дьяволом под кожей она стала дикой. Почти два года ушло на то, чтобы взять над ним верх, медленно восстановить контроль и концентрацию и, еще медленнее, доверие и уважение сестер, которые ее учили. — Не я держала тебя там, если это то, что ты думаешь.

Зоул пожала плечами. Все знали, что она уже целую вечность была готова к Мистическому Классу, но настоятельница не хотела, чтобы она участвовала в лед-походах. Настоятельница Стекло считала, что Зоул не вернется. Что еще важнее, Шерзал не хотела, чтобы она уезжала. Ее мнение имело значение в этом вопросе. Несмотря на очевидную причастность к краже монастырского корабль-сердца, сестра императора оставалась свободной и безнаказанной и обладала властью в стране. Если уж на то пошло, после кражи она еще крепче сжала хватку на инквизиции.

Еще одна послушница упала с меч-пути. Нона не поняла, кто именно.

— Тогда почему же они *позволили* тебе подняться?

— Не знаю, — казалось, Зоул это почти не волновало. Если бы Нона не встретила Таркакса, она бы вообразила, что все племена вырезаны из льда.

Зоул встала, настала ее очередь. Несколько послушниц подняли радостные крики, как будто они были паломниками, толпящимися на Скале в надежде увидеть чудо. Однако даже они смутились, когда Зоул повернулась и посмотрела на них в упор.

Нона наблюдала за продвижением Зоул, но на самом деле ничего не видела. Зоул была права в том, что в Сером ее удерживал гнев. Кеот мог раздувать пламя, но огонь был здесь до того, как дьявол пришел погреться в его середине. Четыре дьявола нашли Раймела Таксиса, пока он ждал, чтобы пересечь Путь и войти в смерть. Они нашли свой дом в его плоти. Сосредоточенная воля академиков, которым платил Туран Таксис, не позволила Раймелу присоединиться к Предку, и со временем они сделали его здоровым, но изменившимся. Но даже сила Академии не могла изгнать дьявола из человеческой плоти, если он нашел достаточно греха, чтобы закрепиться там.

Прежде, чем гигант Таксис умер, Нона вонзила ему в спину свой нож десятки раз. Возможно, даже больше: это было безумие. Трое из четырех дьяволов вернулись в пустые места, откуда дьяволы наблюдают за вечностью, но четвертый, выплеснувшись из тела вместе с кровью Раймела, скользнул через какую-то щель в Нону. Сначала он казался всего лишь алым пятном на руке Ноны, пятном, которое никак не смывалось вместе с запекшейся кровью, покрывавшей ее до локтя. Но позже, глубокой ночью, он заговорил с ней. Он назвал себя Кеот и сказал, что ни кровь, ни ярость не позволили бы ему проникнуть ей под кожу. Скорее, это было удовольствие, которое Нона получила, вонзая нож в своего врага. Это и была та щель, в которую он протиснулся.

— Твоя очередь. — Послушница хлопнула Нону по плечу.

— Что? — Нона отмахнулась от своих мыслей и встала в начале меч-пути. Другая девушка сбросила маятник.

— Посмотрим, как ты сделаешь свой трюк. — Голос Джоэли звучал снизу так, словно

она находилась в покоях своего отца, а Нона была развлечением, акробаткой, нанятой для развлечения.

Нона побежала по холодной раскачивающейся трубе. Она никогда не скользила по ней, разве что поздно ночью, когда приходила отвлечься. Жир на ее ногах делал меч-путь скользким, что вызывало вопли протеста у всех, кроме горстки послушниц, которые копировали ее подход. И все же она шла быстро. По извилистому и узкому меч-пути она бежала быстрее, чем могла бы бежать не-хунска. Скорость давала пути под ее ногами слишком мало времени, чтобы качнуться или сдвинуться. За восемь делений она достигла первого витка спирали. Скользя, Нона проделала путь внутри спирали, позволив скорости удержать ее на металле и на мгновение перевернувшись вверх ногами. Бегом она выбралась наружу и прыгнула с вершины первого витка на второй, затем на третий, нарушая правила. Прыжок на несколько ярдов с последнего витка спирали на следующую плоскую секцию был опасен, она рисковала получить травму, если промахнется и ударится о трубу.

— Жульничество! — Крик Джоэли, когда Нона взлетела.

Кеот извивался под ее кожей, обжигаяще горячий. Обе ноги ударились о перекладину, но ни одна не встретила ее идеально, а на меч-пути одна крошечная ошибка умножается с каждым шагом. Гиперкоррекция наслоилась на гиперкоррекцию, и через пять шагов Нона упала. Из нее не вылетело ни звука. Отскок сети бросил ее в воздух, и мгновение спустя она приземлилась среди зрителей, как кошка на лапы.

— Сначала ты сжульничала, а потом упала. — Джоэли встала между Ноной и дверью.

Убей ее!

Нона проигнорировала Кеота, проскользнув между Джоэли и высокой девушкой из Святого.

По крайней мере, отрежь ухо...

Нона уже взялась за ручку двери, когда Джоэли снова заговорила:

— Ты жульничала, когда убивала Раймела Таксиса?

Нона обернулась.

— Я вижу, что для того, чтобы дергать тебя за ниточки, не требуется никакой нить-работы. — На лице Джоэли играла отвратительная улыбка.

Лучше. Обязательно сделай ей шрам на лице.

— Раймел Таксис пытался убить меня в глуши. Я убила его первым.

— Вас было с полдюжины, включая Таркакса Лед-копье. Раймел пришел один. — Джоэли удалось изобразить отвращение к такой несправедливости.

— Я слышала, ей помогала какая-то герант. — Девушка из Святого Класа сморщила нос при мысли об этом, каким-то образом игнорируя то, что Раймел был почти девяти футов ростом и сначала послал своих солдат. — Эта девушка... — она щелкнула пальцами, пытаясь вспомнить имя. — Ну, ты знаешь ее... Жирная...

— Извини. — Дарла потеряла локоть в том месте, где он ударил послушницу Святого Класа по лицу. Она посмотрела на нее, расплывшуюся на полу и стонущую. — Я тебя там не видела.

Нона даже не пыталась скрыть усмешку.

— Я убила Раймела Таксиса. Он был убийцей, и я сомневаюсь, что на Абете есть много более худших людей. Если это повредило связям твоей семьи при дворе или причинило неудобство Намсис... мне все равно. — Она повернулась, чтобы уйти. — Тебе придется приложить больше усилий, чтобы спровоцировать меня, Джоэли.

— Конечно, человек, который на самом деле дергал тебя за ниточки, был здесь, пока ты в Коридоре убивала тех, кто лучше тебя.

Нона обнаружила, что снова стоит лицом к лицу с Джоэли. Она не помнила, как обернулась.

— Жаль, что она была убита в пещере, в то время как ее сообщница сбежала с корабль-сердцем, — сказал Джоэли. — Мне бы хотелось увидеть, как эта крестьянская сука утонет за свои преступления против монастыря. Как же ее звали? Хромоножка! Это было...

— Гесса. — Нона обнаружила, что прижимает Джоэли к полу. Ее алая рука обхватила горло девушки там, где Кеот обжег ее кожу. — Ее звали Гесса.

Прикончи ее! Разорви ей шею! Кеот боролся с Ноной, когда она попыталась отдернуть руку. Вокруг раздавались тревожные крики, послушницы хватали ее за плечи, но она все еще не могла отдернуть руку, хотя дрожащие пальцы, захваченные войной между ней и Кеотом, не давили на горло.

Когда Дарла подняла ее, Ноне удалось загнать Кеота в тень рукава своей рясы. Невредимое горло Джоэли выскользнуло из ее хватки, остался лишь слабый белый отпечаток пальцев, запечатлевших это событие. Глаза девушки сузились, и она начала задыхаться, схватившись за шею. Дарла вынесла Нону за дверь, и волна озабоченных друзей Джоэли сомкнулась вокруг нее. Их голоса преследовали Нону, они были так возмущены, что можно было подумать, будто Джоэли лежит распотрошенная в луже собственной крови. Последнее, что Нона увидела сквозь кольцо спин, были глаза Джоэли, ищущие ее, и легкая, но торжествующая улыбка на ее губах.

— Я СЛЫШАЛА, ТЫ завела друзей в своем новом классе. — Ара села рядом с Ноной ее золотистые волосы рассыпались по плечам.

— Как...

— Рули мне сказала. Ты же знаешь, что в Сладком Милосердии ничего не происходит без того, чтобы Рули не узнала об этом через несколько минут. Я думаю, это ее тайный талант марджал. У тебя есть когти, у Рули — магия сплетен. — Ара кивнула Рули, пересекавшей аркаду послушниц, чтобы присоединиться к ним.

— Я слышала, что ты отправила Джоэли в санаторий! — Рули тяжело опустила по другую сторону от Ноны, ряса развевалась вокруг нее, щеки покраснели от возбуждения.

— Я ее почти не тронула. — Нона нахмурилась.

Джоэли пришла в Башню Академии с шалью на шее. В коридоре перед уроком она подошла к Ноне и долго смотрела ей в глаза, бледно-зеленые глаза смотрели в черные глаза Ноны без тени страха.

— Имя Гессы так важно для тебя? И все же ты так и не пришла туда, где она умерла. Если бы ты действительно думала, что Гессу убила Йишт... разве ты бы не хотела найти ее убийцу? — Она отвернулась с легким намеком на улыбку, и ее слова эхом отозвались в голове Ноны.

Через минуту Сестра Ограда позвала послушниц в класс. Она неизбежно заметила шейный платок Джоэли и спросила об этом отступлении от формы послушницы. Джоэли хриплым шепотом, совершенно отсутствовавшим в коридоре, поведала жуткую историю о том, как ее задушили. Сестра Ограда отправила ее в санаторий на обследование и смерила Нону стальным взглядом. Сестра Правило была огромной женщиной, натягивавшей каждый шов своей рясы. Ее замена, Ограда, была невысокой и болезненно худой, ряса развевалась вокруг нее. Обе монахини управляли своим классом очень твердой рукой, но рука Правило, по крайней мере, была справедливой, и она приветствовала вопросы, ценя ум любого рода. Хотя Нона выдержала только несколько уроков Сестры Ограда, казалось очевидным, что та больше всего ценила умение повторить наизусть все, что сказала преподавательница. Она, по-видимому, считала вопросы формой глупости и противоположных идей, равносильных мятежу.

Нона оглянулась на своих подруг, сидевших на скамьях аркады:

— Действительно. Я положила руку на шею Джоэли, но сдержалась. Я не стала ее душить.

Пауза, всего лишь мгновение тишины, напомнила Ноне, что даже подругам нужно время, чтобы проглотить неправдоподобные утверждения, правдивые или нет.

— Розы не поддастся на притворный хрип, — сказала Рули. — Она скоро отправит Джоэли восвояси.

Но Джоэли так и не вернулась в класс. Она не пришла и в аркаду, где любила держать двор под растущим в центре дубом во время перерывов. Нона посмотрела на своих подруг. Они видели ее приступы ярости до того, как она возобладала над Кеотом, и это были не самые приятные сцены. К счастью, Зоул перенесла самые худшие из них на песке Зала Меча,

и никогда не жаловалась... вероятно, потому, что она обычно выигрывала бой. И даже когда Кеот глубоко вонзил свои крючки в плоть ее эмоций, Нона никогда не использовала свои дефект-клинки и не поднимала руку на послушницу, не тренировавшуюся с ней в Красном.

— Эй, старшая послушница! — окликнула ее Джула. Она склонилась над плечом Ноны, и заговорила тише: — Ты слишком велика, чтобы идти с нами «вниз»? — В последнее время она коротко стригла свои пепельные волосы. Они щекотали Ноне ухо.

— Попробуй остановить меня, — усмехнулась Нона. Джула всегда была самой книжной и законопослушной из послушниц, но с тех пор, как она обнаружила неподалеку от Пути Безмятежности потайной вход в пещеры, ее энтузиазму по поводу тайных исследований не было конца.

Дарла присоединилась к ним, протолкнувшись через собравшуюся толпу.

— О Предок, эта Сестра Ограда убьет меня своими уроками. Мне все равно, какой император захватил какую территорию.

— А следовало бы поинтересоваться! — сказала Рули. — Твой отец может получить повышение со дня на день, а генералы всегда что-то захватывают.

Дарла нахмурилась и тяжело опустилась на скамью:

— И мне все равно, какой налог вызвал какое восстание. Единственное хорошее, что произошло на этом уроке, — уход Джоэли.

— Сейчас я серьезно. — Рули отбросила в сторону водопад бледных волос и повернулась к Ноне. — Держи свой нрав под контролем. Сестра Колесо с радостью столкнет тебя с обрыва и сделает Щитом Ару. И что ты будешь делать там, в этом мире, если настоятельница придется вышвырнуть тебя вон?

Ара кивнула:

— Джоэли — это большие неприятности. На ее стороне половина преподавательниц и у нее гораздо больше друзей в монастыре, чем у тебя. И ты должна подумать о том, сколько друзей у нее снаружи. Да, им больше нравятся деньги ее семьи, чем она сама, но это не мешает им быть опасными. Намсисы обладают такими же возможностями, как и моя семья, и, если тебя выгонят из ордена, они с радостью убьют тебя, чтобы заслужить благосклонность Таксисов.

— Иногда мне хочется выйти наружу и дать им попробовать.

— Нона! — Рули выглядела потрясенной.

— Что? Это единственный способ когда-нибудь найти Йишп. Она не вернется сюда и не позволит мне ее убить. — Нона хмуро посмотрела на серое небо, которое к этому моменту уже начало темнеть. Крыши аркад напротив лежали белыми, оштукатуренными лед-ветром. Ветви центрального дуба беспорядочно раскачивались, пока ветер искал свое направление — ветер Коридора пытался восстановить себя. От холода листья дерева так плотно свернулись, что ветви казались голыми. — Джоэли плохо отозвалась о Гессе. Вот что меня достало.

— Она такая и есть. Дергает за ниточки, даже если это не нить-работа, — сказала Ара. — Она даже подружилась с Отравительницей, потому что хорошо умеет варить в горшке всякие гадости. Так что смотри, что ты трогаешь рядом с ней! И она так же легко отравляет умы. У этой девчонки есть язык. Ты сразу же поцапалась с ней не из-за невезения. Она сделала так, чтобы это произошло. Возможно, она даже была влюблена в Раймела Таксиса. И она была бы не первой Намсис, вышедшей замуж за Таксиса.

Нона, стиснув зубы, смотрела на послушниц, гулявших по усыпанному гравием двору.

Ара была права, и эта правда обожгла ее. Ею манипулировали и она поддалась, сделала так, как хотела девчонка Намсис. Ее глаза нашли Зоул, как обычно одинокую, сидящую спиной к центральному дубу, подтянув колени. Джоэли никогда не смогла бы управлять Зоул. Лед-девушка не давала ничего, за что можно было бы ухватиться. Со времени кровопролития на Хребте Дьявола, Зоул, наверное, сказала Ноне сотню фраз. Большинство из них состояло из одного слова и с разницей в несколько дней.

— Ну что, будем сегодня ночью охотиться в пещере? — спросила Рули.

— Ты что, никогда не спишь? — Дарла была явно менее увлечена, чем остальные, когда дело доходило до исследования туннелей, пронизывающих Скалу Веры.

Рули показала ей язык:

— Ну, что, делаем?

— Это опасно. — Ара сжала пальцы, показывая, что Рули следует понизить голос.

Ара имела в виду не только возможность заблудиться или пораниться. После кражи корабль-сердца Настоятельница Стекло ясно дала понять, что любые послушницы, исследующие подземелья монастыря, останутся без рясы, как не заслуживающие доверия и недостойные выйти замуж за Предка. И, казалось, в эти дни все правила соблюдаются более строго, а решимость Сестры Колесо искоренять проступки с каждым днем становится все более ревностной.

— Это единственная захватывающая вещь, которую мы делаем вне занятий Мечом. — Рули надула губы. Джула обнаружила расщелину, скрытую за одним из многочисленных поворотов Пути Безмятежности, но именно Рули убедила послушниц, что пещеры, к которым она вела, были просто пещерами, не находились прямо под монастырем и, следовательно, не являлись подземными пещерами монастыря. На этом основании они и начали свои исследования. Если их обнаружат, то, несомненно, накажут, но не выбросят в мир. Кроме того... их никто не обнаружит!

— Я... — Беспокойство пробежало по Ноне; у нее не было другого мира, кроме Сладкого Милосердия, ей некуда было возвращаться, она всегда была одной из них, кто мог потерять больше всего. — Может быть, нам не стоит... — она увидела в окне над галереей чье-то лицо. Джоэли? Наблюдает за ней? Улыбаясь ртом, который запятнал имя Гессы. Нона знала, что на поверхности Скалы она не найдет никаких следов пребывания Йишт. И Джоэли была права. Нона подвела подругу. Три долгих года Нона боролась за то, чтобы подчинить себе Кеота, и чудовищная сложность задачи — найти справедливость для Гессы — удерживала ее от действий. Возможно, в пещерах действительно было что-то, что могло бы помочь. Может быть, им удастся найти проход в подземелье монастыря. Она была обязана посетить место, где умерла ее подруга. Может быть, Гесса оставила Ноне какую-то зацепку, которая могла бы привести ее к убийце. Даже в двенадцать лет у Гессы было мало равных в нить-работе, и, купаясь в силе корабль-сердца, она могла творить чудеса. — О, черт, давайте сделаем это!

На тыльную сторону ладони Ноны упала дождевая капля. Крупная дождевая капля, почти замерзшая. Через удар сердца капли защелкали вокруг них. Все послушницы, как одна, бросились под защиту галерей, а за ними разверзлось черное небо, обрушивая дождь так, словно каждая капля должна была стать смертельной. К тому времени, как Нона снова посмотрела на окно, за которым стояла Джоэли, дождь уже закрыл его занавеской.

Сестра Ограда застала Нону с подругами, которые, сбившись в кучку, наблюдали за ливнем.

— Ты должна предстать перед монастырским столом сегодня вечером в восьмой колокол, это Ферра, а не Брей. — Она стояла и смотрела на Нону с легким отвращением, ее ряса была вся в капельках воды.

— Но почему? Что она натворила? — Генна, маленькая и темноволосая, пробиралась сквозь толпу послушниц Красного Класса.

Сестра Ограда не сводила глаз с Ноны:

— Настоятельница не одобряет послушниц, которые пытаются убить других послушниц.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА СТЕКЛО

— ЕСТЬ ЕЩЕ КАКИЕ-НИБУДЬ дела, прежде чем мы пригласим судью подать прошение? — Настоятельница Стекло оторвалась от своих записей. Монахини, сидевшие по обе стороны длинного стола, посмотрели на нее в ответ. Все, кроме Сестры Чайник, которая заносила последний обсужденный пункт протокола в гроссбух. В комнате под скрипториумом хранились кипы таких гроссбухов, заполненных протоколами, они образовывали доходившие до потолка колонны, уходившие в заплесневелый мрак. На чтение протокола надо минуты, которые складываются в часы, недели, десятилетия. Никогда не будут прочитаны. Но власть должна оставлять за собой след, иначе как ее будут привлекать к ответственности, а без проверок, хотя бы потенциальных, власть, как и любая сила, развращает. — Другие дела?

— Нона Грей. — Сестра Ограда положила на стол руку. Она была, как и все остальное в ней, чуть больше, чем кожа и кости, с длинными зазубренными ногтями на концах.

— Опять? — Настоятельница Стекло вздохнула и согнула свою руку. Несмотря на все масла и мази Сестры Розы, шрам от ожога на ладони оставался окостенелым, позволяя лишь ограниченные движения. В такие минуты она позволяла отголоскам старой боли напоминать ей, что именно Нона спасла ее от огня.

— Опять. — Сестра Ограда склонила голову, ее ногти впились в дерево стола.

— Неужели? — Настоятельница Стекло невзлюбила сестру Ограда сразу же после ее прибытия из монастыря Молчаливая Преданность, но к тому времени Сестра Правило уже ушла в годичный отпуск, и никто другой не мог преподавать Академию всем четырем классам. Кроме того, у Ограды были и другие качества, которые требовались Стекло, и не нужно было любить чьи-то качества характера, чтобы, на них играть. — Расскажите мне.

— Она напала на Послушницу Джоэли и чуть не искалечила ее через несколько часов после того, как поступила в Мистический Класс. — Костлявая рука на столе превратилась в костлявый кулак. Пламя свечей подпрыгнуло, как будто Сестра Ограда ударила по дереву, и подсвечники задрожали.

— Странно, что Сестра Шпиль не обратила на это моего внимания. — Настоятельница Стекло вопросительно посмотрела на монахиню. Новая классная наставница Ноны была еще одним недавним пополнением монастыря, молодая Святая Сестра, вернувшаяся после трехлетнего служения больным на дальних границах епархии Архонта Анасты.

— Сестра Шпиль ничего об этом не знала. — Сестра Шпиль подняла бровь и перевела взгляд на Сестру Ограда.

— Девочка пришла ко мне по секрету. — Сестра Ограда кисло скривила губы. Семья Ограды была очень незначительной ветвью древа Намсис, и она уже обращалась к настоятельнице с прошением от имени Послушницы Джоэли.

Настоятельница нахмурилась, гадая, что такое «чуть не искалечила».

— И что вы предлагаете нам сделать? — Она видела перед собой свое дыхание. Белые руки потуже натянули мантию. Холод никогда не покидал зал; трубы отопления замерзали с тех пор, как было захвачено корабль-сердце. — Вы уже придумали ей наказание, сестра?

— Перевести девочку из послушниц в помощницы, — без колебаний ответила Сестра

Ограда. — Именно этого она и заслуживает. По крайней мере, ее нужно вернуть в Серый Класс и выпороть перед куполом Предка.

— Я голосую за то, чтобы ее выпороли, а потом превратили в помощницу. — Сестра Колесо наклонилась вперед, поставив локти на стол. — Или изгнали.

— Может быть, мы сначала выслушаем какие-нибудь доказательства, сестра? Прежде чем перейти к вынесению приговора. — Настоятельница подняла руку, чтобы предупредить ответ Колесо. — Кто-нибудь догадался позвать девочек? — Она отпила из стоявшей рядом чашки, жалея, что вода не вино.

— Я видела, как они ждали в коридоре. — Сестра Яблоко пришла поздно и сидела в дальнем конце стола.

Настоятельница Стекло указала на дверь. Лед бушевал уже три года подряд, все народы Коридора плотно прижались к своим границам, готовясь к войне, и вот она сидит здесь, разбираясь в ссорах детей.

Шаги Сестры Яблоко эхом отдавались в пустом коридоре. Она что-то сказала младшей монахине снаружи, и через несколько мгновений в комнату, прихрамывая, вошла Джоэли Намсис, держась одной рукой за горло, ее светлые волосы были в беспорядке. Нона Грей вошла следом за ней. Она выглядела в два раза больше болезненно худой бродяги, которую настоятельница привезла из Истины более пяти лет назад. Ее пугающие черные глаза, казалось, бросили вызов каждой монахине по очереди. Теперь она догнала по росту нескольких из тех, кто сидел за столом, все еще стройная, но Настоятельница Стекло знала, что тело под рясой было обвито мускулами. Настоятельница нахмурилась, увидев, в каком состоянии волосы Ноны, короткие и колючие, такие же черные, как и ее глаза. Попытки приручить их на протяжении многих лет не увенчались успехом.

Настоятельница Стекло кивнула Сестре Шпиль.

— Не могла бы ты вкратце изложить твою жалобу, Послушница Джоэли?

Джоэли выглядела так, словно только решимость удерживала ее в вертикальном положении, она буквально обвисла вокруг неопределенных повреждений. Она подтащила больную ногу на шаг ближе к столу и заговорила надтреснутым шепотом, держась за шею.

— Я наблюдала за классом на меч-пути. Новая девушка упала и, похоже, решила, что это моя вина. Она повалила меня на землю и попыталась убить.

— Послушница Нона? — Сестра Шпиль вопросительно посмотрела на нее.

— Я действительно сбила ее с ног. Если бы я попыталась убить ее, она была бы мертва.

Сестра Шпиль нахмурилась. У нее были грубые черты лица, не беззлые, испорченные ожогом, который тянулся через весь лоб и вниз по щеке.

— Послушница Джоэли, как Послушница Нона пыталась убить тебя?

— Она... — Джоэли подавила рыдание. — Она душила меня. Она сказала, что убьет меня. Она сказала это еще до того, как выбрала себе постель! И... и потом она обхватила руками мое горло и... — Еще один всхлип. — Им пришлось оттащить ее от меня.

— Это правда, Послушница Нона? — спросила Сестра Шпиль.

— Это была одна рука. На несколько секунд. Но, да. — Нона нахмурилась, яростно глядя в землю.

— И как долго, по-твоему, тебя душили, Послушница Джоэли?

— Я... может быть, несколько минут. Через некоторое время я потеряла сознание.

Сестра Колесо стукнула кулаком по столу, и тени заплясали:

— Любой период времени, который одна послушница тратит на то, чтобы задушить

другую, слишком велик. Что мы вообще обсуждаем? Снимите с ее рясу. Она никогда не будет достойна своих обетов. Послушница Арабелла может принять испытание Щит и служить Аргате вместо нее.

Высоко над ними задребезжали ставни — лед-ветер набирал силу. В эти дни всегда казалось, что нет ничего, кроме лед-ветра.

Настоятельница Стекло устала на двух послушниц. Она знала, что Джоэли склонна к манипуляциям и злобе, не в силах забыть привилегии своей семьи. С другой стороны, она была квантал прайм с редким мастерством в работе с нитями и опытной отравительницей, в придачу. Нона, конечно, была слишком драгоценна, чтобы Церковь могла ее потерять: трикровка, быстрая, как дьявол, и с соответствующим характером. Настоятельница не теряла девочку из виду, но Нона могла просто сделать невозможным свое пребывание в ордене. Если она намеренно ранила другую послушницу, то сделала то единственное, что могло заставить Сестру Розу согласиться с Сестрой Колесо. Сестра Роза потратила слишком много времени на восстановление тел, чтобы простить преднамеренный и неоправданный вред, причиненный в гневе. Она не позволит вложить тренировочный клинок в любую руку, которая может покушаться на жизнь другой послушницы. Вместе обе старшие сестры могли взять верх над настоятельницей.

Сестра Шпиль нахмурилась:

— У тебя есть что сказать в свое оправдание, Послушница Нона?

— Я не пыталась ее убить. Я едва сжала ей шею.

Джоэли выпрямилась, убрала руку с подбородка и опустила воротник своей рясы. По обеим сторонам ее горла виднелись багровые синяки, свидетельствовавшие о глубоко вдавленных пальцах, черные отпечатки которых окружал ореол пожелтевшей плоти. Сестра Колесо резко втянула воздух. Сестра Ограда в ярости стукнула кулаком по столу:

— Вот! Это работа того, кому нет места в нашем ордене.

Настоятельница Стекло почувствовала, как прилив переменился. Она возглавляла монастырь, где десятки послушниц могли творить чудеса, некоторые двигались быстрее мысли, некоторые сплетали тени или огонь, а некоторые шли по Пути Предка, возвращаясь с него эхом божественной силы. И все же, если бы у нее был выбор, она бы ни за что не променяла на любой их них свой талант, подаренный ей Предком. Люди были волшебством и тайной, независимо от того, были ли они низкого происхождения или высокого, независимо от того, погружали ли они руки в землю или в заклинания, независимо от того, были ли они гениями или дураками. Мало кто видел сквозь лица, сквозь статус, сквозь то, что люди говорили, видел то, что они имели в виду. Настоятельница Стекло знала, что она не заглядывает далеко в загадку, но она видела дальше, чем большинство, и это давало ей преимущество. Лезвие было настолько острым, что большинство из тех, кого она резала, даже не знали об этом, пока не становилось слишком поздно. И сейчас дар подсказывал ей, что комната сдвинулась и Нона стоит на краю.

Сестра Роза, сидевшая напротив Сестры Колесо, опустила голову, плотно сжав губы и нахмутив брови.

— А свидетелей нет? — спросила сестра Чайник, отрываясь от записи. На нескольких лицах отразилось удивление. За десять лет после принятия обета Сестра Чайник никогда не говорила за монастырским столом — это было не ее дело. Она приходила записывать, а не говорить, но не так давно вернулась с долгой и трудной миссии, так что можно было простить ее оплошность.

— Есть много свидетелей! — Сестра Ограда просияла, показав узкие зубы в узкой улыбке. — Позвольте мне...

— Джоэли — очень популярная послушница. — Настоятельница Стекло перебила Госпожу Академия. — Многие из девочек поддаются влиянию личной преданности, превращая подозрения в факты.

— Вы хотите вызвать вместо них подруг обвиняемой? — спросила Сестра Ограда.

— Нам нужен свидетель, который удовлетворит всех нас как беспристрастный и правдивый. — Настоятельница изучала поверхность стола, лежащего между ее распростертыми руками, как будто такая надежда была невозможна.

Сестра Колесо заглотила наживку.

— Избранная была там! — Она торжествующе огляделась.

Сестры Сало и Чайник подавили многострадальные вздохи.

— Тогда пусть это будет Послушница Зоул. — Настоятельница кивнула Чайник, и та поспешила к двери. — По крайней мере, никто не может обвинить ее в том, что она дружит с любой из сторон. Или с кем-то еще. Нона и Джоэли могут подождать снаружи.

Чайник проводила их до двери и вернулась к столу, послав за Зоул. Тени паутиной цеплялись за монахиню, когда она шла. Они усеивали ее лицо, как будто были пятнами, бегущими по коже. Когда Яблоко привезла Чайник обратно, раненую и изменившуюся, за столом не было ни одного человека, который бы считал, что в монастыре все еще есть для нее место, не сейчас, когда она ходила в темноте, как ной-гуин. Это был долгий спор. Долгая ночь и еще более долгое утро. Но в конце концов Стекло подтолкнула сестер к нужному ей решению.

— Вы же знаете, что для Ноны нет безопасного места, если она покинет этот монастырь. — Сестра Яблоко обращалась к столу в целом, избегая смотреть на Сестру Колесо и Сестру Шпиль. — Мы больше поколения ждали послушницу три-кровку, а теперь вы хотите отправить ее к нашим врагам из-за драки с девушкой, которая никогда не забывала, что родилась Сис. Одна половина Джоэли — злоба, а вторая — привилегии.

— Она член нашей общины сестер! — Колесо сердито посмотрела через стол. — И она была почти убита, находясь под защитой Предка.

— Покушение на убийство карается печью. Тогда она не будет представлять для нас никакой опасности. — Сестра Ограда говорила легко, как будто это не имело никакого значения. — Она не попадет ни в чьи руки.

— В Сладостном Милосердии мы скорее топим, чем готовим, — сказала настоятельница без тени юмора. — И нам удавалось избежать смертной казни в течение нескольких десятилетий. Я не собираюсь начинать сегодня все сначала.

Громкие голоса в коридоре привлекли их внимание к двери. Настоятельница Стекло взмолилась, чтобы послушницы больше не дрались. Спор становился все ближе, и она расслабилась, услышав жалобу мужчины. Короткий стук в дверь, и жаркий спор за дверью продолжился.

— Войдите!

В комнату ворвалась Сестра Ведро.

— Он не хочет слушать! Я же велела ему остаться! — Она надела одежду сестры всего два года назад, и для Настоятельницы Стекло по-прежнему выглядела ребенком. Требовалось усилие, чтобы не назвать ее Послушницей Сулери. За ней шла Зоул, взиравшая на мир с беспристрастной неприязнью; ее рясу облепили пятна льда. За спиной Зоул стоял

высокий седовласый мужчина в плотном бархатном одеянии.

— Ирвон! — Настоятельница Стекло встала, чтобы приветствовать судью. Остальные монахини последовали ее примеру, сестра Роза с трудом, слишком долго она просидела и весила в три раза больше, чем следовало бы.

Молодой человек, обремененный книгами законов, поспешил к судье, чтобы представить его:

— Судья Ирвон Галамсис передает настоятельнице монастыря Сладкого Милосердия свои приветствия и поздравляет ее по случаю девяносто седьмой годовщины победы императора Ройана Антсиса над восставшими пеларти.

— А, это. Как мы могли забыть? — Настоятельница Стекло расплылась в улыбке, превратив ее в самую искреннюю имитацию, какая только была в ее распоряжении. — Ирвон! Как приятно снова получить удовольствие от вашего общества. Сколько прошло... три года?

— Простите за вторжение, дорогая настоятельница. — Ирвон склонил голову в поклоне. — Но, увидев приход молодой леди, ради которой я проделал весь этот путь, я почувствовал, что должен быть услышан.

Настоятельница Стекло на мгновение подумала о том, чтобы выпроводить судью из зала, возможно, даже из монастыря, но это было бы дорогим удовольствием. Лучше отдать маленькую победу в виде места за монастырским столом, чтобы компенсировать ожидающую его потерю. Она указала на свободный стул, и помощник выдвинул его для судьи.

— Встань в конце стола, Послушница Зоул. — Настоятельница Стекло указала место, прежде чем взглянуть на Сестру Ведро. — Верните Нону и Джоэли, сестра.

Обвиняемая и обвинительница вернулись в зал через минуту после того, как младшая монахиня вышла. Сестра Яблоко вытянула шею, чтобы посмотреть на Джоэли с особым вниманием, ее глаза сузились. Дальше за столом Сестра Сквородка кашляла и бормотала что-то о холоде.

— Послушница Зоул, что вы можете рассказать нам об утреннем происшествии на меч-пути? — Настоятельница Стекло одарила девушку теплой улыбкой, зная, что она не получит ее обратно.

— Послушница Джоэли обвинила Послушницу Гессу в том, что она помогла Йишп украсть корабль-сердце, — сказала Зоул. — Нона сбита ее с ног.

— Я бы сама хотела сбить ее с ног, — сказала Настоятельница Стекло.

— Я бы так и сделала. — Сестра Сало бросила на Джоэли суровый взгляд. — Без всяких «хотела».

— А потом Нона ее задушила! — воскликнула Сестра Ограда.

Зоул покачала головой:

— Она держала Джоэли за шею. Не душила.

Сестра Колесо раздраженно фыркнула, но не смогла заставить себя возразить Избранной.

Сидевшая рядом с ней Сестра Ограда злобно посмотрела на Нону, затем подняла руку в сторону Джоэли:

— Конечно, ее душили! Вы можете увидеть это!

— Нет. — Зоул снова покачала головой. — Этого не было.

— Но эти синяки! — Сестра Ограда стукнула кулаком по столу. — Ты думаешь, мы

слепы?

— Доказательства действительно кажутся убедительными. — Ирвон кивнул, и отблески свечей блеснули на золотом обруче вокруг его волос.

Зоул пожала плечами.

— Это чепуха. — Ограда оглядела сидящих за столом. — Мы должны проголосовать, и тогда настоятельница примет решение.

Настоятельница Стекло надула щеки. Были только два голоса, которые имели значение, остальные она могла отменить, но, если две старшие сестры монастыря объединятся против нее, дело придется передать архонтам или первосвященнику. Такое публичное несогласие ослабит ее позиции, и Нона, скорее всего, будет признана виновной в любом случае:

— Тогда давайте проголосуем.

— Виновна. — Сестра Ограда сложила руки на груди.

— Невиновна. — Сестра Яблоко нахмурилась, все еще наблюдая за послушницами.

— Я воздерживаюсь, — Сестра Сквородка съежилась в своем поход-пальто, которое она никогда не снимала в эти дни.

— Невиновна, — сказала Сестра Сало. — Если бы Нона хотела убить девочку, она бы отрубила ей голову.

Как Госпожа Дух, Сестра Колесо могла голосовать первой вместе с другими учительницами, но как старшая сестра она также могла голосовать последней. Она помахала рукой монахиням класса, чтобы те проголосовали.

— Виновна. — Сестра Дуб, руководительница Красного Класса, опустила глаза.

— Виновна. — Сестра Очаг заменила Сестру Кремень на посту классной наставниц Серого и стала свидетельницей худших приступов ярости Ноны, когда та пыталась контролировать Кеота.

Сестра Шпиль, казалось, не хотела говорить, но наконец произнесла тихим голосом:

— Виновна.

— Невиновна. — Сестра Вилка из Священного Класса ободряюще улыбнулась Ноне.

— Сестра Колесо? — спросила Настоятельница Стекло.

— Я... — Старшая монахиня вытаращила на нее глаза, сжимая и разжимая челюсти. — Я уверена, что Избранная рассказала нам, что она видела... но... — Слова, казалось, ранили ее. — Возможно, она видела не все. И эта послушница виновна во многих преступлениях. Поэтому я говорю: виновна.

— Сестра Роза?

Сестра Роза с несчастным видом заерзала на стуле.

— Жаль, что ты не пришла ко мне, Джоэли. У меня есть целебные мази, которые могли бы помочь твоему бедному горлу. — Она посмотрела на настоятельница, ее карие глаза блестели. — Мне очень жаль... но я не могу санкционировать такой уровень насилия по отношению к другим послушницам, особенно со стороны той, кто обладает таким боевым талантом. Что будет дальше? Я...

— Джоэли не пришла к вам? — спросила Настоятельница Стекло. Это было совсем не похоже на Джоэли Намсис. Девочка могла отправиться в санаторий с занозой и остаться там неделю. Особенно если она сможет свалить вину за занозу на кого-то другого.

— Да, не пришла. — Сестра Роза бросила на послушницу сочувственный взгляд. — Это было неразумно с моей стороны. Нельзя было ожидать, что она выдержит ледяной ветер в таком состоянии. Но если бы она прислала весточку, я бы пришла к ней. Сестра Ограда

действительно должна была сказать мне.

— Почему ты не хотела, чтобы тебя осмотрела Сестра Роза? — Сестра Яблоко встала со стула и подошла к Джоэли.

— Я не хотела беспокоить...

— Зато теперь ты беспокоишь всех нас, Джоэли. И ты побеспокоила Госпожу Академия до обеда. И все же ты не явилась к нашей милой Розе, чтобы облегчить свои страдания? — Она обошла вокруг послушницы, разглядывая ее шею. — Покажи мне свои руки.

Джоэли инстинктивно спрятала их в карманы своей рясы. Яблоко протянула руку, взяла ближайшую ладонь и потянула ее к своему лицу ладонью вверх.

— Идем. — Она подвела послушницу к столу, протянув руку к свечам. — Видите?

— Я вижу четыре пальца и большой. — Судья Ирвон подавил зевок.

Сестра Яблоко не обратила на него внимания:

— Вот это желтое пятно. Вы видите его?

Настоятельница Стекло подалась вперед. Пальцы девушки были бледно-желтыми тут и там, цвет почти исчезнувшего старого синяка.

— Подлесник и жгуч-хлопок. Тщательное приготовление с щелочной основой дает мазь Ульхена. — Сестра Яблоко отпустила руку Джоэли.

Сестра Роза отодвинула стул и подошла посмотреть.

— Она играет определенную роль в лечении некоторых хронических заболеваний кожи, но нужно быть довольно отчаянным, чтобы использовать его. Основной побочный эффект — большие синяки. — Она отступила назад и посмотрела Джоэли прямо в лицо. Послушница опустила голову. — О, Джоэли! Ты же этого не сделала?

— Она душила меня, — тихо и неуверенно проговорил Джоэли, глядя на свои руки.

— У меня есть пилюля, которая скоро вытянет из тебя правду! — Сестра Яблоко повернулась и направилась к двери.

— Оставайтесь. — Настоятельница подняла руку. — Зелья и пилюли не играют никакой роли за столом монастыря. У нас нет ни доказательств их точности, ни санкции Церкви, разрешающей полагаться на них. — Она проигнорировала поднятые брови Яблока. Иногда энтузиазм монахини по поводу ее собственных изобретений брал верх над здравым смыслом. Такие карты не должны были раскрываться или разыгрываться перед послушницами и аудиторией вроде Ирвона Галамсиса. — Я скажу, однако, что невозможно приговорить Послушницу Нону к какому-либо суровому наказанию на основании того, что мы видели и слышали. Обе вы, девочки, останетесь в монастыре в седьмой дней, и ни одна из вас не будет обедать до следующего седьмого дня. Если между вами еще будет ссора, я попрошу Сестру Сало сломать металл-иву. Теперь идите. И считайте, что вам повезло! Бегом!

Послушницы поспешили к двери.

— Не ты, Зоул.

Когда две других исчезли за дверью, Зоул обернулась. На мгновение показалось, что она раздумывает, стоит ли подчиниться. Затем, пожав плечами, она закрыла дверь и вернулась к столу.

— Итак, перейдем к вашим делам, Ирвон, — сказала Настоятельница Стекло. — Вы пришли с прошением относительно Послушницы Зоул.

— Действительно. Я снова пришел, чтобы вернуть послушницу. — Он склонил голову, полный серьезности, сверяясь с записями, которые положил перед ним помощник. Стекло всегда забавляло, как сильно судья похож на статуи и изображения, которые еретики

Скифроула ставили Предку; грива седых волос и похожий на клинок нос делали его скорее воплощением мудрости, а не самым коррумпированным из трех судей Верховного суда Истины. Ирвон откашлялся: — К счастью, на этот раз послушница должна быть возвращена в лоно своей любящей семьи, а не на виселицу.

— И любящая семья, о которой идет речь, это...

— ...наша уважаемая королевская семья! — Ирвон улыбнулся. — Юная Зоул должна быть возвращена Дому Лансисов, в объятия своей матери, достопочтенной Шерзал.

Негромкое рычание пробежало по всему столу. Сестра Колесо изо всех сил пыталась сдержать свой гнев, но ей это не удалось:

— Аргата принадлежит Церкви! Она не королевская игрушка!

Судья не сводил глаз с Настоятельницы Стекло, не обращая внимания на вспышку гнева Колесо.

— Сестры императора имеют постоянные приглашения посетить монастырь в любое удобное для них время, — сказала Настоятельница Стекло. — Я была бы рада обсудить этот вопрос лично с Шерзал.

Ирвон выдавил из себя улыбку и развел руками:

— Боюсь, что достопочтенная Шерзал не уверена в том, как ее встретят после того, как при дворе распространилась дикая клевета о... несчастной утрате монастыря.

— Конечно, она была бы еще более желанной гостьей, если бы приехала с украденным у нас корабль-сердцем. Но вряд ли мы возьмем в плен сестру императора или поднимем на нее руку, не так ли, Ирвон? Мы — невесты предка, присягнувшие миру. — Она указала на суровые лица сидящих за столом. Сестра Сало, в частности, выглядела не более чем в мгновении ока от убийства кого-нибудь.

Ирвон оглядел сидящих монахинь, нервно нахмурившись:

— Может быть, и так, настоятельница. Однако Шерзал имеет полное право потребовать возвращения своего ребенка.

— Подопечной, — поправила ее Настоятельница Стекло.

— Приемной дочери.— Удочерена *in absentia* ^[1]? Она была ее подопечной, когда приехала.

— Недавнее событие, — признал судья. — Но совершенно законное. Зоул является наследницей Шерзал. Обучалась в ее дворце в течение нескольких лет, прежде чем быть вверенным вашим заботам до того времени...

— До того времени, пока я не сочту нужным освободить ее от присяги.

— До того времени, пока Шерзал, родитель и опекун Зоул, не потребует ее возвращения. — Ирвон повернулся к своему помощнику, который уже раскрыл верхнюю книгу на странице, помеченной ленточкой.

— Да. Да, — Настоятельница Стекло отмахнулась от этого вопроса. — И снова, Ирвон вы пришли к нам с вопросом, который вполне подпадает под церковное право. Шерзал должна сообщить обо всех своих проблемах первосвященнику Невису, и они будут решаться по надлежащим церковным каналам.

— Сейчас неподходящее время для того, чтобы навязывать церковные законы светским, настоятельница. — Судья пожал плечами под своей мантией.

— Одно не пересекается с другим, судья. — Настоятельница Стекло снова потянулась за водой, во рту у нее пересохло. Ирвон Галамсис, может быть, жаден и лишен морали, но не глуп. После трех лет сужения, Коридор наполнился слухами о новых войнах. Когда лед

продвигается вперед, кто-то должен отдать свою землю. В такие плохие времена императору не вредно напомнить, что некоторые из самых смертоносных ресурсов империи не находятся его контролем, но должны быть одолжены для его цели через добрую волю Церкви. — Каждый закон имеет свою собственную область, где он применяется без оспаривания со стороны другого.

— Потянувшись за церковным правом, можно обжечь пальцы... — Судья задержал взгляд на правой руке Настоятельницы Стекло. — Во всяком случае, мне казалось, что по церковному праву вопрос о семейных правах в сравнении с монастырской властью над послушницами несколько спорен. Вы действительно хотите забрести на эту территорию?

— Что-нибудь еще, судья?

Судья Ирвон откинулся на спинку стула, его лицо оставалось бесстрастным, если не считать жесткого блеска в глазах:

— Достопочтенная Шерзал очень настаивала, чтобы Зоул не выходила на лед ни в одном из упражнений, которые могут предпринять ваши послушницы. Я уверен, что мы все можем согласиться с этим. В конце концов, никто из нас не хочет потерять ребенка.

Настоятельница взглянула на Зоул, которая стояла так бесстрастно и неподвижно, что требовалось усилие, чтобы вспомнить, что она вообще здесь:

— Шерзал сказала нам, что Зоул была единственным выжившим из города Итис на границе империи со Скифроулом. С чего бы ей подвергаться какой-то особой опасности на льду?

Судья прищурился:

— Она провела свои ранние годы во льдах и, к сожалению, провела много времени в обществе преступницы Йишт, которая украла корабль-сердце Сладкого Милосердия. Возможно, она захочет вернуться в племя своих родителей на льду или искать племя Йишт из-за какой-нибудь неуместной привязанности к беглянке. — Он повернулся на стуле лицом к Зоул. — Я уверен, что ты хочешь сменить свою одежду на что-нибудь более модное и присоединиться к Шерзал в ее дворце, не так ли? Скоро будет грандиозный прием. Шерзал имеет захватывающие планы и хочет, чтобы ты была их частью!

Зоул посмотрела на судью без всякого выражения:

— Здесь есть много вещей, которые мне еще предстоит выучить.

— Но у Шерзал есть для тебя учителя, дитя! Сафира ждет, чтобы возобновить ваши тренировки с оружием, а Шерзал может вызвать инструкторов из самой Академии!

— Я попрошу совета у настоятельницы, — сказала Зоул.

— И я его дам. — Стекло спрятала свое удивление и положила обе руки на стол. — А теперь, Ирвон, у вас есть еще какие-нибудь дела для обсуждения?

Судья покорно покачал головой:

— Это плохое решение, настоятельница.

— Тем не менее.

И с этим толчком Настоятельница Стекло начала новую игру, одна костяшка домино упала на другую. Так много костяшек упадет, так много шансов потерпеть неудачу. Никто, кроме нее, еще не понимал этой игры, но это не означало, что она выиграет ее. Дрожь страха пробежала по ее телу. Но лед давил с обеих сторон, и где-то высоко над ними луна продолжала падать. Пришло время сделать ход.

ВТОРУЮ НОЧЬ В дормитории Мистика Нона пролежала без сна, думая, что никогда не уснет. Джоэли вернулась к своим друзьям, а потом легла спать, ничего не сделав, только бросив на Нону суровый взгляд. И все же, когда лампы погасли, Нона свернулась под одеялами, гадая, не роется ли девушка под покровом темноты в сумятице ее мыслей, ища свободные нити, за которые можно было бы потянуть.

Как бы долго Нона ни ворочалась с боку на бок, прежде чем ее захватили сны, ей не хватило времени увидеть возвращение Зоул. Утром лед-девушка встала рано и уже вышла из комнаты, когда Нона откинула одеяла.

Нона, наконец, поймала ее за завтраком, заняв свое место рядом с Зоул, которая сидела, опустив голову, и ела со своей обычной самоотверженностью, словно это была рутинная работа, которую нужно было выполнить как можно быстрее. Нона взяла вилку и посмотрела на полные и дымящиеся миски, выстроившиеся в ряд на середине стола.

— Ты меня не видела. — Она понизила голос, наклонившись к Зоул. — Ты не видела, что произошло в комнате меч-пути.

— Да.

— Но ты же сказала монастырскому столу, что видела...

— Нет.

— Но ты же сказала...

— Я сказала им, что ты не душила девушку.

— Но ты же не видела...

— Ты склонна ко лжи? — Зоул подняла глаза от своей овсянки.

— Нет...

— Настоятельница говорит, что слова — это шаги по пути, главное — попасть туда, куда идешь. — Зоул пожала плечами и вернулась к овсянке.

Нона поколебалась, потом заговорила:

— Это потому, что я спасла тебе жизнь, когда Раймел...

Зоул проглотила кашу.

— Моя жизнь была в опасности только из-за твоих действий.

— Что? Я спасла...

— Если бы ты убила Раймела Таксиса с первой попытки, я бы не лежала отравленная в пещере. Ты должна была отрубить ему голову.

Нона откинулась на спинку стула. Зоул уже много лет не говорила ей столько слов подряд, а может быть, никогда. На Сером столе Ара и Рули смеялись над Джулой, которая, похоже, демонстрировала ложкой нож-движения. Нона усмехнулась. Будет хорошо, если они присоединятся к ней в Мистике. Ночью она будет чувствовать себя в бóльшей безопасности в одной комнате с Джоэли Намсис, если Ара будет на соседней кровати.

— Тебе следует прятать его получше. — Зоул отодвинула свою миску.

— Извини? — Нона отвернулась от своих подруг.

— Ты ведешь себя неосторожно. Тебе не хватает контроля. Я видела его на твоих запястьях, когда мы сражались, и на твоей шее, когда ты визжала.

— Я не визжу!

— Как призрак-сова.

— Я... — Нона вдруг поняла, что сейчас не самое главное, визжит она или нет. Она понизила голос, глядя в темные глаза Зоул: — Ты не знаешь, о чем говоришь! Ты ничего не видела!

Зоул пожала плечами:

— На льду мы знаем *клаулату*. И мы не бежим от них, крича «дьяволы», как вы, жмущиеся в Коридоре.

Нона с трудом удержалась, чтобы не сказать, что Зоул жалась вместе с ними по меньшей мере последние пять лет:

— *Клаулату*? Ты знаешь, как от них избавиться?

Кеот поднялся вдоль ее позвоночника. *Я могу уйти только тогда, когда ты умрешь.*

Зоул встала.

— Это возможно, но трудно. Лучше уж жить с ним. Они из Пропавших, ты это понимаешь? Кусочки Пропавших, которых те бросили перед тем, как пересечь Путь. — Она ушла, оставив Нону с открытым ртом.

— Похоже, ты выудила из Аргаты больше трех слов! — Дарла тяжело опустилась на стул рядом с Ноной и принялась нагружать едой свою тарелку.

— Ну, я же *ее* Щит! — Нона тоже потянулась за едой. Она считала делом чести всегда есть больше, чем Дарла, а аппетиту Дарлы позавидовало бы большинство медведей.

— Сегодня первым Путь, — проворчала Дарла. Она взяла три копченых сельди.

— Не так уж плохо. — Нона взяла четыре.

— Для тебя, может быть. Для меня это выбор — я могу медитировать до тех пор, пока мой мозг не польется из ушей, или отпроситься, чтобы посмотреть, смогу ли я пройти четыре шага по меч-пути.

Нона нагребала яйца и хранила дипломатичное молчание. Дарла обладала худшим чувством равновесия, чем любая послушница в монастыре. По крайней мере уроки Пути для тех, у кого была кровь квантал, состояли не только из охоты за безмятежностью, ясностью и терпением. Под пристальным руководством Сестры Сковородка Нона проводила время гораздо более интересно, но каждая попытка добраться до Пути напоминала о дне смерти Гессы. После потери корабль-сердца выход на Путь, который всегда был испытанием, превратился в подвиг почти невозможной сложности. В тот день, когда Нона сражалась с Раймелом, глубина ее гнева или привязанность к Гессе, которая была так близко к корабль-сердцу, позволили ей бежать по Пути. За прошедшие с тех пор годы Нона коснулась Пути не больше дюжины раз. Только в последние месяцы Нона вновь обрела те же возможности, что у нее были в то время, когда корабль-сердце хранилось в монастыре.

— Практикуй транс терпения, — посоветовала Нона. — Это сделает урок более терпимым. — Она сунула в рот переполненную вилку.

Дарла поморщилась:

— У меня не хватает терпения, чтобы научиться транс терпения. Это замкнутый круг. — Она тоже набила рот, и некоторое время они жевали вместе. Несмотря на то, что при их первой встрече девушка-герант приветствовала Нону побоями, они стали закадычными подругами, хотя сторонний наблюдатель не понял бы этого, если бы судил по количеству оскорблений, которые Дарла бросала Ноне.

ЗОУЛ, ДЖОЭЛИ И Нона вошли в Башню Пути через три разные двери. Нона обнаружила, что восток обладает чувством справедливости, которого не хватало остальным. В противовес ей Джоэли пришла через запад. Зоул вошла через север, возможно, вспомнив, что родилась во льдах.

В классной комнате на самом верху башни они нашли себе места среди игры света, лившегося через витражные окна. В классной комнате, как обычно, было холодно, и дыхание послушниц превращалось в туман, плававший перед ними. Башня была построена без каминов, полагаясь на то, что корабль-сердце согреет масляные трубы, которые тянулись по всей длине сооружения. Сигилы на трубах, ближайших к корабль-сердцу, превращали его энергию в тепло. Многие монастырские здания были переоборудованы после утраты, и теперь ветер вырывал дым из десятков труб, но Сестра Сквородка сопротивлялась переменам.

— Добро пожаловать, девочки Мистического Класса, добро пожаловать. — Древняя женщина сидела на своем сундуке с сокровищами, закутанная в лисью шубу, для которой настоятельница испросила особого разрешения у верховного жреца, потому что Сестре Сквородка было около ста лет, и никто не мог сказать, приближает ли ее теперь каждый год к столетней отметке или отдаляет от нее все дальше. — К нам присоединились Зоул и Нона! Мало какой класс может похвастаться тремя кванталами.

Еще два дня назад Джоэли была единственным кванталом в классе и единственным объектом внимания Сестры Сквородка. Джоэли хмурилась и плотно кутала незаконной шалью шею с фальшивым синяком. Она не выглядела очень довольной тем, что пришлось потесниться.

— Сегодня ясность, девочки. — Сестра Сквородка провела рукой по обрубку и плотнее закуталась в меха. — Я повесила на стену гравюру с изображением голотианского лабиринта. — Она кивнула Дарле, чтобы та открыла ее. — Есть еще один путь от двери до могилы. Сначала найдите свою ясность, а затем найдите этот маршрут. Только глаза. — Она взглянула на Дарлу, когда та садилась: герант, как было известно, вставала со стула и пыталась проследить пути пальцем. — Меня будут сопровождать Зоул, Нона и Джоэли.

Три послушницы последовали за Госпожой Путь. По крайней мере, в тренировочных залах было теплее — там не было окон. И, если им повезет, Сестра Сквородка позволит им использовать любую Путь-энергию, которую они смогут собрать, чтобы сначала нагреть комнату, прежде чем пытаться сделать что-нибудь более сложное.

Нона позволила своему зрению расфокусироваться и вызвала из расплывчатой путаницы образ Пути, позволив вспышкам света от фонаря Кастрюли слиться в одну горящую линию. Она последовала за ней, ее ноги каким-то образом потеряли контакт с реальностью каменных ступеней.

— Следуйте за мной, — раздался бестелесный голос Сестры Сквородка. Они шли по пространству, одновременно огромному, сверх всякой меры, и маленькому, за пределами воображения. — Сегодня другая комната.

Нона, спотыкаясь, вышла из пустоты в узкую изогнутую комнату, очень похожую на ту, в которой она занималась Путь-работой в течение многих лет с тех пор, как проявился ее дар. Она находилась между спиралью центральной лестницы и кольцом внешней стены башни, занимая еще одну треть пространства. Единственное различие заключалось в природе серебряных сигиллов, врезанных в потолок, пол и каждую стену. Эти были меньше, сложнее и не так крепко связаны. Местами петли и хвосты от одного перекрывали

следующий, и ни один из них не выглядел одинаково.

— Нить-комната, — она не собиралась говорить. Гесса рассказывала ей об этой комнате.

— Тебе и Зоул пора заняться нить-работой, — сказала Сестра Сквородка. — Хождение по Пути вооружает Мистическую Сестру силами, которые очень трудно использовать для чего-либо другого, кроме разрушения. Здесь мы сосредотачиваемся на более тонких аспектах Пути-искусства, но, хотя они и нежны, никогда нельзя их недооценивать. Я полагаю, что наша дорогая настоятельница обладает некоторым намеком на кровь квантал и редким бессознательным талантом к самой эфемерной работе с нитями. Сделай все правильно: легко подтолкни здесь, прикоснись там, сделай вдох, достаточный, чтобы заставить нить вибрировать... и короли могут быть свергнуты, ход войны повернется, слабые поднимутся вверх. — Она отдала фонарь Джоэли, которая подошла к стене, чтобы зажечь еще три. — Нить-работа — тонкое искусство, вот почему вы обе никогда не были хороши в ней. Она вознаграждает терпение, наблюдательность и эмпатию. В ней нет насилия, хотя это не исключает использования ее во зло. Ненависть может быть холодной. — Она оттолкнула Нону и встала между ней и Зоул. Нона слышала, как скрипят кости Кастрюли, когда та двигалась. Когда монахиня стояла, сгорбившись, рядом с ней, Нона вдруг с удивлением поняла, что она выше старухи и более крепкая. Один удар — и Сестра Сквородка разлетится вдребезги. Нона почувствовала себя неловко. Почему-то казалось неправильным, что столько знаний и опыта могут быть такими хрупкими.

— Я покажу вам. — Сестра Сквородка подняла руку и уставилась в пространство за ней.

Нона ждала, наблюдая. Когда Нона приехала в монастырь, Сестра Сквородка возвышалась над ней, как и все остальные монахини. В ее голове все-еще было больше тайн, чем Нона могла когда-либо узнать, ключи к неведомым силам... и все же она выглядела такой маленькой и хрупкой, такой ожидающей, чтобы пересечь Путь, такой близкой к нему, что дьяволы должны облизывать губы.

Она стара, но я не осмелюсь на это.

Нона посмотрела еще раз. Кеот никогда не упускал случая похвастаться. Ей было приятно сознавать, что он боится Госпожи Путь.

— Смотрите! — Воздух перед Сестрой Сквородка наполнился яркой сложностью Пути, движущегося, живого существа, извивающегося в бóльшем количестве измерений, чем глаз мог охватить. — Когда прядут шерсть, на веретено наматывается одна длинная нить. Но вокруг нее есть ореол свободных ниточек, волокон шерсти, не полностью скрученных, отошедших от основного тела.

Пока Сестра Сквородка говорила, Путь потускнел, в воздухе вокруг него появились нити, точно также, как звезды появляются на небе, когда скрывается солнце.

— Нити — это не Путь, но они от Пути. И поскольку Путь идет повсюду и проходит через все, то же самое происходит и с нитями.

Нона спросила себя, почему Сестра Сквородка решила говорить о пряже, чтобы объяснить суть дела? Возможно потому, что знала — Нона из деревни и ей будет не просто понять другую аналогию. Она все еще размышляла об этом, когда осознала, что ее рот открыт. Она резко сжала челюсти и вытерла губы. Образ, созданный Сестрой Сквородка, завораживал. Она с усилием оторвала от него взгляд.

— Это очаровательно, не правда ли? — Улыбка Сестры Сквородка казалась узким

белым полумесяцем в темноте ее лица. — Я бы могла смотреть на эту картину вечно.

Медленное движение нитей отразилось в глазах Зоул и Джоэли.

— Есть определенная опасность, — сказала Сестра Сквородка. — Рано или поздно Путь сбросит тебя, но нити удержат. Если у тебя нет желания освободиться, они будут держать тебя до тех пор, пока твои годы не уйдут от тебя, и все, что тебе останется, — перейти Путь и уйти во тьму. — Она махнула рукой, и узор исчез, освободив девушек.

Джоэли моргнула и посмотрела на Нону.

— Госпожа Путь, вы сказали, что у этих двух послушниц нет таланта к нить-работе, потому что они так предрасположены к насилию. Но, как вы думаете, не могут ли они быть такими жестокими, потому что знают — им не хватает таланта для более глубокой работы? — Легкая улыбка играла на ее губах, словно унижения за монастырским столом никогда не было.

Сестра Сквородка махнула рукой:

— Посмотрим. Путь-работа ближе к грубой силе Красной Сестры, а нить-работа — более тонкая, подобна искусству Серой, ее хитрости и коварству. Мистические Сестры отбрасывают тень либо в сторону Красной, либо в сторону Серой.

— Я предпочитаю быть открытой. Откровенной. Честной. — Нона сморщила нос. — Манипулировать людьми, использовать их... это неправильно. Это похоже на ложь. Людям должна быть предоставлена свобода воли...

Сестра Сквородка рассмеялась лающим смехом.

— Мы все марионетки. Другие люди дергают нас за ниточки каждый миг каждого дня. Единственная разница между нами и саян-ра, танцующими в уличном шоу, заключается в том, что мы также можем дергать за свои ниточки и за ниточки других. Нити — это не что-то внешнее по отношению к миру, к чему могут прикоснуться лишь избранные. Каждый раз, когда вы говорите с кем-то, вы натягиваете нити. Каждый обмен взглядами. Каждый удар. Всякая проявленная доброта. В нить-работе мы просто более прямолинейны. Более сосредоточены. — Она повернулась и уставилась на Нону своими темными глазами. — Тебе нужно узнать, как потянуть нить, или как ты будешь препятствовать тому, чтобы кто-то потянул твою собственную нить? — Она вытянула руку вперед, хватая воздух большим и указательным пальцами. — В начале это помогает отчётливо представлять себе задачу, увидеть ее перед собой, использовать ваши руки. Это, конечно, чепуха. Не требуется. Но ум любит знакомое. Вот так! — Она что-то ухватила и потянула. — Как ты себя чувствуешь, Нона?

— Голодной! — Нона хлопнула себя по животу обеими руками. — Умираю с голоду!

— Основные потребности и простые эмоции легче всего поддаются влиянию. — Сестра Сквородка разжала пальцы, словно освобождая то, что держала. — А теперь?

— Полный завтрак живот, — невольно рассмеялась Нона и нахмурилась. — Но вы же не можете сделать это одними словами.

— Не могу? — Сестра Сквородка склонила голову набок. — Если бы я описала жареного цыпленка в изысканных деталях, дымящегося на тарелке с картофелем, намазанным маслом, с золотистой хрустящей кожицей, приправленным солью и перцем... у тебя бы потекли слюнки? Заурчало бы в животе?

Рот Ноны уже наполнился слюной. Когда дело доходило до еды, за ниточки было удивительно легко дергать.

— Гесса работала с нитями, когда пыталась помешать Йишт украсть корабль-сердце. —

Она бросила сердитый взгляд на Джоэли, затем хмуро посмотрела на Зоул, которая все еще, годы спустя, чувствовала себя запятнанной общением с Йишт. — И я видела это, потому что мы были нить-связаны.

— Юная Гесса обладала незаурядным талантом. За все годы, что я преподаю, я не встречала никого столь одаренного в таком юном возрасте. Большая потеря. — Сестра Сквородка положила руку на плечо Ноны. — И, возможно, у тебя проявится склонность к нить-вязанию, послушница. Это редкий навык, и его трудно достичь, но всегда очень помогает сильная и честная дружба между обеими сторонами. Однако оно возникает только между кванталами. Вам необходимо разделять ту же кровь.

Сестра Сквородка отступила назад и обратилась ко всем присутствующим.

— Вы всегда должны помнить две вещи. Во-первых: вы никогда не сможете потянуть за одну и ту же нить дважды. Каждое ваше действие изменяет предмет, на который вы воздействуете, изменяет его связи с миром. Во-вторых, вы никогда не можете потянуть только одну нить. Каждая нить связана с любой другой, иногда через множество звеньев, хотя всегда меньше, чем вы можете посчитать. Потяните за одну нить, и потянутся другие: эффект распространяется, как рябь на пруду. Вы можете играть в нить-работу и думать, что вы одиноки, но если вы достаточно сильно и часто тянете за нить паутины... придет паук. То же самое происходит и с нитями, которые связывают вселенную. Рано или поздно вас заметят. «Пауки» будут, скорее всего, людьми, старше вас, более могущественными кванталами нить-работниками или магами-марджалами с особыми талантами, интуитами, такими как Настоятельница Стекло. Но есть и более крупные пауки. Этот мир не наш: он старше нас, Пропавшие исчезли еще до того, как наши корабли причалили здесь. Они ушли, когда Коридор был шириной в тысячу миль и на небе не было луны. Их эхо живет среди нитей, их вибрации никогда не затухнут. Есть и другие; их слуги и еще более древние создания. Так что ступайте мягко, работайте экономно и надейтесь. — Она махнула обрубком в сторону стен. — Здесь, однако, нет нужды надеяться. Сигилы изолируют нас от мира, и те немногие нити, что проникают даже сквозь эти стены, находятся вне вашей досягаемости.

Начались утренние упражнения. Нона и Зоул работали в паре, стараясь представить себе нити, связывающие их с миром.

— Сначала посмотрите на Путь, — велела Сестра Сквородка. — Каждый из вас должен увидеть, как он проходит через другого. Вы знаете это из своих снов. Вы охотитесь на него в трансе безмятежности. Вы следуете за ним каждое мгновение своей жизни. И, когда Предок дарует вам благодать, вы идете по нему.

Нона смотрела на Зоул, на черные волосы, гладко лежащие на ее грубом черепе, на каменно-темные глаза и широкие скулы, на короткую, жесткую линию рта, на красноватый оттенок кожи, похожий на ожог от лед-ветра, который никогда не покидал ее. Она попыталась разглядеть Путь сквозь лед-девушку, минуя ее широкие плечи, рост и силу. В таких упражнениях время, казалось, одновременно мчалось и ползло. Она всегда чувствовала себя так, словно провела здесь вечность, и, останавливаясь, Нона часто обнаруживала, что часы между одним колоколом и следующим были съедены, и все же, задним числом, ей казалось, что она работала несколько минут.

Сначала Путь показался единственной линией, наполовину воображаемой, разделяющей несовершенную симметрию Зоул. В следующее мгновение Нона увидела его таким, каким показывала Сестра Сквородка, изгибающимся под прямым углом к миру.

Одинокий яркий Путь. Единственное отличие состояло в том, что там, где у Сестры Сквородка был ореол рассеянной белой бесконечности нитей, тянувшихся от Пути, — каждая из них следовала собственным извилинам, прежде чем закончиться или вернуться, присоединившись к целому, — Нона видела только Путь и ничего больше.

— Я вижу ее нити, — сказала Зоул.

— Хорошая работа, послушница. Попробуй проследить за одной из них до того места, где она сошла с Пути, — крикнула Сестра Сквородка с другого конца комнаты, где они с Джоэли работали над чем-то более сложным. — Продолжай в том же духе, Нона: до возвращения есть еще немного времени.

Нона ощутила знакомое чувство удивления — почти весь урок был потрачен впустую, и ничего не было видно. Она стиснула зубы и уставилась на Путь еще пристальнее. Он извивался перед ее взором, без единой нити. Капелька пота скатилась по ее шее, мускулы челюсти дернулись и сжались. Ее зрение затуманилось. Ничего.

Помоги мне! Нона никогда не звала Кеота, но ей была необходима помощь.

Помогать — не в моем характере.

Нона уставилась на Зоул, желая, чтобы появились ее нити. Настоятельница Стекло заставила Сестру Сквородка попробовать нить-работу, чтобы выследить Йишт и корабль-сердце, безуспешно, но Нона была там, в голове Гессы, видела, как сила корабль-сердца наполнила Гессу и превратила ее талант в нечто настолько острое, что могло рассечь реальность. Они были неразрывно связаны нитями. Что-то из этого могло уцелеть. Должно было сохраниться. Больше двух лет Нона ждала, когда ее научат этому искусству. Годы, проведенные в ожидании шанса использовать их, чтобы отомстить за Гессу. И сейчас... ничего. У нее не было таланта!

— Ну что, послушница? — Сестра Сквородка тронула Нону за плечо. — Ты добилась успеха?

Нона оторвала взгляд от Зоул, ее глаза были горячими и сухими, слишком широко открытыми, но не желающими закрываться. Она почувствовала, что вся взмокла от пота и что у нее болит все тело:

— У нее их нет!

За спиной Сестры Сквородка Джоэли рассмеялась, словно зазвенели серебряные монеты.

Сестра Сквородка покачала головой.

— Конечно, есть. Все живое, все мертвое и все, что никогда не жило, связано нитями. Камень, кость, дерево и ты. — Она оттолкнула Нону и заняла ее место. — Позволь мне... — Она замолчала, нахмурилась и прищурилась. Потом моргнула: — Это совершенно замечательно. Для меня это более замечательно, чем тот факт, что в твоих жилах текут четыре крови, Зоул.

Зоул сердито посмотрел на старую монахиню.

— У нее действительно нет никаких нитей? — спросила Нона, чувствуя себя оправданной.

— Конечно, у нее есть нити! — рывкнула Сестра Сквородка. — Ты что, не слушала меня? — Она снова нахмурилась. — Но только самые глубокие и фундаментальные, те, что труднее всего найти. Там, где вокруг нее должны были бы пылать мириады огней, осталось совсем немного, и они погребены глубоко в материи мира. Я никогда не видела ничего подобного.

Как будто он держал язык за зубами и ждал, когда Сестра Сквородка остановится, Брей зазвонил, звук колокола слабо донесся до них сквозь камни.

— Пошли. — Сестра Сквородка махнула им следовать за ней. — Я подумаю об этом позже. — И она пошла по тропинке, которая вела через стены.

— БЫСТРЕЕ! — ДЖУЛА ПОМАНИЛА их из каменного прохода, черная фигура позади фонаря.

— Выдохни. Я буду тянуть. — Нона схватила Дарлу за запястье и потянула, когда девушка выдохнула. За спиной Дарлы проталкивался внутрь внешний мир — яркая линия, видневшаяся сквозь скалу.

Дарла рванулась вперед, хватая ртом воздух, и выбралась из расщелины. Дальше по коридору Рули коротко и саркастически зааплодировала.

— У меня все еще есть жир, если он нам понадобится!

— Я покажу ей жир, — прорычала Дарла и последовала за Ноной, которая спешила догнать остальных. По Пути Безмятежности ходили не так часто, как по Виноградной Лестнице, и шанс обнаружить их был невелик, но чем дальше Дарла протискивалась в пещеры, тем больше становился этот шанс.

Никто никогда не говорил послушницам, что они не должны исследовать пещеры и проходы, которые пронизывали плато, но у Ноны всегда было сильное впечатление — это только потому, что они не спрашивали, а также потому, что все известные монахиням входы были заперты и закрыты, а замки испещрены сигилами, защищавшими от любой формы взлома. Когда год назад Джула впервые обнаружила пещеры, Нона перенесла их еженедельные встречи под землю, где вероятность обнаружения упала до нуля. Номинально целью группы было вернуть корабль-сердце, но Нона всегда стремилась только к одному — убийству Йишт.

— Подождите! — Нона и Дарла прошли последние несколько ярдов до остальных. Джула и Ара несли только два фонаря, а ходить в темноте было опасно. — Если мы сломаем здесь лодыжки, вам придется нести нас на руках!

— Мы просто оставим вас здесь и скажем, что вы сбежали с городскими парнями. — Кетти, последняя из них, ухмыльнулась и сделала воздушный поцелуй. Девушка-хунска была всего на несколько дюймов ниже Дарлы, хотя и тоненькая, как жердь. Она много говорила о городских парнях, и Нона спрашивала себя, почему Кетти предпочла проводить свой седьмой день, исследуя темноту под Скалой Веры, а не идти в Истину, чтобы похихикать над противоположным полом на площади Тайбур.

— Пошли! — Ара двинулась вперед, стремясь открыть что-то новое.

На первой развилке, где небольшой проход круто спускался вниз, Кетти взяла кусок мела и подновила на стене букву, указывающую путь. Сырость постоянно размывала отметки. Они двинулись дальше, гуськом, Дарла шла сзади, демонстрируя свой впечатляющий диапазон ругательств, когда в очередной раз ударялась головой о скальный потолок.

Нона приказала остановиться в Круглой Пещере, в сотне ярдов от входа. Имя придумала Дарла, и, хотя и не слишком оригинальное, оно было, по крайней мере, точным.

— Кто может что-то сообщить? — Нона сначала посмотрела на Рули. Та специализировалась на сплетнях, собирая любую информацию, которая просачивалась в монастырь через его связи с внешним миром. Она обладала талантом и к созданию, и к сбору сплетен.

— Я! Я действительно кое-что узнала! — Джула шагнула вперед, чуть приподняв руку,

но тут же вспомнила, что она не в классе. — Я читала приложения к старым сочинениям Левинина. Все всегда цитируют его *Семь Историй Марна*, но...

— И что же ты нашла? — У Дарлы было еще меньше терпения к книжным знаниям Джулы, чем у остальных.

— На одной странице больше о корабль-сердцах, чем я нашла во всех книгах, которые перерыла с тех пор, как мы начали поиски! — Джула усмехнулась. — По словам Левинина, в пределах империи было четыре корабельных сердца: одно — в Сладком Милосердии, настроено на кванталов; другое, насколько мы знаем, хранится в Тетрагоде у ной-гуин, оно настроено на марджалов; по его словам, ходят слухи про еще одно, находящееся в городе Тру; и еще одним, с корабля герантов, владеет маг Атуан.

Ара нахмурилась:

— Я никогда не слышала ни о городе под названием Тру, ни о маге по имени Атуан. И если бы корабль-сердце находилось в городе, то, кто бы им не владел, его бы давно забрали.

Джула кивнула:

— Левинин писал двести лет тому назад. Тру сейчас подо льдом. Под черным льдом! Он уже лежал в руинах, когда его взял лед. Тру — это город Пропавших. А Атуан умер много лет назад, но у него был сын Джалтоун, который тоже был магом и каким-то образом все еще жив!

— Я о нем слышала, — сказала Дарла. — Он живет на побережье и помог генералу Хиллану, когда два года назад дарнишцы попытались высадиться в Порт-Трине. Мой отец был заместителем командующего гарнизоном.

— Это интересно и все такое... — сказала Рули. — Но я не вижу, как это нам поможет. Мы же не собираемся идти в Тетрагод и...

— Это поможет нам, потому что мы знаем, где Шерзал будет искать следующее, — сказала Ара.

— И мы идем на лед... — В Мистическом Классе в лед-поход ходили все. Но только по льду, не под ним. Нона вспомнила рассказы отца об охоте в ледяных туннелях. Худшие из них, самые страшные, были из того времени, когда он отважился войти в серый лед. Путешествие, из которого он так и не вернулся, было в черный.

— Лед — большое место. И Сало никогда не поведет нас на черный лед. Даже если он не на скифроулской стороне гор. — Дарла вздрогнула. — Давайте исследуем несколько пещер!

Нона оглядела круг освещенных фонарями лиц:

— Больше никаких взносов? Нет?

Джула прикусила губу:

— Ну, мне это показалось интересным. — Она пожала плечами и пошла вперед.

•••

ПОТРЕБОВАЛОСЬ МЕНЬШЕ ПОЛУЧАСА ходьбы, чтобы достичь самого дальн границы исследованной территории, но и чтобы расширить ее досюда потребовался почти год — слишком часто они упирались в тупики или шли по проходам, которые становились слишком узкими или слишком опасными. В нескольких местах они закрепили веревки с узлами, чтобы облегчить трудные подъемы. Нона втайне надеялась, что они найдут альтернативный путь в монастырские подземелья, но не было никаких гарантий, что эти две

системы соединяются.

— Мне здесь очень нравится. — Джула пристроилась рядом с Ноной, когда они пробирались по Пищеводу — длинному, гладкому от воды проходу, достаточно широкому, чтобы идти плечом к плечу. — Здесь так тихо. Только капли воды. И шаги. И ругань Дарлы.

Они миновали ряд сталагмитов, тупых и блестящих в свете фонаря. Кетти молчала. Даже она устала от своих намеков после десятого или двенадцатого раза. Чуть дальше проход пересекала пелена льющейся воды. Нона сторбилась и проскочила сквозь ледяной ливень. Пять узких извилистых поворотов, круто поднимавшихся вверх, провели их мимо ниши, где лежали два скелета, покрытые каменными отложениями. Один взрослый, а другой ребенок, скованные вместе. Ржавое пятно между ними, возможно, когда-то было ножом. Их вид всегда огорчал Нону — они лежали в темноте, глядя пустыми глазницами на проносящиеся мимо века.

После восходящей спирали они стали карабкаться вверх по камнепаду, с наклонной крышей пещеры всего в трех футах над ними. Наконец, утес ярдов в двадцать высотой, возможно, когда-то водопад, мокрый камень, предлагавший слишком мало зацепок. К счастью, старый высохший ручей позволял размахнуться и бросить крюк. Поиски и кража веревки с крюком заняли целую неделю, но часы, потраченные на то, чтобы зацепить его за какой-нибудь край высоко над ними, показались всем гораздо более долгими. Возможно, на семидесятом броске Дарлы крюк зацепился за камень, и Рули, самая легкая из них, вскарабкалась наверх. Теперь веревка была надежно закреплена и через определенные промежутки завязана узлом. Поднявшись по ней, они достигли предела исследованного ими — круглой комнаты с твердым глиняным полом, из которой вели три новых прохода.

Нона стояла рядом с Арой, Джулой и Рули, переводя дыхание и глядя на выходы, а Кетти и Дарла все еще карабкались за ними.

— Я хочу залезть под монастырь, — сказала Нона. — Она моргнула. Она не собиралась говорить, но теперь, когда слова слетели с ее губ, она поняла, что будет лучше, если правда выйдет наружу. В течение трех лет она видела единственный способ отомстить Йишт — тренироваться. Превратить себя в оружие, подходящее для того, чтобы найти и уничтожить эту женщину. Ни то, ни другое не будет легким. Империя велика, Йишт великолепно умела прятаться, и была смертельно опасна, когда ее находили. Ноне очень повезло во время их первой встречи, и все же она с трудом выжила. Но насмешки Джоэли навели Нону на мысль, что в том месте, где умерла Гесса, может быть какая-то зацепка. Что-то такое, что упустили из виду монахини. Что-то такое, что ее подруга оставила для нее одной. Очень слабая надежда. Возможно, слишком слабая, чтобы подвергать своих спутниц таким опасностям... но слова Джоэли зудели не унимаясь. *«Имя Гессы так важно для тебя? И все же ты так и не пришла туда, где она умерла»*. Обвинение повторялось в ее голове эхом, которое скорее росло, чем затихало.

— Мне нужно побывать в хранилище корабль-сердца. — Нона произнесла эти слова в тишине, последовавшей за ее первым заявлением.

— Потому что у нас не будет достаточно неприятностей только из-за того, что мы шьемся по туннелям, — сказала Рули. — Мы должны пойти туда, где нас с большей вероятностью поймают и где мы нарушим как можно больше правил.

Джула нахмурилась. Несмотря на всю ее сообразительность, сарказм, казалось, всегда был выше ее понимания:

— Но...

— В любом случае мне запрещено покидать монастырь до следующего седьмого дня, — сказала Нона. — Значит, если я попаду *под* него, нарушу меньше правил.

— Вернуться в хранилище? — спросила Ара, поднимая фонарь, чтобы рассмотреть лицо Ноны. — Это безумие. Настоятельница Стекло вышвырнет нас вон. Ты же знаешь, что она говорила о подземельях!

— Я должна. — Нона должна была увидеть его сама. Ей надо было покопаться там, где умерла Гесса. Возможно, остался какой-то ключ, который поможет ей найти Йишт. — Я должна. Для Гессы. Я чувствовала, как она умирает. Камни. Нож Йишт. Я чувствовала все это. Если есть справедливость или месть, она начинается там, где это произошло.

— Я не хочу приближаться к монастырю. Провал слишком близко. — Закончив подъем, Кетти поднялась на ноги позади них. — Могут быть туннель-потоки. — Она вздрогнула.

— А я все еще говорю, что они перекрыли подземные ходы, — Дарла последовала за Кетти в комнату, стряхивая песок с одежды.

— Возможно. Но это такое же хорошее направление для исследования, как и любое другое, — сказала Ара. Нона молча поблагодарила ее.

— Я не знаю... — Дарла покачала головой. — Настоятельница не шутила, когда запретила подземелья. Она записала это в книге и все такое...

— Это было больше двух лет назад. — Ара встала на защиту Ноны. — Кроме того, если они не знали, что Йишт была там все эти недели, что она ходила туда-сюда из своей комнаты, они не узнают, что мы там, если мы придем снизу и быстро посмотрим. Правда, Нона?

Нона кивнула. Она была в долгу перед Гессой. Она дала годам пролететь и не сделала ничего, чтобы отомстить за нее. Ее подруга умерла, а Нона спряталась в монастыре, где ее хорошо кормили и заботились о ней, в то время как Йишт ходила по свету с кровью Гессы на руках. Но хотя на глобусе Коридор казался узким поясом, он все же был слишком широк для одинокого ребенка, желающего найти женщину, которая не хотела, чтобы ее нашли. К тому же Йишт была лед-женщиной. Она могла быть где угодно в бескрайних ледяных просторах.

— Я не могу сделать это в одиночку. — На воротах класса Тени теперь висел замок с начертанными на нем сгилами: его нужно было сорвать с петель, чтобы попасть туда без ключа. Лучше всего было подойти к Собору Предка и Залу Сердца снизу.

— Я помогу. — В пустоте пещеры голос Джулы показался слабым.

Нона одарила ее улыбкой. Джула на мгновение обняла ее за плечи.

— Так что... — Нона, еще менее привыкшая к физическим ласкам, чем Джула, махнула рукой в сторону входов в туннели.

— Вот этот. — Джула указала на самый левый туннель, заваленный валунами и ведущий вниз. У нее был инстинкт направления под землей, который казался сверхъестественным. — Хотя он выглядит не слишком безопасным.

Ара пошла вперед, и они последовали за ней, перешагивая через упавшие камни, некоторые из которых были к тому же зазубрены. Примерно через сотню ярдов проход расширился и превратился в пещеру, настолько широкую, что она поглощала их свет и ничего не давала взамен. На мгновение Ара остановилась, и они все замерли, прислушиваясь к тишине и кап-кап-кап воды, звуку, который каким-то образом был частью этой необъятной тишины. Нона оглядела стоявших рядом послушниц, освещенных с одной стороны и темных с другой, и на мгновение обнаружила себя вне своего тела, внезапно осознав, что она — крошечная пылинка жизни, тепла и света в черных и бесконечных извилинах системы

пещер. Сейчас она — больше, чем когда-либо — ощутила иронию судьбы: Скала Веры, названная так в честь основ их религии, была прогнившей, с пустотами и тайными путями, проницаемой и постоянно меняющейся.

— Мы должны пересечь ее, — сказала Джула, ее голос казался маленьким в огромном пустом пространстве. Судя по голосу, ей этого не хотелось.

Кетти пометила стену мелом и нарисовала на полу стрелку.

— Мы должны идти вдоль стены. Так меньше шансов заблудиться, — сказала Дарла.

Ара повела их влево, держась поближе к стене. Сталагмиты поднимались, образуя небольшие изысканные рощицы, сталактиты опускались, образуя занавеси там, где пещера изгибалась вниз, все они сверкали радужным блеском, как панцирь жука.

— Стойте. — Рули повернулась и уставилась в темноту за пределами досягаемости фонарей. Нона остановилась, остальные тоже.

— Что? — Джула подняла фонарь.

— Разве вы не слышите?

— Нет. — Дарла возвышалась рядом с ней, ее тень качалась.

— Что-то там есть, идет к нам, — сказала Рули, широко раскрыв глаза.

— В этих пещерах нет ничего живого, — сказала Дарла. — Мы бы увидели кости или навоз. На что это было похоже?

— Сухое. — Рули вздрогнула.

— Сухое?

— Я хочу вернуться, — сказала Рули.

Ара продвинулась вперед на несколько ярдов, высоко подняв фонарь:

— Здесь что-то есть.

Нона сделала пару шагов вперед вместе с остальными, оставив Рули в сгущающейся тени.

— Что это? — Кетти нахмурилась.

Ноне показалось, что пол пещеры покрыт темным лесом бесформенных сталагмитов, некоторые из которых изгибались так, как не полагается таким наростам.

— Кости. — Джула поняла это первой.

В одно мгновение сцена изменилась, замешательство перешло в ужас. Скелеты, окаменелые, как те, что лежали в нише, но их были намного больше: дюжины.

— Некоторые из них находятся здесь уже целую вечность. — Ара указала на каменную грудную клетку, из которой свисали тонкие, как солома, сталактиты, и на череп, покореженный тяжестью растущего на нем сталагмита, похожий на свечу, из которой вытекла половина воска.

Джула наклонилась, чтобы рассмотреть что-то у стены.

— Нам *действительно* нужно уходить! — крикнула им Рули, не двигаясь с места. — Разве вы не чувствуете?

— Я не... — Но тут Нона почувствовала это и прикусила язык. Что-то царапнуло по краям ее чувств, сухое прикосновение, от которого ее разум в ужасе отшатнулся.

Холотур.

Что?

Нона почувствовала, как Кеот шевельнулся у нее под кожей. Обычно в пещерах он молчал.

Тебе надо бежать.

Ты всегда говоришь мне драться.

А теперь я говорю тебе бежать.

— Мы должны вернуться. Сейчас же! — Нона повернулась, чтобы последовать за Рули, которая уже побежала туда, откуда они пришли, в слепую темноту.

— Чего вы боитесь? — крикнула им вслед Дарла. — Здесь ничего нет. — Она рассмеялась. — И ни у кого из вас нет фонаря.

Нона остановилась на краю освещенной площадки, охваченная бестелесным страхом.

Что там такое, Кеот?

Чего-то выведенное Пропавшими. Что-то голодное. Беги!

— Нам нужно бежать. Поверьте мне, — В пустоте пещеры голос Ноны показался слабым. Слышались звуки спотыкавшейся в панике Рули.

Ара нахмурилась и последовала за ней.

— Я тебя не понимаю, но верю. — За Арой Джула. Дарла, от которой теперь удалялся свет, раздраженно зарычала и поспешила за ними.

Шестеро послушниц ускорили шаг, вокруг них замелькали тени. Нона разглядела впереди Рули, нащупывающую дорогу. С каждым мгновением казалось, что позади них что-то собирает себя, словно пространство, наполненное эхом шагов, втягивало в себя их жизнь. Нона почувствовала, как ужас пробежал у нее по спине. В темноте таилось что-то ужасное. Что-то древнее и ждущее. Необходимость бегства заставила ее сердце бешено колотиться, дыхание стало прерывистым.

— О, кровь! — Сейчас даже Дарла почувствовала это, ее лицо побелело.

Нона с холодной уверенностью знала, что за пределами света фонарей тянутся окаменевшие кости — бесчисленные жертвы лежат в тщательном порядке, ярд за ярдом. Сколько веков они наблюдали за тьмой? И она знала, что среди костей бродит ужас. Теперь она чувствовала его, разумного, сгущающегося из ночи, обретающего форму. Возможно, он примет облик человека. Возможно, станет ею. И если он когда-нибудь поднимет к ней лицо, она утонет в кошмаре.

К тому времени, как они добрались до комнаты, в которой выбирали между тремя неисследованными проходами, все бежали. Рули уже висела на веревке. Джула не стала дожидаться, пока она сойдет. Ара стояла спиной к утесу, высоко подняв фонарь, и смотрела на вход в туннель. Кетти и Дарла присели на корточки у края, подталкивая остальных вниз. Нона едва удержалась, чтобы не протиснуться между ними и не схватиться за веревку.

— Предок! Быстрее! — Крик сорвался с ее губ.

Рули и Джула вместе добрались до дна и растянулись под грохот сыплющихся камней. Кетти начала спускаться. Темнота в туннеле, казалось, сгустилась, отвергая свет фонаря Ары.

— Он приближается! — Дарла соскользнула с края обрыва, ее побелевшие руки вцепились в веревку, а ноги были всего в ярде над головой Кетти.

— Мы не можем остаться! — Нона изо всех сил старалась не кричать. Страх наполнил ее, сотрясая каждую клеточку тела, заставляя трепетать воздух в легких. — Ара, вперед!

Они спускались по веревке друг на друге, их фонари висели на ремнях, они скользили от узла к узлу, обжигая ладони.

За ними последовала путаница раскачивающихся фонарей, острых камней и мелькающих теней. Крики, тяжелое дыхание, проблески меловых символов, бег, карабканье, последний отчаянный бросок через горловину, и они оказались в невероятной яркости дня.

Задыхаясь, они легли, растянувшись на Пути Безмятежности.

Здесь, на свету, с дующим холодным ветром и равнинами, простиравшимися под ними к далеким дымам Истины, их полет внезапно показался глупым.

— Я больше туда не пойду. Никогда. — Дарла перевернулась на спину, ее ряса была порвана и перепачкана грязью.

— От чего мы бежали? — спросила Кетти.

— Первый раз, когда безмятежность действительно бы нам помогла... — Ара села, качая головой.

— И мы побежали! — Нона не могла поверить, что она не потянулась к своей безмятежности. Некоторым послушницам все еще требовалось время, чтобы погрузиться в транс, но многие могли вызвать этот настрой сознания за несколько мгновений. Страх охватил ее прежде, чем она успела подумать о том, чтобы отгородиться от него стеной.

— Предок! Посмотрите на себя! — Джула расправила свою рясу. Серая нижняя юбка просвечивала сквозь прореху длиной с ладонь. Нона оглядела себя. Пятна грязи прочертили ее горизонтальными линиями там, где она столкнулась со стенами во время безумного рывка.

— Сестра Колесо убьет нас! — Рули с ужасом оглядела себя.

— Сестра Швабра, ты имела в виду, — сказала Ара.

— Обе так и сделают! — Кетти вскочила на ноги. — Давайте возвращаться!

— Ты беспокоишься о Колесе и Швабре? — Нона указала на темную щель, скрытую в глубине скалы. — А как насчет этого?

Джула нахмурилась и провела грязной рукой по волосам.

— Я больше туда не пойду. — Она снова посмотрела на расселину. — О, у нас теперь столько неприятностей.

Дарла последовала за Кетти, бормоча что-то себе под нос. Джула и Рули двинулись по тропе следом за ними.

— Ара? — Нона застыла в изумлении. — Что там произошло? Почему они просто уходят?

Ара выглядела озадаченной. Пятно грязи под правой скулой, казалось, только делало ее еще красивее. Она прищурилась, словно пытаясь что-то вспомнить, потом покачала головой.

— Я не думаю, что нам стоит возвращаться. — она бросила взгляд в сторону расщелины, вздрогнула и повернулась, чтобы уйти.

— Что это такое? — Нона указала на блестящий предмет среди камней у ног Ары.

— О. — Ара даже не взглянула вниз. — Это всего лишь нож. Джула подобрала его в... — Она пожала плечами и повернулась, чтобы уйти.

— Подожди. — Нона взяла Ару за руку. — Эта штука там... это чудовище. Ты помнишь его? Да? — Их пальцы переплелись. Голубые глаза Ары встретились с темными глазами Ноны, и на мгновение она узнала... что-то. Каждая сделала шаг навстречу другой.

— Нет. — Ара покачала головой. — Мне очень жаль. — Хрупкое мгновение прервалось. Она высвободилась и поспешила за остальными. И Нона почувствовала, что от нее ускользнул какой-то шанс, который, возможно, никогда больше не повторится.

Нона стояла и смотрела, как все пятеро поднимаются по тропе, зигзагами уходящей к плато.

Что только что произошло?

Тебе не следует возвращаться в пещеры.

Не пытайся сделать вид, что нас оттуда не выгнали.

Так оно и было. Холотур. Я говорил тебе.

Так почему же Ара и остальные уходят?

Они не хотят умирать.

Я имею в виду, почему они больше беспокоятся о том, чтобы вымыть свои платья и зашить несколько прорех... Есть что-то еще. Не лги мне, демон. Я сожму тебя в кулак и снова поднесу к пламени.

Я буду жевать твои кости и заставлю тебя сплевывать кровь!

Но ты же знаешь, что я выиграю. Скажи мне.

Страх развязал их.

Развязал?

Нити, которые связывали их с этим местом, с этими пещерами — страх развязал их. Это прогнало воспоминания. К тому времени, когда они достигнут вершины, все это будет для них сном. Холотур заставил их забыть.

А я? Почему меня это все еще волнует?

Я защищал тебя.

Я тебе не верю. Ты сделан из лжи.

Нона наклонилась, чтобы поднять нож.

— Я знаю это оружие. — Прямой клинок, темное железо, едва заметный след ржавчины, навершие в виде железного шара, узкая полоска кожи, обмотанная вокруг рукояти. Метательный нож. Однажды она нашла у себя в постели точно такой же и видела еще один, торчащий из бока сестры Чайник.

Кеот потянулся к вороту ее рясы, подняв горячий прилив крови. Я тоже его знаю.

Ты лжец. Как ты можешь его знать?

Женщина, которая владела им, приходила посмотреть на мертвеца.

Почему?

Чтобы понять человека, который убил его, чтобы она могла в свою очередь убить их.

Нона задала вопрос, хотя уже знала ответ.

На кого она пришла посмотреть?

На Раймела Таксиса. Он был мертв, но маги не позволили ему умереть. И я был первым, кто нашел путь под его кожу.

А женщина?

Ной-гуин. Ей было поручено убить тебя.

В ТЕЧЕНИЕ СЛЕДУЮЩЕЙ недели Нона каждый день пыталась затронуть эту тему, и все ее подруги только признавали, под давлением, что под Скалой *могут* быть пещеры. В какой-то момент Нона заметила, что Джула сделала вид, будто не замечает ее, и свернула за угол, чтобы избежать дальнейших расспросов. Она решила оставить эту тему на несколько дней и посмотреть, не сотрется ли метка холотура и не вернуться ли к ней ее спутницы.

В Мистическом Классе каждый урок был испытанием. Нона совершенствовалась с мечом, отрабатывая несколько основных комбинаций рубящих и колющих ударов, пока они не начали казаться естественными. На уроке Духа Сестра Колесо поставила перед ними задачу написать эссе о святом по их выбору. Нона отправилась в монастырскую библиотеку — ту, что поменьше, пристроенную к скрипторию, а не к большому хранилищу священных текстов в Соборе Предка, — чтобы заняться исследованиями. К концу недели она нашла трех возможных кандидатов из античности, и у каждого из них было что-то такое, что могло оскорбить Госпожу Дух.

Сестра Сквородка продолжала погружать Нону, Зоул и Джоэли в работу с нитями, показывая им новые трюки. Иногда она демонстрировала эффекты нитей, наиболее легко достигаемые во время транса безмятежности, в других случаях тонкая работа требовала транса ясности. Транс безмятежности давал возможность изменить настроение человека, транс ясности — изменить конкретное решение. Ни то, ни другое не давалось легко и быстро, и Сестра Сквородка предупреждала, что некоторыми людьми гораздо труднее манипулировать, чем другими.

Нона применила эти уроки к проблеме метки, которую холотур наложил на ее подруг. Она могла видеть повреждения в ореоле нитей вокруг каждой девушки, но решение лежало за пределами ее умения. В трансе безмятежности она могла видеть связи, которые должны быть разорваны или ослаблены, в трансе ясности — мельчайшие переплетения нитей, которые нужно было распутать. Но работа над одной проблемой делает другую еще хуже. Над ними нужно было работать вместе. Что требовало двух человек. И единственный нить-работник, которому она доверяла, Ара, обладавшая достаточно простыми навыками, также была одной из тех, кто нуждался в исправлении.

Сестра Сквородка могла бы решить эту проблему, но она явно не утруждала себя нить-работой на послушницах, иначе давно бы заметила странную особенность Зоул. Нона могла бы привлечь внимание Сестры Сквородка к месту повреждения, но старуха будет задавать вопросы, и, как она сказала, «все взаимосвязано». Дай Сестре Сквородка один уголок, и она скоро вытянет всю историю; на этом их приключения закончатся.

•••

УРОКИ ТЕНИ БЫЛИ посвящены маскировке. Целая неделя прошла без упоминаний ядах, за исключением некоторых, которые были полезны в небольших дозах для изменения оттенка кожи человека или цвета его глаз. Сестра Яблоко сравнивала маскировку с продолжительной ложью, произносимой телом, тоном голоса и одеждой. В Мистическом Классе каждая послушница должна была пройти первое из Серых Испытаний — пересечь площадь Тайбур незамеченной другими членами класса. Хорошие навыки маскировки были

просто необходимы!

В Академии Сестра Ограда сделала энергичную попытку до смерти утомить класс математикой. Под руководством Сестры Правило Нона, ценой больших личных усилий, стала слегка понимать арифметику. Триумф, учитывая, что в ее деревне было мало людей, которые могли бы уверенно вести счет после дюжины. Сестра Ограда познакомила ее с алгеброй, и не очень вежливо. Единственный интересный момент наступил, когда Дарла, отчаявшись понять буквы, которые были числами, хотя и не какими-то конкретными, потребовала объяснить, для чего все это нужно.

— Наши предки использовали алгебру, чтобы построить луну, послушница! — Сестра Ограда выпрямилась во весь рост и стала слегка выше сидящей Дарлы. — Кривая ее зеркала управляется уравнениями, подобными этим. — Жест в сторону меловых каракулей позади нее. — Именно так они усилили фокус, когда мир стал холоднее. Другие уравнения позволяют управлять им, как это было в прошлом, наклоняя зеркало, чтобы справиться с неравномерным продвижением льда.

Нона нахмурилась. Джула упоминала что-то об изменении фокуса луны. Много лет назад она прочитала нечто похожее о Ковчеге: кто бы ни владел им, он мог говорить с Луной.

— Это может быть оружием.

— Что это, Нона? Твой опыт простирается дальше нападения на одноклассниц и сейчас достиг луны? — Сестра Ограда вопросительно наклонила голову.

Вокруг Джоэли раздался хихикающий смех.

— Это может быть оружием. Если фокус сузится еще больше, он может жечь города.

— Ерунда. Луна — не оружие войны. Нет никаких оснований полагать, что фокус может быть сужен до такой степени, даже если кто-то захочет это сделать. — Сестра Ограда отмахнулась от предложения костлявой рукой.

— Если его можно наклонить, то можно и полностью вывести из Коридора, а затем вернуть обратно, — сказала Нона, глядя на блестящий белый шар на столе Ограды. — Целые народы могут быть лишены фокуса, и лед поглотит их. Он мог бы растопить огромные озера на льду, а затем соединить их с Коридором, смывая армии и города...

— Мы обсуждали формулу круга. — Сестра Ограда стукнула каблуком по половицам, и урок снова погрузился в путаницу букв и символов.

Нона пропустила слова монахини мимо ушей и сидела, глядя на искаженное небо, видневшееся сквозь мутные стекла окон. Воспоминания заполнили ее зрение. Йишт, спотыкаясь, идет прочь, преследуемая тенью, с корабль-сердцем в руке. Четыре корабль-сердца, чтобы открыть Ковчег? Один Ковчег для управления луной. Одна луна, чтобы овладеть миром?

•••

К СЕДЬМОМУ ДНЮ ничего не изменилось — никто из остальных не реагировал на разговоры о возвращении в пещеры. Не будучи готовой к путешествиям в одиночку, Нона согласилась сопровождать Ару в поездке к ее дальней родственнице, Терре Менсис.

— Будет здорово хоть раз снять тебя со Скалы! — Ара ухмыльнулась, кутаясь в поход-пальто.

— Не думаю, что настоятельница собирается выпускать меня одну, даже когда я буду

Красной. — Нона выглянула из-за колонны, шурясь от лед-ветра. Эскорт опаздывал. Менсисы послали дюжину своих домашних охранников, достаточно, чтобы убедить Настоятельница Стекло, что ни Ара, ни Нона не подвергнутся риску похищения или убийства.

— Нет никакого смысла в силе, если она никогда не испытывается. — Зоул стояла на открытом месте перед лесом колонн, хмуро глядя на мир. Нона удивилась, когда Ара пригласила лед-девушку, еще больше удивилась, когда та приняла приглашение, и поразилась, когда Настоятельница Стекло это разрешила. Нона предположила, что на Скале Зоул чувствует себя запертой, как и она. Возможно, настоятельница беспокоилась, что, если Зоул почувствует себя чересчур крепко запертой, она просто сбежит.

Сестра Чайник прислонилась к колонне рядом с Ноной, улыбнулась и закатила глаза. Когда Нона услышала, что настоятельница решила послать собственный эскорт в дополнение к войскам дома, она забеспокоилась, что они могут получить Сестру Шрам, Сестру Скала или кого-то еще, столь же безрадостного. Возможно, даже Сестру Сало. Нона уважала Сало, но не предполагала, что та будет особенно снисходительной компаньонкой в Истине. Появление Сестры Чайник оказалось приятным сюрпризом. Она все еще выглядела слишком юной для монахини. В бане с черной копной волос, выбритых до черепа, она легко могла сойти за послушницу.

— Они уже идут. — Чайник прижалась спиной к колонне.

Нона снова выглянула наружу.

— Не вижу их. — Она сплюнула лед-крошку. — Зоул?

Зоул молча стояла, подставив лицо ветру. Затем, когда Нона уже собиралась повторить вопрос:

— Я что-то вижу.

Через несколько минут двенадцать стражников, закутанных в черные меха, с которых теперь свисал лед, собрались вокруг монахини и трех послушниц. Сестра Чайник окинула взглядом каждого из них по очереди, затем кивнула и позволила им идти впереди, обратно к Виноградной Лестнице.

— Твоя кухня будет не слишком рада увидеть рядом с тобой меня и Зоул. — Нона знала, любая Сис определит ее крестьянские корни вопреки годам монастырского образования, сколько бы она не росла над ними. — Ну, возможно, она будет рада видеть Зоул. — Аргата была новинкой. Ради новинки богачи могли простить низкое происхождение.

— Избранная вряд ли сможет путешествовать без своего Щита. — На красном от ветра лице Ары появилась ухмылка. — И, кроме того, Терра будет любить то, что я ей скажу ей любить. Менсисы, родственники Йотсисов, были их союзниками на протяжении многих поколений. — Заметив, что Нона нахмурилась, она уточнила: — Мы ими командуем.

Виноградная Лестница вела вниз от Скалы Веры по склону, достаточно пологому для телеги и лошади, хотя Нона не хотела бы быть этой лошадью. Под ними к основанию Скалы жались виноградники, защищенные от самого сильного ветра. Листья виноградных лоз были плотно сложены. Они не откроются до тех пор, пока лед-ветер не утихнет, хотя Сестра Мотыга, отвечавшая за виноделие, сказала Ноне, что большая доза удобрений заставит большинство растений раскрыть листья в любую погоду.

— Они не могут упустить такой шанс, — сказала старуха. — Беспокоятся, что какое-нибудь другое растение украдет его первым. На самом деле они не так уж сильно

отличаются от людей. Не так уж много людей, которые не рискнули бы помешать сопернику получить выгоду от того, что хотят они сами.

•••

У ПОДНОЖИЯ ВИНОГРАДНОЙ Лестницы стояло ограждение с воротами, которое оказывала символическое сопротивление любому, кто не имел должного дела в монастыре, и именно здесь их ждала толпа из двух дюжин паломников.

— Это должна быть она! — Крик из толпы.

Зоул опустила голову, натянув капюшон своего поход-пальто на лицо. Совсем не то, чему их всю неделю учила Сестра Яблоко. Вместо того, чтобы быть незаметной, она стала выглядеть виноватой.

— Должна быть!

— Все эти охранники!

— Она здесь!

— Будьте бдительными. — Сестра Чайник вышла вперед и похлопала по плечу старшего гвардейца. — Расчистите путь. Никому не причиняйте вреда.

Когда стражники приблизились, чтобы оттащить ограждение в сторону, толпа расступилась, пропуская человека с его ношей. Неуклюжий в своих овечьих шкурах, он, должно быть, имел прикосновение или даже больше геранта. На руках он нес ребенка, вялого и бледного.

— Он болен. Аргата может исцелить его. — Мальчик, которого он принес, не подавал признаков жизни. На вид ему было не больше шести лет, самое большее — семь: — Пожалуйста. — Каким-то образом мольба такого большого мужчины с таким глубоким голосом зацепила Нону, ее глаза защипало.

Некоторые из стражников повернулись и уставились на Зоул. Никто не называл им ее имя, но, возможно, хватило красной кожи — знака принадлежности к лед-племени.

— Это она! — Фигуры вокруг мужчины с ребенком указали на Зоул, проследив за взглядами стражников.

— Благослови меня, Аргата!

— Мне просто нужно прикоснуться к ней.

Масса людей начала двигаться вперед. Выругавшись, Зоул повернулась и побежала назад по Виноградской Лестнице.

— Зоул! Тебе не обязательно... — Чайник повернулась, подняла руку, но быстроногая Зоул уже исчезла. Паломники в один голос вздохнули, чувствуя нарастающее разочарование.

— Это была не она.

— Аргата не убежит.

Ара поймала взгляд Ноны, прикусила губу и слегка покачала головой:

— Тебе повезло, что у тебя есть она. Мне повезло, что у меня есть ты. Никто из нас не хотел бы быть Аргатой.

Чайник подошла, чтобы осмотреть ребенка. При ее приближении мужчина отступил назад, словно чувствуя в ней тень, но толпа удержала его.

— Мне очень жаль. — Чайник убрала пальцы с шеи мальчика. — Ваш сын уже у Предка. Он — звено в бесконечной цепи, все еще соединенной с вами, все еще соединенной со всеми, кто когда-либо заботился о нем. Мы все объединимся в Предке. Ничто не уходит

из этого мира без воспоминаний.

Затем они ушли, направляясь к далекому городу.

Ара подошла и встала рядом с Чайник:

— Хорошо сказано, сестра.

Чайник покачала головой:

— Родительское горе глубже, чем можно выразить словами, послушница. Мы говорим им, чтобы помочь себе.

•••

ЭСКОРТ МЕМСИСОВ С привычной легкостью прокладывал себе путь по плотно забитым улицам Истины. Они казались более уверенными в себе внутри городских стен, и Нона подумала, что среди них она почувствовала, каково это — родиться с деньгами и именем.

Она наблюдала за цветом и разнообразием толпы, ее плотностью и энергией. Без тени, с абсолютно черными глазами и без явного таланта к маскировке, Нона начала отчаиваться пройти Тень-испытание. И, увидев городской хаос, решила, что перспектива пересечь площадь Тайбур без вызова варьируется от совершенно невозможной до очень маловероятной.

— В гардеробе Тени такого нет... — Нона смотрела, как мимо проходит женщина в темно-зеленом бархатном плаще, отороченном лисьим мехом. Чтобы получить шанс на Тень-испытании и пересечь площадь без вызова со стороны одноклассниц, ее маскировка должна быть идеальной.

— Нет? — Ара еще не заглядывала в гардероб. — Я думаю, что старшие послушницы в любом случае могут распознать большую часть того, что имеет Отравительница. Многие девушки получают одежду для испытания снаружи... — Ара замолчала, вероятно, вспомнив бедность Ноны и полное отсутствие семьи в Истине.

Нона считала, что разнообразие и качество одежды, хранившейся в гардеробе Тени, было поразительным, но, снова увидев улицы Истины, пересмотрела свое мнение.

— Я что-нибудь придумаю. — Она продолжала идти.

•••

ДОМ, К КОТОРОМУ привели их охранники, стоял среди деревьев за высокой стеной вся улица была застроена величественными домами. Нона видела здания, которые затмевали это: Собор Предка, Академию и дворец императора, но никогда не видела такого огромного частного дома. Окна тянулись на сотню ярдов по обе стороны больших дверей из полированного красного дерева. Невероятно большие блоки песчаника были сложены вместе, чтобы построить стены, каждый блок встречался с другим с такой точностью, что даже без раствора самое маленькое насекомое не нашло бы места, чтобы проползти между ними.

Ара начала подниматься по ступенькам, и лакей открыл дверь.

— Я осмотрю сад, — сказала Чайник.

— Ты и не должна, сестра. — Ара указала на дверь. — Присоединяйся к нам. Пожалуйста.

Чайник покачала головой, и по ее лицу пробежали слабые тени, словно воспоминание о прошлых синяках. — Я буду рядом, когда вы соберетесь уходить.

•••

ЛАКЕЙ ПРОВЕЛ АРУ и Нону через фойе. Проведя так много времени в Соборе Предк Нона смогла не пялиться на мозаичный пол и высокие мраморные колонны. Коридор, который вел из фойе, был прорезан нишами, статуэтки и вазы внутри удерживали взгляд Ноны, наполняя ее руки страстным желанием прикоснуться к ним. Ей было трудно представить, что кто-то живет здесь, день за днем, шагая по этим коридорам и зная, что все это принадлежит ему.

Нона вдруг почувствовала себя очень тусклой и скучной в своей рясе, и она спросила себя, что эта благородная леди о ней подумает. По сравнению с нарядами, которые она видела на улицах Истины, ряса казалась чем-то немногим больше чем мешок. В то же время она должна была признать, что Ара каким-то образом умудрялась выглядеть красивой в своей, простота которой контрастировала с золотом ее волос и жесткими линиями тела, заметными при каждом движении.

Лакей постучал в внушительные двойные двери и вошел:

— Леди Арабелла Йотсис, чтобы увидеть вас, мэ, и ее спутница.

Ара вошла в роскошно обставленную комнату, уставленную мягкими диванами и глубокими креслами, которые выглядели такими удобными, что могли бы проглотить человека целиком. Высокий потолок был выкрашен в небесно-голубой цвет, облака усеивали гипсовые небеса.

— Терра! Ты прекрасно выглядишь! Это моя подруга, Нона. Она — Щит Аргаты, и будет лучшей Красной Сестрой, которую видела империя! — Ара говорила с оживлением, которого Нона никогда раньше не замечала в ней, и еще с акцентом, который она принесла с собой в монастырь более пяти лет назад — каждое слово было обрезано и имело ударение в странных местах.

С твоей подружкой что-то не так. Кеот пробежал вверх по шее и растекся по коже головы, затаившись под густыми черными волосами.

Она хорошо приспособилась. Заткнись и не высовывайся.

— Арабелла! — Терра поднялась со стула — высокая девушка в сверкающем зеленом платье, с длинными песочного цвета волосами, стянутыми золотой лентой, с довольно приятным лицом, на котором выделялся несчастный нос. — Нона, садись, пожалуйста. — Она огляделась вокруг. — Я думала, мы ожидаем, — она подняла руки ладонями вперед и потрясла ими в притворном восхищении, — Избранную! Нет?

Ара драматично опустилась на ближайшую кушетку:

— Нет. Мы обнаружили ее скрытую слабость. У нее аллергия на обожание.

— Неважно. В любом случае, у меня есть свой гость, которым я могу поделиться! — Надутые губы Терры сменились озорной улыбкой, все разочарование было забыто. Нона почувствовала, что ей нравится эта молодая женщина. — Ты привела своего воина — посмотри на моего! — Она наклонилась, чтобы позвонить в серебряный колокольчик, стоявший на маленькой подставке рядом с ее креслом, и посмотрела на главные двери.

— Им обязательно сражаться? — Ара усмехнулась, проследив за взглядом Терры.

Нона поерзала в удобном кресле, удивляясь, что Терра считает ее воином. Она,

казалось, не понимала, что Ара, вероятно, может победить любого мужчину в ее домашней страже, не вспотев.

Трудно увидеть старых друзей новыми глазами.

Откуда тебе знать? У тебя же нет друзей. Нона попыталась прогнать Кеота на спину, но оставила эту попытку, когда двери начали открываться.

В комнату вошел высокий мужчина, смуглый и симпатичный. Черная прядь его волос спускалась за накрахмаленный белый воротничок. Его куртка, темно-пурпурная и расшитая серебряной проволокой, в смелых узорах, которые предпочитали дворяне Истины, должно быть, стоила годового жалованья среднего городского рабочего.

— Я знаю его! — Ара села, внезапно заинтересовавшись.

— Ты должна, ведь он один из лучших ринг-бойцов империи! — Терра взволнованно захлопала в ладоши.

Нона уставилась на Ару и ее подругу. Они обсуждали этого человека, как будто его здесь не было. Она снова повернулась к мужчине, с извиняющимся видом, впервые разглядев его лицо:

— Регол?

— Действительно. — Регол изобразил поклон. — К вашим услугам, Монахиня Нона. — Она узнала сардоническую улыбку и мрачный юмор в его глазах, хотя и не узнала наряд, который он сейчас носил.

— Вы встречались? — Терра снова захлопала в ладоши. — Когда же? Ты должен мне сказать!

— В последний раз, когда я видел маленькую Нону, она лежала на спине, сдаваясь мне, — сказал Регол.

Терра нахмурилась.

— Но ведь послушницам не разрешается заниматься подобными вещами? — Она снова ухмыльнулась, полная любопытства. — Что с тобой *произошло*, Нона?

— Он ударил меня ногой в грудь, а потом локтем в голову. — Нона вспомнила, что было очень больно. — Я решила, что должна позволить ему победить и сохранить свои силы для того, кто мне действительно не нравится.

— Для большого рыжего геранта. — Регол кивнул. — И технически ты *выиграла* тот бой против Денама.

— Денама? — Терра выглядела потрясенной. — Этот человек — чудовище. Нона не могла...

— Сколько тебе тогда было? Двенадцать? — Регол покачал головой. — Денам никогда тебя не простит...

— Я не верю... — Терра начала было подниматься на ноги.

Ара положила руку на бедро кузины.

— Это правда. Но Денам проиграл из-за дисквалификации. Он попытался напасть на Нону за пределами ринга.

Регол подошел и без приглашения сел на стул рядом с Ноной:

— Судя по тому, что я слышал, ты могла бы убить нас обоих в тот день, если бы захотела.

Терра недоверчиво посмотрела на него. Регол кивнул:

— Магия. — Он беззвучно произнес это слово и снова кивнул.

Терра начала рассказывать Аре о победах Регола в Калтессе. Нона откинулась назад,

позволяя словам омыть ее. Она поймала себя на том, что наблюдает за Реголом, который, в свою очередь, не сводил глаз с Терры, улыбаясь своей обычной улыбкой. Нона покачала головой. Похоже, они с Арой были не единственными, кто обладал магией: Регол, казалось, мог очаровать двух других, просто сидя здесь, и она обнаружила, что тоже втянулась в это, позволяя своему взгляду блуждать по всей длине его тела. Возможно, в нем было прикосновение марджала, эмпатия, о которой когда-то говорил Маркус.

Через некоторое время был подан обед, и все четверо прошли в столовую, которая была еще длиннее, шире и выше, чем трапезная Сладкого Милосердия, где ели пятьдесят послушниц. В центре стоял длинный полированный стол, по которому Ноне вдруг захотелось соскользнуть, да так, чтобы на пол полетела дюжина подсвечников. Она подавила желание и села на противоположном конце от Регола. Терра и Ара сидели по обе стороны от него. Наблюдая за ними, Нона поняла, что Терра, должно быть, на несколько лет старше Ары и ее самой — ей восемнадцать или девятнадцать, одного возраста с Реголом. Острый укол ревности пронзил Нону: Терра, живущая своей великолепной жизнью под золотой крышей отца, привела Регола как новинку, для развлечения своей подруги.

Если ты убьешь ее, то сможешь забрать ее дом и мужчину.

Заткнись, Кеот.

Нона перевела взгляд на тарелку супа, стоявшую перед ней. От оранжевой жидкости поднимался восхитительный аромат. Она понятия не имела, что это за ингредиенты. Несколько серебряных ложек были разложены вокруг. Она взяла ближайшую, рифленую, и осторожно зачерпнула ею жидкость. Сама тарелка была из великолепного фарфора, тонкая, как яичная скорлупа, и изящно расписанная сиреневыми узорами. Нона ела каждую ложку в смертельном страхе, что может как-то повредить тарелку.

— Нона? А ты как думаешь?

— Что? — Нона подняла глаза, внезапно забеспокоившись, что хлебает. — Да?

Регол, задавший вопрос, озадаченно посмотрел на нее.

Если ты хочешь размножиться с ним, просто скажи ему об этом.

— Я не... — *Я не хочу размножаться с ним, и, если ты не заткнешься, я силой воткну тебя в свой мизинец и ОТРЕЖУ ЕГО!* — Извини...

— Тебе не понравился суп? — Терра выглядела обеспокоенной.

— Что-то в нем, — сказала Нона. Потом, видя огорчение Терры, добавила: — Нет, не суп, он очень вкусный. А что в нем есть?

Терра просияла:

— Знаешь, мне никогда не приходило в голову спросить. Я могу позвать повара. Наверное, это хурма и еще что-нибудь. В наши дни все едят хурму. На днях я ела ее с треской у Доры Рисис! Я попрошу Эдриса позвать повара...

— Не надо! Он прекрасен. — Нона наклонила голову и взяла еще одну ложку, поглощая ее так же тихо, как Сестра Благоразумия.

Что такое хурма?

Понятия не имею. И заткнись.

Кеот скользнул вниз по ее шее и свернулся калачиком в животе, вероятно, чтобы лично проверить, в чем дело.

Рыба сменила суп, причем потребовалось четверо слуг, чтобы одновременно убрать тарелки и поставить на их место новые. Ара и Терра болтали о той или иной госпоже Сис, хотя знание Террой того, кто носил какое платье и какой цвет сейчас в фаворе при дворе,

казалось, истощило даже терпимость Ары к таким деталям. Наконец Ара перекинула белокурую прядь волос через плечо и обратила свои голубые глаза на Регола:

— Ты в последнее время бил других послушниц до полусмерти?

— Нет, — Регол печально покачал головой. — Это лакомство предназначено для подмастерьей. Сейчас я танцую с Гретхой, и она бьет *очень* сильно!

— Ваша профессия опасна, сэр. — Ара отодвинула тарелку.

— В ней есть свои преимущества. — Регол вытер тарелку куском хлеба, его манеры были манерами Калтесса. — Например, бесплатные обеды.

— А где еще ты обедал? — Ара выгнула бровь. *Она выглядит намного старше своих пятнадцати лет*, подумала Нона.

— Меня больше интересует, где я буду обедать. — Сквозь привычную маску Регола пробилось неподдельное возбуждение. — Шерзал сама попросила меня составить ей компанию в ее дворце!

Нона села, едва не опрокинув изысканный стакан, в котором ей принесли воду:

— Шерзал!

Ара примирительно приподняла руку.

— Ринг-бойцы — популярные гости за многими высокими столами. Раймел Таксис сделал весь этот бизнес модным, и этот тренд, похоже, пережил его.

Улыбка Терры была немного нервной:

— Я слышала, Шерзал получает огромное удовольствие в компании ринг-бойцов. Будь начеку, Регол.

— Всегда, леди. — Он молча кивнул. — Особенно рядом с Гретхой, но едва ли в меньшей степени в домах богатых и влиятельных. За исключением присутствующих, конечно.

Они все рассмеялись над этим, хотя, вероятно, по четырем различным причинам.

— А когда, скажи на милость, Шерзал будет иметь удовольствие побыть с тобой, Регол? — спросила Ара, Сис вплоть до кончиков пальцев.

— Примерно через месяц. — Регол опустил ложку в суп, очистив ее с восхитительным отсутствием чавканья. — Праздник... Стиввана?

— О! — Терра захлопала в ладоши. — Праздник Стиввана? Тогда ты будешь не один, дорогой Регол. Будут все, кто есть кто-то. Шерзал разослала целую тележку приглашений. Я сомневаюсь, что в этот день в любом особняке Сис останется кто-нибудь моложе пятидесяти. Я бы не удивилась, если бы она пригласила принцев Дарна и военачальников Скифроула! Она обещала нечто *потрясающее!*

— Не могу дождаться. — Регол, казалось, разочаровался, узнав, что трапеза во дворце окажется менее интимной, чем он ожидал.

Прибыли главные блюда: зажаренные целиком павлины, восхитительно украшенные грибами, затем краснокетч, выловленный из талых рек с южного льда. Нона самоотверженно ела, пораженная мыслью, что еда может быть намного лучше, чем та, что подавалась в трапезной Сладкого Милосердия, которую она считала раем.

Вслед за слугами, убиравшими второй набор тарелок, появилась горничная с подносом, уставленным фарфоровыми чашками, наполненными ароматной дымящейся жидкостью. Нона неуверенно посмотрела на чашки.

— Это называется чай, Нона. — Ара взяла свою. — Настой из листьев, выращенных в Геруле. Пьют во всех лучших домах.

Слово *Герула* показалось знакомым, земля далеко на востоке. Нона взяла свою чашку и понюхала.

— Приобретай вкус. — Регол усмехнулся ей через стол. — Ты должна работать над тем, чтобы научиться наслаждаться многими из самых дорогих вещей в жизни!

Что-то ударило в дверь с такой силой, что замок не выдержал. От неожиданности чашка Ноны выскользнула из ее пальцев. Сработал инстинкт, и Нона ухватилась за этот момент. Даже несмотря на то, что дверь продолжала угрожающе открываться, Нона первым делом поймала чашку, перехватив ее ленивое падение, и поставила на стол.

К тому времени, как дверь уже распахнулась достаточно широко, чтобы можно было увидеть Сестру Чайник, Нона, Ара и Регол вскочили на ноги, а за ними начали валиться стулья. Распахнувшаяся настежь дверь ударилась о стену.

— Не пейте его! — Стулья с грохотом упали на пол, когда Чайник вошла в комнату. Ее взгляд, казалось, был прикован к Реголу.

— Чт... — Терра, все еще сидевшая с чашкой на полпути к губам, моргнула и огляделась вокруг, удивленная тем, что все остальные стоят.

— Не пейте его, — повторила Чайник, наклоняясь над столом, чтобы взять дымящуюся чашку из рук Терры.

Нона проследила за взглядом Чайник. Не Регол — служанка позади него. Регол, поняв это, резко обернулся, но женщина схватила его за запястье и шею, надавила на нервный узел и заставила встать на колени.

— Чай не отравлен, Чайник. — Женщина стояла прямо, с каждой секундой все меньше походя на служанку.

Она солгала тебе. Своим телом. Как твое отравленное яблоко, которое пытается учить тебя.

— Я пришла поговорить с Зоул. Если бы я хотела, чтобы твои послушницы умерли, ты бы сейчас собирала их теплые трупы. — Женщина отпустила Регола с таким толчком, что тот растянулся на полу. Она была моложе, чем думала Нона, возможно, так же молода, как Чайник, ее волосы были черными, как у хунска, и заплетены в тугую косу. Темные глаза смотрели поверх высоких скул. В ней была жесткая красота. И угроза.

— Я тебя знаю. — Регол поднялся с пола, потирая шею. — Ты каждый год приходишь в Калтесс на ковку и наблюдаешь за послушницами. — На его поджатых губах появилась печальная улыбка. — Мои чары подвели меня в прошлом году. И в позапрошлом.

— Зоул здесь нет, Сафира, — сказала Чайник, вставая между женщиной и столом. — С чего ты взяла, что она может быть здесь?

— Я никому не говорила. — Терра наконец-то встала на ноги. — Клянусь!

— Я вижу, что ее здесь нет. — Сафира шагнула к двери. — Я оставлю вас есть десерт. Горничная лежит без сознания в шкафу в холодной кладовке.

Чайник двинулась, чтобы преградить Сафире путь к выходу. Регол поднялся на ноги, морщась от боли.

Кто эта женщина? Ты тоже ее знаешь. Кеот придвинулся к шее Ноны, щека покраснела.

Сафира. Она обучала Зоул для сестры императора. Ее изгнали из монастыря много лет назад, когда она зарезала Чайник.

Наконец-то! Кеот заставил появиться на свет дефект-лезвия Ноны. *Кто-то, кого можно убить.*

Нет. Но Нона даже не попыталась убрать свои клинки.

— Уйди с дороги, Мэй, — Сафира двинулась к двери.

Мэй?

Должно быть, это настоящее имя Чайник. Заткнись.

— Ты пойдешь в монастырь. Есть вопросы, на которые нужно ответить. — Чайник приняла стойку меч-кулака, мягкую форму, руки подняты.

— Нет. — Сафира повторила ее стойку.

— Она знает об Йишт и корабль-сердце! — Нона вскочила на стол, забыв о своей заботе о посуде. *Прыгай на нее! Разорви ее плоть. Открой ее тело!* Кеот распластался, заливая ее конечности алым светом.

— И она ударила ножом Чайник! — прошипела Ара.

Сафира покачала головой, на ее губах появилась узкая улыбка:

— Все было совсем не так. Вы ничего не знаете. Вы же дети.

— Было что-то в этом роде. — Чайник не сводила глаз с Сафиры.

— Ядовитые слова Яблока настроили Мэй против меня, Нона.

Нона моргнула, удивленная тем, что к ней обращаются.

— Это работа Яблоко, — продолжила Сафира. — Ты все узнаешь, но к тому времени будет уже слишком поздно. Шерзал — наша единственная надежда. Крустикэлу не хватает воображения. Велера — тупое оружие. Мы можем утонуть вместе с императором или выплыть, некоторые из нас.

— Шерзал...

— Шерзал не приказывала убивать твою подругу, Нона. Йишт опасна, но ты пользуешься теми инструментами, которые у тебя есть. — Сафира взглянула на нее. — Не я твой враг. Ной-гуин не забыла тебя. Это предупреждение от друга.

Нона покачала головой.

— Если ты друг, то можешь прийти и рассказать свои истории настоятельнице. Она знает, что с ними делать. — Она пошла к краю стола, осторожно ступая и избегая тарелок. Ара и Регол тоже двинулись вперед.

— Нет! Только я, — скомандовала Чайник железным голосом. Удивление от такой властности монахини удержало Нону на месте. Чайник всегда была улыбчивой и веселой. *Такую* Чайник Нона не знала.

В следующее мгновение обе женщины приблизились и начался бой. Сафира взмахнула ногой, пытаясь сбить Чайник с ног. Обе использовали боевую текучесть — элемент меч-кулака, так любимый Сестрами Благоразумия. Там, где Сестра Сало концентрировалась на блоках и ударах, направленных на то, чтобы нанести как можно больше урона за как можно более короткое время, серый кулак сосредотачивался на уклонении и выведении противника из равновесия, часто больше походя на танец. Эти две двигались в плавном соревновании положения и устойчивости, шквалы ударов не находили ничего, кроме воздуха. Это мог быть танец, и к тому же красивый, но Нона знала, что в этой форме есть множество приемов, позволяющих вывести из строя или убить менее опытного противника тихо и эффективно, и любой из них можно было использовать за один удар сердца, если одна из женщин получит достаточное преимущество.

Быстрое столкновение, руки находят опору, быстрое приведение в соответствие ног, разорванные захваты. Чайник и Сафира отпрянули друг от друга, потеряв равновесие. Мгновение спустя они снова сошлись — удары руками и ногами и минимальные повороты

тела, уклоняющиеся от них, одежда Чайник кружится вокруг нее. Чайник без предупреждения ухитрилась схватить Сафиру за косу и, дернув ее голову назад, ударила локтем в лицо.

Сафира отступила назад, тяжело дыша и вытирая кровь с носа.

— Как бы я ни любила играть с тобой, Мэй, у меня нет на это времени. — Она раскрыла ладонь, чтобы показать маленькую кожаную трубку, запечатанную смолой. — Серая горчица. Не совсем идеальная приправа для светских сборищ. Я могу просто уйти?

Чайник отступила от двери, сузив глаза.

Бросайся на нее! Ты можешь отрезать ей руку, прежде чем она...

Нет. Нона мало что знала о серой горчице, но это был яд, с которым Сестра Яблоко разрешала работать послушницам только тогда, когда они достигали Священного Класса, да и то только в том случае, если они были отобраны для Серого.

Сафира открыла дверь и, обернувшись, снова посмотрела на Нону.

— Передай Зоул мои слова. Шерзал стремится к величию, и для вас обоих найдется место рядом с ней.

Через мгновение она исчезла.

В СЕДЬМОЙ ДЕНЬ подогрели воду в бассейне. Теперь, после исчезновения корабль сердца, требовалось сжигать уголь в комнате под прачечной, через которую проходили трубы. Черный дым валил из новой дымовой трубы, и ветер Коридора уносил его прочь. Настал вечер, четыре часа, вода начала дымиться. В некоторые шестые дни, во время мороза, Ноне приходилось разбивать в бане пленку льда, так что седьмой день был благословением. После четырех часов сжигания угля бассейн стал таким же горячим, как обычно, и почти таким же горячим, как в тот год, когда она присоединилась к Сладкому Милосердию.

Нона и Ара вернулись с обеда с Террой Менсис в Истине как раз вовремя, чтобы помыться, но Нона вышла из дормитория поздно, погруженная в свои размышления. Она не разговаривала с Зоул и все еще не знала, что делать с посланием Сафиры. Возможно, ей следует предоставить решать самой настоятельнице.

Всю обратную дорогу Чайник молчала, глубоко задумавшись. Самое лучшее произошло когда они уходили: Ара попросила Терру одолжить Ноне какую-нибудь одежду в следующий раз, когда Ноне будет в городе.

— Для монастыря, — сказала она. — Своего рода маскарадный костюм. Я не знаю, чего она захочет.

— Конечно... — Терра казалась неуверенной, возможно, представляя, как ее лучшее платье выходит за дверь вместе с позаимствованными драгоценностями.

— Возможно, униформа слуги. Или парик, если он у тебя еще остался? — сказала Ара.

При этих словах Терра заметно оживилась:

— О, Арабелла! У меня так много париков! Велера надела этот серебристый три года назад и... ну, ты знаешь... но теперь? Никто их не носит. Нона, ты можешь взять шесть, если хочешь!

•••

ОСТАЛЬНЫЕ ПОСЛУШНИЦЫ БРОСИЛИСЬ наслаждаться жаром, — и Ара с ними, как только пришло сообщение, что Сестра Швабра открыла двери бани. Нона лежала на кровати, уставившись в потолок и не обращая внимания на уговоры Кеота. Он любил бассейн.

Ее мысли заполнил холотур. Воспоминание об этом всепоглощающем страхе. Гнев, который она испытывала от стыда за это. Метка этого существа на ее друзьях. Из всех послушниц, пришедших с Ноной из пещер в тот день, только Ара признавала, что они существуют. Остальные начинали раздражаться, если она говорила о них, и пытались сменить тему, а если не получалось, просто уходили. Даже Ара, хотя и соглашалась с тем, что там *есть* пещеры и существует потайной ход, говорила туманно и уклончиво, когда речь заходила о том, что там что-то может быть и о том, исследовали ли они когда-нибудь эти пещеры.

Отведи меня в баню!

Ты просто хочешь увидеть послушниц голыми.

Я старше вашей цивилизации и нахожу ваши тела не более привлекательными, чем тела науков.

Нет ничего особенного в том, чтобы быть столетним, если ты можешь помнить только несколько последних лет.

Кеот, казалось, знал очень мало. Он даже не знал, кто он и откуда пришел. А если и знал, то не говорил. Он утверждал, что наслаждается теплом воды, но каждый раз, когда внимание Ноны отвлекалось, она замечала, что он пытается прокрасться в один из ее глаз, чтобы лучше видеть.

Наконец Нона скатилась с кровати и вышла из дормитория. Ей нужно было освободиться от дневной грязи, и не в последнюю очередь от пота, вызванного воспоминаниями о страхе. Она также хотела прекратить стоны Кеота. В дормах царил тишина. Ее шаги эхом отдавались на лестнице. Никто не задерживался надолго, когда над бассейном поднимался пар.

— Я думала, ты никогда не придешь. — Джоэли Намсис преградила ей путь в вестибюле, выйдя из Красного дорма. Нона была слишком погружена в свои мысли и увидела ее только в самый последний момент. Если не считать выражения жестокости на лице, она — высокая, с золотыми волосами, ниспадающими на плечи, — была очень похожа на Ару. — Наверное, это правда. Крестьяне любят быть грязными.

Две девушки, настолько похожие друг на друга, что могли бы быть настоящими сестрами, вышли следом за ней: Элани и Кроси, постоянные спутницы Джоэли, обе пол-кровки хунска. Еще две вышли из Серого дорма. Эти две, справа от нее, были из Священного Класа, и обе были отобраны для Красного. Элани и Кроси прошли мимо Джоэли, держа в руках посохи. Не взятые со складов Зала Меча, но грубые куски дерева, которые, похоже, были украдены с бондарного двора.

Джоэли улыбнулась:

— Я не думаю, что ты донесешь на нас, как бы сильно мы тебя ни избили. Но я очень хочу попасть во внешний мир и использовать свои таланты, так что я готова быть выброшенной наружу, если это цена, которую мне придется заплатить. Я готова заплатить любую цену, лишь бы увидеть, как ты ползаешь на брюхе, Нона.

— Моя цена выше. — Кеот пробрался на язык Ноны. — Но я готова заплатить ее полностью, если смогу подержать в руках твои кишки.

Нона проглотила дальнейшие угрозы, и воздух вокруг ее пальцев замерцал, когда появились дефект-лезвия. Она не стала бы резать послушницу, разве что чтобы спасти свою жизнь, но посохи не получают пощад, а их обломки вселят страх в подруг Джоэли. Теперь монастырь знал ее тайну, но знать — одно, видеть — совсем другое. Нона почти остановила вращение планеты и шагнула вперед, не пытаясь защищаться. Она рубанула рукой по ближайшему посоху. Пол-кровки были быстры, по обычным стандартам, но ее скорость заставляла их казаться медленными. Ее рука скользнула мимо посоха туда, где девушка сжимала его. Дерево, которое должно было разлететься на куски, осталось нетронутым.

Нона посмотрела на свои пальцы. С них исчезло дефект-мерцание. Осталось только покалывание в костях, как это часто бывало, когда она забирала их остроту из мира.

Нона быстро отпрыгнула. Подняв глаза, она увидела, что обе старшие послушницы хунска идут к ней, огибая двух других. Джоэли отступила за спину Элани и Кроси, вооруженных посохами, ее руки все еще были подняты в щипковом движении.

Она втянула твои когти.

Почему ты не остановил ее? Ты же остановил холотура, тянущего мои нити!

Тогда она узнала бы, что я существую. Но если ты хочешь ее убить...

Нона зарычала и повернулась к первой из послушниц с пустыми руками, худой девушке по имени Мира, прайму с преимуществом в несколько лет. Гнев Ноны довел ее скорость до предела. Она впечатала предплечье в горло Миры и, схватив девушку за плечо, перепрыгнула через ее протянутую руку, врезавшись обеими ногами в середину посоха, который держала Элани позади нее. Пол-кровка застыла на месте, ее лицо исказилось от рычания. Посох раскололся, и инерция Ноны пронесла ее дальше, обе пятки ударили Элани в живот, сбивая ее с ног.

Нона вышла из кувырка рядом с Джоэли. Удар ногой по колену девушки привел к удовлетворительному хрусту, но она должна была сосредоточиться на Хеллан, другой хунска, полн-кровке, более высокой и крепко сложенной, чем Мира. Хеллан врезалась в Нону, повалив ее на землю, как раз когда Джоэли начала кричать.

Падая, они продолжили сражаться, борясь за лучшее положение. У Хеллан было преимущество в весе и силе, у Ноны — в скорости. Нона изо всех сил пыталась высвободить руки из того места, где Хеллан прижимала их к бокам, но ей удалось лишь продвинуть девушку еще выше, так что они упадут лицом к лицу. Не в силах освободиться, Нона согнула ногу и повернула пятку к земле так, чтобы удар об пол привел ее колено в бедро Хеллан. Вдобавок, чтобы не удариться затылком о каменные плиты, Нона в последний момент рванулась вперед и врезалась лбом в нос девушки.

Земля выбила воздух из легких Ноны, и она на мгновение замерла, ее глаза были полны странных огней и крови Хеллан. Что-то большое и быстрое пронеслось сквозь путаницу вспышек. Пятка посоха ударила ей в лицо. Нона повернула голову, и дерево задело ее ухо, прежде чем с треском врезаться в камень рядом с ней.

Взревев, Нона сбросила с себя Хеллан и откатилась в сторону — медленное и неуклюжее движение, потому что Хеллан все еще цеплялась за нее. Удара посоха избежать было невозможно. Нона приняла удар на трицепс левой руки. Лучше синяк, чем перелом. Она выдернула ноги Кроси из-под нее и вскочила. Элани шла к ней, размахивая половинками сломанного посоха, которые держала в каждой руке. Позади нее Мира, с окровавленным подбородком, пошатываясь и держась за горло, тоже шла к месту схватки.

Нона поймала один из укороченных посохов и, используя его как рычаг, повернула руку Элани, одновременно блокируя предплечьем другую. Не колеблясь, все еще держа захваченный посох, она всем своим весом навалилась на искривившийся локоть Элани. Тот треснул.

Лежавшая на земле Хеллан схватила Нону за лодыжку. Мира прыгнула на Нону, схватила и стала валить на пол, пытаясь прижать. В то же мгновение Кроси вскочила на ноги и, с удвоенной яростью, стала бить своим посохом по тем частям тела Ноны, которые все еще оставались уязвимыми.

Гнев Ноны рос. Она чувствовала удары посоха как отдаленные стуки по ногам и бокам. Ослепленная кровью, она видела, как перед ее мысленным взором ярко извивается Путь. Одной рукой Нона искала глаза Хеллан, судорожно двигая в воздухе скрюченными пальцами. Другой рукой она прикрыла голову, одновременно пытаясь впиться зубами в плоть и сухожилия на шее Миры.

Она может погибнуть, но тех, кто останется стоять на ногах, будет недостаточно, чтобы унести мертвых.

— Нет!

Прежде чем ее челюсти успели сомкнуться, прежде чем она коснулась ужасной силы

Пути, Миру оттащили от нее — тело девушки проплыло через дверной проем в Серый дорм. Что-то большое нависло над Ноной и Хеллан. Нона сморгнула кровь. Огромная фигура Посох ударил о плечо фигуры, дерево расколосось.

— Неужели? — Голос Дарлы.

Дарла повернулась и ударом кулака расплющила удивленную Кроси. Оттолкнув ногой Хеллан, она подхватила Нону одной рукой.

— Пойдем, ты. — Она шагнула через главную дверь на хлещущий дождем ветер, Нона оглянулась через плечо. Позади них кто-то кричал от боли. Наверное, Джоэли. Или Элани. Или обе.

После двух поворотов и ста ярдов Дарла усадила Нону у задней стены скриптория.

— Дай посмотрю.

— У меня все хорошо. — Нона совсем *не* чувствовала себя хорошо. Рука не желала разговаривать с ней, а разум был красным от Кеота, вопящего об убийстве.

— Ты не выглядишь хорошо. Ты вся в крови. — Дарла ткнула тупым пальцем в лицо Ноны. — Я должна отвести тебя к Розе.

— Нет. — Если она окажется в санатории, ей потребуется целая вечность, чтобы оттуда выбраться. — Это не моя кровь.

— Зато посох твой. — Дарла вытащила щепки из икры Ноны. — Они набросились на тебя, да?

Нона разрешила голове опуститься на грудь. Ребра болели при каждом вдохе.

— Не думаю, что кто-то из них снова набросится на кого-то в ближайшее время.

— Что же нам делать? — Дарла огляделась по сторонам в поисках приближающихся неприятностей.

— Ничего. — Нона попыталась встать, но не смогла. — Отведи меня в баню. Я посмотрю, что можно будет смыть.

— Но... Джоэли и остальные? Ты устроила там настоящий бардак.

Нона прислонилась головой к стене, чувствуя запах крови, а не привычную резкую вонь шкур из задней комнаты скриптория, где из них делали книжные переплеты.

Дарла попробовала еще раз:

— Если бы я не вернулась за тобой...

— Если бы ты не вернулась, я бы убила по крайней мере одну из них, — медленно произнесла Нона. — И они, вероятно, убили бы меня, чтобы я не убила вторую. — Она сделала еще один болезненный вдох и встала, опираясь на стену. — Они пойдут в санаторий с рассказами о падении с лестницы. Джоэли не захочет снова предстать перед столом монастыря. Она думала, что ее компания устроит мне взбучку — не такую страшную, как эта, — и сбежит без единой царапины. Она слишком привыкла к тому, что люди корячатся за нее.

Положив руку на плечо Дарлы, Нона заковыляла в баню.

Сегодня ночью мы перережем им глотки, пока они спят.

Нет.

Ты сказала, что родилась на войне!

Ты сказал это моим языком. Война — более долгая игра, чем битва. А пока мы ждем.

Нона поняла, что говорит «мы», и содрогнулась. Кеот, возможно, и был у нее под кожей, но она не хотела его глубже.

Две послушницы с дымящимися волосами уходили, когда они пришли. Обе удивленно

посмотрели на них, но ничего не сказали. В жаркой сырости раздевалки их окутало тепло, пронзенное криками, всплесками и смехом девушек, толпившихся в бассейне. Дарла усадила Нону на скамейку и несколькими быстрыми движениями стянула с себя одежду. Каждый дюйм ее тела топорщился мускулами, словно хотевшими вырваться на свободу.

— Не утони. — И Дарла направилась к воде.

Нона вздохнула и начала медленно раздеваться. Пальцы ее левой руки были слишком неуклюжи для завязок, и она вздрагивала при каждом напряжении или подъеме. Наконец она сбросила нижнюю одежду и заковыляла вслед за Дарлой в туман, слишком уставшая, чтобы плести его вокруг себя.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА СТЕКЛО

— ВХОДИ, СЕСТРА. — НАСТОЯТЕЛЬНИЦА Стекло жестом пригласила Сестр Чайник выйти из дверного проема и указала на стул перед столом.

Монахиня полыхнула нервной улыбкой и поспешила к нему. Стекло никогда по-настоящему не понимала эту девушку. Даже если бы она сама не вызвала ее, то по робкому стуку и нерешительности поняла бы, что это Чайник. Маскировалась ли она в монастыре или была настоящей? Но это была та самая Чайник, которую она помнила с уроков, гибкая девушка с резкими чертами лица и озорной улыбкой, Послушница Мэй Таннер, средняя дочь сапожника, который занимался своим ремеслом на ступеньках Улицы Кожников в Истине. Ее отдали в монастырь, когда исчезла ее мать. Мэй говорила другим послушницам, что это плачущая болезнь, но, на самом деле, ее мать забрал моряк: новая любовь и новые горизонты. Матери бросали своих сыновей и дочерей, и это, пожалуй, было более печальной историей, чем случайная жестокость болезни. Неудивительно, что ребенок так крепко привязался к Предку, в котором все узы крови связаны и крепко стянуты.

— Садись.

Сестра Чайник села, сложив руки на коленях и ссутулив плечи, хотя в камине горел огонь. За пределами монастыря дела Чайник снискали ей репутацию «убийственно эффективная», которую мало кто из Сестер Благоразумия мог превзойти. Внутри она выглядела все той же дружелюбной, неуклюжей девочкой, взросление которой Стекло наблюдала все эти годы. Было ли одно притворством, а другое — правдой, или обе были масками, и Чайник решала, которую надеть? Инстинкты Стекла редко подводили ее, но здесь они ничего не давали.

— Мне очень жаль, что это наша первая возможность поговорить как следует после твоего возвращения со льда, — сказала Стекло. — Последние несколько недель я была очень занята. Ты сама видела кое-что из этого за монастырским столом, а уж в Истине... — Она задумалась, насколько сильно на Чайник подействовала встреча с Сафирой в доме Менсисов. По мнению Стекла, нож был очень эффективным способом разорвать любые отношения, но Чайник создавала упругие узы привязанности, и она была очень близка с Сафирой в течение многих лет. В этом отношении она многое разделяла с Ноной. В то время как послушница осуждала действия своей подруги Клеры Гомал, действия, которые включали в себя предательство ее самой, она все же не осудила саму девушку. Преданность до такой степени казалась способом убить себя... но тогда что же такое кредо Предка, если не узы? Важность их и сила, которая переживает годы и поступки.

— Прежде, чем мы перейдем к отчету о твоей миссии... это дело с Сафирой.

Чайник вздрогнула. Настоятельница сомневалась, что она вообще отреагировала бы, если бы была вне монастыря, если бы у нее было Серое лицо, но здесь, в своем доме, она позволила себе быть уязвимой и любимой.

Стекло начала с начала:

— Ты сказала, что Сафира знала о приезде Зоул. Кто передавал наше письмо Лорду Менсису?

— Сестра Ведро.

— Хммм. — Как и Послушница Сулери, Сестра Ведро, несколько импульсивная и вспыльчивая, была не из тех, кого легко испортить. Настоятельница была не настолько наивна, чтобы считать, будто никого нельзя испортить, но она никогда бы не выбрала Сестру Ведро в качестве самого слабого звена в монастырской цепи.

— Кто-то проговорился, а ведь мало кто из нас знал об этом. Займись этим, когда у тебя будет время.

Чайник кивнула:

— Если у Шерзал есть ухо в Сладком Милосердии, я его отрежу.

Стекло покачала головой.

— Если у Шерзал есть ухо в Сладком Милосердии, я хочу решать, что оно услышит. А теперь перейдем к делу. — Она взяла лежащий перед ней отчет. — Ты много путешествовала по миру, Чайник. Снова испачкала руки. Делая то, что позволяет другим спокойно спать по ночам. Необходимые вещи, но жестокие. Такие поступки могут запятнать нас, если мы позволим кому-то о них узнать.

— Я уже запятнана, Мать. — Чайник подняла свои темные глаза, и Стекло на мгновение ощутила собственную слабость, свое собственное пятно.

— Теперь меня называют настоятельницей.

Чайник снова посмотрела на свои руки.

Стекло получила титул Преподобной Матери, и послушницы называли ее Мать. Она не так давно похоронила Эйбла, и, хотя ее сын ушел под землю, горе осталось над ней. Она отказалась от мирского, от своей работы, от своего дома, от своего богатства, но не от своей печали, которую она носила в монастыре, как вторую рясу. И послушницы были ее детьми. Теперь она это знала. Каждая из них — песчинка, но вместе они уравнивали на весах камень ее утраты. Мать — это корень семьи и сила, и мать для столь многих должна быть сильнее, чем большинство может себе вообразить. Ее слабость, ее пятно состояли в том, чтобы заботиться о каждом, вместо того чтобы заботиться о целом. Поэтому она отказалась от титула Преподобной Матери и стала настоятельницей. Все они были ее заботой, и она должна быть особенной, должна быть железной.

— Настоятельница, — сказала Сестра Чайник. Почему-то в ее устах это все еще звучало как Мать.

— Сестра Яблоко толкнула тебя в тень, Чайник. Ты не вошла в него сама, и с того места, где ты стоишь, ты все еще можешь видеть свет. Я верю, что Предок примет тебя, когда твоя работа будет закончена.

Чайник была заморышем, когда присоединилась к ним. Такой тихой, что можно было подумать, будто она потеряла язык, а не мать. Но дети обладают жизнестойкостью. Дети получают шрамы, и эти шрамы остаются на протяжении многих лет, но дети растут. Чайник выросла вокруг своих ран и снова научилась смеяться — иногда зло, как показывали отчеты о ней, — научилась быстроте своего тела и остроте ума. Она выросла женщиной и научилась любить и быть любимой.

— Я прочитала твой отчет, сестра. И снова исключительная работа.

Губы Чайник дернулись в улыбке, и по ее шее поползли тени, словно разлившийся румянец. Иногда они танцевали вокруг нее, иногда лежали тихо — клубящийся дым, в котором воображение Стекла рисовало ужасы, созданные ею самой. Некоторые назвали бы это испорченностью. Некоторые сказали бы, что сейчас внутри Чайник говорит тьма, и вскоре та начнет прислушиваться к ней. Но испорченность стучалась в каждую дверь, и

власть часто приглашала ее войти, власть императоров, первосвященников, даже настоятельниц. Стекло поддерживала Чайник, чтобы та оставалась глуха к шепоту испорченности, соблазвившему бы многих из тех, кто мог обвинить ее.

Стекло отложила отчет и положила руку на бумаги, каждая страница которых была покрыта аккуратными, тесно сплетенными буквами Чайник.

— Итак. Должны ли мы бояться Адомы?

— Госпожа Тень учит нас отбрасывать страх. — Чайник посмотрела на свои руки.

— Сестра Яблоко права, как это часто бывает. — Ни одна Серая Сестра не подходила так близко к бой-королеве Скифроула, как Чайник. Так же сильно, как она хотела знать планы Адомы, Стекло хотела узнать эту женщину побольше. Планы — это одно, но то, что человек будет делать, когда наступает лед, зависит больше от того, что лежит внутри него, чем от того, что он написал на пергаменте о будущем. — Осторожность — это мудро, но страх редко помогает, и его следует отложить в сторону. Что нам нужно отложить в сторону для королевы Адомы?

Чайник улыбнулась, став похожей на ту озорную послушницу, которая когда-то посыпала одеяние Сестры Колесо чихающим порошком такой силы, что монахиня сорвала с себя головной убор.

— Королева — очень страстная женщина. Ничто, кажется, не мотивирует ее так сильно, как отказ. Я никогда не была достаточно близко, чтобы прикоснуться к ней, но я слышала, как она держала двор. Она хорошо говорит и знает это.

Прикоснуться. Стекло подавила дрожь. Для Серой Сестры «достаточно близко, чтобы прикоснуться» означало достаточно близко, чтобы убить. Чайник не было приказано покончить с Адомой, но любая Серая гордилась тем, что подходила достаточно близко для прикосновения, независимо от того, делали они это или нет.

— Ты хорошо сделала, что добрались до черного льда, сестра. — В Скифроуле, недалеко от границы, черный лед коснулся южной стены коридора. Но мало кто из жителей империи когда-либо видел его. Стекло пролистала страницы, чтобы добраться до соответствующего раздела отчета. Здесь буквы шли еще плотнее и становились мельче, словно не желая расставаться со своей информацией. — Ты хорошо справилась, но я нахожу отчет о твоих приключениях там несколько запутанным. Ты потеряла след Адомы и ее священников во внешних покоях?

— Это очень трудно изложить на бумаге, настоятельница. — Чайник сторбилась на стуле, холодея от воспоминаний. — Местами черный лед лежит рядом с чистым льдом, как чернила на белой странице, проходя сквозь него. Но когда ты приближаешься с границе Скифроула, ты проходишь через туннели и помещения, где лед становится серым, темнеет и, наконец, становится черным. И все это на протяжении нескольких миль. Это порча. Загрязнение, которое затуманивает мысли точно так же, как затуманивает лед. В нем что-то живет. Или, по крайней мере, там есть что-то не мертвое.

— Как ты потеряла Адому с ее свитой? — Настоятельница Стекло провела пальцем по тексту.

— Туннели узкие, и она оставила за собой множество охранников. — Чайник нахмурилась. — Но правда в том, что я потеряла не ее. Я потеряла себя.

— Ты сбилась с пути?

— Я провалилась в... кошмар. Лед забрал меня. — Рот Чайник превратился в оскал, возможно, вспомнив маску, которую она носила во внешнем мире. — Я бы не выжила, если

бы я не была... — Она протянула руку, и тень пробежала между ее пальцами, — ...такой.

— Тогда я рада, что Госпожа Тень смогла спасти тебя дважды. — Стекло улыбнулась. — Ты оказала церкви важную услугу, сестра. Твой отчет о том, что Адома собрала у себя оба корабль-сердца Скифроула, представляет особый интерес. Кроме того, ты положила плоть на кости слухов об исследованиях бой-королевы подо льдом. Некоторые даже сомневались в существовании черного льда.

Сестра Чайник сунула руку в рясу.

— Я могу развеять эти сомнения. — Она достала пузырек, наполненный чернильно-черной жидкостью. Стекло обнаружила, что ее глаза зачарованы чернотой этого вещества. — Я отколола немного. Он растаял. — Чайник убрала пузырек во внутренний карман. — Яблоко считает, что он родственен боль-дереву Дарна.

Стекло поджала губы. Дарнишцы строили из боль-деревя свои барки. Некоторые утверждали, что эта субстанция живет даже тогда, когда ее разрезают на бревна и доски — злой дух пропитал ее насквозь, так что боль-деревя могли использовать только шаманы Дарна.

— Лес, в котором растут боль-деревья, питается тальми водами. Ходят слухи, что лед в этом районе серый. Сестра Правило однажды показала мне работы Олдербронна, архонта, который был братом Сестры Облако. Они намекают, что лед испорчен из-за какой-то работы Пропавших.

Стекло перевернула страницы и положила руку на самый верх:

— Есть ли еще что-нибудь, что я должна сказать первосвященнику Невису, когда буду докладывать ему на следующий седьмой день?

— Я бы больше беспокоилась о том, *сможете* ли вы доложить ему, настоятельница. Возвращаясь, я прошла через Истину и нашла время, чтобы послушать на нескольких важных углах...

Стекло знала, что это означало места, где ни одна монахиня не имела права находиться.

— И?..

— В Сладкое Милосердие скоро прибудет инквизиция.

НОНА КОВЫЛЯЛА ВНИЗ по высеченным в камне ступенькам в комнату Тени. В части ее тела — даже те, по которым, насколько она помнила, не били, — заостенели и теперь протестовали при каждом движении. Она делала последние шаги, держась обеими руками за стену и стиснув зубы, пот промочил ее нижнюю одежду вплоть до тела.

Когда она вошла, весь Мистический Класс посмотрел на дверь, некоторые сузив глаза и обвиняя, другие удивляясь.

— Нона, как хорошо, что ты присоединилась к нам. — Сестра Яблоко без всякого выражения наблюдала за ней из передней части класса. В руках она держала шляпу и шарф. — Из-за своего опоздания ты вызвалась в третий день помочь мне провести урок в Красном Классе. Мы варим рвота-траву.

Нона знала, что спорить бесполезно. Она проковыляла к Дарле и села рядом. Рвота-трава перегоняется в жидкость, которая может быстро вызвать рвоту и диарею. Иногда тот же эффект производил и ее запах. Это всегда был грязный урок.

— У тебя такой вид, будто ты упала со Скалы, — прошептала Дарла.

Нона огляделась. Ни Элани, ни Джоэли не было. Кроси сидела, сторбившись над своими записями, один глаз почернел, распух и превратился в щель, синяк покрывал большую часть другой стороны ее лица.

— Сегодня мы возвращаемся к теме маскировки, Нона. — Сестра Яблоко высоко подняла шляпу, бесформенную вещь из темного фетра, какую мог бы носить рыночный торговец. — Что особенно уместно, поскольку ты следующая на Тень-испытании.

Нона начала было открывать рот, чтобы запротестовать, но тут же закрыла его. Каждая послушница Мистика проходила вызов каждый год; без успешного испытания никто не мог перейти в Священный Класс, не мог питать надежды стать Сестрой Благоразумия. На самом деле у Ноны, лишившейся тени, не было никаких шансов на Серое, так что хорошо, что она отдала свое сердце Красному.

— Замаскироваться, — сказала Сестра Яблоко, — значит изменить свое мышление не меньше, чем внешность. Так меня учила сестра Перец. Да, вы слышали о ней. Сестра Перец могла в простой серой тунике — или коричневой, если она выворачивала ее наизнанку, — не вызывая подозрений войти в ворота дюжины особняков аристократов и Залов гильдий. Я подозреваю, что она могла бы войти в половину из них, одетая в мешок. Сестра Перец знала, всей глубиной души, что принадлежит каждому из этих мест. Она знала, кто она такая, зачем идет, что ждет ее внутри, и точно знала, сколько внимания следует уделять тем, чья работа — остановить ее. Тело говорит на своем языке, и сестра Перец могла использовать свое, чтобы сказать все, что ей было нужно.

Нона уставилась на шляпу, которая двигалась вместе с рукой Сестры Яблоко, когда та говорила. У Ноны никогда не было таланта к актерству или подражанию. Рули могла говорить, как любая из учительниц. Она сосредоточилась на их манерах и одежде, преувеличивая их до такой степени, что послушницы заходились от смеха и даже могли обмочиться. Это было что-то вроде музыкального слуха. Этот талант у Ноны отсутствовал.

— О более полных маскировках мы поговорим на последующих занятиях. Изучение того, как поддерживать наряд или униформу и как ее носить, так же важно, как правильно подобрать цвет и количество пуговиц. Однако, даже если вы замаскируете себя достаточным

количеством краски, чтобы походить на часть стены, вплоть до мельчайших деталей... нервная стена, которая думает, что она не принадлежит этому месту, будет обнаружена и заколота, тогда как уверенная стена, которая знает свое место и долг, которая думает мыслями стены и любит свои кирпичи, будет в порядке. Поверьте мне.

Сестра Яблоко начала демонстрировать самые разные походки, от шаркающей до смелой.

— Говорю вам, послушницы, как Сестра Благоразумия — хромота может спасти вам жизнь. Люди в целом видят очень мало и помнят еще меньше. Представьте себе, что кто-то из вас, хромая, идет по рынку и приближается к некоему высокопоставленному чиновнику в мехах и церемониальных цепях, а его охрана находится рядом. Допустим, он в девятый раз хлопает себя по внутреннему карману, проверяя важные бумаги, которые должен принести какому-нибудь еще более высокому начальству. И они исчезли! Внезапно он вспоминает женщину, которая наткнулась на него — и мгновенное прикосновение. «Остановите ее!» — кричит он. Остановить кого? Он стремится вспомнить детали. И все, что он может вспомнить, все, что любой из них может вспомнить с уверенностью, это... «Она хромает!» — И, конечно, она уже не хромает. Она уходит смелее, чем любой генерал, с высоко поднятой головой. И не прямо, а по касательной, которая говорит, что ее ничто не заботит.

Мысли Ноны побежали прочь, как гипотетическая послушница на рынке, и привели ее на площадь Тайбур. По крайней мере четверть из всех седьмых дней, Тень-испытание удерживало послушниц Мистического Класса от посещения в сопровождении сестер рынков Истины или семейных визитов, загоняя их вместо этого на широкую площадь Тайбур. Судя по всем рассказам, затеряться там было не слишком трудно. Площадь была популярна среди купцов, и многие хорошо одетые пары прогуливались там, останавливаясь у немногих лицензированных киосков и обмениваясь любезностями. Пожилые люди с толстым кошельком играли в домино или шахматы за взятыми напрокат столами, стоявшими по периметру.

Цель Ноны — добраться до раскидистой сосны в центре площади, без вызова со стороны патрулей послушниц. И это было почти невозможно. Если она доберется до сосны, то все, кто был в патрулях, не смогут есть в течение двух дней. Но и послушницы не могли позволить себе просто бросить вызов любому, кто приближался к сосне. Неправильный вызов лишал еды их всех. Добраться до дерева было достаточно, чтобы продолжать считаться кандидатом на Серое. Однако для получения наивысших отметок нужно было не только добраться до дерева не получив вызов, но и найти спрятанную высоко в его ветвях шкатулку-головоломку. Если ты это сделаешь, охранницы пропустят еду на три дня. Полная задача состояла в том, чтобы открыть шкатулку, но нужно было быть невидимкой, чтобы, не получив вызов, достаточно долго просидеть на дереве, взясь с шкатулкой и открыть ее. Так что Нона не удивилась, услышав, что никто из выпускников Отравительницы с этим не справился.

— Зоул может быть первой. — Голос Сестры Яблоко прорвался через поток мыслей Ноны.

Зоул поднялась на ноги и нахмурилась, когда Отравительница поманила ее вперед.

Сестра Яблоко улыбнулась ей в ответ.

— А теперь, Зоул, расскажи мне, как сильно ты любишь танцевать. — Она подняла руку, чтобы предупредить возражения. — И пока ты продаешь мне эту ложь, также убеди меня, не прибегая к словам, что ты уроженка Истины, рожденная в купеческой семье

среднего достатка. — В этот момент акцент монахини так походил на акцент Зоул и Йишт, что Нона могла поверить, что она родилась на льду и росла тридцать лет, не видя зелени.

— Я живу, чтобы танцевать, — проговорила Зоул сквозь стиснутые зубы, сжимая каждое слово в нечто, что больше походило на речь страдающего моряка из Дарна, чем на слова любого подданного императора, не говоря уже о таком, который принадлежал к зажиточным классу Истины. — Танцевать — это мое... удовольствие.

— Хммм. — Сестра Яблоко кивнула. — Ты предпочитаешь чаттру или мышь-шаг?

Дарла толкнула Нону локтем, пока лед-девушка цедила ответы так, словно это были смертельные угрозы.

— На Тень-испытании даже у Зоул больше шансов, чем у тебя. — Она указала на свои глаза средним и указательным пальцами. — Джоэли собирается организовать вокруг этого дерева оборону, через которую не сможет пробраться даже ной-гуин, а с этими твоими глазками будет достаточно двух уличных мальчишек, чтобы заметить тебя прежде, чем ты приблизишься ярдов на десять.

— Нона, обрати внимание, ты следующая, — щелкнула пальцами Сестра Яблоко. — А Зоул... это было ужасно. Возможно, у тебя никогда не было слуха к акцентам, но ты можешь, по крайней мере, научиться лгать более убедительно. На следующем уроке ты *убедишь* меня в своей любви к танцам, или я постараюсь убедить тебя, что ты все еще недостаточно хорошо защищаешься от отравления. Вот мой совет. Мысленно замени то, что ты любишь, тем, что ты ненавидишь. Ясно, что ты не поклонница музыки и самовыражения, поэтому, когда придешь ко мне снова, думай о чем-то другом каждый раз, когда произносишь слово «танец». Тебе нравится бить людей. Когда ты будешь рассказывать мне, как ты соединяешься с музыкой и позволяешь ей говорить через тебя, рассказывай мне вместо этого о меч-кулаке: нанеси эту любовь на слова, выходящие из твоего рта. Так лгут честные люди.

Зоул поджала губы, коротко кивнула и вернулась на свое место.

— Нона, ты из Дома Намсис, и тебе противно, что тебе приходится переселять крестьян с твоей земли, но ты хочешь построить охотничий домик на месте их деревни. Заставь меня поверить в твое возмущение. Иди.

Дверь в пещеру Тени открылась. Как и рты многих послушниц. Надо постучать в дверь Отравительницы, а потом подождать. Нельзя ее просто толкнуть.

Вошедшему мужчине пришлось пригнуться, чтобы не разбить голову о дверной косяк. На нем были белые одежды.

— Инквизитор. — В классе зашептались.

— Тише, девочки. — Сестра Яблоко указала Ноне на ее стол. — Для нас большая честь получить сегодня неожиданный визит от члена Братства Исследующих. — Она повернулась и подняла голову, чтобы посмотреть на мужчину. — Чем мы можем помочь вам, брат?

— Я Пелтер из Зала Вопрошающих Истину. Я здесь только для того, чтобы понаблюдать.

— Алата, принеси Брату Пелтеру стул. — Сестра Яблоко указала на место у двери.

— Я предпочитаю стоять. — Оспины от какой-то детской болезни отмечали одну сторону узкого лица мужчины. Ему было, пожалуй, лет пятьдесят. Тощая шея, выпирающий кадык и седеющие волосы, торчащие вверх, как шерсть плохо остриженной овцы, делали бы его смешным, если бы не ломкая голубизна его глаз. Нона чувствовала, что это глаза человека, который видел ужасы и одобряет их. Она села, радуясь возможности присоединиться к остальным.

— Хорошо. — Сестра Яблоко нахмурилась и сложила руки вместе. — Давайте вернемся к искусству маскировки...

Высокий инквизитор поднес к горлу руку с длинными пальцами.

— Мне кажется, вы обсуждали вопрос о лжи. — Он указал на Нону. — Возможно, эта девушка сумеет убедить меня, что она Сис. Дочь Илона Намсиса. И что она хочет очистить свои земли от крестьян.

Сестра Яблоко жестом велела Ноне подняться.

Взгляд Пелтера прошелся по всему ее телу, острый осмотр, от которого по коже Ноны побежали мурашки. Под ее одеждой Кеот кружил вокруг поясницы. Инквизитор встретился с ней взглядом, и она почувствовала что-то новое, шорох старых воспоминаний, фокус луны сквозь суровые голые ветви, ветер Коридора сквозь деревянные прутья клетки. Нить-работа! Нона крепко прикусила губу, представляя, как кулак ее воли сжимается вокруг каждой нити, привязывавшей ее к миру, и крепко держит их. Ее взгляд упал на руки мужчины, теперь опущенные по бокам. Мало что могло его выдать, только легкое подергивание пальцев, но она уже знала это. Квантал нить-работник, пробегающий грязными пальцами своего разума через ее мысли. Она подняла на него свои черные глаза и увидела, что он на мгновение заколебался. Губы инквизитора скривились, он сильнее потянул за нити, но она удержала их. Отброшенный, Брат Пелтер прищурился, голубизна его глаз превратилась в лед, как тот, что надвигался с севера и юга, чтобы поглотить мир. В его улыбке была только зима.

— Подойди, девочка, — сказал он. — Соври мне.

НИКТО ИЗ ПОСЛУШНИЦ не мог объяснить Ноне, почему инквизиция оказалась Сладком Милосердия. Инквизитор Пелтер взял с собой четырех наблюдателей и поместил их во все те классы, которые не наблюдал лично.

— Шерзал послала их из-за Зоул, — сказала Рули с полной убежденностью, которую приберегала для любых догадок.

— Шерзал не владеет инквизицией, Рули. — Джула продолжала зашивать прореху в своей расе.

— Она — главный инициатор. — Ара по-кошачьи растянулась на кровати. Она хлопнула по одеялу, чтобы Нона села на край. — Это очень много значит. Когда Джейкоб продал ей эту роль на пути к получению сана первосвященника, это была в основном почетная должность, но ее архивариусы покопались в свитках и нашли всевозможные связанные с этим права и обязанности, о которых Церковь, похоже, забыла.

Нона отошла от двери и медленно села на край кровати Ары. Она скучала по таким моментам, как этот; ей хотелось расслабленно лежать рядом с Арой после жарких ванн, жаловаться вместе, когда они писали эссе для классов Академии или Духа, просто проводить время. Она уже чувствовала себя чужой в Сером dormitorio. Она поморщилась: у нее все еще болели места побоев после драки с подругами Джоэли.

— Если Шерзал так жаждет власти, почему она не натравит инквизицию на своего брата? Или императоры не могут грешить?

Ара усмехнулась:

— Императоры славятся своими грехами, но будь осторожна, когда говоришь это! Однако, единственное место, где инквизиция может привлечь Лансисов к ответу, — их дворцы. Все самые высокопоставленные люди имеют право решать, где их можно судить, а где нельзя.

— Тогда почему бы Шерзал не послать инквизицию в тронный зал Крустикэла?

— Вот тут императоры поступили мудро, — сказала Ара. — Их династия — единственная, которая может отказать в допуске инквизиции. Так что, если Крустикэл не пригласит их войти, инквизиция не сможет его тронуть. Именно это обеспечивает безопасность сестре Шерзал, Велере.

— Император должен просто распустить инквизицию. Я слышала, как они получают свои признания. — Нона содрогнулась.

— Инквизиция хранит нас в чистоте, — сказала Джула. — Кто-то должен следить за тем, чтобы вера не ускользала от своих основ.

— А кто хранит в чистоте *их*? — спросила Нона.

— В любом случае, дело не в Зоул, — сказала Ара, возвращаясь к утверждению Рули. — Речь идет о целом. Серое и Красное. Император хочет контроля. Он хочет посылать сестер против своих врагов, а не умолять Первосвященника Невиса. Так говорит мой отец. Император сделает то же самое с мужскими монастырями. Инквизиторы поднимутся по Узкой Тропе и будут искать недостатки у настоятеля. Крустикэл хочет и Красных Братьев, и Серых.

Нона смотрела, как Джула шьет, пальцы ее были быстрыми, стежки чистыми и аккуратными. Прореха в рясе прожила дольше, чем воспоминание о том, что ее вызвало.

— Зачем Шерзал что-то делать, чтобы помочь своему брату? — спросила Рули, не желая расставаться со своей теорией. — А разве она не возьмет себе Красных Сестер?

— Император этого не потерпит. Его легионы будут у ее дверей в течение недели. — Ара покачала головой. — Там была сделка. Обмен. Шерзал получит то, что ей нужно, но не Сладкое Милосердие. Не полностью, по меньшей мере.

— Мы должны вернуться в пещеры. — Нона протянула руку и приложила пальцы ко второй прорехе на рясе Джулы. — Кто знает, сколько еще шансов у нас будет, если они натравят на нас наблюдателей?

Только Ара признала, что Нона заговорила:

— Я не хочу этого делать.

Остальные продолжали заниматься своими делами, будто ни одно слово не слетело с губ Ноны.

Большая часть Ноны разделяла желание Ары избегать пещер до тех пор, пока луна, наконец, не упадет с неба, но другие, более упрямые части отказывались соглашаться. Шерзал отправила инквизицию в Сладкое Милосердие, и ее руки были запятнаны кровью Гессы, что бы там ни утверждала Сафира. Йишт была оружием Шерзал, которая, следовательно, отвечала за все, что это оружие резало. Нона была обязана, ради Гессы, провести собственное расследование. Обязана узнать, не оставила ли подруга какой-нибудь зацепки или сообщения в том месте, где она умерла. К этому добавлялся тот факт, что Нона была изгнана из этих пещер, бежала в ужасе, а воспоминания подруг изменили. Не в ее характере было оставлять такой вызов без ответа. Предок не ценил гордость, но Ноне так и не удалось полностью избавиться от нее, и та с каждым днем все сильнее тянула ее к месту того позора. И, если мести и гордости было недостаточно, Йишт украла корабль-сердце, нанеся удар по репутации настоятельницы, отняв у Сладкого Милосердия его самое ценное сокровище, отгородив его обитателей от их магии. Его нужно было вернуть, а с чего лучше начать, как не с самого начала?

Нона молчала, наблюдая за остальными. Казалось, время только укрепляло их отрицание. Терпение не могло решить проблему, и в любом случае время было на исходе.

Исправь их самостоятельно.

Как?

Эксперимент.

А если что-то пойдет не так?

Подумаешь. Кеоту удалось изобразить полное безразличие. Разве ты здесь не для того, чтобы учиться? Ты учишься на ошибках.

— Как же она порвалась? — спросила Нона, протягивая Джуле рукав.

— Зацепилась за что-то. — Стежки продолжали появляться, немного быстрее, уже не такие аккуратные.

Мне нужна помощь, Кеот. Для этого нужны два человека.

Я помогу тебе...

Спасибо.

Но тебе придется позволить мне использовать твое тело, чтобы убить кого-нибудь.

Нет! И кого?

Кого угодно, мне все равно. Джоэли, если хочешь.

Нет!

Ты не была такой щепетильной по отношению к Раймелу Таксису. Тебе это

понравилось. Вот почему я в тебе. Кеот опустился на ее спину, пылая на ходу. Подумай об этом. В противном случае тебе понадобятся два ума для обоих глупых трансов, которые, как ты считаешь, тебе нужны. Может быть, Джозели поможет тебе. Он погрузился в угрюмое молчание.

Нона откинулась на спинку кровати. Она нуждалась в друге, и кто мог помочь кроме тех, что сидели перед ней? Только Амондо, и это была глупость одинокого ребенка. Зоул могла бы, но Нона понятия не имела, кому она предана.

Джула вернулась к своему шитью. Нона наблюдала за ней, позволяя глазам расфокусироваться и пытаясь обрести безмятежность. Строки старой песни понеслись сквозь нее: *она падет, он падет, луна, луна...* Она потянулась к ясности. Госпожа Путь никогда не говорила о том, чтобы входить в два транс сразу, как будто это имело не больше смысла, чем ездить на нескольких лошадях одновременно, но Ноне это казалось сродни жонглированию. Медленное и уверенное движение рук Амондо заполнило ее сознание. Она видела их глазами ребенка так много лет назад, что все это казалось не более чем сном, и все же те дни и мгновения были записаны в ней, и ни одна часть их никогда не покидала ее. Чтобы достичь ясности, Нона наблюдала за пламенем, затем поворачивалась к тени и наблюдала за воспоминанием о танце пламени. Не имея пламени, она черпала его только из памяти. И теперь она управляла и песней, и танцем, они не мешали друг другу.

Лед придет, лед придет,

(воспоминание о пламени, танцующем во тьме под свою собственную музыку)

Но нет луны, но нет луны,

(две руки делают свой собственный узор, ловят и бросают, обмениваясь скоростью и напряжением)

Мы все падем, мы все падем,

(единственный лепесток пламени, танцующий на темном океане)

И скоро будем не видны.

Песня, танец, уверенные руки жонглера, держащие все это в воздухе.

Нона увидела мир новыми глазами, и через каждую его часть пролегал Путь, обжигающий и связывающий. Она перевела взгляд, как учила ее Сестра Сквородка, на ореол, бледный нимб нитей вокруг каждой из ее подруг.

— Мы должны вернуться в пещеры. — Ее голос звучал невероятно далеко, словно она говорила со дна глубокого колодца. Но они слышали ее. Она видела это в ауре нитей, окутывающих каждую девушку. — Что-то нас выгнало. Мы не убежим. Только не в этот раз.

Нона видела, как ее слова тянут за собой огромную паутину, соединяющую их всех, друг с другом и со всем остальным, видела, как вибрации распространяются, передаются, пересекают пространство между ними... и умирают. Она сосредоточила свою ясность на том месте, где ее слова не доходили до Джулы.

— Мы должны вернуться. — Дрожь. Что-то завязано... Нона подняла руки, пытаясь разглядеть мельчайшие детали того места, где был нанесен вред. Она потянула за более темную нить. — В пещеры, Джула. — Она потянула снова, и узел распустился, на мгновение став слишком ярким, чтобы смотреть на него.

Теперь Нона поняла работу холотура. Он завязал узел в нитях каждой девушки, связывая пещеры с самыми худшими и самыми старыми из их страхов, так что их умы обходили память о холотуре и всего, что с ним связано, лишая их места в своих мыслях.

— Мы должны вернуться, — повторила она.

— Мы должны! — Джула подняла голову, ее лицо выражало нетерпение. — Во имя Предка, что это была за штука? Мы должны взять ножи. Мечи, если сможем.

Джула казалась, пожалуй, чересчур восторженной: Нона забеспокоилась, что она могла стереть слишком много страха или навязать подруге свои собственные желания. Она решила использовать для остальных более легкое прикосновение.

— Ара? Мы должны вернуться в пещеры. Ты так не думаешь? — Нона изо всех сил старалась сохранить свой двойной транс, чувствуя, как границы ее безмятежности расплываются, когда в них вторгается чувство триумфа.

— Мы должны быть осторожны. — Ару оказалось легче освободить, узел был более заметным и менее тугим.

— Рули? Ты так не думаешь? — Теперь ясность Ноны ускользала от нее: нити расплывались у нее перед глазами. Головная боль пронзила ее лоб, пытаясь воплотить в реальность раскол ее мозга надвое. Тем не менее, она обнаружила повреждение нитей Рули и устранила его, не нуждаясь в такой резкой фокусировке теперь, когда она уже производила починку дважды.

— Я не знаю, — Рули обхватила себя руками и вздрогнула. — Та тварь, что гналась за нами! Я чуть не описалась, когда Дарла застряла передо мной на выходе.

— Ну, подумай об этом. — Нона прижала руку ко лбу и, стиснув зубы, заковыляла к двери. От боли ее чуть не вырвало.

— Как ты себя чувствуешь, Нона? — Ара последовала за ней.

— Прекрасно. — Нона, спотыкаясь, вышла в коридор. — Просто устала.

К тому времени, когда она добралась до верха лестницы, она уже ползла. Ей удалось снова встать на ноги, чтобы пройти через спальню Мистика к своей кровати. Она мельком увидела Джоэли у ее кровати — забинтованное колено в шине, на коленях трость, — и рухнула на свою собственную.

Дарла подняла глаза от стола, держа перо в руке, пальцы были чернильными. Она что-то сказала, но Нона слишком глубоко погрузилась в черную агонию своей головной боли, чтобы разобрать слова. Она зарылась лицом в подушку и поклялась никогда больше не пытаться заниматься нить-работой.

•••

КОЛОКОЛ ВЫРВАЛ НОНУ из неразберихи сна — что-то связанное с пауками : паутиной. Первое, что она поняла, вылезая из-под одеяла — голова больше не болит. Второе, что она осознала — утро пройдет в классе Духа с Сестрой Колесо, и немедленно вернулась боль предыдущей ночи.

— У тебя все цвета радуги, — заметила Дарла, когда ее голова вновь появилась из рясы, которую она натягивала.

Нона вытянула шею, чтобы посмотреть вниз через плечо и бок. Синяки все еще были темно-фиолетовыми в некоторых местах, желтовато-зелеными и выцветшими лиловыми на бедре. В другом конце дормитория Джоэли оперлась на трость и, покачивая негнущейся ногой, двинулась к письменному столу, где, вопреки монастырским правилам, держала зеркало. Каждое утро она проводила несколько минут, расчесывая перед ним волосы, и Нона всегда чувствовала, что меньше ревнует к потрясающему внешнему виду Джоэли, когда вспоминала, какие усилия ей приходилось прилагать.

— Завтра мы спускаемся вниз. Ты с нами? — Нона отвела взгляд от Джоэли, теперь уже занятой своей щеткой.

— Предок! Ненавижу класс Духа. — Дарла покачала головой. — А почему бы нам просто не поработать все утро в прачечной? Или сгребать навоз в конюшне виноградника? Даже это лучше.

Метка холотура все еще на ней. Кеот лег на ключицы Ноны.

Нона поджала губы. Она не спешила пытаться распутать узел, который чудовище Кеота сотворило из нитей Дарлы. Боль от вчерашней головной боли эхом отдавалась в глазах Ноны, и в этот момент она решила, что лучше встретится лицом к лицу с пещерами без Дарлы, чем развязать узел холотура и снова так страдать.

•••

СЕСТРА КОЛЕСО СЧИТАЛА, что послушницы Мистического Класса имеют право не особую честь — изучать Дух перед статуей Предка. На практике это означало, что надо было стоять в холодном и продуваемом сквозняками пространстве под куполом, а не сидеть в уютном классе рядом с фойе. Сестра Колесо могла облегчить боль в ногах, шагая по комнате и читая священные писания из своих свитков. Послушницы должны были оставаться неподвижными, а их внимание должно было быть приковано к золотому лицу Предка.

Сегодняшний урок отличался только в двух отношениях. Во-первых, Джоэли удалось добыть себе стул, заявив, что Сестра Роза запретила ей стоять, пока не заживет колено. Во-вторых, Инквизитор Пелтер пришел посмотреть на урок. Он стоял у основания статуи Предка, такой же неподвижный, как и камень позади него, без всякого выражения на лице. Только его глаза двигались, изучая то одну послушницу, то другую.

— Семейные узы священны. — Сестра Колесо прошла перед ними. — Узы, которые связывают тебя с отцом и матерью, повторяются снова и снова, на протяжении многих лет. Эти звенья образуют цепи, которые встречаются в Предке. Каждая часть этой неразрывной цепи выкована из божественного. Прямая связь между вами и происхождением всего человечества. Как Путь соединяет все предметы, так и узы семьи соединяют всех людей.

Послушницы стояли в четыре ряда по три человека, так что все, кроме двух, были по периметру, и любое невнимание могло привести к выкрученному уху, когда Госпожа Дух пройдет мимо.

— Почему? — Монахиня остановилась у плеча Ноны. — Почему Сладкое Милосердие покупает безродных бродяг у похитителей детей? Почему Настоятельница Стекло лезет в церковную казну, чтобы заплатить крестьянам за конфирмацию? — Она двинулась дальше. — Потому что продавать своего ребенка — страшный грех. Некоторые могут посчитать, что этот же грех портит и самих детей, но Настоятельница Стекло указывает на имя монастыря и проявляет к этим детям милосердие.

— Кроме того, — вмешался в паузу Инквизитор Пелтер, — проданный ребенок принадлежит Церкви не таким образом, как желанный ребенок.

Сестра Колесо нахмурилась, сжав губы в горькую линию. Она не сводила глаз с послушниц и возобновила свой обход вокруг их периметра, словно овчарка, кружащая вокруг своего стада.

— Ложное превосходство притязаний Церкви на детей, находящихся под ее опекой, над притязаниями родителей — это один из столпов, на котором стоит грязное здание ереси

Скифроула. В Книге Предка ясно сказано, что желания родителей первичны. Святые семейные узы позволяют любому родителю забрать своего ребенка из монастыря или обители, даже если сам первосвященник будет возражать. В Скифроуле церковь провозглашает божественное право на любого ребенка, находящегося на их попечении. Вот почему они должны гореть — необходимо очистить их от греха.

— И, — Инквизитор Пелтер скользнул своим тонким голосом в другую щель, — именно поэтому Настоятельница Стекло покупает девочек. Она предпочла бы не потерять контроль над обученными послушницами в том случае, если отец или мать потребуют их возвращения. Она скорее обходит закон, а не бросает ему вызов.

Нона нахмурила лоб, не отрывая взгляда от лица Предка, золотые черты которого были настолько просты, что могли принадлежать кому угодно. Настоятельница Стекло всегда говорила ей, что она вольна уйти, что монастырь — дом, а не тюрьма. Казалось, что Церковь не согласна с такой оценкой. Она взглянула на Зоул. Из всех послушниц Мистического Класа Зоул была, пожалуй, единственным проданным ребенком, помимо ее самой. Но купила Зоул не Настоятельница Стекло. Шерзал забрала девочку со льда. Зоул никогда не считала нужным делиться подробностями этой сделки.

Урок продолжался, Сестра Колесо делала хищные круги и безжалостно бубнила о незначительных различиях в толковании Священного Писания, которые делали Церковь Предка Скифроула нечестивым злом, хуже, чем Дарн с его пантеоном боевых богов или налетчики с серого льда, которые, как говорили, ели младенцев и наводили невыразимый ужас на своих пленников.

Нона занимала себя, изучая Джоэли. Погрузившись в транс ясности, она увидела, что сломанная кость в колене Джоэли нить-связана с несколькими участками в голове девушки. Ноне не хватало опыта, чтобы идентифицировать эти области по отдельности, за исключением центра боли, что было очевидно. Однако она почти не сомневалась, что одна из других областей — память, а другая — специализируется на мести. Со своей стороны, Джоэли ответила на осмотр, наблюдая за Ноной с раздражающей полуулыбкой.

Наконец зазвонил Брей, и Сестра Колесо отпустила класс. Послушницы поспешно покинули купол, пытаясь согреть озябшие руки.

— Пустите мне кровь, это было скучно, даже для Колеса. — Дарла топала о пол рядом с Ноной, пытаясь вернуть хоть немного жизни ногам.

— Она показывает инквизитору, что мы здесь хорошо образованы в вопросах ереси, — сказала Нона.

— Это удивительно, — сказала Зоул позади них. — Со всех сторон вас окружают неверующие. Почти все ваши собственные крестьяне не верят в Предка. И, все-таки, столько сил тратится на то, чтобы выслеживать и мучить тех, кто почти полностью согласен с вашей верой.

Дарла обернулась, моргнув:

— Она говорит!

— Наша вера, — сказала Нона. — Не «ваша» вера.

Дарла оглянулась и посмотрела на инквизитора, пристроившегося за ними.

— Креветка права. Не самый удачный день для выражения сомнений. — Она нахмурилась. — Кому же тогда вы молитесь на льду?

Зоул пожала плечами:

— Любому богу, который отвечает.

Некоторое время они шли молча, направляясь к аркаде послушниц. Нона поджала губы, потом решила посмотреть, насколько разговорчива сегодня Зоул.

— Похоже, настоятельница собирается отпустить тебя в лед-поход.

Зоул снова пожала плечами.

— Ты собираешься бежать, если она отпустит?

— Бежать? — Зоул бросила на Нону мрачный, непроницаемый взгляд.

— Обратно в свое племя.

— А ты побежишь со мною, Нона Грей? — спросила Зоул. — Мне сказали, что «Избранная» не должна терять свой Щит.

— В твое племя? — Нона не смогла удержаться от улыбки при этой мысли.

— Или в твое? — спросила Зоул. — Но я думала, что у тебя на уме убийство. Месть. Возвращение корабль-сердца.

Улыбка исчезла с лица Ноны так же быстро и непроизвольно, как и появилась. Из всего того, что лежало за Скалой, будь то в Коридоре или на льду, Йишт была единственной, кто звал ее. Кровь Йишт, ожидающая, чтобы ее пролили.

— Мы вместе пойдем на лед, Нона, — сказала Зоул. — Я покажу тебе другой мир и как в нем жить.

Нона удивленно встретила взгляд лед-девушки:

— Мне бы этого хотелось. — Она могла поклясться, что на самый краткий миг увидела улыбку на губах Зоул.

•••

В АРКАДЕ ПОСЛУШНИЦ Нона сидела со своими подругами из Серого Класса. Дар тоже подошла, но отошла, когда разговор зашел о пещерах.

— Что с ней такое? — Ара нахмурилась, глядя на широкую удаляющуюся спину Дарлы.

— Существо в пещерах сделало то же самое со всеми вами. Нить-работа. Страх, который оно вселило в нас, что-то связал в ваших головах. Это должно было помешать любому из нас вернуться. И это было нечто более глубокое, чем страх — вы даже не слышали, когда я говорила о пещерах.

— Это не... правда... — Рули замолчала, повторив хмурый взгляд Ары. — Или?

— Или. Я видела, какой ущерб оно нанесло. — Нона воздержалась от дальнейших объяснений, не желая объяснить, как ей удалось избежать той же участи.

— Почему это не прошло у Дарлы? — спросила Джула.

Нона пожала плечами. Объяснение того, что она сделала, только вызовет новые вопросы.

— Может быть, это занимает больше времени, когда ты такая большая.

На мгновение налетел сильный ветер, подняв мертвые дубовые листья и заставив девушек прикрыть лица руками. Через несколько секунд шквал прошел, лед-ветер вернулся к своему постоянному реву с севера на юг.

— Кетти тоже не хочет об этом говорить, — сказала Рули.

— Может быть, у нее опять острый приступ любви к какому-нибудь мальчику, — пожала плечами Нона. — Значит, завтра?

— Да. — Ара кивнула.

— Я не пойду без копья, — сказал Рули. — Или, по крайней мере, ножа.

— Я принесу тебе нож, — сказала Нона.

Наконец-то она хочет кого-то убить! А то, что она раньше решила разрезать, не может кровоточить...

Тогда дай мне план получше! потребовала Нона, но Кеот снова погрузился в молчание.

— Разве это разумно? Стоит ли оно того? — спросила Джула. — А что, если у него зубы размером с мою руку? Разве в той пещере не было тел?

— Дюжины, — ответила Ара.

Взгляд Ноны отыскал Джоэли на другом конце галереи, в кругу своих подруг, почти скрытую за стволом центрального дуба.

— Это Скала Веры. Пещера, в которой живет эта тварь, находится практически под монастырем. Через четыре года мы можем стать Красными Сестрами. Если мы даже не осмелимся исследовать дыры под тем местом, где мы живем... какая польза будет от нас в этом мире? — Она прикусила губу, вспоминая их побег. — Кроме того. Если это какое-то чудовищное существо, то что оно ест? Насылать на свою жертву страх, чтобы та убежала и никогда не вернулась — не очень хорошая стратегия для наполнения своего живота. Эта штука больше похожа на вонь-лису, которая распространяет смрад, чтобы отпугнуть незваных гостей.

— Но тела! — возразила Джула.

— Я видела скелеты, — сказала Нона, пытаясь увидеть их снова. — Покрыты наплывами камня, как те, что в нише. Им, должно быть, сотни лет...

— Я видела все виды ужасных вещей. — Ара прижала ладонь ко лбу. — Не все они могут быть правдой. Так, может быть, никто и не был?

Нона кивнула. Даже если эта тварь была размером с медведя и имела зубы, похожие на мечи, ей нужно было увидеть, где умерла Гесса. Находясь так близко к корабль-сердцу, Гесса могла творить чудеса. Там может быть ключ к разгадке. Пропущенный монахинями, но ожидающий того, кто был нить-связан с нею. В нить-работе ты всегда начинаешь с самого начала.

— Значит, мы идем?

Ара и Рули кивнули. Джула нахмурилась, потом тоже кивнула.

— Я слышала, ты выбрана для Тень-испытания, — сказала Ара, усмешкой нарушая общее настроение.

— Да. Нона прищурилась и посмотрела на группу Джоэли.

— Никаких шансов. — Рули покачала головой.

— Что? — Нона перевела взгляд на Рули.

Девушка подняла руки вверх:

— Я всего лишь передаю общее мнение.

— Она права, Нона. Джоэли ни за что не позволит тебе добраться до этого дерева. — Джула покачала головой. — Даже если бы ты им нравились, они не стали бы голодать, просто чтобы пропустить тебя. И тебя трудно не заметить.

— Я могу надеть платок или что-нибудь в этом роде! — Нона обнаружила, что ее голос повысился, и изо всех сил попыталась подавить свой гнев. — Я не безнадежна.

— Ты можешь отбросить тень? — Ара извиняюще улыбнулась. — И это даст больше, чем платок. Сулери пошла с длинной белой бородой, бородавками и косила на один глаз. Ей бросили вызов еще до того, как она прошла полпути до дерева.

— Она перестаралась, — фыркнула Нона. — Меньше значит больше.

— Хорошо. — Рули усмехнулся. — Бородавок у тебя, конечно, много! — Она откатилась назад, уходя от размашистой пощечины Ноны, и убежала, визжа от смеха.

Нона встала, чтобы броситься в погоню, но тут же остановилась, поскольку дюжина синяков заявили ей, что, возможно, лучше сесть обратно. Она попыталась представить себе, как пересекает площадь Тайбур, а за ней наблюдает весь Мистический Класс. Она позволила своему взгляду остановиться на скелетообразном лесу из ветвей центрального дуба, листья которого были плотно сжаты, из-за льда.

— Я уже проиграла, не так ли?

Ара кивнула:

— Ты же и так не хочешь Серого. Просто пробей себе дорогу к сосне и объяви ее военной добычей.

НОНА ПОПЛОТНЕЕ ЗАСТЕГНУЛА поход-пальто и поспешила из столовой, все ежущая кусок хлеба. Ара, Рули и Джула ждали ее на Пути Безмятежности, готовые еще раз бросить вызов пещере холотура. А она уже опаздывала!

— Послушница! — Ее окликнула монахиня, черная на фоне солнца, всходившего между Залами Меча и Сердца. — Пойдем со мной. — Голос Сестры Яблоко.

Прикрыв глаза ладонью, Нона поспешила к ней:

— Госпожа Тень?

Сестра Яблоко кивнула и повела их через площадь. Нона последовала за ней, согнувшись под лед-ветром и надеясь, что ее не задержат слишком надолго.

Дойдя до укрытия — лестницы, ведущей в классную комнату Тени, — Сестра Яблоко обернулась и поманила Нону поближе, чтобы та тоже укрылась от ветра. — Твое Тень-испытание состоится на следующей неделе, Нона.

— На следующей неделе? Я еще не готова! — Мысли Ноны понеслись вскачь. Она могла бы получить униформу стража из дома Менсисов, от Терры...

— И было решено, что оно состоится здесь, в монастыре.

— Но... Площадь Тайбур...

— Слишком опасно. Мы воспользуемся аркадой послушниц и поставим шкатулку-головоломку на центральный дуб. Мне очень жаль, Нона.

— Аркада? — Нона попыталась представить себе это. — Это безумие. Все там носят рясу. Мы все знаем друг друга! Защитницы просто бросят вызов любой незнакомке... не то чтобы в рясе я могу заставить себя выглядеть незнакомкой!

— Несмотря на это...

— У меня нет шансов! Это Колесо, не так ли? Она всегда ненавидела меня. — Нона почти не чувствовала, как на языке горит Кеот — он поднялся от ее ярости. — Колесо и эта сука Ограда. Месть за Джоэли! Деньги Намсиса купили их, он заплатил за...

Пощечина Сестры Яблоко заставила Нону покачнуться, ее щека запылала. Она слишком глубоко погрузилась в свой гнев, чтобы предвидеть грядущий удар. И, поднеся руку к щеке, Нона поняла, что это было хорошо. Если бы она увидела удар и заблокировала его, было бы нарушено какое-нибудь неписаное правило, и, скорее всего, ее выгнали бы из монастыря.

— Решение приняла я. — Сестра Яблоко пристально посмотрела на Нону. — Сафира сказала тебе, что ной-гуин все еще хотят отомстить. Ты хочешь, чтобы Чайник и другие сестры рисковали собой в Истине, чтобы ты могла пройти испытание? — Ее голос из сердитого превратился в горький. — У тебя нет ни единого шанса. Ты отрезала свою тень, Нона. Ты отрезала себя от тени. Серый — не для тебя.

Сестра Яблоко повернулась и отперла ворота. Она заперла их за собой и через мгновение спустилась в пещеры, оставив Нону перед ступеньками, слишком полную противоречивых мыслей и эмоций. Какое-то время она ничего не могла делать, только стоять и думать.

•••

— Я УЖЕ РЕШИЛА, что ты не придешь! — Рули шагнула на дорогу из щели, в которой

она пряталась с Арой и Джулой.

— Трудно ускользнуть, когда инквизиторы шляются по всему монастырю. — Нона пробралась довольно легко, но это были быстрые ноги и удача. В основном удача.

Рули кивнула:

— Мы с Арой прошли по теням. — Две другие появились позади нее. У Рули было лишь немного марджала — пол-кровка, в лучшем случае, — но она проявляла талант к тень-работе. — А Джула просто неторопливо прошла. Инквизиция знает, какая она святая, и не беспокоится о ней.

Джула фыркнула:

— Ты захватила с собой оружие?

Нона вытащила нож, который они обнаружили во время последнего исследования.

Увидев его, Ара нахмурилась:

— Это тот же самый, что и раньше... ну, знаешь, тот, которым они пытались убить тебя. Это ной-гуин!

— Да, он такой же, как тот, тень-отравленный, который воткнули в Чайник, — сказала Нона. — Одна очень настойчивая ассасин, три ножа. Должно быть, я задела ее гордость, оставшись в живых.

— Как ты думаешь, этот... монстр... испугал и ной-гуин? — Рули вздрогнула, потом обхватила себя руками, словно желая показать, что это всего лишь ветер.

— Да, мне кажется. — Нона убрала нож обратно в рясу. — Что ты принесла?

— Половину четверти посоха! — Ара снова сунула руку в щель, в которой они ждали. — Или это осьмушка посоха?

Нона усмехнулась: она узнала остатки того посоха, который сломала, когда ее поймали подруги Джоэли.

— Я взяла молоток со склада бондаря. — Рули позволила ему выскользнуть из рукава в руку.

— Это... — Джула смущенно достала сковородку. — Это все, что я смогла достать.

— И Сестра Уголь не будет бить тебя так сильно, если поймает на краже из кухни, как Сестра Сало, если поймает на краже со складов Меча! — Нона кивнула.

— Мы что, такие глупые? — Ара нахмурилась, глядя на свой сломанный посох. — Там внизу чудовище, о котором мы ничего не знаем, а Джула берет с собой сковородку.

— Может быть. — Нона вложила нож в другую руку Джулы и обхватила пальцами рукоять. — Но они собираются достаточно скоро отправить нас в мир, и мы должны использовать все, что найдем. Если мы даже не можем встретиться лицом к лицу с чем-то на нашем собственном пороге... *под* нашим собственным порогом... какой от нас прок? — Она согнула руки и на мгновение вызвала к жизни мерцающие дефект-лезвия. — И я захватила с собой свое оружие.

•••

ТРЕЩИНА ЖДАЛА ИХ, как ждала всегда, спрятанная задолго перед тем, как появились люди, от которых надо было прятаться. Ара пошла впереди, высоко поднимая фонарь. Вход слабо вонял старыми костями, сырым камнем и гниющей растительностью. Через несколько десятков ярдов угас слабый свет, сочившийся через вход — здесь даже самое тенелюбивое растение не могло цепляться за жизнь, — и вскоре остался только запах

сырого камня. Они шли уже знакомым маршрутом, все молчали. Нона чувствовала тяжесть камня над собой, стены давили, как и тяжелая тишина. В некоторых местах их шаги отдавались эхом, в других пустота, как и в куполе Предка, поглощала звук.

— Я поняла, почему мне так нравится это место, — сказала Джула.

Нона оторвалась от осмотра длинного подъема к пещере с тремя выходами:

— И?

— Это ветер.

— Нет никакого.

— Вот именно. И дело не только в этом. В монастыре нет ветра, но его всегда слышно.

Здесь же нет ничего.

— Теперь безмятежность. — Нона позволила строчкам детской песенки пронестись у нее в голове. — Это сработает. Та девочка в Академии пыталась при помощи теней заставить меня бежать. Безмятежность не подпустила их ко мне.

— Она падет, она падет... — бормотала Нона себе под нос, и ее безмятежность поднималась вокруг нее, как края глубокого колодца.

Рядом с ней Ара, Рули и Джула, каждая своей дорогой, вошли в транс безмятежности.

— Пошли. — Ара начала подниматься.

Десять минут спустя перед ними разверзся туннель, ведущий к холотуру и его пещере ужаса. Ара молча пошла дальше. Нона и Джула последовали за ними, Рули — сзади.

— Я его чувствую. — Кожу Ноны покалывало, как будто тысячи глаз наблюдали за ней из темноты.

Он может чувствовать тебя. Кеот поднялся к ней на затылок, как ожег; вместе с ним поднялись ее гнев и более темные эмоции, ощутимые сквозь плотную бархатную оболочку безмятежности.

— Я тоже. — Голос Рули звучал спокойно, почти сонно.

Свет фонаря Ары падал на каменные стены, выглаженные древними водами. Толстые, блестящие отложения известкового налета покрывали каждую поверхность, как патока, застывшая в середине потока — они казались органическими, словно послушницы продвигались вниз по глотке какого-то огромного зверя.

Нона несла свою безмятежность, словно защитный пузырь, простирающийся на несколько ярдов за пределы досягаемости ее рук, даже за пределы света; страх, бившийся в его границы, был чем-то далеким. Впереди, среди колеблющихся теней, вырисовывались очертания — скованные камнями скелеты жертв холотура.

Четыре девушки тесно прижались друг к другу, спокойные, но ищущие утешения в тепле друг друга и стороны, с которой не нападут. Древняя ночь пещеры начала отступать перед наступлением фонаря, оставляя за собой окаменевшие скелеты, похожие на скалы, обнаженные отступающими волнами. Тени качнулись.

— Он приближается. — Шепот.

Нона чувствовала это, похожее шквал, мчащийся по ровным открытым полям, что-то большое, что-то огромное, что может унести ее. Стены, казалось, отодвинулись, прикосновения ее подруг исчезли. Каждый ее страх несся к ней из ночи с ужасающей скоростью.

Потом он ударил.

Пузырь ее безмятежности лопнул менее чем за один удар сердца — кто-то широкий и уверенный в себе до кончиков когтей приклеился к ее телу нечистым прикосновением

холотура и стал царапать сухими пальцами каждый дюйм. Через мгновение Нона повисла высоко над собой, видя свое тело в маленьком пятне света, плотный круг вокруг него, а за ним — бесконечную пустоту, совершенно пустую и полную непримиримой ненависти.

Беги!

Не приказ Кеота заставил Нону повернуться и бежать, а звук бегущих ног. Она останется одна! Нона мельком увидела белое лицо Рули, растянувшееся в крике, в каждой его черточке читался ужас. Джула вскрикнула, выронила нож и бросилась бежать. Ара, мчавшаяся вслепую, врезалась в ближайшую стену. Ужас прорвал барьеры Ноны и затопил ее. Она рванулась за Рули, Кеот требовал, чтобы она бежала быстрее.

Рули перепрыгнула через распростертое тело Ары. Нона последовала за ней. Столкновение Ары со стеной оставило девушку лежать на земле, светлые волосы развевались вокруг ее головы, одна рука была вытянута, как будто указывая путь.

Беги! Кеот убежал в ее глаза, и, внезапно, впереди открылся проход, словно сам камень засветился красноватым светом.

Нона сделала еще пять шагов, каждый медленнее предыдущего, прежде чем Джула, ряса которой развевалась, догнала ее.

Беги! Голос, наполнивший ее мозг, звенел от ужаса, которым страх холотура заразил даже дьявола. *Он очень старый. Слишком сильный!*

— Она — моя подруга. — Эти слова остановили Нону так же эффективно, как веревка на шее. Она обернулась. Ара со стоном повернула голову, фонарь лежал на боку у ее бедра. Кеот отступил от глаз, не желая видеть того, что следовало за ними.

Бери фонарь и беги!

Нона сделала шаг назад к Аре, потом еще один, наклонившись, словно бросая вызов встречному ветру. Не то, чтобы ее страх исчез, просто ею двигало нечто большее, мысль о костях Ары, лежащих вместе с остальными, медленно пожираемых камнем, постоянное молчаливое обвинение в том, что основа ее собственного существования так же пуста, как Скала Веры.

— Нет... — Шепот. Дрожа всем телом, Нона во второй раз перешагнула через Ару и посмотрела в темноту. — Нет! — Крик.

Она стояла на невидимом ветру. На ее затылке висел Кеот, истекая кровью, пытаясь вырваться из ее кожи и убежать обратно на Путь. Напряжение нарастало: пустая тьма пещеры отдавалась эхом, каменные наросты срывались со стен, теплая кровь текла из глаз и носа Ноны. Она упала на колени под его тяжестью, каждый нерв требовал бежать.

Камни вокруг нее начали кровоточить. Ужасное хриплое дыхание сотрясало темноту. Там была воющая ненависть, и она сгущалась. Темный сгусток тьмы. Ее окружало зловоние разложения. Крики боли были хуже, чем те, что издавала настоятельница, когда ее жгли. В дрожащем освещении появилась послушница с тонкими конечностями и гниющей кожей, она волочила иссохшую ногу, поднимая вверх лицо. Гесса!

БЕГИ!

— Нет. — Шепот.

И вдруг страх улетучился. Исчез, в промежутке между одним мгновением и следующим. Тьма снова была просто тьмой. Нона упала на четвереньки, и ее вырвало всем, что в ней было.

ДЖУЛА И РУЛИ вернулись, пробравшись вдоль стен. Они вышли на свет с бледными лицами и увидели, что Ара стоит на коленях рядом с Ноной, придерживая волосы Ноны и вытирая слюни с ее рта.

— Где это? — Рули наклонилась, чтобы поднять молоток, который она уронила. Он дрожал в ее руке.

— Кажется, ушло. — Нона сплюнула и поднялась на колени.

Что она имеет в виду, говоря «где это?» Голос Кеота звучал слабо, словно издалека, он дрожал под самой поверхностью ее кожи.

Она имеет в виду, что это было?

Вот это и было. Холотур не имеет ничего столь примитивного, как плоть.

— Мне кажется, оно исчезло. — Нона помогла Аре подняться, поднеся пальцы к царاپине на лбу. — С тобой все в порядке?

— Ты бы видела другую девочку. — Ара выдавила из себя улыбку. Старая шутка.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. — Джула постучала сковородкой по стене, в том месте, где Ара столкнулась с той, и еще несколько слоев камня треснули.

Ара подхватила фонарь:

— Пошли.

Она повела их обратно.

— А где все кости? — Ара высоко подняла фонарь. На полу пещеры не было ничего, кроме камней и сталагмитов. Дальше маячило что-то большое и круглое.

— Скелеты были частью этого? Как страх? — прошептала Рули. — В наших головах?

— Здесь есть один. — Джула указала на известковый скелет, растянувшийся между двумя камнями. — Только один, как те два в нише. Все остальное было иллюзией?

Нона повернулась к объекту на границе света фонаря и двинулась вперед вместе с Арой. Это было кольцо четырех ярдов в поперечнике, стоявшее вертикально, и нижняя его часть была погружена в каменный пол. Само кольцо было толщиной с балку крыши и покрыто натеками камня; сталагмиты и сталактиты украшали верх арки.

— Что это? — Джула остановилась, и все остановились вместе с ней.

— Что-то, что оставили Пропавшие, — предположила Нона.

— Неужели? — Рули посмотрела на нее круглыми глазами.

— Кто угодно мог поставить его сюда, — сказала Джула. — Например, люди, которые построили колонны.

— Сестра Правило говорила, что сталактиту требуется двести лет, чтобы вырасти на один дюйм, — сказала Нона. — И как давно, по-твоему, это произошло?

— Два фута? Три? — Рули шагнула ближе.

— Прошло почти десять тысяч лет с тех пор, как кто-то сбил их в последний раз, — прошептала Нона, тоже подходя к кольцу. — Мы должны двигаться дальше. — Она посмотрела мимо кольца в заднюю часть пещеры, где два туннеля вели вверх, один вниз. — Какой из них, Джула?

— Разве мы не должны... — Джула снова посмотрела на кольцо.

— Оно был здесь целую вечность. Мне *нужно* посмотреть, где умерла Гесса. — Она видела сомнения остальных. — Это — ключ к поиску Йишт и возвращению корабль-сердца, — добавила она с бóльшей уверенностью, чем чувствовала.

— Вот этот. — Джула кивнула в сторону туннеля, ведущего навверх.

Ара пошла впереди, время от времени прикасаясь пальцами ко лбу.

— Ты... вернулась за мной? — пробормотала она, когда Нона подошла ближе.

— Я о тебя споткнулась.

Дальше они шли молча.

Твои подруги убьют тебя. Я не понимаю, зачем они тебе нужны. Кеот пробежал по венам ее правой руки, слабый и раздраженный. Особенно две другие. Они слабы. Никакой выгоды.

Нона подумала о тех узах, которые связывали ее с теми, кого она называла своими подругами. Она вспомнила слова Сестры Сковородка, вспомнила, как та описывала Путь и нити, связывавшие каждый предмет с каждым другим, паутину влияния и зависимости, невидимую, вечную, постоянно меняющуюся.

Я провела в этом монастыре пять лет, Кеот, и научилась верить во что-то большее, чем я сама. Все это время Колесо твердила о Предке, обо всех тех, кто пришел раньше и ушел дальше. Но я больше верю в то, что происходит здесь и сейчас. Эти послушницы — мои подруги, и я готова за них умереть. Ради них я сражусь с любым ужасом, против которого у меня не хватит смелости сражаться ради себя.

•••

НЕСМОТРЯ НА ТО, что Джула могла инстинктивно находить путь под землей двигаться вперед все еще было трудно. Снова и снова им приходилось возвращаться назад, ища другие пути там, где проход становился слишком узким или слишком крутым, поворачивал или уходил в глубину Скалы. Ноне это показалось днями, а может быть, и часами.

— Я думаю, мы уже близко, — сказала Джула.

— Я думаю, у нас кончается масло. — Ара подняла фонарь и потрясла им, чтобы услышать хлюпанье.

— Еще пять минут. — Джула указала вперед своим ножом ной-гуин. — Мы рисковали жизнью, чтобы забраться так далеко! Другого шанса может и не представиться.

— Если мы потеряем свет, то умрем здесь, — сказала Ара, но пошла дальше.

На пределе их освещенности туннель перед ними сузился, а затем открылся в то, что могло быть довольно большим помещением. Нона понятия не имела, где они находятся по отношению к монастырю, но талант Джулы к навигации ни разу их не подвел.

Их приветствовал шум бегущей воды, воздух был насыщен запахом земли и гнили.

— Что это такое? — Ара подняла фонарь и вошла в комнату.

— Не знаю. — Нона уставилась в потолок. Сверху свисали странные извилистые сталактиты, не похожие на тех, которых они видели раньше.

— Это корни, — сказала Рули. — Мы под центральным дубом.

Нона не отрывала взгляда от массы корней. В глубине пещеры они дотянулись до земли и змеились по ней. Всего в нескольких футах впереди корни тянулись так низко, что она могла почти коснуться одного из них поднятой рукой. Много лет она ходила по аркаде послушниц, гонялась за остальными, сидела на скамьях, болтала, и все это время эта пустота ждала в темноте всего в нескольких ярдах под ними. Возможно, люди тоже были такими: за улыбкой Клеры ждала пустота, темное пространство, где невысказанные мысли гноились и перерастали в предательство.

— Смотрите... — Ара стояла в углу помещения возле одного из пяти круглых темных расщелин. Поднеся фонарь поближе, Нона разглядела, что расщелина, похоже, вырублена вручную, и ее перегораживают проржавевшие железные прутья. Послушницы собрались возле Ары.

— Это камера. — Рули потянула за один из прутьев. На руке остался жирный слой ржавчины.

— Проверьте остальные, — сказала Джула.

Все они были камерами. Каждая — пространство, вырубленное на глубину всего два ярда, запечатанное решетками и запертыми воротами. Во второй и третьей лежали кости, целые скелеты, почерневшие от времени.

— Тюрьма, — прошептала Нона, вспомнив карцер, пещеру, в которой их с настоятельницей держали до суда.

— Потайная подземная темница, — шепотом поддержала ее Джула. — Они помещают сюда людей, чтобы забыть о них.

— Скелеты, которые мы нашли... — Рули нахмурилась.

— Возможно, те люди не заблудились, исследуя пещеры. Они могли быть послушницами или сестрами, сбежавшими из камер, но никогда больше не увидевшими света. — Нона попробовала представить, какого это. Гнить здесь, всего в нескольких ярдах под аркадой послушниц, где девушки бегают, смеются и играют. Ничего, кроме неподвижности камня и корней. Она подавила дрожь. Место, которое нужно забыть. Помнит ли кто-нибудь в монастыре о его существовании?

С одной стороны пещеры в нише с низкой крышей приютился бассейн, питаемый небольшим ручьем, вытекающим из трещины.

— В потолке, — указала Нона. Вверх вела круглая шахта.

— А что в нем? — Ара прищурилась. Она присела на корточки у края бассейна, держа фонарь над водой. Отражение света на каменном потолке создавало удивительное впечатление медленно меняющихся узоров.

— Это что... ведро? — Нона нахмурилась и прищурилась, глядя на что-то, висящее в шахте.

— Колодец! — воскликнула Джула.

— Колодец? — Нона не знала колодца рядом с аркадой послушниц.

— В задней части прачечной. Эта маленькая комнатка... они берут из него воду для стирки, когда дождевые бочки высыхают.

Нона подумала, не слышали ли иногда те, кто был заперт в камерах, эхо внешнего мира, доносящееся из шахты колодца. Она снова содрогнулась.

— Нам пора идти, — сказала Ара. — Иначе придется нащупывать дорогу в темноте.

Осознав новое значение старых костей, которые они видели по пути, послушницы не нуждались в дальнейшем поощрении. Они молча ушли.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА СТЕКЛО

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА СТЕКЛО СТОЯЛА в тени у окна своего кабинета, наблюдая, как послушницы Красного Класа спешат к Башне Академии, сжимая в руках грифельные доски. Она почесала Малкина за ушами. Старый кот вытерпел ласку и продолжил наблюдать вместе с ней. Шедшая последней маленькая Элси, которой было всего восемь лет, пыталась догнать их. Ее отдала в монастырь мать, недавно овдовевшая металл-мастер, которая изо всех сил старалась держать своих младших детей сытыми и здоровыми.

У нее вырвался вздох. Эйблу было восемь, когда он умер. Сейчас ее сын был бы мужчиной, возможно, с собственными детьми. Мысль об этом все еще причиняла боль, физическую боль в груди. Стекло ударила себя в грудь, желая избавиться от боли, и отвернулась от окна.

Сестра Сало ждала перед портретом Настоятельницы Палица, «она чудо». Настоятельница Стекло забыла о присутствии монахини и вздрогнула, заметив ее. Сало двигалась не больше, чем портрет. Если бы не клубы дыхания, вырывающиеся в холодный воздух, она могла бы быть просто еще одной картиной. Хотя нужно быть настоящим художником, чтобы запечатлеть ее твердость и темную напряженность глаз.

— Скоро инквизиторы захотят прочитать Серые отчеты, вы же знаете. — Сестра Сало посмотрела на дверь. — Странно, что в вашем доме до сих пор нет наблюдателя.

Настоятельница Стекло мрачно улыбнулась:

— Брат Пелтер уже предлагал. Я отказалась.

— А Серые отчеты?

— Сомневаюсь, что они окажутся полезными для инквизиции.

— Шифрование никуда не годится. Они просто потребуют шифр, — сказала Сестра Сало.

— Ничего не поделаешь. — Настоятельница Стекло развела руками.

— Вы можете обратиться к Невису. Он все еще может вытащить их отсюда, — сказала Сало. — Прежде чем они вцепятся зубами... во что-нибудь.

— Ах, сестра. — Настоятельница Стекло протянула руку и похлопала Сало по плечу. Монахиня напряглась, но пропустила эту фамильярность мимо ушей. В этом отношении она мало чем отличалась от Малкина. — Разве ты не учишь девочек, что иногда нужно дать противнику крепко ухватиться, прежде чем использовать его захват против него самого?

— В самом крайнем случае, настоятельница. Лучше всего взять захват самой.

Настоятельница Стекло пожала плечами, потом поежилась:

— Дарнишцы снова высаживаются, целая армия, рассредоточившись по южным окраинам. Армии Скифроула находятся на обеих их границах, хотя больше их на той, о которой заботимся мы. С прошлогоднего похода лед продвинулся еще на милю, как с севера, так и с юга. Император зажат со всех сторон. Наши возможности заканчиваются с поразительной скоростью, старый друг. Как говорится, нам сейчас не хватает только одного — чтобы луна упала!

— А Сестра Чайник? — Сестра Сало подошла к окну. Какое-то время она стояла, глядя на монастырь. — Здесь ей небезопасно. Пелтер обязательно схватит ее. Я удивлена, что он

еще этого не сделал. И что тогда сделает Яблоко, я не могу сказать. Только то, что это будет некрасиво.

— Чайник мне нужна здесь.

— Но...

— Слишком много Серых на миссиях. То, что я привела в движение... еще не определилось. Сестра Чайник — мой резерв. Ее навыки слишком ценны, чтобы тратить их впустую, ее состояние — хороший повод держать ее рядом.

— Если ее состояние увидит Пелтер, он увезет ее в Башню Исследующих в цепях настоятельница!

— Главное слово здесь «увидит», Сало, дорогая. Он ее не увидит. Она останется скрытой, но близкой.

— А это дело с Ноной? Тень-испытание в аркаде?

— Нона — Красная до глубины души. Она никогда не пройдет испытание, ни на площади Тайбур, ни здесь. Неудача в чем-то ей не повредит. Мы все должны привыкнуть к этому. Даже я.

В дверь постучали.

— Входите.

Сестра Ложка проскользнула через дверной проем, древо Предка свисало с ее шеи в виде серебряного кулона — ветви наверху, единственный стержневой корень тянется вниз.

— Сестра Скала говорит, что на Виноградной Лестнице собралась толпа паломников, призывающих Аргату.

— Уверена, Послушница Зоул будет в восторге. Что вы подразумеваете под «толпой», сестра? — Настоятельница Стекло помахала Сестре Сало, отпуская ее; ее ждал целый класс девочек, желающих узнать, как лучше избить друг друга до полусмерти.

— Сотни, настоятельница. — Сестра Ложка отступила в сторону, пропуская Сестру Сало. — Говорят, в трущобах Истины начались голодные бунты. Люди хотят успокоения. Они хотят Аргату!

— К сожалению, у нас есть только Зоул. — Настоятельница Стекло сложила руки на животе. — Пусть Сестра Колесо спустится вниз и обратится к толпе с проповедью. Час или два. Это должно их успокоить. — Она прикусила губу. — Пошлите вниз немного хлеба, чтобы накормить тех, кто действительно нуждается. Сначала дети. Доставьте его по Дороге Повозок и раздавайте на Дороге Истины. Таким образом, еда будет ассоциироваться с уходом, а не с ожиданием на нашем пороге.

— Да, настоятельница. — Сестра Ложка ушла. Малкин выскользнул следом за ней. Свидание с крысой, без сомнения.

Дверь закрылась, и Настоятельница Стекло обнаружила, что смотрит на портрет, частью которого, как ей на мгновение показалось, могла быть Сестра Сало.

— Настоятельница Палица. — Она уже давно не видела лиц ни на одном из портретов в этой комнате. Годы, может быть. Они стали частью неподвижного фона, чем-то таким, по чему глаз мог скользить, не замечая. Но из них можно было извлечь уроки. Жаль, времени на уроки оставалось мало. Она сказала Сестре Сало: нам сейчас не хватает только одного — чтобы луна упала. Конечно, тайна, о которой шептались в коридорах власти, заключалась в том, что луна падала всю ее жизнь, и падение только ускорялось. — Что нам сейчас нужно от вас, Настоятельница Палица, так это еще одно чудо. — Она медленно повернулась, оглядывая дюжину бывших настоятелей, чьи лица смотрели на нее со стен. — Кто

сделает?

Настоятельница Стекло вернулась на свой пост у окна. Брат Пелтер стоял в дверях Собора Предка, позволяя ледяному ветру нестись мимо него в фойе, и смотрел на дом настоятельницы.

— Давай, брат. — Настоятельница Стекло приложила пальцы к свинцовым стеклам, блестящим и холодным. — Сыграй свою роль.

— ЧТО ТЫ ЧИТАЕШЬ?

— Чайник! Я не слышала, как ты вошла. — Нона с усмешкой отвернулась от тяжелого тома. Она беспокоилась, что Чайник уехала на очередную миссию, не попрощавшись. Никто не видел ее в монастыре уже несколько дней.

— Я могу быть неслышной, когда мне это нужно. — Чайник наклонилась над плечом Ноны. — Святой Дэвид?

— Здесь сказано, что он прошел через весь Коридор. — Нона заложила страницу. — Это было пятьсот лет назад. Тогда от северного льда до южного было больше двухсот миль!

— Я об этом не слышала. — Чайник подняла брови. — Однако впечатляет!

— Он посетил три города, оставленные Пропавшими! Но теперь их поглотил лед...

— Сестра Колесо возненавидит его, — ухмыльнулась Чайник. — Она терпеть не может истории о Пропавших. Говорит, что это были животные, и ничего больше. Официальная позиция Церкви состоит в том, что они не имели никаких связей с древом Предка. Что делает их животными в техническом смысле. Но вы найдете не слишком много лошадей, строящих себе город!

— Святой Дэвид тоже был из Серости, как и я. Я не имею в виду Серого Брата... он был из того места, что и я. Тогда это место не называлось Серость, это были одни из лучших сельскохозяйственных угодий в империи, и там стоял город, большой, который назывался... — Нона начала оборачиваться в поисках имени.

— Ты думала о том, как пройти Тень-испытание, Нона Грей^[21]? — Сестра Чайник покатала во рту фамилию Ноны, словно смакуя ее.

Нона фыркнула:

— Ты ведь знаешь, что оно пройдет в аркаде, да? Я должна проскользнуть без вызова мимо Джоэли и остальных послушниц Мистического Класса. Может быть, если я надену шляпу и плащ.. Потом, без вызова, взобраться на центральный дуб и достать шкатулку-головоломки. После этого мне остается только спрятаться в ветвях, каждый листик которого плотно сжат из-за лед-ветра, и сидеть там достаточно долго, чтобы открыть ее. Без вызова.

— Похоже, трудно.

— Похоже, невозможно. Даже если бы я все еще могла работать с тенями.

— Серое — нечто большее, чем возможность закутаться в тени. Постарайся найти решение, послушница. — Чайник улыбнулась и похлопала Нону по плечу. — Я в тебя верю.

•••

НОНА ОСТАЛАСЬ В библиотеке. Она делала заметки о Святом Дэвиде, поглощенные рассказами о его странствиях. Каким-то образом голос Брея ухитрился омыть ее, не нарушая сосредоточенности. В результате она добралась до Меча с чернилами на пальцах — и опоздала.

— Послушница, как мило, что ты присоединилась к нам. — Сестра Сало оглянулась, когда Нона со скрипом открыла двери, порывы лед-ветра подняли ее рясу вокруг нее. Остальная часть класса расположилась на песке, держа мечи наготове. — Послушница Джоэли может побрить тебе голову после колокола. Я чувствую, что на этом уроке она

должна научиться владеть лезвием. — Она кивнула в сторону Джоэли, которая сидела в сторонке, трость лежала рядом, ее золотистые волосы рассыпались по плечам, расчесанные до блеска.

Нона стиснула зубы и побежала на склад за оружием.

Остальная часть урока слилась в размытое пятно сплошного фехтования. Алата с благодарностью уступила Ноне свое место против Зоул. Они сражались самоотверженно, точно, безжалостно и беспощадно, как обычно, и Нона обнаружила, что ее инстинктивный страх перед заточенной сталью вытесняется гневом от унижения, ожидающего ее под руками Джоэли. Перспектива того, что девушка Намсис будет держать опасную бритву в нескольких дюймах от ее лица, казалась Ноне менее пугающей.

— Хорошо. — Голос сестры Сало ворвался в паузу в их спарринге.

Зоул и Нона остановились, тяжело дыша. Госпожа Меч так редко употребляла слово на букву «х», что момент требовал присутствия свидетелей. Нона осознала, что с нее капает пот, и увидела, что меч-одежда Зоул окрасилась в красный цвет в месте последнего удара, а тупое острие клинка вошло достаточно глубоко и лед-девушка кровоточить. Посмотрев вниз, Нона увидела, что у нее две похожие раны.

— Ха! — Зоул снова бросилась в атаку.

Нона нырнула в промежуток между ударами сердца, глубоко, как никогда. Но даже так бой казался ослепительно быстрым, мечи лязгали, парировали, крутились, резкие движения ног, маятниковые движения вперед и назад. Их клинки встретились, наверное, раз двадцать, прежде чем Зоул неожиданно нанесла удар ногой. Нона перепрыгнула его, почти. Они столкнулись, рыча, клинки скрестились, обе близко друг от друга. Потом отскочили назад, твердо упершись ногами, готовые броситься снова, песок громоздился за спиной у них.

— Брейк! — крикнула Сестра Сало.

Все остальные послушницы изумленно наблюдали за происходящим. Если не считать отвисших челюстей, никто из них не успел пошевелиться.

— Хорошо, — повторила Сало. — Раздевалка.

— Был колокол? — Зоул тяжело вздохнула.

Нона тоже ничего не слышала. Она усмехнулась. Эхо этой улыбки отразилось на губах Зоул. Лед-девушка откинула вспотевшие волосы и направилась в раздевалку.

— Нона. — Сестра Сало указала на стул, который приготовила Джоэли. — Когда закончишь здесь, пусть Сестра Роза посмотрит на твои раны. — Монахиня подошла к Джоэли, стоявшей рядом с стулом, и протянула ей бритву. — Если ты ее порежешь, Джоэли, то на следующем уроке будешь ее спарринг-партнером.

Сестра Сало забрала у Ноны тренировочный меч и понесла его на склад. Нона молча заняла свое место на стуле, глядя прямо перед собой.

— После тщательного бритья будет легче надеть парик для Тень-испытания. — Джоэли, держа затылок Ноны, поднесла бритву ко лбу, сталь холодила кожу. — Ты сможешь пройти мимо нас, если будешь блондинкой... — Бритва заскрежетала, и прядь черных волос упала Ноне на колени.

Перережь ей горло. Скажи, что она пыталась тебя убить. Кеот перетек по венам и сухожилиям на запястье Ноны.

Нет. На мгновение эта мысль соблазнила ее. Насилие Кеота вытечет с кровью. По крайней мере, Нона на это надеялась.

Да! Кеот алым ожогом двинулся по ее опущенной ладони. Он задергался в ее пальцах,

пытаясь взять их под контроль.

Нет. Нона заставила его вернуться.

Джоэли работала быстро и уверенно; Нона стиснула зубы, ее тело напряглось, готовясь к прыжку, но вместо крови падали только волосы.

Удивительно нежным прикосновением Джоэли наклонила голову Ноны вперед, чтобы соскрести остатки волос с шеи. Голова Ноны стала странной и холодной.

— Конечно, у тебя не больше шансов пройти испытание, чем взять Серый. — Еще один скрежет лезвия. — Не больше, чем шансов поймать Йишт. Сколько уже прошло, почти три года? Твоей маленькой крестьянской подружке придется уйти такой же неотомщенной, как и неоплаканной.

Нона зарычала и запрокинула голову, намереваясь порезаться, если такова цена спарринга с Джоэли. Но бритвы там уже не было.

— Мне не нужно быть такой быстрой, если ты будешь такой предсказуемой, не так ли? — Джоэли отступила назад, смеясь тем же звенящим смехом, который Ара и Терра разделили в особняке Менсисов, что-то настолько же искусственное для уха Ноны, насколько и уродливое.

— ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ я бросила тебя в провал?

— Да. — Нона последовала за Дарлой по разбитому камню к зияющему устью Стекло́нной Воды.

— На лед-ветру!

— Да.

— Ты замерзнешь до смерти.

Дарла была права: ветер завывал вокруг них. Нона уже начала чувствовать вместо своей головы твердую глыбу льда.

— Я готова пойти на риск. По крайней мере, мне не придется сушить волосы.

Дарла рассмеялась и провела рукой по голой голове Ноны.

— Почему ты хочешь, чтобы тебя бросила я? — Дарла посмотрела через край на темные воды в сорока футах внизу.

— Потому что ты самая сильная. — Нона посмотрела на подругу. В свои пятнадцать Дарла была ростом добрых шесть футов девять дюймов, широка в груди, ее руки толще бедер Ноны.

Дарла вздохнула.

— Давай покончим с этим. — Она потянулась к Ноне.

— Только не отсюда! — Нона отскочила от руки Дарлы. — Оттуда! — Она отбежала к выбранному месту — десять ярдов назад, навстречу ветру.

Дарла последовала за ней:

— Я знаю, что ты креветка, но не уверена, что смогу забросить тебя *так* далеко, даже с помощью ветра.

— Я тебе помогу, — сказала Нона. — Опустит руки вот так, пониже. — Она сложила ладони Дарлы чашечкой. — Я подбегу к тебе, наступлю тебе на руки, а ты перекинешь меня через голову.

Дарла развела руки, ладонями вперед:

— Это безумие!

— Ты сказала, что поможешь мне! — Нона обхватила себя руками, защищаясь от холодного ветра.

— Но... — Дарла покачала головой и выплюнула кусочек льда. — Зачем?

— Не могу тебе сказать. Конфликт интересов. Я защищаю тебя.

Дарла поджала губы и нахмурилась:

— Нам обязательно делать это так далеко от провала? А что, если ты не долетишь?

— Если я не долечу, то, скорее всего, поранюсь.

— А нельзя начать поближе? — Дарла оглянулась через плечо, оценивая расстояние.

— Мы *начнем* поближе. В следующий раз добавим пять ярдов. Сегодня я хочу прыгнуть определенное число раз. — Истинным числом был ноль.

— Предок! — Дарла снова сплюнула. — Ты сошла с ума. Ты это знаешь?

Нона усмехнулась:

— Готова?

— Нет еще. — Дарла опустилась на колени и сложила руки чашечкой, готовая для толчковой ноги Ноны.

Нона начала отступать.

— Давай хотя бы потренируем последние несколько шагов! — крикнула ей вслед Дарла.

Так они и сделали. Нона пробежала последние пять шагов, поставила стопу на руки Дарлы, и та запустила Нону через голову. Нона приземлилась в двух ярдах позади нее, сила удара заставила ее свернуться в плотный клубок над согнутыми ногами. Они повторили движение четыре раза.

— Хорошо. — Нона потеряла ноющие лодыжки. — На этот раз ты должна быть еще быстрее. Я побегу быстро, и мне нужно сохранить скорость. Держи руки выше... вот так... я прыгаю.

Нона отступила на десять ярдов, сняла оба башмака, затем поход-пальто и положила их с подветренной стороны валуна.

• • •

— ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ я украла бутылку сока ламинарии?

— Да. — Нона последовала за Рули к винограднику.

— Мерзкие вонючие полусгнившие водоросли? — Рули остановилась и уставилась на Нону так, словно ей было нехорошо.

— Да. Ты можешь это сделать. Все знают, Сестра Дуб питает к тебе нежные чувства.

— Сестра Дуб, — фыркнула Рули, — ценит мое умение вести журнал учета и природный нюх на вино.

— Неважно. — Нона подтолкнула Рули, заставляя ту идти. — Ты можешь принести мне бутылку.

— Конечно, могу. — Рули усмехнулась через плечо. — На винограднике их десятки. Лучшее удобрение, которое можно купить за деньги. К тому же мы за них не платим. Его собирают на берегу в Скале Джеррена. Держу пари, Святые Сестры хорошо проводят время в этом монастыре. Мой па говорит, что большинство из их монахинь воняет морскими водорослями, а остальные пахнут рыбой.

— Хорошо. Спрячь его где-нибудь, куда легко добраться, и дай мне знать. — Нона отвернулась, подавив чих.

— Подожди! Ты не идешь?

— Надо кое-что сделать!

— Ты любишь меня только за мой гнилой сок из морских водорослей. — Рули надула губы. — Для чего он тебе нужен? — Она просияла. — Ты собираешься опрокинуть его на Джоэли, не так ли? Сделай это! Сделай это! Ее волосы станут зелеными. Сок невозможно смыть!

— Что-то в этом роде! — И Нона побежала было через двор, но остановилась и снова окликнула Рули. — О, и мне нужна сеть. Большая, вроде тех, что используют для хранения бочек в повозках.

Нечего сказать, Кеот?

Дьявол молчал, дуясь из-за ее ребер. Открытие, что погружение в действительно ледяную воду так сильно огорчает его, было полезным, и Нона поклялась исследовать его более тщательно. Но позже.

• • •

— ВЫЗОВ!

Нона подняла руки:

— Ты меня поймала!

Зоул нахмурилась:

— Это было нетрудно.

По всей аркаде послушниц члены Мистического Класса собирались вместе, пробираясь мимо послушниц других классов, которые стояли, болтая, в своих обычных группах, сидели на скамейках или прогуливались под галереями.

Нона размотала головной платок:

— Надо было попробовать!

— Ты была единственной послушницей в платке, — сказала Зоул.

— А теперь ты единственная лысая послушница, — сказала Алата, подходя к ним.

— К тому же ты единственная послушница с огромными черными глазами, как у насекомого. — Джоэли подошла к ним сзади после патрулирования галереи.

— И без тени, — усмехнулась Кроси. Хотя с несущимся над головой облаком мало шансов проверить наличие тени у человека, даже если бы Нона не была в тени аркады, когда ей бросили вызов.

Подошла Элани, ее ухмылка эхом отозвалась на ухмылку Кроси. Ее рука все еще была в шине после того, как Нона сломала ей локоть во время нападения в дормитории.

— Жаль, что ты никогда не доберешься до дерева. Я бы с удовольствием посмотрела, как ты пытаешься спрятаться на нем. — Она махнула здоровой рукой в сторону голых ветвей, которые стояли, как тысяча черных пальцев, поднятых к небу.

— Хорошо! — Мэлли появилась одной из последних. — Наконец-то мы можем пойти есть!

Обычно испытание проходило в Истине на седьмой день. Каждый кандидат должен был испытать свою удачу в течение всего седьмого дня от рассвета до заката, шестой провал заканчивал дело. Поскольку в седьмой день аркада послушниц была почти пуста, Ноне удалось уговорить Сестру Яблоко дать ей попробовать в любое свободное от уроков время между завтраком и ужином, по одной попытке в день в течение шести дней, предшествовавших седьмому. Если она не успеет к обеду шестого дня, значит, испытание окончено, и она потерпела неудачу. Это, конечно, означало, что никто из патрульных не мог пообедать, не ослабив оборону.

— А ты не могла бы попробовать до обеда? — Меша последовала за Мэлли, потирая живот. — Все знают, что у тебя ничего не получится. Так будь же святой и рано потерпи неудачу!

— Есть и светлая сторона. Осталось всего три дня. — Джоэли повела толпу к ближайшему выходу. — Брошу тебе вызов завтра, Нона!

•••

ТОЙ НОЧЬЮ, В темноте после фокуса луны, Нона выскользнула из кровати. Она взяла свою одежду и тихонько вышла из дормитория Мистика. На лестнице она поспешно надела свою рясу и вслепую завязала шнурки. Потом с трудом влезла в поход-пальто. Одевшись, она спустилась в главный коридор и остановилась перед Серым дормиторием. Используя зрение

квантала, она легонько потянула за нить, видимую только в трансе ясности. Через несколько мгновений Ара открыла дверь и протянула ей фонарь и веревку, которыми они пользовались во время походов в пещеры. Мгновение спустя она принесла потайной фонарь, который хранила для походов в Необходимость, и прикрыла дверь, пока Нона зажигала первый фонарь от второго. Ара забрала потайной фонарь и вернулась в кровать. За это время ни одна из девушек не произнесла ни слова.

Нона вышла из здания, поставив заслонку фонаря так, чтобы его свет едва пробивался сквозь дымчатое стекло. Она пересекла монастырь, держась стен и избегая мест, где монахини, скорее всего, будут патрулировать.

В кустах за окнами санатория Нона нашла тяжелую веревочную сеть и деревянную бутылку с соком водорослей, не меньше пяти пинт. Она почувствовала запах сока, когда подняла бутылку. Отягощенная грузом, Нона отправилась к аркаде послушниц по дорожке вдоль западной стороны санатория, узкому переулку между прачечной и низким зданием винодельни.

— И куда же вы направляетесь, юная леди?

Нона замерла. Она медленно повернула голову, ничего не видя в темноте.

— Пссст. — Шипение заставило Нону поднять глаза. Чайник наблюдала за ней с крыши винодельни, низко пригнувшись, темнота обвивала ее полосами тумана, которого не мог унести ветер. — Что ты задумала?

— Ничего хорошего, — ответила Нона.

— Тогда вперед. — Чайник ухмыльнулась и растаяла в ночи, словно темнота поглотила ее, а потом полилась с крыши, как масло.

Нона поспешила в аркаду послушниц и, через арку, проникла в прачечную, заполнявшую южное крыло. Сначала она установила сетку, затем пошла искать колодец. Она нашла его, пройдя по коридорам через помещения для стирки и проветривания. Он лежал у подножия короткой лестницы. Дверь в комнату с колодцем была заперта, но замок оказался простым, и Нона вскоре нашла нужную нить, за которую нужно было потянуть, чтобы его отпереть. Этот трюк Гесса показала ей много лет назад.

Нона привязала веревку к вороту колодца, подвесила фонарь на пояс и начала спускаться. Человек размеров Дарлы, вероятно, не прошел бы. Даже Нона отчетливо чувствовала себя в ловушке, когда вокруг нее поднимались стены, темные от слизи и селитры, фонарь скреб по камню, пока она скользила вниз по веревке. Далеко внизу слышался слабый шум бегущей воды.

Ты что, никогда не спишь? проворчал Кеот, вытягиваясь вдоль ее руки, словно зевая. *В какую дыру ты теперь полезла?*

Нона продолжала спускаться по веревке, не потрудившись ответить. Ничего не видя, она осознала, что, судя по качеству звука, шахта расширяется вокруг нее. Она спустилась еще на ярд вниз по веревке и посмотрела на бассейн под собой. Свет фонаря отражался от него и падал на все вокруг нее, свет двигался по каменным стенам, рисуя рябь. Но за бассейном, лес корней центрального дуба поглощал весь свет.

Нона начала раскачиваться. Раз, два, три. На четвертом взмахе она отпустила веревку и выгнула спину. Она приземлилась в двух футах воды и споткнулась о скалистый бордюр. Там она сняла с плеча бутылку с водорослями, откупорила ее, затем достала тряпку, которую засунула во внутренний карман, и смочила ее соком. От запаха жидкости у нее перехватило дыхание.

— Предок! — Она сплюнула на камни. — Лучше бы это сработало.

Нона подошла к ближайшему корню, который был достаточно низко, чтобы дотянуться, и вытерла его тряпкой, оставляя темные пятна сока водорослей по всей длине. Она перешла к следующему. Потом к следующему. Она держалась по краям, у более молодых корней. Они появлялись слоями из любой трещины, которая могла пропустить их сквозь скалу. В середине пещеры самые толстые и старые корни достигали пола и расползались по нему, но они были покрыты камнем.

Через полчаса Нона обнаружила, что, как бы ты не умел сражаться, любая работа, требующая держать руки над головой, быстро утомляет. К усталости в руках добавлялось еще и то, что, как бы она ни старалась, сок водорослей все равно капал на нее. Одна капля попала ей в левый глаз, другая попала в рот и наполнила его кислой мерзостью.

Кеот больше ничего не говорил, возможно, снова погрузившись в сон.

Фонарь уже начал угасать к тому времени, как Нона сдалась. Она использовала большую часть сока ламинарии и все свое терпение. Вонючая и усталая, она вернулась к бассейну, поставила фонарь и собралась с духом.

— Седьмая лед-ванна в день... — Она нырнула в воду и начала метаться, задыхаясь, надеясь избавиться от вони водорослей. Бессловесные вопли негодования Кеота давали ей достаточно тепла, чтобы не замерзнуть. После этого, долгий подъем вверх по шахте колодца почти сломил ее, но, по крайней мере, заставил ее мышцы работать и кровь снова потекла.

Нона перелезла через низкую стену, окружавшую колодец, и соскользнула на пол, где и осталась лежать, тяжело дыша. Через минуту она подняла фонарь, подобрала веревку и в мокрой одежде опять отправилась навстречу лед-ветру.

•••

— АПЧХИ!

— Звучит отвратительно! — Дарла загрохотала с кровати — просто холм под одеялами.

— Апчхи! — повторила Нона. Серые пальцы утреннего света протянулись через дормиторий.

— Это твоя чертова вина. — Дарла перевернулась, бормоча что-то себе под нос.

— Часть твоей следующей маскировки? — крикнула Кроси с другого конца комнаты. — Сегодня ты собираешься чихать, пробираясь мимо нас?

— Я, конечно, попытаюсь. — Нона приподнялась и застонала. Казалось, она проспала не три часа, а три минуты. На полу рядом с кроватью лежала куча ее одежды, вокруг которой образовалась лужа воды.

Нона повесила одежду сушиться и пошла завтракать в запасной одежде Дарлы, которая больше походила на палатку, чем на одежду, но была теплее ее собственной запасной одежды, залатанной до такой степени, что заменяющего материала было больше, чем первоначального.

Сестра Ограда посвятила утренний урок Академии истории вторжений Дарна и единичных ответных ударов прошлых императоров. Хотя за каждым актом агрессии стояло множество сложных политических причин, Ноне показалось, что первопричина в каждом случае одна и та же. Лед продолжал наступать. Если сжать какой-нибудь народ с севера и юга, он должен расшириться на восток и запад или избавиться от многих жизней, пытаясь сделать так, чтобы оставшимся хватило земли.

— Апчхи! — Нона попыталась сдержать следующий чих, она сосредоточила свою волю, потянулась к своей безмятежности, стиснула зубы. — Апчхи!

— Прикрой рот, девочка! — Сестра Ограда направилась к ней.

Нона опустила руку, которой прикрыла рот, сдерживая и свой ответ, и желание вытереть эту руку о приближающуюся монахиню.

— Сколько боевых барок было выброшено на берег во время вторжения дарнищев в Сонгра-Бич? — Сестра Ограда посмотрела на нее сверху вниз.

Отнеси ее к окну и выбрось!

Нона не могла не ухмыльнуться предложению Кеота.

— Ты находишь это забавным, послушница?

— Нет, Госпожа Академия. Я старалась не чихнуть. — Нона сжала губы. — Их было триста.

— Когда?

— Э-э... тридцатый год правления императора Тристана?

— Чуть. — Сестра Ограда повернулась и зашагала обратно к своему столу. — Это было в тридцать первом году.

Когда зазвонил Брей, класс с неприличной поспешностью направился к двери. Только Зоул, Дарла и Нона не торопились. В каждый день Тень-испытания двум послушницам предоставлялась дневная передышка от караула. Четвертый день был у Зоул и Дарлы выходными, и никакие штрафы, понесенные охранниками на посту, не падали на их плечи.

Зоул вышла вслед за остальными:

— Удачи тебе сегодня.

— Что ты слышала? — Нона сдержала нарастающую панику.

— Слышала? — Зоул обернулась. — Ничего, кроме шагов в ночи. Но достаточно знать тебя. Ты сделаешь свой ход сегодня. И ты не станешь нападать на друга, Нона Грей. — Она пожала плечами и ушла.

— Лучше покончим с этим, — сказала Дарла. — Однако это безумие. Я говорила тебе об этом?

— Да. — И Нона пошла за Зоул.

Они направились прямо к аркаде послушниц, порывы лед-ветра кружились вокруг них, а ветер Коридора изо всех сил пытался вернуть себе власть. Сейчас Мистический Класс делится на патрули, готовясь бросить вызов Ноне, как только она ступит внутрь аркады. Дарла последовала за Ноной в прачечную, не обращая внимания на главную арку, ведущую в аркады. Они прошли через комнату стирки, мимо Сестры Швабра и Сестры Шпиль, одна скребла, другая возилась с катком для глажки белья.

— Куда это ты собралась? — Сестра Шпиль подняла глаза, когда Нона начала подниматься по деревянной лестнице на второй этаж.

Нона остановилась и встретила острый взгляд женщины:

— Я на Тень-испытании, сестра.

— А большая девочка? — Сестра Шпиль недавно приехала со Скалы Джеррена на западе и боролась с именами.

Она старая. Избей ее и оставь истекать кровью.

— Она — моя пленница, — сказала Нона.

— Пленница? — Сестра Шпиль нахмурилась.

Нона кивнула:

— Госпожа Тень подробно рассказала нам о ценности заложников. Я не могла позволить себе упустить это из виду.

Сестра Шпиль отмахнулась от них, покачала головой и вернулась к катку:

— Послушницы...

Этаж выше был отдан под склад постельного белья, соли для стирки и непонятных ящичков, которые выглядели слишком важными, чтобы выбрасывать, но слишком скучными, чтобы открывать. Нона проигнорировала все это и подошла к одному из наружных окон. Ставни протестующе закрипели ржавыми петлями.

— Мне не нравится эта часть. — Дарла измерила глазом высоту падения.

— Я не дам тебе упасть. — Нона похлопала по веревке на бедре и выскользнула на подоконник. Быстрый прыжок, карабканье и вот она на крыше, одним дефект-клинком пронзив черепицу, чтобы не сорваться. Низко пригнувшись, Нона поспешила к дымовой трубе над комнатой для кипячения. Держалась ниже конька крыши, она обмотала веревку вокруг узкой трубы. Вернувшись на край крыши, она протянула веревку Дарле.

— Давай, — она чихнула и выругалась.

Дарла набросилась на подъем, как на еду, отправив всего несколько плиток черепицы на каменные плиты вниз. Если бы патрульные Мистического Класса действительно верили, что у Ноны есть хоть малейший шанс на успех, они бы завербовали глаза среди других классов и разместили бы их снаружи. Но Нона выбрала самую незаметную сторону здания, лед-ветер не позволял послушницам задерживаться снаружи, и ни Джоэли, ни ее подружки, казалось, не считали ее угрозой.

Дарла легла рядом с Ноной, заглядывая из-за дымовой трубы через гребень крыши в двор аркады.

— Как ты умудрилась... — Дарла открыла рот. — Дерево...

Центральный дуб стоял, украшенный зеленью, густая масса его листьев раскачивалась из стороны в сторону порывистым ветром. Накануне вечером он представлял собой сплошное скопление веток, каждый лист которых был плотно завернут от холода.

— Это называется садоводство, — сказала Нона. — Вонючее дело.

— Хорошо. Когда мы это сделаем?

— Пока ждем.

Они лежали за гребнем крыши и ждали.

— И как долго?

— Не долго. Смотри. — Нона кивнула на менее используемый западный вход.

Вбежала послушница, с волосами, прикрытыми монашеским головным убором, лицом вниз, и пробежала мимо первой на пути девушки.

— Вызов! — Мэлли бросилась в погоню. Послушница продолжал бежать. — Вызов!

Кроси встала на пути девушки и, схватив ее за плечи, встряхнула.

— Она сказала «вызов», ты глупая... — головной убор упал, открыв Джулу, нервную и покрасневшую.

— Ошибочный вызов. Они все пропускают обед, — сказала Нона.

Вбежала вторая послушница, на этот раз через главный вход, отводя все взгляды от стороны аркады, где ждала Нона. Дарла начала подниматься. — А разве мы не должны?

— Подожди. — Нона потянула ее вниз.

Внизу пронзительный крик Джоэли прорезал воздух.

— Это трюк! — Она бросилась к новой незваной гостье. — Проверьте ее глаза!

Проверьте глаза!

На новой девушке был головной убор и шарф, повязанный вокруг лица. Она двигалась как молния.

— Это она! Это она! — крикнула Меша, когда девушка проскользнула мимо.

— Вызов! Вызов! — Джоэли бросилась к ним. — Попалась!

Ее триумф оказался недолгим. Рули откинула шарф в сторону, ухмыляясь глазами, в которых не было ни капли белого.

— Как? — прошептала Дарла.

— Капли черноворта. Действие продлится день или два, — сказала Нона. — Они все лишаются еще одной еды.

Третья девушка выскочила из окна восточного крыла, головной убор на месте, шарф на лице.

— Подождите! Подождите! — закричала Джоэли. — Пусть окажется на солнце.

Послушницы Мистического Класса сомкнулись со всех сторон.

— Следите за тенью!

Когда новая девушка вышла из тени галереи, полдюжины вызовов поднялись как один.

— Нет тени! Вызов! — Девушка резко остановилась. Элани сорвала с нее головной убор. Золотистые волосы рассыпались по плечам.

— И еще одна трапеза, — прошептала Нона.

— Как? — В голосе Дарлы звучало раздражение, хотя это была не ее трапеза.

— Ара — отличный тень-работник, — сказала Нона. — Она просто втянула тень в свои глаза, сделав их похожими на мои. — Нона откатилась в сторону и начала отступать вниз по скосу крыши. — Приготовься.

Поднялись крики. Это должны были быть еще четыре послушницы Красного Класса, которых завербовала Нона. С закрытыми головами и лицами они должны были броситься вслед за Арой: одна из западного входа, одна из главного входа, одна из окна Ары и последняя в десяти ярдах позади первой; все они кричали, как банши, и извивались, чтобы не дать себя схватить. В этом хаосе защитницы могли не заметить, насколько невысоки были приманки.

Дарла встала и наклонилась, прислонившись спиной к дымовой трубе и сложив ладони почти в яре над черепицей.

— Это *все равно* безумие. Ты умрешь.

— На службе Предку смерть — всего лишь поцелуй. — Нона с усмешкой процитировала Сестру Колесо и с края крыши побежала на Дарлу со всей скоростью, на какую была способна.

Рванувшись вверх по скосу, Нона позволила миру замедлиться вокруг себя. Высокие крики маленьких послушниц сменили регистр, стали приглушенными. Она прыгнула к Дарле, нацелив толчковую ногу на ее сложенные чашечкой ладони. Башмак встретился с пальцами, и Дарла распрямилась, как они натренировали, вложив в движение всю силу спины, плеч и рук. Нона подавила испуганный вопль, который так сильно хотел вырваться из нее, и полетела по воздуху, размахивая руками.

Внизу, с трудом преодолевая мгновение, послушницы из Красного Класса пытались ускользнуть от патрульных Мистика. Возможно, в этом хаосе прозвучало еще больше вызовов, Нона не могла сказать. Сестра Яблоко наверняка знает. Никто не видел Яблоко, но они знали, что она там, наблюдает.

Все внимание было приковано к бегущим послушницам в дальнем конце аркады, и никто из собравшихся на площади не поднял глаз, чтобы увидеть полет Ноны. Зеленая стена листвы центр-дуба устремилась навстречу, чтобы приветствовать ее, вместе с сотней возможностей для того, чтобы ее проткнуть.

— Я промахнулась! Я промахнулась! — Нона не видела ничего, кроме листьев. — Предок, защити меня! — У нее не было времени произнести эти слова, но они пробежали за губами.

В следующее мгновение Нона уже ломилась сквозь ветки и зелень. Возможно, она добавила свой крик к смеси в монастыре. Она была слишком напугана, чтобы знать. Сеть застала ее врасплох, хотя она все это время пыталась нацелиться на нее. Руки проскочили сквозь дыры, веревки хлестнули по лицу. Ветки, к которым она привязала углы прошлой ночью, теперь протестующе скрипели и стонали, раскачиваясь вокруг нее.

Казалось, целую вечность Нона лежала, запутавшись в объятиях сети, задыхаясь от паники, охватившей ее во время погружения. Постепенно до нее стали доноситься крики и вопли в окружающей аркаде, теперь уже затихающие. Где-то совсем рядом ругалась Джоэли:

— ... эта сука. Четыре ошибочных вызова.

— Смотрите все! Она попробует еще раз.

— Она будет в следующей волне!

— Это жульничество! — Опять Джоэли. — Она должна была замаскироваться под других людей, а не иметь других людей, замаскированных под нее!

Нона лежала высоко в объятиях огромного дуба, закутанная в зеленый кокон.

Глупая игра.

Заткнись, Кеот.

Так оно и есть.

Очень медленно Нона начала распутываться. Шкатулка-головоломка лежала там, где сестра Яблоко положила ее этим утром, низко в развилке крупных ветвей. Самые близкие к земле листья были недостаточно густыми, чтобы скрыть ее. Она сидела там, дразня ее. Кубическая шкатулка, может быть, шесть дюймов в длину, что-то черно-белое, возможно, костяное, инкрустированное черным деревом. Несколько маленьких замков и защелок с каждой стороны.

Даже если бы ты сможешь достать ее незамеченной, они увидят, что шкатулка исчезла прежде, чем ты успеешь открыть ее, и тогда они просто бросят вызов дереву.

Я считала, что тебе неинтересна моя глупая игра?

Кеот не ответил. Но, очевидно, на этой неделе он не уделял Ноне такого пристального внимания, как она себе представляла. Интересно, чем еще он может занять свое время?

Нона выудила из рясы шкатулку, которую сделала для нее Рули: «Проклятье!» — Удар о сетку расколол одну сторону, оторвав несколько почерневших от огня шайб, которые Рули использовала вместо замков. Шкатулка была сделана из выбеленного самшита, черный рисунок был нанесен на нее смолистой смесью. Она имела лишь отдаленное сходство с шкатулкой-головоломкой внизу, но если Сестра Яблоко и научила их чему-то в маскировке, так это тому, что люди видят то, что они ожидают увидеть.

Нона накинула петлю веревки на крючок в углу своей фальшивой шкатулки и, держа ее высоко, стала спускаться по ветвям. Это заняло некоторое время, и она была благодарна ветру — без него ее движение по ветвям было бы выдано движением листьев.

Наконец она добралась до места в пяти ярдах над шкатулкой, где листва была еще

достаточно густой, чтобы спрятать ее. Держась одной рукой, другой она раскачивала вторую веревку. Эта заканчивалась петлей, над которой висело рыболовное свинцовое грузило; кое-что из бесконечных тайн карманов Рули, чтобы веревка не трепетала под музыку ветра.

Без неустанных попыток зацепить что-нибудь петлей во время их экспедиции в пещеры, Нона упала бы духом, полагая, что если тебе не удастся зацепиться за что-нибудь с десятой попытки, то ты никогда этого не сделаешь. Прошла целая вечность, прежде чем петля охватила шкатулку и не соскользнула, когда она потянула.

Вперед!

Если она выскользнет и упадет, все будет кончено.

Давай!

Прежде чем она успела поднять веревку, Нона почувствовала знакомое щекотание в носу. *Нет!* Она крепко зажмурилась, прикусила губу, сконцентрировала всю мощь своей воли на том, чтобы не чихнуть, так что ее лицо заболело. Щекотка все росла. *Нет! Проклятие! Кеот! Сделай что-нибудь!*

Что ты мне дашь? Он горел вдоль вен на ее шее, растягиваясь по щеке.

Что угодно, только останови чих!

Что-нибудь? Ты убьешь ради меня?

Что? Нет!

Кеот отступил. Чих поднялся, неудержимый, собираясь вызвать шквал вызовов.

Ну ладно! Я убью. Но я выбираю кого!

Кеот заколебался, потом обжег ей нос и горло. Было больно, но когда он вынырнул на поверхность, чихать уже не хотелось.

Ты должна убить ту, которую зовут Джула.

Йишт. Я убью Йишт.

Кеот ничего не ответил, но она почувствовала его неодобрение. Даже так, отступив на ее плечи, дьявол чувствовался глубоко укоренившимся в ее плоти, и это было не очень хорошее чувство.

Нона поджала губы, затем снова обратила свое внимание на шкатулку, все еще в петле, несмотря на то, как сильно дрожала ее рука, когда она боролась с чихом. Она потянула мягко, затем с большей силой. Шкатулка сдвинулась, повернулась, приподнялась.

— Да!

Поднявшись, шкатулка начала вращаться — движение, которое могло привлечь внимание. Ара ждала этого момента, как и Рули. Рули, гулявшая по аркаде, встала и побежала через главный вход. Ара, ожидавшая снаружи, снова ворвалась внутрь, прикрыв голову.

— Просто остановите ее! — завопил Джоэли. Они не должны были никого трогать, только бросать вызов. Человек на испытании должен был остановиться, когда ему бросали вызов. Они все потеряют из-за этого еще одну трапезу, вероятно, вдобавок к двум голодным дням, о которых им еще предстояло узнать, заработанным, когда Нона добралась до дерева.

Нона подняла шкатулку.

— Еще три дня, а не два, Джоэли. — И начала опускать замену.

После суетливой борьбы послушницы сорвали с Ары платок, хотя она повалила нескольких из них на землю. За это время Нона опустила фальшивую шкатулку на место и сняла с нее петлю с веревкой. Подделка выглядела очень неубедительно, и Нона посмотрела на настоящую, уверенная, что у нее будет всего несколько мгновений, прежде чем прозвучит

вызов, направленный на дерево.

— Держи ее! — Джоэли, вероятно, устала ловить одних и тех же самозванок снова и снова. — А другая — это Рули?

Шкатулка оказалась на удивление тяжелой. Она не дребезжала и, казалось, даже не имела петель. На каждой из шести граней было по три замка. Нона перебралась в более безопасное положение, где могла работать обеими руками, держась ногами. Она призвала ясность и расфокусировала зрение, чтобы вывести на передний план нить-зрение. Миллиарды зеленых нитей оплетали само дерево, каждая ветка и сучок соединялись друг с другом, каждый лист, каждая *часть* каждого листа сплеталась в паутину жизни, соединяясь с медленной, растительной уверенностью.

Нона сосредоточилась на первом замке — замочной скважине, вставленной в диск из черного железа, похожий на обугленные шайбы Рули.

— Я могу открывать замки. — В Мистике послушниц познакомили с замками на уроках Тени, хотя младшие послушницы часто приобретали наборы отмычек и практиковались за пределами монастыря. У Ноны никогда не было денег на отмычки или желания тратить время на ерундовое дело, но она знала несколько трюков с нитями.

Первый замок сдался быстро. Нахождение его нити потребовало небольшой охоты и большой концентрации, но как только Нона потянула за нее, немедленно последовал удовлетворительный щелчок. Второй замок оказался кошмаром. В нем было две нити, соединенные каким-то сложным образом, который Нона не смогла понять. Потянув за одну, она открыла какую-то штуку, потянув за другую, открыла вторую и заперла первую... в конце концов ей удалось собрать обе вещи вместе так, что это звучало так, будто она сделала работу.

— Осталось всего шестнадцать. — Нона посмотрела на бурлящую вокруг листву. Внизу, в аркаде, казалось, было почти пусто. Сколько времени у нее осталось до того, как Брей позвонит, приглашая в класс Тени? Она могла работать над коробкой только между завтраком и обедом, в промежутке между занятиями. Перспектива еще одного слепого прыжка на дерево не привлекала, даже если отвлечения можно было заставить работать снова.

Тебе придется спрыгнуть с дерева. Они все равно тебя заметят.

Нона ничего не сказала, только скривила губы, но дьявол был прав. Она и представить себе не могла, что зайдет так далеко, и ее планы не простирались дальше закрепления и замены шкатулки.

Нона повертела шкатулку в руках, ища замок, который выглядел проще остальных. По крышам разносился рев Брея, звонившего из башни Академии.

— Клянусь кровью!

Нона начала спускаться. Если охранницы покинут аркаду раньше нее, значит, состязание окончено. Более того, ее достижения до сих пор могли бы больше не считаться. Она на мгновение задержалась среди ветвей, борясь с ящиком в последний раз. В следующее мгновение, вместо того чтобы быть пойманной за попыткой выползти, она засунула коробку в рясу и спрыгнула с дерева, приземлившись на корточки в нескольких ярдах от ствола.

— Предок! — Горстка послушниц все еще пробиралась наружу, и кордон охранниц Мистического Класса начал отступать к выходу. — Это она! — Первой заговорила даже не одна из охранниц.

— Ты меня поймала. — Нона выпрямилась и шагнула к маленькой послушнице. —

Элси, не так ли? Красный Класс?

— Вызов! — крикнула Джоэли, оттолкнула Мэлли и Мешу в сторону, и бросилась к Ноне.

— Слишком поздно. — Нона повернулась к ней. — Я закончила.

— Вызов! — Джоэли выглядела уродливо с перекошенным красным лицом. Она подняла обе руки, словно собираясь ударить врага.

— Закончила? — Сестра Яблоко вышла из-за дерева. Как она могла оказаться там невидимой, Нона не могла понять. Правда, на ее поход-пальто был узор под кору, но нельзя держать перо над головой и ожидать, что люди поверят, будто ты курица.

— Она врет! — Джоэли отмахнулась от Элани, которая пыталась ее успокоить. — Она лживая крестьянская сука! — Ее рука, поднятая в обвинительном жесте, качнулась, указывая на шкатулку-головоломку, расположенную в развилке дерева. Нона посмотрела на нее. Снизу она выглядела вполне убедительно.

— Это не шкатулка, — сказала Сестра Яблоко. — Но, чтобы закончить, ты должна была открыть настоящую, Нона. И это действительно звучит маловероятно.

Теперь уже весь Мистический Класс столпился вокруг, к ним присоединились Дарла и Зоул.

Нона вытащила из-за пазухи шкатулку-головоломку, бережно держа ее. Она лежала на ее сложенных чашечкой ладонях.

— Все еще заперта! — Джоэли сплюнула.

— Эту шкатулку очень трудно открыть. — Сестра Яблоко улыбнулась. — Ты уже совершила чудо, достав ее.

Нона немного расправила ладони, и шкатулка-головоломка распалась на четыре части по линиям, которые ее дефект-клики прорезали через нее. Это был твердый кусок кости, внутри которого не было пустого места.

— Так достаточно?

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ седьмому, оказались доволн напряженными. Никто в Мистическом Класе, кроме Ноны, Дарлы и Зоул, не ел. Госпожа Тень подсчитала неудачи патрульных на Тень-испытании и назначила семь дней без еды. Настоятельница распорядилась, чтобы седьмой день был исключением, вероятно, опасаясь, что непрерывный пост такой продолжительности может причинить физический вред некоторым из самых худощавых послушниц. Класс не воспринял наказание с юмором.

Сестра Колесо посвятила урок греху гордыни.

— Все мы не более чем веточка на великом древе Предка. Дары, которые дал нам Предок, предназначены для блага всех, а не для возвеличивания отдельного человека. Гордыня — это яд, который развращает. — Она перевела водянистые глаза на Нону. Та с трудом удержалась, чтобы не спросить, не была ли Избранная просто еще одной веточкой.

Сестра Ограда направила уроки Академии обратно к алгебре, как будто знала, как сильно Нона ненавидит ее. Из тех, у кого не урчало в животе, только Зоул удавалось справиться с каракулями букв и символов, которыми монахиня покрывала доску.

Сестра Яблоко посвятила два урока разбору тактики Ноны на испытании, удерживая возмущенное внимание класса на источнике их страдания.

— Если вы не можете замаскировать себя под кого-то другого, то иногда можно замаскировать других под себя. Имейте это в виду. Если вы выслеживаете цель, у вас может возникнуть соблазн сосредоточиться на одном признаке, который нельзя отбросить. Возможно, рост. Возможно, цель потеряла руку. Такие маркеры могут быть надежными, когда цель не подозревает, что за ней следят, но если, наоборот, подозревает, то эти, казалось бы, уникальные маркеры могут быть именно тем, что использует цель, чтобы заставить вас потерпеть неудачу. Вы можете обнаружить, что преследуете другого очень высокого мужчину, другую однорукую женщину, и цель получила преимущество и-за вашей лени. — Она закончила шкатулкой. — Шкатулка здесь для того, чтобы преподать урок. Ее тайна раскрывается, когда сестры выбирают Серое. Теперь нам понадобится новый способ преподать этот урок. По крайней мере, на столько лет, чтобы пережить память монастыря. Шкатулка — урок для Сестер Благоразумия. Бывают случаи, когда надо быть тонкими и скрытными, обманывать и очень легко касаться. Но всегда были, есть и будут случаи, когда секунды истекают, и мы оказались в ситуации, когда необходимы насильственные и прямые действия. Никогда не будьте слишком сосредоточены на взломе замка и не забывайте, что дверь можно выбить.

На Мече продолжалось обучение фехтованию, но Сестра Сало пол-урока говорила о предстоящем Лед-испытании:

— Сестра Яйцо проведет с нами четыре недели, чтобы научить вас выживать на льду. Там вам понадобится не только поход-пальто и монастырские башмаки. Вам нужно будет изучить девять основных типов снега, узнать, как обнаружить и пересечь расщелину, как строить укрытия, готовить еду... и за четыре недели вы просто царапните по поверхности. На Лед-испытании погибло больше послушниц, чем на любом другом, так что будьте внимательны! Даже если вы прошли испытание Щита, у вас не будет под рукой Сестры Розы, чтобы попытаться исправить любые дыры, которые у вас появятся. На льду вы всегда будете в одиночестве, сколько бы послушниц с вами ни было.

Дни Ноны пролетали незаметно: уроки под угрюмым взглядом одноклассников, ночи в общежитии, полном урчащих желудков, перерывы в аркаде, где Ара и другие снова и снова проигрывали ее победу. И все это время Джоэли Намсис наблюдала за ней с едва заметной насмешливой улыбкой на губах. Ей не нужно было говорить. *Гесса*. Нона могла одержать победу в стольких монастырских играх, сколько ей заблагорассудится. Реальный мир лежал снаружи, и в тот единственный раз, когда этот мир достиг Сладкого Милосердия, подруга Ноны умерла. Йишт вышла наружу. Шерзал раздобыла корабль-сердце. Успех Ноны не значил ничего.

•••

КОГДА НАСТОЯТЕЛЬНИЦА СТЕКЛО пригласила ее к себе, Нона понятия не имел чего ожидать. Она подошла к двери дома, и на ее стук ответила Сестра Ведро, которая провела ее в кабинет Стекла.

Настоятельница сидела за своим столом с приветливой улыбкой и глазами, оценивающими Нону. Нона часто удивлялась, что в монастыре, полном женщин-атлетов, которые владели искусством Меча и умели убивать голыми руками, высшая власть покоится в ладони женщины, скорее похожей на обычную мать, немного полноватой, с седыми волосами, которая не продержится и нескольких мгновений против самой младшей пол-кровки хунска. Но потом Нона вспоминала, как на ладони этой старой леди появилась такая масса шрамов от ожогов — и в очередной раз получала ответ на свой вопрос.

— Нона, присаживайся.

Нона села и стала ждать.

— Твое выступление на Тень-испытании было триумфом.

Нона ждала «но».

— Но я хочу, чтобы ты подумала о том, какую роль ты сыграешь в более широком мире, — каким бы узким он ни был, — когда ты покинешь наш монастырь. Там не всегда можно победить. Ни один человек, независимо от того, каким количеством физических навыков он обладает, не может изменить ход войны или, например, подавить политическое восстание. Даже самые знаменитые из Мистических Сестер, с силой Пути, бегущей по их венам, не могут в одиночку победить целую страну или управлять населением.

Со стороны Сладкое Милосердие выглядит очень маленьким. Наша работа заключается в том, чтобы научить вас справляться с поражениями, а также научить побеждать. Мы не сумели научить тебя переносить поражения. Я говорю тебе это потому, что боюсь: время уходит, и, возможно, тебе придется не просто услышать урок, но пережить его.

Нона открыла было рот, чтобы объяснить — она усвоила этот урок, когда подвела Гессу, но ее губы не смогли произнести ни слова.

— Ты сильна, Нона, и осознала свое силу в раннем возрасте. Понимание того, что сила, которая влечет за собой власть, развращает, — более древняя мысль, чем язык, на котором мы ее повторяем. Все мы, занимающие положение, дающее власть над другими, подвержены этой болезни, будь то первосвященники, главные инициаторы, даже настоятельницы.

— Или императоры, — сказала Нона.

Настоятельница поморщилась.

— Некоторые истины лучше оставить скрытыми, дорогая. — Она взглянула на дверь и продолжила: — Церковь обладает властью, и инквизиция призвана уберечь ее от коррупции.

Красное и Серое — это сила, и первосвященник должен следить за тем, чтобы те, кто направляет их, не сбились с праведного пути. Каждый член Красного и Серого — сила сама по себе; моя работа состоит в том, чтобы они помнили: их сила — дар, предназначенный для служения. И, конечно, есть корабль-сердца. Каждое из них — источник огромного потенциала... но развращают ли они тех, кто направляет эту силу?

Нона ничего не ответила. Она не знала ответов, за исключением того, что она уже была запятнана, и пятно на ней имело собственное имя.

— Я говорю тебе это, Нона, потому что впереди у всех нас трудные времена, и я хочу, чтобы ты верила в то, чему мы тебя здесь научили. То, чему я тебя научила. Когда в твоих руках сила, возникает искушение наброситься на то, что выглядит как несправедливость. И наши правила — это все, что у нас есть, чтобы не дать нам наброситься, потому что у каждого есть свое чувство справедливости. Сражения лучше вести внутри системы, даже когда она кажется сломанной. — Настоятельница вздохнула. — Ты молода, и я тебе надоела. Уходи. Но не забывай, что я тебе сказала.

Нона убежала, как ей было велено, но ее преследовала не скука, а множество забот, непривычных к такой молодой добыче.

•••

— ГОТОВЫ? — ВСЕ ЧЕТВЕРО стояли вокруг колодца в прачечной. Теперь это бы самый безопасный путь в пещеры. Поездки на седьмой день в Истину были приостановлены, чтобы инквизиция могла поближе понаблюдать за монастырем и его обитателями. У Брата Пелтера теперь было восемь наблюдателей — из Башни Исследующих прибыли еще двое.

— Готова. — Ара держала фонарь.

— Готова. — Джула заглянула в колодец.

— Для Гессы. — Рули кивнула.

— Для справедливости. Я собираюсь вернуть Сладкому Милосердию его корабль-сердце. Я собираюсь убить Йишт. И Шерзал заплатит кровью за свои преступления. — Три невозможные вещи, но всего несколько дней назад казалось невозможным пройти Серое испытание. Настоятельница предостерегла Нону насчет неудач, но в то же время советовала верить.

Нона перелезла через ограду и стала спускаться по веревке. Сейчас было невозможно пробраться невидимыми через колонны, но колодец доставил их туда, куда они хотели попасть — и гораздо быстрее. Они перестали притворяться, что уважают эдикт настоятельницы, запрещающий поиски под монастырем. Даже Джула не моргнула. *Для Гессы.*

Через некоторое время все четверо с мокрыми ногами стояли у края бассейна в подземелье под аркадой послушниц.

— Святые зубы! — Джула закрыла лицо руками. — Здесь воняет!

— Галлон сока водорослей. — Рули пошла за пустой бутылкой, которую Нона не вернула на поверхность, и поставила ее рядом с бассейном.

— Пошли! — Джула взяла фонарь и пошла впереди.

Хотя расстояние от аркады послушниц до купола Предка не превышало ста ярдов, они почти час пробирались через извилистые переходы и узкие лазы, пока Джула не остановила их.

— Все, я привела нас туда, куда ты мне сказала. Но если корабль-сердце находилось под задней стеной купола... мы хотим подняться туда. Это должно быть недалеко. — Она указала на расщелину в потолке туннеля, в трех ярдах над их головами, окаймленную сталактитами.

— Тяжелый бросок. — Ара нахмурилась. Она вытащила из-за спины крюк и покрутила им вокруг руки. — Лучше надеется, что наверху есть хороший край. — Она ускорила вращение и, кряхтя от усилия, отпустила. Железный крюк полетел вертикально вверх, волоча за собой веревку. Мгновение спустя послушницы отскочили назад, когда он снова загремел вниз из расщелине.

Каждая из них по очереди сделала тридцать бросков, и ни разу крюк не зацепился даже за выступ, который выдержал бы его вес.

— Наверное, гладко. Покрыто травертином. — Рули сделала еще один бросок и отступила, давая крюку упасть.

— Нам нужно вернуться. Мы можем попробовать еще раз через семь дней, — сказала Джула. — Масло на исходе.

Кража масла была еще одним делом, которое стало намного сложнее с тех пор, как инквизиция затянула петлю. Наблюдатели не только наблюдали, но и пристально изучали все монастырские grossбухи, как будто монахиня могла продать припасы, чтобы наполнить карманы рясы серебром.

— Мы можем попробовать еще пару раз. — Ара потянулась к крюку. Нона бросила на нее благодарный взгляд.

— Нет, если только ты не хочешь попытаться найти дорогу обратно в темноте. — Джула подняла фонарь. — В следующий раз мы придем быстрее. Теперь мы знаем дорогу.

Нона подняла голову и, закусив губу, посмотрела сначала на одну стену, потом на другую. Стены стояли слишком далеко друг от друга, чтобы одновременно коснуться обоих, не говоря уже о том, чтобы взбираться, упираясь в них ногами. Расстояние до расщелины было слишком велико, чтобы прыгать, даже если бы Дарла была там, а Нона стояла у нее на плечах.

— Дай-ка я попробую... — Нона попятилась к левой стене, а потом бросилась к правой, подпрыгнув так высоко, как только могла. Когда ее руки ударились о скалу, дефект-клинки, выскочившие из пальцев, погрузились в камень.

Остальная ее часть врезалась в стену, ноги болтались где-то в ярде над усыпанным камнями полом.

— Впечатляет, — сказала Ара совершенно равнодушным голосом. — Теперь ты застряла?

— Возможно, я сломала оба колена, — прошипела Нона. Конечно, им обоим было больно. Очень.

— Помочь тебе спуститься? — спросила Рули, не в силах подавить ухмылку.

Нона проигнорировала ее; вместо ответа она сгорбилась и поднимала ноги вверх по стене, пока вся она не оказалась под своими руками. Если когти выскользнут, она упадет с высоты в десять футов, и ее голова и плечи ударятся о землю первыми.

Оттолкнувшись ногами, она потянулась вверх и снова бросила себя, на этот раз назад, освободив когти. Летя к противоположной стене, она повернулась и сумела снова вонзить в нее свои клинки. На этот раз, прежде чем ее тело врезалось в стену, она уперлась ногами. Она поднялась почти на ярд.

На пятом прыжке, чувствуя, как горит каждый мускул, Нона ухватилась за край

расщелины в крыше туннеля и, раскачиваясь, повисла под ней на своих клинках.

Джула заплодировала.

— Конечно, теперь ты действительно застряла, — заметила Ара.

Нона дернула ногами.

Знаешь, она права. Кеот пробежал по ее волосам.

Нона нахмурилась. Воздух вырывался из нее короткими выдохами. Ей было не от чего оттолкнуться. Она отпустила один из наборов своих клинков и повисла на одной руке. Три послушницы внизу поспешили под нее, чтобы попытаться ее поймать. Рыча, Нона размахнулась, рванулась вверх и умудрилась вонзить свои клинки на шесть дюймов выше. Сделав несколько глубоких вдохов, она повторила то же самое другой рукой. Медленно, постепенно она забралась в расщелину. Трижды она висела, всхлипывая от боли, ее руки слабели с каждым мгновением, готовые отпустить, но в темноте она видела Йишт, глазами Гессы, Йишт, которая нависла над изломанным телом Гессы с ножом в руке. «Я не склонна к жестокости, ребенок, — повторяла женщина, — но ты проникла в мой разум, а подобное нарушение не может остаться без ответа». Откуда-то приходила сила, и Нона лезла дальше.

Как только Нона полностью оказалась в расщелине и смогла опереться на обе стены ногами, карабкаться стало легче, или было бы, если бы не слабость ее дрожащих рук. Через несколько минут она выбралась на ровную землю и легла, тяжело дыша.

— Как ты собираешься там что-то увидеть? — крикнула Ара.

— У нас нет времени на то, чтобы забраться наверх, даже если мы *сумеем* забросить к тебе веревку. — Голос Джулы.

— Мне не нужен фонарь, — крикнула Нона. — Дайте мне минуту или две, чтобы я все ощупала.

— Ощупала? — Рули, недоверчиво.

— Это слишком опасно, — крикнула Джула. — Ты сломаешь лодыжку. Или, возможно, провалишься в какую-нибудь дыру!

— Одну минуту! — крикнула Нона.

А теперь сделай это.

Что?

Заставь меня увидеть, как ты это делал, когда боялся.

Я — Кеот! Я не знаю, что такое страх!

Как скажешь. Заставь меня увидеть. Нона подтолкнула Кеота к своим глазам. Какое-то мгновение он сопротивлялся, а потом, возможно из любопытства, влился в них. От боли у нее перехватило дыхание, по лицу потекли слезы. В первый раз она не заметила боли: страх холотура не оставлял места для остальных подобных эмоций.

Скалы тут же загорелись, как угли в глубине костра. Нона посмотрела на свои руки и обнаружила, что они совершенно черные, и ее ряса почти такая же темная, с оттенками темно-серого тут и там. Прделанный водой проход, в который она забралась, вел в двух направлениях. Она выбрала лучшее и поползла по туннелю. Через двадцать ярдов она стояла там, где умерла Гесса, у подножия шахты, которую Йишт выкопала в направлении хранилища корабль-сердца.

Твоя подруга умерла здесь?

Да.

И ты все еще хочешь убить ту, кто убил ее, как мы с тобой договорились?

Да.

Хорошо. Кеот расслабился, и свечение стен стало ярче. *Ненависть — это хорошо.*

— Она умерла здесь. — Нона присела на корточки среди разбросанных камней. Йишт, марджал с редким талантом к каменным работам, обрушила часть потолка.

— Нона! Нона? — Далекие крики снизу.

Она коснулась пальцами пола под разбитым камнем. Здесь ли пролилась кровь Гессы? Неужели монахини смыли ее, когда забирали тело? Они похоронили ее у виноградников, но не оставили никаких следов. *Мы все едины в Предке, наши кости — ничто.*

— Нона?

Нона потянулась к ясности, наблюдая за танцем отсутствующего пламени в тенях своего разума. Она поискала глазами Путь и отшатнулась от него. В видении Кеота путь полыхал красным, пронизывая все вокруг, заполнял воздух, нырял в скалу и наполнял скрытое пространство за ней, рисовал себя на поверхности, оживляя каждую из них. Не желая отвлекаться на это чудо, Нона постаралась смотреть мимо красоты Пути на периферию, где должны были находиться нити. Но их почти не было. Здесь, в глубинах земли, она нашла место, где нитей было так же мало, как и у Зоул. Сестра Сквородка говорила, что люди сами тянут нити с Пути, любая жизнь. В самой темной и одинокой пещере в Скале, в местах, которые никто никогда не видел и никогда не увидит, где не шныряла ни одна крыса, не ползал ни один червь, Путь лежал чистый, крепко связанный. Если бы эта пещера была раскрыта, то простой акт созерцания ее тайн заставил бы щупальца нити сойти с Пути, точно так же, как нога, ступившая в чистый пруд, поднимет ил со дна, чтобы затуманить воду.

— Ничего. — Слово было горьким на вкус. Слабую надежду можно лелеять так долго, что, когда она умирает, потрясение перевешивает все разумные доводы. — Гесса нашла бы что-нибудь на моем месте. *Она бы что-нибудь прочла в нитях.*

Кеот молчал.

— Нона! — В голосах остальных звучало все большее отчаяние.

— Иду!

Она едва не пропустила ее. Что-то мелькнуло в уголке ее глаза, когда она повернулась. Возможно, без Кеота она бы ничего не увидела.

— Что это? — Она повернулась и потянулась. Одинокая черная нить, такая тонкая, что она почти подумала, что ошиблась, даже когда ее пальцы попытались сомкнуться вокруг нее. Черная нить, ведущая от того места, где умерла Гесса, вверх по шахте, прорезанной Йишт.

— Черных нитей не бывает. — Нона протянула руку, чтобы зажать нить между большим и указательным пальцами. Сестра Сквородка сказала, что пользоваться руками не нужно, это детская манера, как шевелить губами, когда читаешь. И все же это помогло. Нона выдернула нить из земли. — Предок! — Сразу же в нее просочилась знакомая энергия. Сначала стало покалывать пальцы, потом ладонь. Полнота, потенциал. Она почувствовала это, как... корабль-сердце?

Это не нить от сердце-камня. Однако голос Кеота прозвучал заинтересованно, он полностью переместился в ее глаза, боль была настолько сильной, что ей пришлось стиснуть зубы.

Что же это тогда? Нона потянула за нить и тут же почувствовала странное беспокойство. Нана Эвен сказала бы: «Кто-то только что прошел по твоей могиле». — Нона высунулась из-за угла шахты, пытаясь разглядеть, куда ведет нить, и теперь, когда она держала ее, легко увидела. Нить исчезала в скале: «Вот куда ушла Йишт!» — Уходя, убийца

запечатала проход позади себя, ее способности к камень-работе были усилены корабль-сердцем. Нона надеялась, что ее бестелесная тень убила женщину, надежда, которая жила только до тех пор, пока она не вернулась в монастырь из похода вместе с другими послушницами.

Неужели ты настолько глупа? Это твоя собственная тень... вот почему ты нашла ее там, где другие не смогли.

Это нить моей тени? Нона уставилась на нее. Почему же тогда я чувствую ее как корабль-сердце?

На это у Кеота не было ответа.

— Нона! — Теперь в отдаленных голосах слышался гнев, смешанный с тревогой.

— Я не могу просто уйти... — прошептала она. — С инквизицией здесь у нас может не быть другого шанса целую вечность.

Возьми ее с собой.

Что?

Это твоя нить. Возьми ее с собой.

Нона так и сделала.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА СТЕКЛО

НАЗВАНИЕ ЗАЛ СЕРДЦА всегда было ложью, тем более теперь, когда в монастырь больше не было корабль-сердца, которое было вверено ему. Настоятельница Стекло положила руку на дверь и нахмурилась. Вверено *ей*. Настоятельница Палица называли «она чудо». Стекло знала, как ее назовут, если ее портрет когда-нибудь присоединится к остальным. «Она потерянное сердце».

Настоятельница протиснулась в длинный зал, где за монастырским столом сидели ее сестры. Сегодня они ждали под бдительным оком Брата Пелтера и двух его помощников. Три инквизитора будут наблюдать за восемью монахинями.

— Настоятельница Стекло. — Пелтер наклонил голову.

Стекло села на свой стул. Сидение соседнего было пусто. Место Чайник. На этот раз протокол придется вести Сестре Ограда. Она выдохнула, и воздух затуманился. Каждый вздох напоминал ей об отсутствии корабль-сердца, о ее неудаче.

— Первый пункт повестки дня? — Стекло посмотрел вдоль стола. Роза, Колесо, Сало, Ограда, Яблоко, Скала и Сестра Сквородка, закутавшаяся в меха, темные глаза сверкают.

— Я передала Серые отчеты за последние пять лет на хранение Брату Пелтеру, как и вы и просили. — Сестра Яблоко выглядела так, словно предпочла бы отравить этого человека.

— Спасибо, — улыбнулась Стекло. — И шифры?

— И шифры.

Отчеты были фальшивыми. Яблоко в течение многих лет делала копию каждого отчета, изменяя, вырезая и подчищая. Шифрование, которое она использовала, отличалось от того, что использовалось в истинных отчетах, и расшифровка потребует дьявольское количество времени. Стекло пожелала Пелтеру и его подчиненным насладиться радостью тяжелого труда.

— Следующий? — Настоятельница Стекло взглянула на сестру Колесо; у ней всегда был какой-то неотложный вопрос.

— Ересь. — Брат Пелтер встал за креслом настоятельницы.

— Ересь, брат?

— Весь этот монастырь опасно близок к ереси, настоятельница. Ваши здания могут стоять на краю обрыва, но ваша вера колеблется на краю гораздо более глубокой пропасти!

— В самом деле? — Стекло заставила себя не подниматься и не оглядываться. — Это серьезные обвинения, инквизитор. Может быть, вы могли бы уточнить?

Пелтер начал кружить вокруг стола, глядя в затылок каждой монахини:

— В данный момент это скорее вопрос отношения и атмосферы. Есть что-то гнилое в состоянии Милосердия.

— Слухи о ереси и ересь, хотя и кажутся похожими, очень разные вещи, Брат Пелтер. — Стекло поставила локти на стол и сцепила пальцы перед собой. — Преступление стоит на кирпичках. Есть ли они у вас?

Пелтер остановился свой шаг:

— Худший пример до сих пор был в классе Духа.

— Класс Духа? Вы меня удивляете! — Стекло даже не пришлось притворяться

удивленной. В мысль о том, что Сестра Колесо может хоть в какой-либо мере отступить от благочестия или протокола, было невозможно поверить.

— Были некоторые сомнительные варианты в выборе святых для изучения. — Брат Пелтер серьезно поглядел на нее.

— Послушницы сами выбирают святого для эссе о Духе, — возмутилась Сестра Колесо. — В моей библиотеке нет работ, написанных еретиками или касающихся их. То есть в библиотеке Предка. — Она стукнула кулаком по столу. — Я утверждаю, чтобы вы не найдете ни одной.

— Как раз сейчас одна из ваших послушниц пишет о Дэвиде, — сказал Пелтер.

— Дэвид? — Сестра Колесо открыла рот, но больше не произнесла ни слова.

— Может быть, вы просветите нас, сестра? — спросила Настоятельница Стекло. — Я не знакома с этим мужчиной.

— Я... — Колесо из хмурой стала сердитой. — Я не...

— Мало кто о нем слышал, — сказал Пелтер. — Возведен в сан святого в Онианский период.

— У меня в библиотеке нет ничего из темных веков! — Колесо покачала головой.

— И все же в Сладком Милосердии есть книги, которых нет в вашей библиотеке, — сказал Пелтер.

Стук в дверь опередил любой возможный ответ Сестры Колесо. Появилась голова Сестры Ведро:

— Одна послушница говорит, что у нее есть важная информация для стола и что она не может ждать.

Неожиданно Сестра Сквородка повернулась на стуле:

— Скажи ей, что это *может* подождать и *подождет*.

Настоятельница Стекло кивнула. Стоило прислушаться, когда старуха говорила:

— Скажи ей...

— С ней Наблюдатель Эррас, настоятельница, — прервала ее Ведро. — Он хочет, чтобы Брат Пелтер ее выслушал.

Настоятельница Стекло вздохнула:

— Впусти ее. — Пелтер все равно потребует. Лучше отдать это ему и не потерять лицо.

Сестра Ведро открыла дверь, и в комнату вошел Наблюдатель Эррас, невысокий мужчина, чей пузатый живот натягивал тунику. За ним следовала Джоэли Намсис, скромно глядя в пол.

— Джоэли? Ты хотела сообщить нам что-то срочное? — Стекло впиалась в девушку тяжелым взглядом.

Джоэли кивнула, прикусив губу, словно сомневаясь.

— Ну, рассказывай, послушница. — Стекло махнула рукой.

Джоэли заколебалась, демонстрируя нежелание:

— Сработала сторож-нить в пещерах.

— Незваные гости? — Стекло сжала руку, лежавшую на столе, в кулак. Но это были не посторонние. Сестра Сквородка хотела, чтобы все это осталось в тайне. — Я надеюсь, что это незваные гости, Джоэли, и что ты прервала важные дела монастырского стола не для того, чтобы рассказывать истории о других послушницах. — Она знала, что Брат Пелтер рано или поздно сделает свой ход, но сейчас слишком рано, чтобы можно было вложить ему в руки что-то полезное. Настоятельница вложила всю свою волю в пристальный взгляд,

которым она пригвоздила девушку к месту. Больше женщина, чем девушка, по правде говоря, и слишком красивая — это не принесет ей пользы. *Закрой рот, послушница. Закрой рот и убирайся.*

Почти на любую послушницу взгляд Стекла произвел бы желаемый эффект, но Джоэли, полная заслуженной обиды, естественной злобы и уверенности, которую порождает богатая семья, отмахнулась:

— Просто, настоятельница, я вспомнила, как сильно вы подчеркивали, что пещеры запрещены. После того, как было похищено корабль-сердце, вы сказали...

— Я помню, что я сказала!

Джоэли оказалась неумолима.

— Вы сказали, что любой, кто пойдет туда без разрешения, будет изгнан из монастыря.

— Это звучит как серьезный акт неповиновения. — Брат Пелтер пересек комнату и встал перед Джоэли: — Откуда ты знаешь о таком преступлении, дитя?

Настоятельница Стекло не обратила никакого внимания на их игру. Пелтер начинал свою карьеру в качестве домашнего жреца семьи Намсис. Он знал Джоэли еще совсем юной девочкой и до сих пор поддерживал тесные отношения с ее отцом.

Джоэли обратила на инквизитора свои большие зеленые глаза:

— Я помогала Сестре Сквородка разместить нити, и некоторые из них настроены на меня, — она сделала паузу, словно ожидая вопроса. — Так что я знаю, пересекает ли их кто-нибудь, кроме сестры, и кто этот человек.

— И кто это был?

— Послушница, брат. Одна из членов нашего ордена, Нона Грей.

— И еще, Сестра Сквородка. — Брат Пелтер подошел к монахине. — Разве вы не знали и об этом?

— Знала, — раздраженно ответила Сестра Сквородка.

— Но вы не сочли нужным упомянуть об этом за столом?

Настоятельница Стекло опередила ответ Сестры Сквородка, прекрасно понимая, что в расцвете сил Госпожа Путь была вполне способна сровнять с землей здание и все еще могла вывернуть дерзкого монаха наизнанку:

— Мы были только на первом пункте повестки дня, Брат Пелтер! Вы сами прервали порядок, чтобы поговорить о ереси прежде, чем мы дошли до второго.

— Нет таких времен, когда нельзя выступить против ереси, настоятельница. — Пелтер сложил руки на груди. — И послушница, которая погрязла в ней со своими неразумными сочинениями о святом темного века, известном как Дэвид, была не кто иная, как та Нона Грей, о которой мы только что слышали. — Он снова принялся расхаживать вокруг стола. Стекло почувствовала, как челюсти ловушки сомкнулись вокруг нее. — И наказанием, которое вы назначили за проступок, было изгнание из монастыря?

— Нона — три-кровка! Мы не можем отправить ее в мир. Это безумие. — Стекло глубоко вздохнула и медленно выдохнула. — Я вынесла это решение через неделю после кражи. Там, внизу, умерла послушница. Я сказала это, чтобы не пострадали другие.

— Я согласен с вами, — кивнул Брат Пелтер. Он обогнул стол, шаги эхом отдавались в холодном воздухе.

— Я очень рада. Гибкость — вот что нужно. — Стекло заставила себя разжать кулак.

— Я согласен, что мы не можем позволить ребенку выйти в мир. Она слишком ценна. Другие схватят ее и обратят ее таланты против церкви и против императора. Но гибкость?

Гибкость — это яд. Союзник ереси. Именно гибкость позволила этому ребенку заполучить неподходящие истории. В первую очередь. Правила должны быть железными. Решения должны выполняться. Приказам надо повиноваться.

— Мы.. я думаю, мы могли бы лишить ее рясы и оставить в монастыре мирянкой. Может быть, работницей на винограднике, — предположила Стекло. Все сидевшие за столом сестры посмотрели на нее со смешанным выражением: Сало с возмущением, Роза с ужасом, Ограда с улыбкой удовлетворения, а Колесо со смущением, сделавшим ее лицо почти комичным. — Или в свинарниках.

— Нет. — Инквизитор поднял руку. — Изгнание. Это подходящее слово. Но нельзя быть изгнанным и все же остаться. И нельзя изгнать того, кто может стать таким смертоносным оружием в руках врага.

— Тупик, — прохрипела Сестра Скородка из своих мехов.

— Никакого тупика, сестра. — Брат Пелтер улыбнулся. — Мы утопим ребенка, а потом сбросим ее тело со скалы.

— НАДЕВАЙ ПАЛЬТО!

Нона оторвала взгляд от письменного стола, стоявшего рядом с кроватью. Все послушницы дормитория прекратили готовиться ко сну или положили перья. Сестра Чайник стояла в дверях с бледным лицом, темнота дымилась вокруг ее кожи.

— Я? — Нона встала, приложив руку к груди.

— Ты... — Чайник шагнула в комнату, оглядываясь по сторонам. — Ты должна пойти со мной. — Из сжатого кулака сверкнули кончики метательной звезды. — Немедленно!

Нона посмотрела себе под ноги. Подбитые голубым беличьим мехом тапочки на ногах были подарком Ары. Она сбросила их и потянулась за башмаками.

— В чем дело? — Дарла поднялась с кровати, возвышаясь над приближающейся монахиней. Она повернула шею, щелкая костяшками.

— Собери все, что тебе нужно для путешествия. — Чайник опустилась на колени и начала рыться в тумбочке Ноны. — Мы уходим через две минуты.

Голова Зоул поднялась между ее кроватью и кроватью Мэлли. Она перестала отжиматься.

— Есть проблема. — Это был не вопрос. — Я помогу.

— У тебя полно своих, — сказала Чайник, все еще запихивая вещи Ноны в пеньковый мешок. — Пришел Таркакс, чтобы проводить тебя во дворец Шерзал.

— Нет! — Нона, засунув одну руку в поход-пальто, боролась с другой. — Зоул — одна из нас!

Чайник встала, завязывая мешок.

— Нет, если ее мать не согласна. Церковь над родителем — это ересь Скифроула. Настоятельница не может позволить себе спорить.

— Не может позволить себе! — Нона поняла, что кричит. — Не может позволить себе?

— У меня нет матери, — сказала Зоул. — И я хочу остаться здесь. — Теперь она стояла у кровати, крепкая шестифутовая машина, с бесстрастным взглядом, готовая убивать.

— Ты остаешься в дормитории. — Чайник взяла Нону за руку и потащила к двери.

— Подожди, — Дарла шагнула вперед. — Куда это ты ее ведешь?

— Прочь. — Чайник обвела комнату темными глазами, и тени закружились. — Меня здесь не было. — Она приложила палец к губам. Ее взгляд остановился на Кроси и Элани, чьи кровати стояли рядом с пустой кроватью Джоэли. — Послушницы, есть вещи и похуже, чем инквизиция. Подумайте об этом. — Она дернула Нона за руку, и та, спотыкаясь, направилась к двери.

Вместе они поспешили вниз по лестнице. Нона остановилась, когда они спустились на цокольный этаж и шли мимо двери Серого Класса:

— Что происходит? Я не хочу уходить!

— Мы можем поговорить об этом снаружи. — Чайник направилась к главной двери.

— Разве я не могу попрощаться? — Нона рывком высвободила руку. Она не могла просто уйти. — А как же Ара и остальные?

— Ара и остальные не в беде. — Чайник склонила голову набок, словно что-то слышала. — Быстро, сюда! — Она попятилась в угол за главной дверью, собирая вокруг себя тени.

— Беде? — Нона подошла к Чайник, и монахиня притянула ее к себе, крепко обняв обеими руками, пока сгущалась тьма.

— Ты была в подземельях, — прошептала Чайник. — У Джоэли там были сторож-нити.

— Но... — Холодное осознание достигло Ноны. — Корабль-сердце не было нить-защищено... Оно смывает эту магию.

— Корабль-сердца там больше нет.

Когда дверь открылась, Чайник зажала рукой рот Ноны. Четверо наблюдателей вошли внутрь, громко стуча сапогами по каменному полу, вокруг них бушевал холодный ветер. Они стали подниматься по лестнице, не потрудившись закрыть за собой дверь.

— Держись ближе. — Чайник бросила что-то в дверной проем. Нона услышала, как он стукнулось о каменные плиты слева. — Сейчас. — Чайник рванулась с хунска-скоростью, одетая в темноту, как в мантию. Они выскользнули из дверного проема, свернули направо и прижались к стене. Солнце уже село, наступила ночь, и они обе были не слишком большим темным пятном. — Вон там, возле скриптория, — прошептала Чайник. Нона увидела пятого наблюдателя, крепко прижавшегося к углу здания. Он повернул голову в ту сторону, где приземлилась шумелка Чайник.

Этого, по крайней мере, ты должна убить. Кеот поднялся вместе с колотящимся сердцем.

— Двигайся медленно. Держись ближе, — приказала Чайник. — Если я велю тебе бежать, беги. Уходи со Скалы. Не возвращайся.

— Не возвращаться? — Нона чувствовала себя потерянной. — Я должна сказать до свидания ... Аре.

Чайник сочувственно поджала губы, но покачала головой:

— Они хотят убить тебя, Нона.

Пусть попробуют! Кеот попытался заставить ее клинки появиться.

— А настоятельница не может...

— Настоятельница здесь больше не главная, Нона. Ты должна идти. Скрыться. Жить где-нибудь в другом месте. Сменить имя. — Чайник начала красться вдоль стены.

— Изменить глаза? — Нона не сдвинулась с места.

— Если останешься здесь — *умрешь.*

Чайник пошла, тени потекли вместе с ней. Нона последовала за ними.

Они достигли леса колонн прежде, чем на вершине купола Предка зазвонил Бител, его голос был резким и обвиняющим. Чайник вела их мимо вздымающихся ввысь каменных столбов, Нона шла рядом, прищуриив глаза из-за несущегося по ветру песка. Ветер Коридора вновь занимал свое место после самого долгого лед-ветра, который Нона когда-либо знала.

Ни одна из них не произнесла ни слова, пока они спускались по длинному и извилистому Пути Безмятежности: опасно — днем, безрассудно — ночью. Нона поскользнулась на последнем повороте, камни полетели в пропасть. Чайник схватила ее за руку:

— Поймала.

Нона снова встала на ноги и отряхнулась.

— А теперь ты меня выгоняешь? — Дорога перед ними вела вниз, к ровной земле, где за Скалой Веры тянулись поля и лес. Восходящая луна примешивала к картине кровь.

— Они охотятся и за мной, Нона. Все разваливается. Настоятельница не может нам помочь.

— Мы можем сражаться с ними! — Нона повернулась к Чайник. — Их всего девять против нас всех. Я сама убила больше людей.

— И мне жаль, что тебе пришлось это сделать. — Чайник опустила глаза. — Мы не можем сражаться с ними. Они — Церковь.

— *Мы* — Церковь! — крикнула Нона. — Инквизиция — ничто.

Чайник покачала головой:

— Это все едино. Все соединено. Как ты думаешь, чем занималась Настоятельница Стекло до того, как попала в Сладкое Милосердие? Она руководила инквизицией. Верховный инквизитор Шелла Яммал. Это было до того, как умер ее сын...

— Нет! Я не могу в это поверить. — Нона попятилась.

— Мы не можем бороться с Церковью. — Чайник последовала за ней. — Что же еще у нас останется?

— Мы? — спросила Нона, глаза горели, их щипало от слез.

— Нона. Ты всегда будешь моей сестрой. — Чайник протянула руку и схватила Нону за плечо. — Монастырь может упасть со Скалы. Каждая священная книга может сгореть. Это не изменится. — Она положила другую руку на щеку Ноны, скосив на нее глаза. Теперь они были почти одного роста. — Я попытаюсь установить между нами тень-узы.

— Это не сработает. — Нона видела, как Чайник позвала Яблоко через такие узлы. Ной-гуин тоже пользовалась ими. — Я потеряла свою тень.

— Я собираюсь попробовать. И, если я тебе понадобится... ты сможешь позвать.

— Давай попробуем. — Нона попыталась улыбнуться. Но она не смогла правильно растянуть губы.

Чайник взяла Нону за руку и переплела их пальцы, темные глаза были полны решимости. Она сосредоточенно нахмурилась. Ночь сгустилась вокруг них, небо почернело, поглотив звезды, оставив только красный глаз луны. Чайник сжала пальцы так сильно, что кости Ноны закричали. Темнота стала вещественной, скрывая даже луну. Нона почувствовала, как она омывает ее, но не ощутила более глубокой связи.

— Ничего не получается, — простонала Чайник.

— Попробуй! — Нона уставилась на то место, где, как она знала, их руки были соединены. Она смотрела до тех пор, пока глаза не начали гореть, и черноту не прорезал Путь, находящийся везде одновременно, бесконечный, сложный, заполняющий пространство, определяющий поверхности, превративший Чайник в пустоту с множеством светящихся вен, свет, которого не могла коснуться никакая тьма. Нона вгляделась еще пристальнее, и увидела сквозь яркость Пути сияющую пелену нитей, шепчущих сквозь все, пряди, освобожденные от единства Пути.

— Не получается... — Чайник попыталась высвободить руку Ноны, но та изо всех сил вцепилась в нее.

Вокруг нее поднялось тепло. Фокус приближается. Они, должно быть, заперты в этом объятии несколько часов! Любой мог их найти. Могли ли инквизиторы напасть на их след? Нона отогнала внезапную панику. Фокус луны смел тени Чайник, и Серая Сестра вскрикнула, как ошпаренная. Нона не позволила ей вырваться. Она вспомнила другой фокус, тепло, омывающее ее и Гессу на ступеньках скриптории в ту ночь, когда Гесса связала их обоих нить-связью.

— Получится. — Нона схватила нити вокруг запястья своей руки и запястья Чайник, без всякой деликатности собрав их все вместе, и связала левой рукой. Она сжала кулак так

сильно, как только могла. И в этот момент фокус луны вспыхнул так ярко, что унес с собой весь мир.

•••

— ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА?

Нона открыла глаза и увидела склонившуюся над ней Чайник, лицо которой было скрыто в темноте.

— Я... не знаю. — Нона с трудом села. — Я установила нить-связь между нами.

— Только два квантала могут быть нить-связаны. Мы должны разделять кровь. — Чайник помогла Ноне встать.

Нона положила руку на утес там, где Скала поднималась над равниной. Она чувствовала себя слишком высокой, словно ее ноги были на двадцать ярдов под ней:

— У нас действительно общая кровь. Мы обе — хунска.

Где-то над ними по склону загрохотали камни.

— Они идут! Беги! — Чайник подтолкнула Нону к Дороге Истины.

— Пойдем со мной! — Нона услышала мольбу в своем голосе и возненавидела себя за это.

— Я не могу. Ябби и настоятельница нуждаются во мне. Я нужна монастырю. — Чайник сильно прикусила костяшки пальцев. — Я просто не могу.

Нона бросилась бежать в ночь.

— Я задержу их, — тихо сказал Чайник. — Береги себя, сестренка. Будь осторожна.

Через несколько мгновений Нона уже бежала по неровной тропе к Дороге Истины. Все, что было в мешке, прыгало у нее за спиной; все, кого она знала, все, кто был ей дорог, уходили все дальше и дальше.

Час спустя, пробежав по неровным полям, покрытым грязью после дождя, она добралась до опушки леса и остановилась среди деревьев. Холод окутывал ее, в животе урчало, ноги болели. Пустота грызла ее изнутри, чувство потери, неудачи. Она прислонилась спиной к стволу сосны, слезы полились из глаз. Душераздирающие рыдания, от которых болела грудь.

Она плакала целый час.

Ты должна была убить ее, когда я тебе сказал.

Ноне не нужно было спрашивать, кого. Джоэли играла с ней с самого начала. Девушка потянула за нити, возможно, и за ее, но Нона не была в этом уверена. Джоэли загнала ее в эти пещеры, насмехаясь над ней из-за Гессы, зная о наказании и все время зная, что в тот момент, когда Нона ступит на место, где умерла ее подруга, ее вторжение будет замечено. Нона была дурой.

Ты должна была убить ее в первый же день.

Да. Нона вытерла глаза и мрачно сжала губы. Наверное, должна была.

КУДА ТЫ ПОЙДЕШЬ?

Не знаю. Нона понятия не имела. Прятаться на опушке сырого леса — не лучший долгосрочный план. Это даже не хороший краткосрочный план.

Тебе придется воровать еду.

Возможно.

Тебе придется их убить.

Кого?

Людей, у которых ты украдешь еду. Ты же не хочешь, чтобы свидетели привели к тебе твоих врагов. В голосе Кеота прозвучала радость.

А разве цепочка трупов не приведет их?

Тебе надо идти в город. Кеот предвкушал их путешествие в Истину.

Где находится Башни Исследующих. Меня трудно не заметить. Сестра Роза несколько раз пыталась обратить вспять действие черного лекарства на глаза Ноны, но ни одно из ее снадобий не оказало заметного эффекта. В то время Нона была разочарована, но теперь эти неудачи приобрели бóльшее значение. *Нет такого места, где бы меня не обнаружили.*

На востоке угрюмо приближался рассвет, окрашивая черное небо в серый цвет. У Ноны болели ноги, она устала, замерзла, несмотря на поход-пальто и отсутствие ветра, в животе урчало, хотя она еще не завтракала.

— Я собираюсь покинуть империю. Я могла бы сесть на корабль до Дарна... — Она пошевелила пальцами в карманах пальто, вспомнив, что для такого нужны деньги, которых у нее нет. — Или пересечь границу со Скифроулом.

Или вернуться, чтобы убить Джоэли, потом ее друзей, инквизитора и его подручных.

Нона чувствовала скорее холод и усталость, чем жажду убийства. Джоэли была архитектором ее падения, но она использовала глупость Ноны. И все же Нона с удовольствием сломала бы Джоэли второе колено, будь у нее такая возможность.

Когда окружающий мир открылся, Нона отправилась на восток, срезая путь по полям на случай, если инквизиция выставит охрану на дорогах. Она выудила из кармана пальто краюху хлеба — у нее всегда были припасы на случай ночных приступов голода — и принялась жевать на ходу. Мир, возможно, сузился, но он все еще был большим местом, и где-то в нем должно было найтись место для нее.

Она лишь раз оглянулась на Скалу, где спали Ара и другие ее друзья:

— Я обязательно вернусь.

•••

С ПЕРВОГО ДНЯ Нона держалась в стороне от любой дроги, шире оленьей тропы. Она шла прямо на восток под серым небом, и ветер Коридора дул ей в спину. На одной ферме она украдала яйца из гнезда, усмирив злобную гончую трюком с шепотом, которому ее научила Рули. Какое-то проявление эмпатии марджала, несомненно, хотя Рули никогда не упоминала о крови, просто говорила о том, что надо нашептывать правильные глупости.

Позже она взяла целую курицу со двора другой фермы, свернула ей шею и убежала, когда из флигеля с криком выскочил батрак. В ту ночь она сидела в своем бивуаке под

навесом из веток и папоротников, глядя на птицу.

Ты не хочешь ее сейчас?

Я не хочу сырое мясо.

Яйца ты съела сырыми.

Я и не хотела их готовить. А это совсем другое.

Тогда приготовь. Кеот казался незаинтересованным, но ее голод, казалось, раздражал его, словно он чувствовал эхо от него.

Нона отвела взгляд от кучи перьев и осмотрела деревья и тени, сгущающиеся в подлеске. Весь день у нее было ощущение, что за ней следят, но, после многих лет, проведенных в монастыре, она отвыкла от таких открытых пространств, и, вероятно, это были просто нервы, заставлявшие кожу между лопатками покрываться мурашками, даже когда Кеот там не сидел.

Нона опустила взгляд на раскрытую ладонь. Темная нить, которая теперь связывала ее, пусть и ненадежно, с ее тенью, лежала в канавке, которую линия жизни прочертила на ее ладони. Старухи в деревне читали по ладоням. Все, кроме Наны Эвен, которая сказала, что это суеверная чепуха, и, вместо этого, читала по внутренностям кроликов. Нона знала, что за такими нитями можно проследить. Люди Шерзал каким-то образом проследили за нитями, чтобы обнаружить Нону, когда та была ребенком, их нить-работник привел солдат почти к ее порогу. Но Нона понятия не имела, как нить-работник мог выследить кого-то по нити. Нить ее тени не змеилась через лес, как тонкая веревка, тянущаяся за осторожным исследователем. Вместо этого, как и любая другая нить, она вела под странным углом к миру, требуя шагов, которые не могли бы сделать ноги из крови и костей. Если бы она все еще была в Сладком Милосердии, Нона спросила бы Сестру Сквородка и научилась бы необходимым приемам. Но монастырь остался далеко позади и был запрещен. Нить в ее руке была не столько решением проблемы, сколько напоминанием о том, что она потеряла. Тем не менее, она постарается не пропустить то, что потянет за нить, и позволит ей вести себя. Возможно, нить направит ее выбор и приведет странными путями туда, куда она должна попасть.

•••

СЕСТРА САЛО УЧИЛА послушниц добывать огонь при помощи палочек, бечевки и растопки, и Нона с ее скоростью хунска всегда хорошо справлялась с этим в монастыре. Однако в сыром лесу, когда ветер завывал в кронах деревьев, повторить успех оказалось невозможно. Наконец, с одним из любимых проклятий Клеры, она бросила палку, один конец которой слегка дымился, и позволила ветру украсть листья и мох, которые она собрала.

Найди крестьянина и возьми у него огонь.

Если бы последняя хижина, которую она видела, была ближе, Нона, возможно, просто последовала бы совету Кеота. Вместо этого она присела на корточки и подумала о том, что делают остальные в Сладком Милосердии. Они уже поели, набили себя тушеным мясом и хлебом. В Сером дормитории Ара, Рули и Джула, возможно, все еще гадают, что с ней случилось. В Мистическом дорме Дарла топчет от ярости пол, а Зоул молча сидит, как будто ничего не изменилось. А Джоэли... Джоэли, скорее всего, сидит в своем углу, окруженная подругами, смеется и шутит о том, как она заставила эту глупую крестьянку сбежать со

Скалы. Гнев затопил Нону, внезапный и неожиданный в своей свирепости, поднимаясь красной волной.

— Пожалуй, я *добуду* огонь.

Нона прищурила глаза и посмотрела мимо мира. Путь перед ней была такой широкий и ясный, каким она еще никогда его не видела, и, не успело сердце сделать еще один удар, как она бросилась на него. Она выбралась на Путь и побежала по нему, как бежала однажды, когда солдаты Таксиса поймали ее в ловушку в пещере. Потрясение от первого контакта пронзило ее словно стальной клинок, и в сознании со всех сторон зажглись светящиеся скелеты деревьев, весь лес был охвачен вспышкой, каждая ветка и каждая сук, каждый угол, каждый плотно свернувшийся лист. Не успела она опомниться, как сделала с полдюжины шагов, и Кеот завыл у нее в спине, словно его посадили на угли костра.

Внезапный страх перед тем, что может последовать за этим, заставил Нону сойти с Пути. «*Ты должна овладеть тем, что берешь*», всегда говорила Сестра Сквородка, а Нона взяла гораздо больше, чем нужно, чтобы разжечь огонь, гораздо больше, чем она когда-либо брала, если не считать того единственного дня в тени Хребта Дьявола, когда она выкрасила скалы в красный цвет.

Нона обнаружила себя распростертой на лесной подстилке, холодная грязь пузырилась под вытянутыми руками, кожа кровоточила, каждая косточка в теле вибрировала, как будто не желала ничего, кроме как освободиться от сдерживающей ее плоти. Она думала о тепле, а не о силе, так же, как она согревала тренировочную комнату в Башне Пути, направляя энергию в нужную ей форму.

— Ух. — Слишком тихий звук для слишком большой боли. Нона почувствовала, что сердце вот-вот разорвется, что внутренности очень быстро станут внешними. Внезапным уродливым жестом, за который Сестра Сквородка отругала бы ее, она вырвала из себя силу, данную Путем, и направила ее к ближайшему дереву, большой винт-сосне.

Что-то яркое промелькнуло между ними. Дерево содрогнулось, по его длине пробежала рябь, разрывая кору, а затем в одно мгновение жара и света лесной гигант взорвался. Взрыв сбил Нону с ног, несмотря на щит остаточной энергии вокруг нее. Она пролежала так один удар сердца или пять минут: время шло как-то странно, и она не могла сказать точно. Кеот выл, но в ушах у нее звенело, и, хотя она не нуждалась в них, чтобы услышать его, слова прошли мимо ее понимания.

Когда Нона подняла голову, от винт-сосны не осталось ничего, а от тех, что были ближе, — лишь почерневшие стволы, усеянные обломками ветвей. Еще дальше назад, там, куда бросило Нону, лес горел в десятках мест — пылающие обломки засыпали ветви и подлесок.

Нет. Голос Кеота звучал так, словно он хрипел. *Не делай это снова. Никогда.*

От бивака Ноны ничего не уцелело. Она огляделась в поисках цыпленка.

Что ты теперь собираешься делать? спросил Кеот.

Нона заметила птичью тушку, висящую в зарослях шиповника, с тлеющими перьями.

Она прищурилась:

— Ощипать его.

НОНА ВСТАЛА СО светом и вышла из своего укрытия, слизывая с пальцев курины жир. Она приготовила завтрак из останков, сняв с костей остатки мяса. Ветер Коридора пробивался сквозь деревья, на ветвях мороз-дубов и вязов начали разворачиваться листья, стремясь схватить то, что могло предложить красное солнце.

В лесу воняло гарью. В некоторых местах ветер отнес огонь на несколько десятков ярдов, прежде чем сырость окончательно его погасила. Нона стерла холод с костей и потянулась, разминая затекшую спину. Через какое-то время она вышла на тропу жителей леса и пошла по ней на восток.

Значит, ты все еще убегаешь?

— Я иду домой. — Нона этого не знала, пока не сказала вслух, но в какой-то момент беспокойной ночи ее подсознание, должно быть, решило за нее этот вопрос и стало ждать, когда ее губы разомкнутся, чтобы дать ей знать. — Обратно в деревню, в которой выросла.

Ты еще не выросла.

— Где я жила, пока не попала в монастырь. — Нона зашагала дальше, не обращая внимания на Кеота. У нее снова появилась цель.

•••

КАК ТОЛЬКО ОНА отошла достаточно далеко, чтобы потерять из виду лес, мысли Ноны вернулись к пожару, который она устроила. С того дня, как она убила Раймела Таксиса и Кеот поселился у нее под кожей, с того дня, как Сладкое Милосердие потеряло корабль-сердце, ей не было так легко идти по Пути. Она могла бы объяснить это глубиной гнева, который толкнул ее на Путь в этот раз, но тут было нечто большее. Она чувствовала это всеми костями.

Непосредственно перед тем, как Нона пошла по Пути в пещере, где люди Раймела поймали их в ловушку, она была с Гессой, притянутая узами, связывающими их. А Гесса находилась в подвале монастыря, всего в нескольких ярдах от корабль-сердца. Каким-то образом Нона разделила эту близость, и ее навыки квантала увеличились благодаря силе камня. И вот, снова, после того, как она взяла нить своей тени из подземелий, Нона почувствовала связь с силой корабль-сердца. Всего лишь тонкая струйка, но достаточная, чтобы оставшийся неиспользованным потенциал нарастал и мог быть потрачен на увеличение любой силы, заключенной в ее крови.

Нона размышляла об этой связи, пробираясь между колеями повозок по узкой тропе, которую нашла. Где-то там покоилось корабль-сердце. Там, куда поместила его Йишт или, что более вероятно, Шерзал. На востоке, чувствовала она, не на западе. И где-то рядом ждала ее тень, каким-то образом пойманная в ловушку, потому что без присмотра тени склонны странствовать.

•••

ПОТРЕБОВАЛИСЬ ДНИ, ЧТОБЫ земля стала знакомой. Целыми днями она шла по проселочным дорогам, пересекала поля и клочки леса, но всегда держалась спиной к

Истине, к Скале и к Башне Исследующих. Нона не имела ни малейшего представления о том будут ли ее искать и насколько обширны эти поиски, но ей казалось, что они, скорее всего, удовлетворятся тем, что она просто уйдет, больше не оскверняя веру и не враждуя с дочерьми Сис. Она сказала себе, что быть вынужденной покинуть монастырь сейчас — за нарушение какого-то дурацкого правила! — гораздо предпочтительнее, чем быть выброшенной год или два спустя за связь с дьяволом, предпочтительнее, чем опозорится перед своими друзьями; вот тогда бы против нее ополчились все. Она сказала себе, что это хорошо, и пыталась верить в это, идя по одиноким тропинкам, которые приведут ее обратно в деревню, где началась ее история.

По дюжине раз на каждую милую мысль о монастыре проскальзывали в голову Ноны. Какие уроки сейчас могут получать другие, что скажут о ней монахини, как вспомнят ее подруги, когда вернутся, потные и усталые, с песка Зала Меча. Каждый раз, когда появлялись незваные гости, она гнала их прочь мыслями о том, что происходит здесь и сейчас, о грязных колеях перед ней, о шелестящих изгородях, о быстрорастущей пшенице, взошедшей еще до того, как растаял последний сугроб. Она наблюдала за одинокими фермерскими домами, жалкими постройками, сгрудившимися на склонах или перед деревьями — они выглядели так, словно ожидали катастрофы в любое мгновение. Дважды она подходила к городам и дважды обходила их стороной.

На дорогах Нона встречала, главным образом, лудильщиков и фермеров: первые несли свои навыки в руках и орудия ремесла на спине, вторые везли продукты своих полей на четырех ногах, следующих позади, или сложенных в виде тюков на телеге.

Немногие из них перекинулись с ней парой слов, и большинство из этих немногих слов были предупреждениями. Предупреждениями о дарнишских флотах — их баржи из большого дерева так плотно стояли в Марне, что человек мог пройти по морю от Южного льда до Северного, не замочив ноги. Предупреждения об ордах еретиков Скифроула, собирающихся за границами — бой-королева довела их до иступления. Нона каждый раз благодарно кивала, но разбойники на дороге и нехватка еды казались более насущными проблемами, чем далекие армии.

Полдня она шла вместе со старухой, которая ходила из города в город и точила лезвия — на ножах, на лемехах, на косах, даже на мечах, если их вешали ржаветь над очагами старейшин. Женщина, Галлабет, едва доставала Ноне до плеча, согнутая от старости, вся в костях и неудобных углах. Она прошла три мили, прежде чем заметила глаза Ноны.

— Правда 'редка! Разве у ты нет глаз, сестра?

Нона подавила смешок.

— Это не дыры, они просто черные. Я была больна. Я не сестра. — *И даже не послушница.*

Галлабет сделала знак древа:

— Я думала, в тебе сидит дьявол.

Нона открыла рот, но тут же закрыла.

Галлабет шаркала еще ярдов десять, прежде чем перестала сосать свои немногие оставшиеся зубы и высказала другое мнение.

— Хорошо, что ты монахиня, дитя. — Еще один шаркающий ярд. — Можно не беспокоиться о муже.

Нона забыла о бескомпромиссной честности стариков. У Сестры Сковородка ее было немного, но, возможно, она все еще сохранила слишком много ума, чтобы позволить своему

языку блуждать в непреднамеренной жестокости. Но Галлабет была права. Джоэли и ее подруги с удовольствием рассказывали Ноне, какой уродкой делают ее глаза. Что ни один мальчик никогда не захочет в них заглянуть. Старуха тоже это знала.

— Я не монахиня. — Нона сделала мысленную пометку прикрыть знак древа Предка, выжженный на спине ее пальто: ветви раскинулись вверху, стержневой корень тянется к источнику внизу. — Даже не послушница.

Галлабет отмахнулась от отрицания, как будто монастырское поход-пальто и торчащий из под него кусочек рясы не допускали спора.

— Мужей переоценивают. Когда-то у меня был такой. О, да. Я была хорошенькая, длинные каштановые волосы, красивые ноги. — Она похлопала их для пущей убедительности. — Были женаты двадцать лет, пока его не свалил грипп. Он был еще молод, не больше сорока. Не дал мне никакого детского ума и не оставил много. Просто коттедж, слишком разваливающийся, чтобы от него было много пользы, и вот это... — Она порылась в юбках и достала тускло-серый предмет, похожий на речной камень, темный и усеянный блестками хрусталя, скорее длинный, чем широкий.

— Что это?

— Что это? Лучший точильный камень в империи — вот что это такое! — Галлабет вернула предмет на место. — Мой Джон оставил мне не так уж много, но вот этим, — она похлопала себя по бедру, — он зарабатывал себе на жизнь, и, благодаря ему, старуху вроде меня все еще приветствуют по всему Коридору. Его дед нашел эту штуку подо льдом. Тверже любого гвоздя. Может огранить алмаз, сказал он, хотя я не видела ни одного из них...

Убей ее и заberi камень. Кеот направился в ближайшую к Галлабет руку.

Почему? Что это? Нона согнула руку и не дала Кеоту добраться до ее запястье.

Что-то старое. Вещь Пропавших.

Их вещь?

Ковчег-кость, не корабль-кость, что-то более древнее. Знакомое. Я чувствую его вкус.

— Полезная вещь, — сказала Нона.

— Кормит меня, пока я могу передвигать ноги. — Галлабет кивнула. — А когда я не смогу ходить по дорогам, продам его какому-нибудь юнцу в Истине. Тогда и посмотрю, сколько времени я смогу протянуть у теплого очага. Думаю, много не понадобится. — Ухмылка. — Мой Джон всегда хотел ребенка, чтобы он могли носить и его имя, и его камень. Сын или дочь должны иметь его и ходить по Коридору. Держать его острым, так он называл это. Держать нас всех острыми.

Нона кивнула. *Если это корабль-кость или Ковчег-кость, то она не от Пропавших.*

Ты ничего не знаешь: ты слишком молода, чтобы помнить прошлый год. Кеот рванулся к ее руке.

Нона удержала его. *Если ты не начнешь рассуждать здраво, я буду считать, что ты слишком стар, чтобы помнить вчерашний день.*

После этого Кеот надулся, и зарычал только тогда, когда Нона просталась с Галлабет — ей удалось оставить старуху на ферме, которая нуждалась в ее услугах или, по крайней мере, нуждалась в ее камне. Нона не стала вдаваться в подробности. Она знала по опыту, что больше двух вопросов подряд заставляют дьявола говорить глупости. Она привыкла думать о нем как о сломанной вещи, возможно, части разума, наполненного фрагментами знаний; иногда он бывал полезен, как осколки кастрюли, предлагающие острые края, но не годные для хранения супа.

ВОСПОМИНАНИЯ НОНЫ О более широкой Серости, лежавшей за Лесом Реллам западу от деревни и кость-болотом к востоку от нее, были, как и воспоминания Кеота, разрозненными. Гилджон возил их взад и вперед по Серости и за ней, гонялся за слухом, если тот показывал свой хвост, а затем возвращался к какому-то давно установленному, хотя и извилистому кругу, когда источник сплетен иссякал. Нона запомнила кусочки. Здесь был город, там — склон холма, руины, озеро.

В конце концов, следуя указаниям из другой деревни, почти такой же маленькой, как ее, хотя и носившей название, Нона нашла дорогу к Лесу Реллам. Старик, знавший о лесе — судя по всему, по его дурной славе, — знал и о ее деревне и, каким-то чудом, знал и ее название.

— Деревня Реллам. Ага. Хотя я уже много лет не слышал об этом месте. — Он бросил на Нону странный взгляд, словно она испытывала его. Но все, кого встречала Нона, бросали на нее странные взгляды. Твои глаза могут являться лишь крошечной частью того, что ты показываешь миру, но именно их ищет каждый незнакомец, когда встречается тебя, словно ему необходимо увериться, что ты — именно тот человек, который смотрит через них. Когда ты показываешь миру два источника тьмы, мир делает знак древа Предка, или мысленно указывает пальцем на Надежду, скрытую над рассеянными облаками небесами, или делает рога, чтобы призвать защиту маленьких богов, которые наблюдают между мгновениями и под тенями.

Нона обнаружила, что незнакомая тропа, по которому ее направили, превратилась в знакомую и повела ее сквозь древесный мрак Леса Реллам, где когда-то она бежала в красном тумане луны. Тогда она преследовала Амондо, своего первого друга и человека, который предал ее еще до того, как они встретились. Она шагала по дорожке, по обе стороны которой шептались деревья, вспоминая жонглера, быструю магию его рук и странность, которую он принес с собой в ее жизнь, всплеск цвета, доказательство существования мира за пределами Серости.

Однажды Нона солгала девочкам в монастыре. В первый же день, когда она встретила их, она заявила, что кровопролитие, из-за которого она была отдана похитителю детей, было совершено лес-богом над пеларти, которые ее схватили. Они были не пеларти. Нона никогда не видела наемников пеларти, только слышала о них в рассказах Наны Эвен. Не было и лес-бога, хотя она *видела* одного из них за год до этого, когда он наблюдал за ней из Реллама; его лицо было почти таким же, как лица, созданные трещинами в коре деревьев. Почти.

Тени на лесной тропинке удлинились, а расстояние до открытой местности сократилось. Нона изо всех сил старалась не ускорять шаг. Лес вокруг нее ворчал под ветром, скрипел, стонал, всегда двигался. Нона чувствовала, что за ней наблюдают чьи-то глаза, и гадала, чьи они могут быть. Возможно, лес-бог, оборванный, покрытый листьями, скорчившийся в ветвях дуба. Или, возможно, просто сова, стряхивающая сон.

Где-то на этой тропе она убила полдюжины солдат. Отряд, который Шерзал послала со своим кванталом нить-работником, чтобы охранять его, пока он просеивал нити мира в поисках тел, в которых текла не одна кровь. Мужчин, которые наняли Амондо, чтобы выманить ее из деревни. Сколько они заплатили? Сколько им стоило, чтобы Амондо молчал об их делах? Если бы Амондо оказался слишком дорогим, солдаты просто пришли бы и

забрали ее. Их время стоило Шерзал больше, чем жизнь нескольких деревенских жителей.

Впереди, в тених деревьев, косо пересекающих тропу, как прутья клетки, появилась зеленая арка, и земля обнажилась перед небом. Нона вышла из Реллама, все еще чувствуя на себе чей-то взгляд, и пошла по тропинке через пустошь к полям и хижинам своей деревни.

•••

ЭТО БЫЛО СЛИШКОМ легко Кеот горел в ее заливке, и она опустила капюшон, чтобы дать ветру Коридора охладить его.

Это было нелегко. Хотя, сказав это, Нона поняла, что так оно и было. Путешествие по полям империи и через Серость.

Она сказала, что они хотели убить тебя. Темная сказала это.

Нона пожалала плечами. *Чайник, вероятно, просто пыталась напугать меня, чтобы я поскорее ушла и больше не возвращалась. Они, конечно, выпороли бы меня и выслали со Скалы.* Она нахмурилась. Возможно, инквизиторы даже бросили бы ее в Стекланную Воду, чтобы добавить ее кости к костям на дне. Но зачем им преследовать ее сейчас, когда она ушла?

Только когда она преодолела последнюю милю, мысли Ноны обратились к тому, какой прием ее ждет. В ее голове деревня была неделимым объектом, клубком тесно связанных воспоминаний, все или ничего. Теперь, впервые за целую вечность, в ее сознание вторглись давно изгнанные мысли о матери. Узнает ли она свою дочь? Рассердится ли она? Отшатнется ли она от черноты ее глаз или раскроет объятия с материнской любовью, которая преследовала Нону в самых смутных и отдаленных воспоминаниях, — мягкой и всеохватывающей, дарующей безопасность и прощение?

Сейчас ты ее увидишь. Мою деревню. Нона поднялась на невысокий холм, известный в деревне как Хребет Хеддода. Ее сердце внезапно заколотилось, когда перед ней открылась земля. Ее глаза попытались осмыслить сцену, которая должна была быть знакомой. Сначала ей показалось, что она ошиблась и деревня должна находиться за следующим холмом. Дома исчезли. Но... Здесь стоял столб, черный и одинокий, там — россыпь обвалившихся камней, повсюду — призраки тропинок, покрытых теперь травой и кустами, но достаточно ясных, если знать, куда смотреть.

ПОВЕРНИСЬ! Голос Кеота взорвался в ее голове.

Нона поняла, что повинуется без вопросов, но вяло, словно ее разум был якорем, который приходилось тащить мышцам, все еще погруженным в происходящее. Со скоростью хунска тело Ноны рванулось сквозь градусы, борясь с инерцией. Ее голова возглавляла поворот, и краем глаза она видела мерцание снаряда, несущегося к ее спине. Сбитая с толку и потрясенная, Нона почувствовала, как ее власть над мгновениями ускользает. Она выпустила дефект-клинки из пальцев руки, которую тянула через плечо. Все ее внимание поглотил снаряд, тонкий, как гвоздь, длинный, как рука. Он летел, вращаясь, — что-то вроде диска вокруг древка в дюйме от наконечника, словно арбалетный болт пронзил медный пенни на своем пути через воздух. Где-то позади него, на дороге, стояла размытая фигура.

Нона набрала скорость. Даже если она дотронется пальцами до наконечника, сомнительно, что она сможет замедлить его достаточно, чтобы он не пронзил ей плечо. Началась гонка, для болта остался ярд, а пальцам надо десять дюймов, чтобы перехватить его путь. Двигались только болт и ее рука. Ни сердцебиения, ни дыхания, ни звука, ни

единого шанса. Болт подходил слишком быстро, чтобы его схватить. Вместо этого Нона повернула кончик дефект-лезвия, отходящего от ее указательного пальца, подставляя болту плоскую и изогнутую сторону невидимого клика. Отраженный, болт продолжил свой путь, отклонившись вверх. Он вонзился в материал поход-плаща на ширину большого пальца выше кожи и резко остановился там, задержанный гребнем, расположенным в дюйме от острия.

Глаза Ноны привыкли к темноте, и фигура на дороге четко сфокусировалась, когда она завершила поворот. Он стоял в двадцати ярдах позади, выйдя из зарослей кустов рододендрона, окаймлявших дорогу. Высокий седовласый мужчина, сухопарый, в тяжелом плаще, с поднятым и прижатым к плечу арбалетом. Он уставился на нее одним глазом. Ему не нужно было закрывать другой: глазница зияла пустотой, разделенная шрамом, который шел через его щеку.

— Черт побери. — Гилдзон опустил арбалет. — Я всегда знал, что ты станешь быстрой.

НОНА ВЫТАЩИЛА БОЛТ Гилджона из поход-пальто и взглянула на него. Дис должен был остановить проникновение дровка слишком глубоко и был установлен так, чтобы позволить болту лететь прямо. Интересно, каким ядом он намазан?

Она снова посмотрела на мужчину:

— Не собираешься бежать?

Гилджон пожал плечами. Он выглядел старше, чем она помнила.

— У меня был только один шанс. Это должно было сработать. Теперь у меня его нет. —

Он нахмурился. — Как ты узнала?

Настала очередь Ноны пожать плечами:

— Магия. — Она не слышала ни о какой магии, которая могла бы дать глаза на затылке, но марджалы, как известно, проявляли всевозможные странные способности. Она подошла к похитителю детей.

Убей его!

— Ты собираешься убить меня? — Гилджон разделял интерес Кеота. Он выглядел скорее смирившимся, чем обеспокоенным. Он даже не пытался защищаться. Похититель детей знал о хунска достаточно, чтобы понять, что это не принесет ему никакой пользы. — Ну?

— Честно? — Нона подошла вплотную. — Я не знаю.

Она ударила его болтом, вонзив его в грудную мышцу, насколько позволял воротник. Ей пришлось потянуться вверх — мужчина все еще был на голову выше ее.

— Аааа! — Гилджон хлопнул ладонью по ране. — Похоже, что нет.

— Нет?

Гилджон пошатнулся и сел:

— Гротонское зелье. Быстродействующее.

— Куда ты собирался меня отвезти?

Гилджон неопределенно махнул рукой на запад, покачал головой и рухнул. Он лежал с открытыми глазами, зрачки расширены, глядят в никуда.

Нона опустилась на колени, чтобы проверить дыхание и пульс похитителя детей. Странно было видеть человека, который управлял ею, Гессой и остальными, лежащим вот так, с растрепанными волосами, щекой к холодной земле. На протяжении стольких миль его власть была абсолютной, когда он сидел спиной к клетке с детьми, а Четыре-ноги усердно шел перед ним. Она освободила его от рюкзака и кошелька с монетами, затем связала по рукам и ногам веревкой, которая была при нем.

— Это было глупо, — пробормотала она, вставая.

Да. Ты должна была разрезать ему живот!

Мне следовало задать свои вопросы прежде, чем испытать на нем его собственный яд.

— Хорошо. — Она посмотрела на Гилджона. — Если ты не собирался меня убивать, то у тебя должна быть поблизости лошадь. Наверное, и телега тоже. Ты же не собирался нести меня на плече.

Нона взвесила рюкзак Гилджона и встряхнула его кошелек. Она безвольно повис, едва позвякивая монетами. Она помнила, как он всегда был полон, как Гилджон опустошал его со сводящей с ума медлительностью, покупая ребенка здесь, ребенка там за россыпь медных

пенни.

•••

НОНА ПОШЛА НАЗАД по тропинке, ища следы, как учила ее Сестра Сало. Но она и увидела ни единого отпечатка копыта, и в конце концов нашла лошадь и повозку, проявив здравый смысл и проверив места, где сама бы их спрятала, если бы прибыла раньше цели, которую хотела подстеречь.

Гилджон оставил свой транспорт на последней из дюжины старых троп угольщиков, которые вели от главной дороги через Лес Реллам. Он даже не пытался замаскировать его, просто отвел достаточно далеко, чтобы тот не был виден с дороги. Она остановилась, увидев мула, серого и неопрятного, а за ним ту самую клетку, в которой она путешествовала, сжавшись между Сайдой и Гессой. Ее подруги. Обе мертвы.

Нона отвязала мула, быстро отдернула руку, когда он попытался укусить ее, и повела его дальше, волоча повозку через не желающий расступаться подлесок. Вскоре она нашла одну из вырубков угольщиков, развернула повозку и вернулась на дорогу.

Нона втощила Гилдждона в клетку, едва не сломав спину, но с тех пор, как они расстались в Калтессе почти шесть лет назад, она набрала много мускулов, да и годы обстругали похитителя детей, сделали его ближе к костям. Нона протолкнула его ноги в дверь и закрыла ее за ним, завязав веревку, чтобы удержать дверь на месте. Мул фыркнул и замолчал. Она отошла назад и бездумно уставилась на развалины деревни. Вокруг нее простирались только открытые поля, заросшие и одичавшие, на которых хозяйничал влажный ветер. Наверху серое небо мчалось на восток, далеко на юге дымки Морлтауна размазывали воздух. Мысль о том, что ее старого дома больше не существует, не укладывалась в голове, как бы она ее ни крутила. Возможно, ей и не нравилось это место, но оно было ее фундаментом, ее корнями. Она выпрямилась и пошла вниз по склону к тому месту, где стоял дом ее матери.

Называть остатки деревни «развалинами» было слишком великодушно. Точнее было бы сказать «следы». Еще пять лет, и будет трудно отличить места, где жили люди, от мест, где они выращивали свой урожай. Дом Серого Стивена превратился в груды обломков, которые вскоре поглотит вздымающийся дерн. Камни дома Джеймса Бейкера все еще были видны; притолока, из-под которой его жена Марта, бывало, хмуро смотрела на мир, лежала наполовину погребенная.

Едва заметное пятно среди крапивы отмечало место, где стоял дом Ноны. Плетеные стены превратились в ничто, а более толстые бревна лежали в золе и гнили среди травы, разваливаясь от толчка ее ботинка.

Прошел еще час, прежде чем Гилджон приоткрыл один глаз. Серые Сестры варили гротонский яд из желчного пузыря редкой рыбы, которая иногда вылезала из-под льда. Он был совсем не дешев, и его было не так-то легко достать. Наряду с быстрым погружением в бессознательное состояние, жертва могла ожидать периода дезориентации, за которым последуют дни, когда сосредоточится окажется невозможно. Сестры использовали его, если им нужно было захватить квантала или марджала. Ни один наркотик не мог безопасно продержат жертву без сознания неделю, но доза гротона могла почти на столько же времени лишит академика возможности использовать большую часть его магии или не дать кванталу встать на Путь.

— Где моя мать?

— Я... не знаю. — Гилджон моргнул, сплюнул и попытался сесть.

— Что здесь случилось? — Нона махнула рукой в сторону того места, где стояла деревня.

Гилджон был слишком занят веревкой, обвивавшей его запястья, чтобы ответить, и смотрел на нее с таким восхищением, словно она была сделана из золота и оплетена драгоценными камнями. Нона повторила вопрос, и он снова сплюнул, как будто яд оставил его рот кислым, и засмеялся:

— Ты случилась, ребенок.

— Я?

— Она, наверное, сделала бы это только из-за солдат.

— Каких солдат?

— Ты убила пятерых личных телохранителей Шерзал!

Нона ничего не ответила. Охотники привезли ее в деревню в крови, в которой почти можно было утонуть.

— Но, на самом деле, она сделала это из-за Онастаса Хэдмара.

— Кого?

Гилджон выглядел рассеянным, словно забыл, где находится.

— Кто такой Онастас?

Он покачал головой:

— Хэдмар! В своем монастыре ты уже забыла, как редко встречаются какие-либо признаки племен. Квантал найти труднее всего. Ни один из тысячи, девочка. Онастас, одетый в алое с серебром Шерзал, был прайм. И ты порезала его, как мясо. Охрана Шерзал должно быть, уничтожила это место, пока мы были в пути. Это все, что я знаю. И я вернулся сюда в первый раз. Я приехал вчера вечером.

— Так почему же они не пришли за мной? Почему не поймали нас на дороге? — Кулаки Ноны сжались при этой мысли, ногти впились в ладонь. *Пусть они придут сейчас.*

— Я уверен, что они... — Гилджон перевернулся, пытаясь высвободить руки. — Я в своей собственной чертовой клетке?

Нона стукнула по прутьям решетки:

— Почему они не погнались за нами?

— Черт! — Гилджон ударился головой о пол повозки. — Хорошая штука этот гротон. Такое чувство, будто я плыву по миру.

Нона снова стукнула.

— Они действительно преследовали нас! Я уверен, что они так и делали. Но Шерзал пронюхала о лучшей перспективе. Держу пари, что-то такое, на что указал ей Онастас. И вместо этого она обратила на это все свое внимание.

Зоул, решила Нона. Избранная спасла ей жизнь еще до того, как они встретились.

— Кто тебя послал и как ты меня нашел?

— Меня послало число.

Нона покачала головой. У гротона был свой язык.

— Меня послало число сто. Сто золотых соверенов.

— Они объявили награду? — Размер ошеломил ее. Гилджон заполнил свою клетку меньше чем за один соверен.

— Слишком большое число, чтобы я мог его игнорировать, девочка. У старого

Гилджона наступили тяжелые времена. Да, это так. Ты и твои маленькие друзья были самой богатой добычей, которую я когда-либо ловил. Никогда не находил похожих на вас. — Он перевернулся на спину, уставившись в небо единственным глазом. — А кто лучше меня будет охотиться на тебя? Я знал, откуда ты. Знал, что ты вернешься. Беглецы всегда так делают. Потратил последнюю монету на то, чтобы заставить тебя молчать, пришел сюда, подождал. Думал, мой лучший шанс будет, когда ты увидишь, что произошло. Мгновение потрясения. Думал, мне хватит. Один выстрел. Один пленник. Сто делим на один. Я сыграл... и проиграл.

Убей его.

Нона нахмурилась. Гилджон перекатился на ее сторону повозки и схватился за решетку.

— Где я? — Растерянность в его голосе, наркотик снова подействовал. — Я в своей собственной клетке?

— Мы все в ней, — сказала Нона.

— Если ты меня отпустишь, я не скажу, что видел тебя. — Гилджон встретился с ней взглядом. Казалось, ясность его сознания приходила и уходила волнами.

— Скажешь, если там будут деньги, — пробормотала Нона. Ее охватила печаль. Деревня и похититель детей не были вещами, которые она ценила или даже любила, но они были *ее* вещами, частью *ее* собственной истории, и ты не можешь выбирать их, когда ты ребенок. Теперь они оба лежали разрушенные, каждый по-своему. Что-то вышло из Гилджона. Возможно, оно вышло в тот день, когда первосвященник унизил его и забил Четыре-ноги до смерти. Возможно, оно оставляло его немного каждый год, начиная с того дня, когда он появился в ее жизни, возможно, это началось в тот день, когда Скиффроул забрал его глаз.

Гилджон снова вцепился в решетку и уставился на нее, теперь их разделяло меньше ярда.

Убей его! Даже ты должна понимать, что этого нужно убить. Он предаст тебя, не задумываясь. Он собирался отдать тебя твоим врагам!

Ты прав.

Нона сосредоточилась, и четыре дефект-клинки на мгновение замерцали, выпрыгнув из ее пальцев.

— Ты бы равнодушно смотрел, как меня убивают, похититель детей, и только для того, чтобы положить монету в карман.

С рычанием Нона метнулась вперед. Прутья решетки перед лицом Гилджона рассыпались на части.

— Ты больше не будешь охотиться на меня.

Похититель детей ничего не ответил, только смотрел, как из пореза на кончике его носа капает кровь. Нона наклонилась и подняла один из обрубков, деревянный диск, тоньше ее пальца, примерно дюймов двух в поперечнике. Она достала из кармана кошелек похитителя детей и положила диск в нее, как будто это была очень крупная монета.

— Твоя. — Она бросила кошелек в клетку.

И ушла.

Ты просто бросаешь его?

Да.

Он тебя предаст! Опять!

Да.

Ты сошла с ума!

Может быть. Нона пожала плечами. Я действительно слышу голоса в своей голове.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА СТЕКЛО

— ДЕВОЧКА В БЕЗОПАСНОСТИ? — Даже в кабинете собственного дома Стекло больше не называла ее имени. Тех, кто был по рангу ниже инквизитора, называли «наблюдателями», но на самом деле они чаще бывали слушателями, и у них это хорошо получалось.

— Безопасность — слишком сильное слово, — сказала Сестра Яблоко. — Но она ушла. Друг уверяет меня, что девочка покинула Скалу целой и невредимой. — Сестра Сало, стоявшая за спиной Сестры Яблоко, ничего не сказала, но ее плечи немного расслабились. Стекло это «немного» сказала о многом.

Стекло кивнула. Отныне Чайник будет докладывать только Яблоку, а та — приносить вести в большой дом. У Ноны хватило здравого смысла бежать, хотя инстинкты подсказывали ей, что нужно сражаться. Чайник проследила, чтобы девочка убежала. Конечно, она побежит обратно к той коллекции грязных палок, в которой ее купил похититель детей. Для этого не нужно было хорошо соображать. Даже Пелтер догадается об этом. Инквизиции потребуется некоторое время, чтобы найти похитителя детей — возможно, слишком много времени, — но без него они никогда не обнаружат деревню.

Сестра Сало кашлянула, возвращая Стекло к действительности:

— Настоятельница, вы должны действовать. Брат Пелтер не уйдет отсюда, пока не докопается до вас. Если он не сможет найти ничего конкретного, то сделает свое дело из недомолвок и сплетен. Это не имеет значения.

— Я уже действую, сестра. — Стекло осталась стоять у окна. — Я наблюдаю за наблюдателями. — Она улыбнулась старой шутке. — Отсюда я вижу двоих. Один следует за Сестрой Хризантемой в направлении необходимости. Я боюсь, что он может быть разочарован, если надеется, что какие-то секреты будут утоплены.

— Я имею в виду *действие!* Первосвященник...

— Первосвященник изо всех сил пытается удержаться во главе Церкви, — сказала Стекло. — Лед смыкается, император это чувствует. В такие времена доверие вытесняется, и мы набираем силу для себя. Не требуется особого воображения, чтобы понять — Крустикэл может принять мантию Невиса и провозгласить себя не только императором, но и первосвященником. Невис скорее готов потерять Сладкое Милосердие, чем все. Он потеряет дюжину монастырей, мужских и женских, и все еще будет считать себя на коне.

— Тогда прямое действие. — Сестра Яблоко задумчиво заправила рыжий завиток в свой головной убор, словно выбирая подходящее оружие для этой работы. — Пелтер — всего лишь один мужчина, которого мы могли бы...

Стекло покачала головой:

— Мы должны верить, Яблоко.

— Я каждый день молюсь Предку на все четыре стороны.

— Верить в меня. — Улыбка. — Стекло отвернулась от окна и положила руку на плечо Яблоко, театрально понизив голос. — Серая Сестра, ты можешь пройти незамеченной и бросить яд в чашу, но мои намерения скрыты глубже, чем любая тень. Я могу влить *мой* яд в любое ухо, в котором слова отдадутся эхом. — Она потянулась к плечу Сало и притянула к

себе обеих монахинь. — Красная Сестра, ты можешь пробить дверь, но когда будут нанесены мои удары, их не остановит никакая стена замка, от них не защитят никакие мили расстояния. — Стекло говорила с уверенностью, которой не чувствовала, но она слишком сильно нуждалась в них. В любой игре со ставками и проигрышем, блеф всегда имел большее значение, чем то, что могло быть написано на картах, крепко прижатых к груди.

— Мы верим в вас, настоятельница, — сказала Сало. Сало всегда верила.

— Но будьте осторожны. — Яблоко все еще выглядела обеспокоенной. — Если слишком много времени наблюдать за длинной игрой, вас может убить короткая.

•••

ШЛИ ДНИ, ЛЕД-ВЕТЕР стих, поля из белых стали зелеными. С тех пор как Ноа сбежала, прошла уже почти неделя. Настоятельница Стекло наблюдала за происходящим из окна своего кабинета, как делала это каждый день. Ее взгляд остановился на Послушнице Зоул, стоявшей в тени у основания Собора Предка.

— Ну же, девочка, чего же ты ждешь? — спросила Стекло пустую комнату. Зоул уже должна была сделать свой ход.

Стекло покачала головой. В эти дни она, казалось, наблюдала больше, чем наблюдатели Пелтера. Это и была ее первая должность в инквизиции, когда она еще была молодой женщиной: Шелла Яммал, наблюдатель. Поначалу ей было поручено просто приносить в башню рассказы, какие бы обрывки информации ни попадали на рыночный прилавок ее отца. Но Брат Девис, ее наставник, увидел в ней талант к работе и назначил ее наблюдателем — официальное назначение, записанное в больших книгах.

Зоул вышла из тени Собора, намереваясь что-то сделать. Стекло проследила за ее взглядом.

— Брат Пелтер, Сестра Ограда и Послушница Джоэли, святая троица. — Все трое вышли из Башни Академии, склонив головы в разговоре.

Три резких стука в дверь позади нее, и Сестра Яблоко ворвалась внутрь прежде, чем слово «войдите» полностью слетело с губ Стекла.

— Госпожа Тень? — Стекло подняла брови. Яблоко выглядела так, словно бежала всю дорогу из подземелья, на обеих скулах краснели лихорадочные пятна.

— Чайник пропала! — Яблоко глубоко вздохнула. — С Ноной что-то случилось. Нечто плохое.

— Она пошла за Шерзал?

— Что? Нет! Я говорила вам. Она пошла за Ноной.

— Я спрашиваю, не отправилась ли Нона за Шерзал. — Яблоко снова посмотрела в окно. Все по-прежнему выглядело спокойно. Это продлится недолго.

Яблоко моргнула:

— Нона? Зачем ей это? И как она могла вообразить, что может что-то сделать с Шерзал?

Стекло медленно вздохнула, стараясь прогнать нетерпение. Она не могла ожидать, что Яблоко будет ясно мыслить, когда дело касается Чайник.

— В какие неприятности попала Нона?

Яблоко покачала головой:

— Чайник оставила зашифрованную записку. Никаких подробностей. Она знала, что я

не отпущу ее одну.

— Чайник — Серая: ей не требуется твоего разрешения, сестра. — Стекло улыбнулась. — Кроме того, эта девушка — смерть на двух ногах. Лучше волнуйся за того, кто встанет у нее на пути.

Яблоко нахмурилась и опустила глаза.

— Кроме того, — сказала Стекло, — там для нее, наверное, безопаснее. Сестра Скала сообщает, что стражники инквизиции и искатели приближаются по Виноградной Лестнице.

— Стражники? — Яблоко встретила взглядом со Стекло и нахмурилась еще сильнее. Искатели будут охотиться за Чайник — ходили слухи, что она все еще обитает в монастыре, а слухи были хлебом с маслом для Инквизиции. Но стражники явно озадачили Яблоко. Зачем инквизиции понадобились ее ударные войска в Сладком Милосердии?

— Подумай хорошенько, дорогая. — Стекло отодвинула стул и села за стол. Были бумаги, которые нужно было подписать. Она остановилась, протянув руку за пером. Интеллект Яблоко никогда не вызывал сомнений, но женщина применяла его слишком узко. — Представь себе, что Пелтер готовит один из твоих ядов. Он выбирает ингредиенты. Он собирает их. Он добавляет их в нужном порядке и в нужных количествах. Не все сразу. Сначала несколько наблюдателей. Пусть все покипит. Потом еще немного. Помешать. Подождать. Потом следующий ингредиент.

— Но что он готовит? — Пальцы Яблока двигались так, словно она представляла себе, как смешивает ингредиенты.

— Я же тебе говорила, — ответила Стекло. — Яд.

ДОРОГА ДО БЕЛОГО Озера заняла меньше двух часов. Начиная с того времени, когда ее мать впервые пошла туда, Нона всегда представляла себе это место таким же далеким, как луна. *«Это далеко, — говорила мать, когда Нона хотела идти с ней. — Слишком далеко».* В конце концов, она взяла своего любопытного ребенка на несколько собраний в церковь Надежды, и, вероятно, Нона достаточно бы скоро прошла конфирмацию в свет. Но пришел жонглер, и все изменилось.

На протяжении каждой мили Нона тысячу раз мысленно перебирала одни и те же вопросы, одни и те же надежды и страхи. Люди могли бы убежать из деревни. Солдаты могли сжечь здания, но это ничего не значило, потому что люди побежали бы распространять новости. Поднять руку на тех, кто в алом и серебряном, означало, что твой дом сгорит.

Ее мать должна была убежать. И она побежала бы в эту сторону, к Белому Озеру.

Все дни, пока Нона добиралась до деревни, ее разум отказывался отвечать на вопросы о матери. Старая рана покрылась струпьями, была запечатана под рубцовой тканью, и Нона отказывалась ковырять ее, пока не пришло время. Но теперь, возможно, никогда не будет времени, и вопросы Ноны ждали своей очереди на ее языке. И обвинения. Но за всем этим лежали самые старые воспоминания о надежных объятиях, тепле, любви без условий. Воспоминания, которыми Нона дорожила, какими бы расплывчатыми они ни были. Вкус чего-то, что она все еще искала.

Тропинка превратилась в тропу, тропа — в дорогу, и она обогнула Белое озеро, наблюдая, как с каждым шагом город на дальнем берегу становится все ближе. Около двухсот домов прижимались к воде, еще десятки поднимались по склонам позади. Причалы протянули руки, ищущие пальцы исследовали тайны озера. Два десятка лодок были привязаны, еще полдюжины направлялись сюда после дневной рыбалки. То тут, то там в окнах горел свет, первый из многих, которые зажгутся с наступлением ночи.

Нона заметила церковь Надежды на окраине города, каменное строение, которое должно было иметь остроконечную крышу, но вместо этого стояло открытым к небу. Подойдя ближе, она заметила комнаты, примыкающие к задней стене, покрытые черепицей и деревом. Вероятно, Проповедник Микэл любил спать в сухой постели.

К тому времени, как Нона подошла к дверям церкви, свет почти погас. Двери были в два раза выше ее и поддерживались накладными железными петлями. Ноне всегда казалось странным, что в доме без крыши есть двери. Она прислушалась, но не услышала ничего, кроме отдаленных криков с причалов и смеха на дороге, возможно, от вида послушницы Предка, стучащейся в двери Надежды. Она отмахнулся от этой мысли. Мало кто в Белом Озере понял бы по поход-пальто, что она — член ордена, и уж точно не с дороги. Она размазала грязь по знаку древа, выжженному на коже, и нужно было внимательно рассмотреть его, чтобы понять, что это такое.

Она постучала. Ничего. Небо над ней было почти темным, окаймленным красными краями облаков. Нона вскарабкалась на стену, используя свои клинки только дважды там, где каменная кладка не давала опоры. Она оседлала верхушку и посмотрела вниз, на церковь. Пол, вымощенный шиферными плитами, поддерживал алтарный камень в центре; в остальном помещении было пустым. На богослужениях, которые посещала Нона, на алтаре

красовался странный шар из медных полос, который должен был указывать на Надежду, когда небо было скрыто пеленой.

Она посмотрела на заднюю дверь. *Должно быть, там он и живет.*

Кеот ничего не ответил. Он молчал с тех пор, как Нона пощадила Гилджона. Отвращение, предположила она. Время от времени она чувствовала, как он двигается, скользя по ее коже, но не углубляясь.

Нона свесилась со стены и спрыгнула в церковь. Воспоминание о благовониях преследовало это место, несмотря на ветер, стонущий в оконных щелях. Она выпрямилась и подошла к задней двери. Не успела она дойти до двери, как из нее выскочил проповедник Микэл, держа в обеих руках медное устройство, которое помнила Нона. Он пинком захлопнул дверь, оставив позади тепло и свет, и прошел половину расстояния до Ноны, прежде чем заметил ее присутствие и резко остановился. Полосы глобуса выскользнули из его пальцев. Инстинктивно Нона прыгнула вперед и поймала устройство, прежде чем оно успело упасть на пол. Она выпрямилась и протянула его Микэлу. Оно оказалось тяжелее, чем она ожидала, хотя состояло в основном из воздуха, окруженного всего лишь полудюжиной металлических полос, согнутых в сцепленные кольца.

Проповедник взял свой глобус, его рот двигался, но слова не выходили. Потрясение заменило ярость, которую помнила Нона. Микэл был на дюйм или два выше ее. Сейчас ему было около тридцати лет, его темные волосы все еще были густыми, но редющими, как у вдовы.

— Я ищу Майру из деревни Реллам. — Странно было давать имя и матери, и деревне. — Она здесь молилась.

— Кто ты? — Проповедник попятился, чтобы между ними оказался алтарный камень. — Демон? — Он поставил перед собой тяжелый шар.

Нона на мгновение растерялась, потом поднесла пальцы к лицу:

— Нет, обычный человек. Мои глаза потемнели от яда. Ты не знаешь, выжила ли Майра Грей? Что случилось... в деревне? Иногда ее называли Майра Тростник.

Проповедник прищурил на нее темные глаза:

— Ты двигалась не как обычный человек. Хунска, а? Как ты сюда попала?

— Залезла.

Проповедник недоверчиво фыркнул и открыл рот, потом оглянулся. Возможно, не имея более правдоподобного объяснения, он не стал называть ее лгуньей:

— Ты ищешь женщину?

— Майру из Реллама.

— Реллам? — Страх в его глазах, когда он думал, что она демон, теперь полностью уступил место подозрительности. — Какой интерес может представлять для тебя эта Майра?

— Это мое дело. — Если он не узнал ее, то у Ноны не было никакого желания представляться.

Проповедник коснулся висящего на цепочке амулета — плоского кольца из серого металла, украшенного рунами:

— Если эта Майра молилась здесь, она — мое дело. Дело Надежды. Какое право ты имеешь задавать здесь вопросы?

Гнев Ноны подхлестнул ее язык.

— Право крови. Она — моя мать! — С ее внешностью нечего было и надеяться остаться неузнанной, да еще показав свою скорость.

— Ха! — Проповедник Микэл выпрямился во весь рост. — Теперь правда выходит наружу! Не думай, что я не узнал тебя, Нона Тростник. Ты стоишь здесь, в монастырском пальто, а на твоих губах разговор о кровь-правах. Поклоняющиеся Предку хорошо обучили тебя. — Усмешка, словно воспоминание о ребенке уменьшило война перед ним. — Когда мы смиряемся перед Надеждой, мы присоединяемся к более великой семье, чем любая, основанная на семени и хрюканье в темноте.

— Поклоняющиеся Предку научили меня тому, что Надежда — такая же звезда, как и любая другая, только моложе и все еще горящая белым. Она не дойдет до Абета. И не спасет нас от льда. — Нона согнула перед собой пальцы. — И они научили меня, как забить взрослого человека до смерти голыми руками, если понадобится. Итак, я спрошу еще раз, Где моя мать?

— Она отдала свой дух Надежде. — Он сказал это с таким плохо скрываемым удовлетворением, что Ноне пришлось бороться, чтобы не выполнить свою угрозу. Если бы Кеот воспользовался своим шансом, он мог бы склонить ее к насилию.

— Она мертва? — Осознание попало в цель, и гнев Ноны вырвался наружу, оставив ее пустой.

Глаза проповедника метнулись к двери в его покои:

— Тебе лучше уйти, монахиня.

— Она там? У тебя там моя мать? — Ее охватило убеждение, истина внезапно стала очевидной, отрицание смерти — легким. Ее мать не могла умереть: между ними все еще было слишком много недосказанного. Теперь они могли говорить, как взрослые, не разделенные пропастью между детским невежеством и взрослыми горестями. Она направилась к двери.

— Что? Нет! Конечно, нет.

Нона скрылась за дверью прежде, чем Микэл бросился за ней.

— Подожди! Это запрещено!

Коридор тянулся ярдов на двадцать три, двери налево, две направо и одна в дальнем конце. Нона огляделась, сняла со стены фонарь и побежала ко второй двери слева, которая была тяжелее остальных и окована железными полосами.

— Ее там нет! Не будь душой! — Микэл, покачиваясь, прошел через дверь церкви вслед за ней. Он говорил так, словно что-то скрывал.

Нона потянулась было к своей безмятежности, чтобы дернуть за нить замка, но волны эмоций отбросили ее назад, турбулентность, которую она не могла унять. Когда проповедник приблизился к ней, она ударила дефект-клинком по тяжелому замку, раз, два, три, затем повернула его. Разрушенный механизм с визгом сдался, и, стряхнув цепкие пальцы Микэла, она протиснулась внутрь.

Комната за ней была маленькая, без окон, с широкой полкой установленной на высоте пояса и бегущей вдоль трех стен. Образ Надежды вернул свет фонаря, сверкая в тысяче кусков стекла, зеркалах и хрустале. Полку покрывали десятки предметов, расставленные скорее с почтением, а не просто разбросанные.

— Я думала... — Нона позволила проповеднику вытолкнуть себя обратно в коридор. Ее мать умерла. Отрицание было глупостью. — Прости.

— Прости? — Микэл толкнул ее спиной к стене. — Ты осквернила святилище Надежды! И сломала мою дверь...

Сознание Ноны заполнили образы матери. Боль была хуже, чем от удара металл-ивы. Ей

нужно было что-то, что угодно, лишь бы изгнать воспоминания. Вопросы могут помочь.

— Что все это такое? — Нона попыталась заглянуть за плечо проповедника.

Осколки старого мира. Кеот нарушил молчание.

— Сокровища. — Проповедник попытался подтолкнуть ее по коридору к заднему выходу.

— Я видела черн-кожу.. — Красные Сестры делали свои доспехи из черн-кожи, маслянистый блеск этого материала не оставлял места сомнениям. Даже обломки среди сокровищ Микэла стоили больше, чем все здание. — И... — У Ноны не было названий для остальных вещей, но некоторые из них имели тот же серый блеск, что и драгоценный точильный камень старой Галлабет. — Ковчег-кость.

Проповедник схватил ее за капюшон поход-пальто и потащил к задней двери. Он поднял засов и пинком распахнул его:

— Это части кораблей, которые доставили наши племена сюда через черное море между звездами, и части сооружений, которые они построили здесь. Когда придет Надежда, она снова сделает их целыми, точно так же, как она свяжет плоть с костью и поднимет мертвых из могил, чтобы они снова жили.

Он вытолкнул Нону в ветреную ночь. Она уперлась ногой в дверь, когда он попытался закрыть ее.

— Откуда они здесь появились?

— Это дар Надежды. — Микэл снова потянул дверь. Нона держала ее открытой. Еще один рывок, и Микэл сдался, опустив голову. — Сис строят свои дома над лучшим из того, что осталось в Коридоре. Сами императоры построили свой дворец над Ковчегом и его силой привязали к себе Академию. Мы платим исследователям, чтобы они охотились подо льдом.

— Мой отец...

— Твой отец продал моему предшественнику большую часть того, что мы здесь храним.

Нона моргнула, и в момент ее удивления проповедник высвободил дверь и захлопнул ее между ними.

Нона медленно отвернулась от двери. Налетел ветер, смешанный с холодным дождем. Перед ней лежало кладбище, десятки надгробий, черных в безлунной ночи. Ее мать умерла. Ее кости погребены, ожидая Надежды. Они больше никогда не заговорят. Нона никогда не спросит, действительно ли ее мать отослала ребенка, чтобы спасти ее от мести Шерзал. Она ничего не чувствовала, только пустоту, которая поднималась из груди и сжимала горло. Она споткнулась между надгробиями, ошеломленная, дрожа от боли, которая не имела никакого центра.

Куда мы идем? Ты сказала, что убьешь кого-нибудь. Таков был уговор, когда я помог тебе выиграть игру с деревом и шкатулкой.

Нона выпрямилась. Надгробия уже поредели, земля заросла ежевикой. Впереди виднелось несколько зданий с огоньками в окнах, еще больше — позади, и число огней быстро возрастало по мере приближения к городу. Боль и потеря, от которых у нее перехватило дыхание, сжались в тугий комок ярости.

— Я собираюсь кое-кого убить. — Она обращалась к ночи и к мертвым. — Возможно, много людей.

Йиит? Она первая? Как ты ее найдешь?

— Я иду во дворец Шерзал, и, когда я уйду, у императора останется только одна сестра.

Что-то ударило Нону в плечо. Она повернулась и уставилась в темноту кладбища, пытаясь найти противника. Ее пальцы нащупали что-то вроде узкой палки, гордо торчащей из-под пальто, и она выдернула ее. Черное древко, похожее на древко Гилджона, но тоньше. Еще один дротик попал ей чуть ниже ключицы. Нона нырнула в укрытие за ближайшим надгробием. Слишком поздно. Она уже чувствовала скованность в мышцах, та же тюрюга, которой Клера уколола ее в тот день, когда они расстались.

Ты их видишь? спросил Кеот.

Нет. Нападавший должен был быть близко: дротики не могли быть выпущены более чем на тридцать ярдов с любой точностью, но Нона не видела ничего, кроме черноты и намеков на кладбищенские надгробья. *Я не могу здесь оставаться. Мне нужно убить их, пока я еще могу двигаться.* Это был проповедник? Или Гилдзон последовал за ней, чтобы еще раз укусить и добыть сто соверенов? Если бы она была должным образом подготовлена, в ее рясе была бы дюжина противоядий, но она сбежала из монастыря с пустыми руками. *Помоги мне увидеть!*

Кеот не нуждался в ободрении. Он хлынул ей в глаза, и когда жжение притупилось настолько, что она смогла открыть их, Нона увидела мир в огне. Она собралась с силами, готовая к прыжку. С опозданием она вытащила второй дротик и некоторое время смотрела на его желтую линию, пытаясь привести в порядок свои мысли. Они отказались.

На этом... что-то... другое... гротон? Неужели это снова Гилдзон, после того как она пощадила его?

С проклятием Нона вылетела из укрытия, и кладбище предстало перед ней в оранжевых тонах. Она не видела нападавшего, только сгусток тьмы рядом с одной из больших гробниц, украшенных крылатой Надеждой.

Темнота? Кеот видел сквозь темноту...

Третий дротик с шипением полетел к ней из непроницаемой чернильной тьмы. Этот, по крайней мере, она смогла увидеть. Она потянулась к нему с остатками своей скорости, мышцы кричали в знак протеста. Однажды Дарла описала, как ее отец возвращался домой пьяный с военного банкета. Ноне показалось, что она повторяет нескоординированную походку отца Дарлы, которую та передразнивала. Дротик проскользнул мимо ее цепких пальцев и вонзился в плоть чуть выше левой тазовой кости.

— Ох... — И она бросилась вперед, в свою полночь.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА СТЕКЛО

ПОСЛЕ УХОДА ИЗ монастыря Сестры Чайник, Настоятельнице Стекло пришлось бóльшей степени полагаться на сеть Серых послушниц Госпожи Тень для получения информации о деятельности инквизиторов. Яблоко использовала своих самых надежных и многообещающих кандидаток в Серые, чтобы наблюдать за Братом Пелтером и его наблюдателями. Как бы хорошо ни были обучены инквизиторы, никто не знал монастырь лучше, чем послушницы, которые в нем выросли, и было достаточно легко держать ухо настороже в большинстве углов.

— А вот и неприятности. — Стекло смотрела, как Сестра Шпиль пересекает площадь, ряса хлопала вокруг ее ног, ее ходьба была настолько близка к бегу, чтобы это можно было назвать и тем, и другим. Окно настоятельницы состояло из дюжины стеклянных панелей; из-за их неровностей казалось, что монахиня течет по земле. Сестра Шпиль исчезла за углом здания, Стекло подошла к своему столу и стала ждать.

Стук раздался через минуту, свидетельствуя о том, что Шпиль торопится.

— Входите.

Наставница Мистического Класса поспешно вошла, ее грубое лицо покраснелось, головной убор опустился на лоб, почти скрывая шрамы от ожога. Стекло обнаружила, что молодая монахиня заработала их, вынося детей из горящего дома. Информация поступила на прошлой неделе в отчете Архонта Краттона о миссии на территории Милара. Шпиль говорила о пожаре, когда ее спрашивали, но не упоминал о возвращении за детьми.

— Благословение Предка, настоятельница.

— И тебе, сестра.

— Послушница Зоул пропала! — Шпиль выпалила эти слова, как будто это была ее ошибка.

— Понимаю. — Стекло сложила руки, поставив локти на стол. — Мы знаем, куда она могла пойти?

Шпиль покачала головой:

— Она забрала все принадлежности для похода. Никто не видел, как она уходила. Сегодня утром один из наблюдателей спросил меня, где она.

— Ну, если уж инквизиции не удалось проследить за ней, сомневаюсь, что ты смогла бы что-то сделать, сестра.

Шпиль поджала губы:

— Вы, кажется, не очень удивлены, настоятельница.

— Я удивлена, что она оставалась так долго.

— Вы... ожидали это? Значит, вы считаете, что она в безопасности?

— В безопасности? Я очень в этом сомневаюсь. Но она сама — опасная молодая женщина. Я уверена, что она хорошо проявит себя, когда на ее пути встанут неприятности.

— Ну, а я удивлена. У Зоул были такие замечательные успехи по всем предметам. Даже у Сестры Колесо! И она, кажется, была очень рада получить ваше разрешение на лед-поход. Ну, а я была рада за Зоул. Она даже улыбнулась, когда я сказала ей.

— Хотела бы я это увидеть! — Стекло взяла лежавшие перед ней бумаги и подняла

глаза. — Что-нибудь еще, сестра?

Шпиль удивленно поглядела на нее.

— Ну. Разве мы не собираемся что-нибудь предпринять? Мы могли бы послать кого-нибудь за ней. Бетна — я имею в виду Сестра Игла — только что приняла Серое. Она могла бы... — Шпиль скрестила руки на груди. — Мне просто невыносимо думать, что она там совсем одна. Я знаю, говорят, что она Избранная, но она все еще просто девочка.

— Снаружи много одиноких девочек, Шпиль. Империя наводнена детьми, потерянными, брошенными, осиротевшими. Мы расскажем Брату Пелтеру. Я уверена, что он все равно скоро узнает. Без сомнения, он будет рад послать агентов инквизиции за Послушницей Зоул.

Шпиль кивнула, повернулась, чтобы уйти, остановилась и открыла рот, словно собираясь что-то сказать, потом закрыла его и ушла.

•••

НОЧЬ НАСТУПИЛА ПРЕЖДЕ, чем они пришли. Сестра Сало опередила их, ворвавшись в кабинет настоятельницы без стука:

— Пелтер у двери, с ним стражи!

— Ты должна позволить ему заниматься своим делом, Сало.

Глаза Сало потемнели.

— Они могут взять вас только если вы им позволите. — Она выглядела старой, слишком худой, ее ряса свободно болталась вокруг нее, железо в черных волосах, но Стекло знала, на что она была способна. — Просто скажите слово.

— Натравить какую-нибудь монахиню в этом монастыре на Церковь для защиты себя, означало бы подтвердить худшие подозрения, которые нашептывают на ухо императору. Если я использую Красных и Серых в качестве своей личной армии, это только побудит Крустикэла забрать их себе.

Стекло осталась на своем месте, наблюдая за дверью. Она знала, как работает инквизиция. Когда-то она сама работала в ней. Старый Девис, человек, который нанял ее в качестве наблюдателя, сам был наблюдателем десять лет. Потом пятнадцать инквизитором. После того, как Шелла Яммал пришла к нему работать, звезда Девиса быстро взошла. Он проехал на ее плечах к креслу заместителя, прежде чем она прыгнула к нему, чтобы стать верховным инквизитором с Девисом в качестве подчиненного. Если бы Эйбл не умер, она все еще была бы там, наблюдая за миром из самой высокой комнаты в Башне Исследующих. Но потеря ребенка отрывает что-то от любого родителя. Часто то, что вырвано из груди матери, оставляет ее сломанной, пустой шелухой, ожидающей, когда ее отправят к Предку. Всегда изменяет ее. Но иногда человек, который снимает свои траурные черные одежды, становится лучше, чем был.

В дверь трижды постучали. Остро, точно.

— Войдите. — Стекло на мгновение ощутила страх. Она видела ужасы инквизиции вблизи. Нет ничего более жестокого, чем праведник. В свое время она была праведна.

Брат Пелтер вошел, двое стражей инквизиции грохотали позади него, еще трое следовали за ними в блестящих доспехах — полированные стальные пластины покрывали их от шеи до ног.

— Брат Пелтер, чем я могу вам помочь сегодня? — Стекло вернула перо в держатель и

заткнула чернильницу пробкой.

— Настоятельница Стекло, я помещаю вас под церковный арест по обвинению в ереси. Вас отведут в Башню Исследующих для допроса.

— Ересь? — Стекло поджала губы. — Можно немного поподробнее?

— Я же сказал вам, что вы — обвиняемая. — Пелтер махнул стражам, и они окружили его.

— Я бы хотела услышать больше. — Сестра Сало встала у них на пути. На бедре у нее висел меч — жестокая полоска Ковчег-стали.

Охранники Пелтера остановились. Может, они и были жестокими и привыкли к насилию — женщина справа обладала прикосновением геранта и была выше шести футов ростом, с широкими плечами, — но все они слышали о Госпоже Меч в Сладком Милосердии.

— Есть вопросы, которые нужно задать и получить на них ответы, Сестра Сало. Задать и ответить в Башне Исследующих, месте, которое не допускает лжи. — Брат Пелтер отступил назад, чтобы открыть дверь. — Послушница, приговоренная к смертной казни, сбежала из монастыря через несколько минут после того, как это решение было принято за монастырским столом.

— Вряд ли это ересь! — Сало сплюнула.

— Ставить любой закон выше закона Предка — ересь. И послушницу поощряли писать в похвалу прошлым еретикам, чьим историям нет места ни в одной монастырской библиотеке. — Пелтер отмахнулся. — Что еще более важно, Настоятельница Стекло поставила свою власть выше родительской. Зоул Лансис предстояло отправиться на лед вопреки прямому указанию ее родителей, выраженному, я могу сказать, через судью высшего суда Истины. — Он перевел взгляд с Сало на Стекло. — А теперь ребенок пропал, и я подозреваю, что это устроили вы, чтобы сохранить свой еретический контроль над человеком, которого считаете политически важным в это время повышенной напряженности. Семейные узы образуют ветви древа Предка. Ни один священнослужитель не может взять на себя власть отменить решение родителя. Такая практика — мерзость перед Предком, преступление, достойное Скифроула.

— Отойди в сторону, Сало. — Настоятельница встала. — Ты должна позволить Брату Пелтеру выполнить свой долг и арестовать меня.

Стражи шагнули вперед, самый старший из них снял с пояса символическую серебряную цепь и сковал ею запястья настоятельницы.

— Настоятельница Стекло. — Пелтер шагнул вперед со свитком ордера. — Вы — пленница инквизиции. Пойдемте со мной.

— Сало, дай знать сестрам. — Стекло вышла из-за стола, карлик по сравнению с окружающими ее охранниками. — И, конечно же, Боевые Сестры и Сестры Благоразумия должны будут принять меры, если меня будут допрашивать в Башне Исследующих.

Сестра Сало нахмурилась:

— Но вы только что сказали...

— Не обращайтесь внимания, сестра, — перебил ее Пелтер. — Священнослужители в ранге настоятельницы, настоятеля или выше имеют право отказываться от допросов на аванпостах инквизиции и даже в большинстве других мест, но Башня Исследующих освящена и уполномочена подвергать допросу любого священнослужителя, даже самого первосвященника. Настоятельнице Стекло следует улучшить свои познания.

Настоятельница Стекло покачала головой:

— Верховный инквизитор, бывший или нынешний, не может быть подвергнут допросу в самой инквизиции. Это старое постановление, принятое после того, как ряд высших инквизиторов были отстранены от должности после допроса их заместителями. По-видимому, допросы использовали для самопродвижения. К счастью, к постановлению было добавлено «бывший», чтобы защитить бывших чиновников, таких как я, от использования инквизиции против них для погашения старых долгов. И, как настоятельница, я, конечно, подчиняюсь церковному праву, а не светскому, так что гражданские суды тоже не самое подходящее место.

Пелтер, сбитый с толку, начал бушевать:

— Где, скажите на милость, можно заставить такого человека, как вы, отвечать за ересь? Вы же не думаете, что я поверю, будто нет места, достойного принять столь выдающегося человека!

— Конечно, есть. — Настоятельница улыбнулась. — Отведите меня во дворец императора.

— Я заберу вас с этой скалы, это точно, — прорычал Пелтер. Он махнул стражникам идти вперед.

— Сало, дорогая, пусть сестры наблюдают с безопасного расстояния, — бросила Стекло через плечо, когда они вывели ее.

Инквизитор и его стражи провели настоятельницу вниз по лестнице и по ее собственному вестибюлю к входной двери. Стекло глубоко вздохнула, готовясь встретить лицом к лицу свет дня. Многие в монастыре видели, как их собственный первосвященник вел ее в железном ярме. Серебряные цепи инквизиции были не самым худшим унижением.

Она стояла, пока стражники набрасывали ей на плечи верхнюю одежду. Если Пелтер отвезет ее в императорский дворец, это не гарантирует безопасность, но в стенах дворца не было места, откуда не распространялись бы слухи. Вместо того, чтобы позволить Шерзал вручить ему и признание, и контроль над монастырем, а также, возможно, предлог для захвата любого монастыря, который ему понравится, Крустикэл должен будет позволить устроить весь этот театр под своей крышей — перед неодобрением первосвященника и архонтов, перед Сис и Академией. Насколько было известно Стеклу, Крустикэл даже не понимал, что происходит. Одно дело ворчать по поводу того, что Красные и Серые не отвечают на каждый твой каприз, и совсем другое — использовать инквизицию как политический нож, чтобы вырезать то, что ты хочешь. Последнее требовало желудка для крови. Большой крови.

В ЧЕРНОМ И клубящемся смятении, в котором проснулась Нона, ей не за что было ухватиться. Руки и ноги отказались повиноваться, глаза ничего не видели. Слова Кеота были далекими, приглушенными, недоступными пониманию. Мир вокруг нее двигался, скрипел, дергался и раскачивался. Что-то удерживало ее. Ящик? И она была в движении. Пленница и ее куда-то везут?

Нона обнаружила, что не в состоянии сформировать предложения или связные мысли. В голове все кружилось, ничего постоянного не было. Когда во всем этом изменчивом хаосе она наткнулась на выход, она им воспользовалась.

Нона покинула водоворот своих отравленных мыслей, чтобы сидеть молча и настороженно в тихом месте, в которое она упала. Глаза, которыми она смотрела, не были ее глазами и смотрели куда хотели, но они были достаточно острыми.

Я уже делала это раньше.

Никто не ответил, хотя она чувствовала вокруг себя чужие мысли, пульсирующие между воспоминаниями. Одни мысли по спирали устремлялись к действию, другие отбрасывались и начинали угасать.

Я внутри Чайник. Мы нить-связаны.

Нона смотрела, как мимо проносятся бессвязные образы. Сцены с Пути Безмятежности сумерки в лесу, дороги, запруженные путниками, повозки и фургоны, стоящие в очереди у моста. Восход солнца над рекой, наблюдаемый с носа лодки.

Пока она пыталась разобраться в этом, Нона потянулась к ближайшим воспоминаниям, позволяя им пробежать через себя. Казалось, что воспоминания вокруг нее были... о ней. Уроки чтения в скриптории; день, когда она приехала и Сестра Яблоко заставила ее умыться в бане — какой маленькой и тощей она была; вид ее самой, прыгающей с одной петли меч-пути на другую; десятки других...

Нона взяла еще одно воспоминание, на этот раз более свежее, все еще кипящее энергией. Оно ворвалось в нее, наполнив ее разум звуком и светом.

•••

— ЧАЙНИК? ЧАЙНИК, ТЫ вообще меня слушаешь?

Чайник села, прижимая к себе простыню, чтобы защититься от холода подземелья. Яблоко стояла над ней, держа в одной руке оловянную чашку, а в другой — покрытый соляной глазурью бутыль монастырского красного вина.

— Что?

— Хочешь еще вина?

Чайник взглянула на Яблоко, в ночной рубашке, с распущенными рыжими волосами, рассыпавшимися по плечам. Мгновение спустя все исчезло: Яблоко, кровать, пещера, и Чайник вновь переживала бой Ноны на кладбище у Белого Озера. Потрясение от нападения притянуло Чайник вдоль их нить-связи, и она испытала его вместе с Ноной.

Нона отбросила воспоминание Чайник о сражении перед третьим дротиком, который сбил ее с ног. Она боялась, что, если позволит себе это, воспоминание утащит ее обратно в темноту и смятение, из которых она так недавно вырвалась.

НОНА ОСТАВИЛА В покое воспоминания Чайник, чувствуя себя виноватой за вторжение, взволнованная и одновременно заинтригованная тем, на что может случайно наткнуться. Вместо этого она сосредоточилась на том, на что сейчас смотрела монахиня. Сосредоточиться внутри сознания Чайник было легко, как будто Нона каким-то образом оставила позади яды, которые держали ее в плену, где бы ни находилось ее тело.

Лодка. Чайник сидела в лодке, наблюдая за проплывающим мимо берегом, кустами, чахлыми деревьями, полями за ними, постепенно поднимающимися невысокими холмами и линией льда вдалеке — белой черточкой далеко под облаками, такой тонкой, что могла быть воображением.

— Нона? — Голос Чайник, но Нона тоже «услышала» эту мысль, направленную на нее, прячущуюся в темноте за глазами Чайник.

Нона попыталась ответить, но обнаружила, что она нема, возможно, не так свободна от ядов, как ей казалось: ей, пассивной пассажирке, позволено смотреть сквозь Чайник, но она неспособна предпринять какие-либо действия или говорить собственным голосом.

Чайник нахмурилась. Она знала, что что-то изменилось. Связь, которую Нона установила между ними, не была чем-то, что она понимала, но это было что-то такое, по чему она могла следовать. Чайник пыталась создать тень-узы, когда Нона взяла верх и связала их нить-связью. В нее был вплетен какой-то элемент тень-уз, а по таким связям Чайник могла следовать. У нее были тень-узы с Яблоком, с Бетной — которую она должна научиться называть Сестра Игла — и с Сестрой Мороз. Связь Чайник с Сафирой была разорвана много лет назад, и разрыв был куда более болезненным, чем нож, которым Сафира вонзила в нее. Но ни одни тень-узы никогда не разрываются по-настоящему. С тех пор как Яблоко втолкнула ее в темноту, Чайник начала слышать шепотки старой связи с бывшей любовницей, намеки на эмоции, порывы желаний.

— Нона? — снова спросила она. Ничего. Но она чувствовала присутствие девушки. — Будь сильной, Нона. Я иду за тобой.

Чайник взглянула вверх по течению. Все утро река сужалась, вдали уже белели первые намеки на пороги. Лодка, которую она наняла, далеко не уйдет. Часть ее сожалела, что не высадилась в Февертоне этим утром, но с ветром Коридора, наполняющим парус, ялик, даже направляясь вверх по течению, мог съезжать миль быстрее, чем любой другой вариант.

— Здесь! Остановитесь здесь.— Река Ганимед питала Водоворот, который, в свою очередь, впадал в Белое озеро. В городе Чайник не узнала ничего такого, чего бы она уже не видела, когда острый страх Ноны открыл связь между ними, направив переживания девушки в сознание Чайник. Это было откровение, гораздо более интимное соединение, чем тень-узы.

Чайник сжала губы и понадеялась, что подробности ее личной жизни не проскользнут в сознание Ноны без ее ведома. Она указала на галечный пляж у внешнего изгиба реки. Река Ганимед уже несколько миль отклонялась от нужного ей направления.

— Как хочешь, сестра. — Рыбак и его дочь принялись пришвартовывать свое судно.

— Благословение Предка на ваше путешествие. — Девушка принесла из деревянного ящика на корме кусок хлеба и сыр, завернутые в ткань.

— И на твою семью. — Чайник с улыбкой взяла еду и выпрыгнула на камни. —

Счастливого возвращения! — Накатилась волна, и она поспешила к тропинке, идущей параллельно реке.

Чайник поплотнее закуталась в пальто — не в монастырское поход-пальто, а в просто потрепанное одеяние путешественницы. Пока она шла, ее пальцы перебирали флаконы, прикрепленные ремешками к внутренней подкладке пальто, — яды с одной стороны, противоядия с другой. Она проверила свое оружие — от меча и метательных звезд до самого маленького ножа и отравленной заколки. Ее глаза не отрывались от того, что лежало впереди. Она держала разум свободным от беспокойства и размышлений. Она уже обдумала, кто мог похитить девушку, и не пришла к твердому выводу. Заикливаться на таких мыслях, кружить их снова и снова по дороге, как она делала это в монастыре, было равносильно приглашению смерти. Серая Сестра живет в настоящем. Думать о будущем — это то, что нужно делать в максимально безопасном месте, а не там, где это оттолкнет тебя от настоящего мгновения. Кто бы ни похитил Нону, он мог легко замести следы, оставить одного или двух друзей наблюдать с ветвей дерева, у дороги или стоя за прилавком кондитерской в каком-нибудь торговом городке. Быть может они просто ждут, когда надо будет кого-нибудь убить.

•••

ЧАЙНИК ШЛА С полудня до поздней ночи, подталкивая свое тело, чтобы поддерживать бешеный темп.

— Я найду тебя, Нона. Клянусь Предком. Я найду тебя и покончу с любым, кто попытается остановить меня. — Образы разрезанной плоти поднимались из десятков воспоминаний, но быстро возвращались на свои места, когда Чайник сосредоточивалась на дороге впереди. Мгновение расслабления, и она снова сосредоточилась на настоящем — настороженная, напряженная, готовая.

Ту ночь монахиня проспала на ферме неподалеку от Хонора. Обрезанные полпенни оказались достаточной компенсацией за то, что она разбудила жильцов, наняла комнату и кровать со свежим бельем, плюс еду с мясом и медом. Наполнив едой тело, Чайник отправилась в свою комнату и расставила ловушки. Наконец она положила подушку под простыни и свернулась калачиком под серым плащом, устроившись спать на полу в углу, который заслонит открывшаяся дверь.

Чуть позже, когда фокус луны превратил черноту ее ставен в узкие полосы пылающего малинового цвета, Чайник почувствовал толчок Яблока вдоль их тень-уз. Чайник послала собственный толчок обратно в Сладкое Милосердие, давая знать Госпоже Тень, что она в безопасности.

Нона продолжала смотреть, даже когда Чайник закрыла глаза. Она не хотела отступить в свою собственную темноту, к смятению и тошноте, слепоте и боли, и все же, когда вокруг нее начали подниматься сны Чайник, Нона ушла из разума монахини. Потому что, хотя мы можем разделять некоторые сны, о других мы не говорим даже самим себе, и никто не должен так глубоко заглядывать в другого человека без разрешения. Может быть, даже тогда.

Сон Чайник поднялся, красный, кровавый, обвился вокруг нее, и Нона упала, ослабив хватку, проваливаясь в хаос собственного разума.

НОНА ПЕРЕКАТИЛАСЬ ПО грубым доскам и ударилась о деревянную стену. В качалось, все поднималось и опускалось.

Ящик. Я в ящике.

Темнота воняла ее собственными испражнениями, во рту стоял кисловатый привкус рвоты. Острый как бритва свет просачивался между досками, режа ей глаза. Тело само по себе покатило в другую сторону, и только другая стенка остановила его. Кто-то связал ей руки за спиной.

Я в море.

Тебя везут. В голосе Кеота прозвучало глубокое раздражение.

— Что? — Нона попыталась сесть и ударилась лбом о доску в нескольких дюймах над своим лицом.

Тебя везут в маленьком ящике. Ты в нем уже два дня.

Нона зажмурилась и попыталась увидеть Путь. Ничего. Она согнула руки и ахнула от нахлынувшей на них страшной боли. Она не чувствовала рук, хотя все остальное, начиная с плеч и ниже, кричало в знак протеста. Ее запястья, казалось, были скованы вместе. Она попыталась заставить появиться дефект-клики, но произошло ли что-нибудь, она не могла сказать.

Свет потускнел, и Нона слышала шаги по камню — несколько людей несли ее ящик. Звук отдавался эхом. Нона почувствовала, что снова ускользает в темноту. Она стиснула зубы, яд наркотика поднимался сквозь нее, как тошнота:

— Я убью их. Все до последнего.

Это первая разумная фраза, которую ты сказала. Голос Кеота последовал за ней в глухую темноту. *Возможно, за всю жизнь.*

•••

НОНА ПРИОТКРЫЛА ГЛАЗА непонятно сколько времени спустя. Они уложили ее на живот, по крайней мере двое из них, в тускло освещенной комнате. Один застегивал на ее шею что-то вроде ошейника, другой надевал браслеты на лодыжки. Нона повернула голову так быстро, как только могла, и рванулась, пытаясь укубить ближайшее запястье, но ее зубы не сомкнулись ни на чем, рука отдернулась слишком быстро. Другая рука с ужасающей силой прижала ее голову к твердому полу, и первый человек вернулся к закреплению ошейника.

— Дело сделано. — Мягкий голос, лениво.

Еще кто-то стоял на коленях у Ноны за спиной, борясь с чем-то. Внезапный щелчок и звон цепи. Руки Ноны скользнули по бокам, безжизненные, но больше не скованные в запястьях.

Все трое отступили на несколько шагов. Нона попыталась подняться, но ее руки безвольно висели, боль от возвращения кровообращения только начиналась, по венам побежали булавки и иголки.

Первое ведро воды застало ее врасплох, ледяное и внезапное. Она втянула воздух в свои почти парализованные легкие и начала ругаться, когда на нее вылили второе ведро, и почти

сразу — третья. Где-то в середине всего этого ей пришло в голову, что она голая.

— Перекатись. — Тот же мягкий голос, лишенный насмешки или сострадания.

Нона осталась лежать там, где была, дрожа вокруг своей боли. Она не думала, что сможет перекатиться, даже если захочет.

Одна из темных фигур приблизилась и низко наклонилась. Нона усилием воли заставила свои клинки хлестнуть человека по ноге, но ее рука только свесилась с боку. Ее похититель перешагнул через нее и, схватив Нону за противоположное плечо, перевернул на спину.

Фигура снова отступила, последовало еще несколько ведер ледяной воды. Когда последнее обдало ее и она перестала бормотать, Нона услышала, как вода журчит в ближайшем сливе.

— Встань.

Нона попыталась. Она встала на колени, но, почти не имея помощи от рук, терзаемая волнами тошноты и смятения, она в конце концов упала на бок и осталась лежать, неудержимо дрожа. Двое из похитителей подняли ее на ноги. Оба были одеты в серые одеяния с длинными рукавами, их волосы были подстрижены на ширину пальца. Ноне было трудно угадать их возраст или пол. Возможно, тот, что слева, был женщиной, возможно, тот, что справа, — мужчиной, оба не молодые, но и не старые.

Третий подошел с белой льняной сорочкой, который они и надели на Нону. При этом она заметила, что на запястьях и лодыжках у нее были металлические браслеты, вероятно, такие же, как и на шее.

Нона потрясла руками, пытаясь вдохнуть в них побольше жизни. Она не могла видеть большую часть комнаты. Единственный свет просачивался через зарешеченное окошко в двери. Судя по намекам, которые давал полумрак, комната казалась довольно маленькой и пустой, возможно, умывальная.

Для людей, которые пошли на многое, чтобы похитить ее и держать недееспособной, похитители Ноны, казалось, не были особенно осторожны. Она была озадачена. Они должны были знать о ее Путь-хождении, и, вероятно, знали и о ее клинках. Если они взяли на себя труд найти ее, они должны были взять на себя труд сначала узнать о ней.

— Идем. — Самый высокий из троих подошел к двери, постучал и вышел наружу, когда та открылась.

Нона последовала за ними, сопровождаемая и иногда поддерживаемая двумя другими. Четвертый человек, так же подстриженный и одетый, ждал в коридоре и присоединился к эскорту. Нона предположила, они знают, что наркотики все еще действуют на нее, и поэтому чувствуют себя в достаточной безопасности от любого проявления насилия с ее стороны.

Одинокие свечи горели через неравные промежутки в нишах вдоль коридора, достаточно яркие, чтобы в самых темных местах можно было разглядеть намек на окружающую обстановку. Двери, мимо которых они проходили, были похожи на двери камер, тяжелые, каждая с маленьким зарешеченным окошком и большим железным замком. Нона молча поблагодарила Гессу за то, что та показала ей, как с ними обращаться. Госпожа Тень учила их преодолевать различные механизмы с помощью дюжины странных отмычек или флакона с кислотой, но Нона никогда не преуспевала в этом — возможно, ей не хватало мотивации тех, кто не может открыть замок, потянув за нить.

В коридоре висела вонь канализации. Нона знала, что — до того, как ее облили водой,

— от нее пахло еще хуже. Вонь напомнила ей о тюрьме Хэритон и решетках в ее камере — она не вспоминала о них целую вечность. Запахи сделают это за тебя, протянут руку и потянут тебя назад через годы. Она вспомнила, как ее и Сайду — двух маленьких девочек — вели в камеру, и только она одна вышла наружу без сломанной шеи.

— Здесь. — Женщина впереди — теперь Нона была уверена, что это женщина — остановилась у двери, ничем не отличавшейся от предыдущих полудюжины. Из-под одежды женщины появился ключ, и, как только дверь открылась, она вошла внутрь. В черноте, сгустившейся у задней стены, женщина каким-то образом нашла цепочку и пристегнула застёжку на ее конце к стальному браслету на лодыжке Ноны. Нона подумала было ударить ее ногой по голове и убежать, но она чувствовала себя слабой и больной. Лучше сбежать попозже, когда она будет одна.

Четверо похитителей ушли, не сказав больше ни слова, и заперли за собой дверь. Нона предположила, что, по крайней мере, один из них должен иметь прикосновение марджал и владеть искусством плетения теней, чтобы так уверенно действовать в таком мраке.

У тебя неприятности. Кеот прошелся по ее ключицам, жгучий, как старый ожог.

— Сначала мне нужно снять эту цепь. — Нона попыталась заставить свои дефект-клинки появиться на свет, но ничего не вышло. — Клянусь кровью! Я попробую позже. Если только ты не сделаешь что-нибудь, чтобы очистить мою кровь от этой гадости.

Это ничего не изменит. На ошейнике и браслетах выгравированы сигилы. Я не могу двигаться под ними. Они должны были разрушить твои способности... что они и сделали.

— Черт побери. — Нона почувствовала на запястьях металлические наручники. Ее пальцы снова начали чувствовать.

Браслеты на руках и ногах представляли из себя тяжелые куски металла, соединенные шарнирами, запертые, гладкие, за исключением тех мест, где были выгравированы сигилы — глубокие извилистые линии. Сестра Сквородка говорила ей, что запечатление силы при помощи сигила — акт, требующий гораздо большего, чем просто нанесение правильного символа. Марджал полн-кровка должен был бы обучаться этому в течение половины жизни, и даже после такой подготовки установка одного сигила могла занять от нескольких часов до нескольких дней, или даже месяцев для самых мощных сигиллов. Мечи и доспехи с сигилами лежали за пределами карманов даже многих из Сис. Такие вещи передавались от лорда к наследнику как сокровища дома.

— Если я выйду отсюда в этом, то стану богаче, чем Джоэли Намсис.

Нона прислонилась к стене, чувствуя, что ей холодно и неудобно. Ее тело, казалось, целиком состояло из болей, соединенных болями. Ее вырвало, затем она собрала всю свою волю и попыталась найти Путь. Ее глаза не видели ничего, кроме темноты. Она попыталась расфокусировать свое зрение, заглянуть за пределы мира в сеть нитей, лежащих подо всем, включая тьму. Опять ничего.

— Мне придется сделать это трудным способом.

Бравада была для любых ушей, которые могли подслушивать. И это тоже была ложь.

•••

— ОДИНОКАЯ ТРОПА, СЕСТРА. Ты заблудилась? — Мужчина шагнул на тропинку и за линии деревьев, и мгновенно сердце Чайник забилося вдвое быстрее.

В темной камере в милях от поросших лесом предгорий хребта Артинас голова Ноны

откинулась назад, и то, что видела Чайник, сменило ее слепоту.

— Я не заблудилась и я не твоя сестра. — Чайник не обратила внимания на лесного жителя, хотя ее глаза продолжали смотреть в его сторону. Она втянула в себя ореол периферического зрения, окружающий то, что мы видим, ища любой намек на движение. Она прислушивалась к каждому шепоту деревьев, к каждому скрипу или шороху, жаждала услышать предательский треск сучка.

— Отвлечение — вот что позволяет вам увидеть их. Тот, кто убьет вас, спрячется и ждет своего часа. — Именно так Яблоко всегда открывала первый урок по засаде. Обычно находилась послушница, которой не требовалось много времени, чтобы спросить, почему они оба не спрятались и не напали вместе. — Потому что в разговоре ты можешь раскрыть информацию, которая их интересует. Но главным образом потому, что ты будешь более уязвима, когда твое внимание будет сосредоточено на том, что перед тобой, — говорила Яблоко, поднимая руку и загадочно шевеля пальцами. В этот момент ее помощница в течение последних нескольких лет, Бетна, вставала позади любопытной послушницы и приставляла тупой нож к ее горлу. — Как мы только что продемонстрировали, — заключала Яблоко.

— Итак, куда ты направляешься? — Тропа за человеком лежала в густой вечерней тени. Чайник на мгновение отвлеклась на него. У него была бледная кожа, короткие каштановые волосы, светлые глаза. Его одежда была достаточно убедительной, но она ему не подходила. Боевой топор у бедра поблескивал так, словно им можно было бриться.

Иногда нужно дождаться, когда враг проявит себя, иногда нужно взять инициативу в свои руки. Знание того, что делать и когда, определяет разницу между теми, кто живет, и теми, кто умирает.

— Я могу помочь тебе с направлением? — Мужчина казался достаточно расслабленным, но его вопросы были слишком резкими.

— Меня пригласили потанцевать обнаженной для бой-королевы, — сказала Чайник. — Бессмысленное утверждение может создать мгновение замешательства, в котором действует Серая Сестра. Согнув запястье, она уронила в сложенные чашечкой пальцы отравленную метательную звезду, края которой были слегка притуплены, чтобы не отравиться самой. Чайник уже была в развороте, когда запустила звезду. Она нырнула за ближайšie деревья, закрывая ими как можно больше направлений, вглядываясь в путаницу подлеска, линии стволов и переплетшиеся на фоне пурпурно-серого неба ветви.

Чайник слышала, как звезда попала в цель: она целилась ему в плечо. Всегда есть вероятность, что он простой лесовик; но если нет, она захочет задать кому-нибудь вопросы. В любом случае она не хотела его смерти.

Два болта зашипели над ней, когда она нырнула. Тяжелые болты, а не вязальные спицы, которыми ударили Нону. Убийственные. Но выстрелы плохие. Хунска могли двигаться очень быстро, но они не могли падать быстрее, чем кто-либо другой: выстрелы должны были быть направлены в цель, и тогда Чайник потребовалась бы вся ее скорость, чтобы отразить их обоих.

Пробираясь сквозь подлесок, Чайник заметила проблески движения между деревьями, но не в том направлении, откуда прилетели стрелы. По меньшей мере пятеро нападавших!

Под кронами деревьев свет был настолько слабым, что заставил бы ошибиться почти

всех, но те, кого толкнули в темноту, могли видеть в любом мраке. Она обогнула ствол самого толстого дерева на коленях и локтях, держа в каждой руке по метательной звезде.

Они приближались быстро, бесшумно, с ножами в обеих руках, лавируя между соснами с хунска-скоростью. Чайник оказалась быстрее. Она подождала, когда врагах подойдут достаточно близко, вскочила с колен на ноги и закрутила обе звезды в двух ближайших. От брошенных с расстояния в три ярда метательных звезд — да еще со скоростью полн-кровки хунска — уклониться было невозможно. Левая звезда ударила одну женщину куда-то в шею, правая — другую в правый глаз. Чайник всегда более точно метала правой рукой.

Чайник упала навзничь, вырвав два ножа из скрытых ножен на предплечьях — не лучшая пара для близкой работы, но до них было легче всего дотянуться. Она позволила себе упасть, так как это было последнее, чего ожидали ее противники. К ней могли приближаться невидимые враги, и единственная защита — не оказаться в том месте, где они ожидали ее увидеть.

Первый из оставшихся нападавших бежал ровным бегом, обнажив кинжалы, демонстрируя некоторое мастерство и замечательное ночное зрение, не спотыкаясь о корни или колючки. Чайник заметила смущение в глазах мужчины, когда она начала падать назад. Ее вытянутая нога ударила его по колену. Он повалился вперед, вытянув к ней клинки, боль от раздробленного сустава еще не достигла мозга.

Ударившись спиной о лесную подстилку, Чайник вытянула ножи, нацелив их остриями на падающего человека. Она протиснулась между его руками, раздвигая их шире локтями, так что его кинжалы глубоко вонзились в землю, не задев ее плеч на дюйм с каждой стороны. Ее собственные клинки ударили его в шею и заскрежетали друг о друга, когда встретились в его позвоночнике.

Оба ножа вырвались наружу с фонтаном крови, и Чайник откатилась в сторону. Она освободила ему место еще до того, как ее жертва успела пролететь половину оставшегося расстояния до земли. Перевернувшись на живот, лицом к ним, она посмотрела на двух последних нападавших. Они быстро приближались, оба бросили свои арбалеты ради мечей. Если бы они не были хунска, Чайник могла бы вскочить на ноги и сбить их с ног метательными звездами, но их скорость обещала, что они зарежут ее, когда она будет еще коленях. Однако хунска очень редко становятся тень-ткачами, и в лесном сумраке не видят ничего, кроме путаницы теней. Чайник сделала ставку на их слепоту и перекатилась, чтобы укрыться за ближайшим деревом.

Оба нападавших безошибочно повернули к ней, на земле преимущество бóльшей скорости Чайник значительно уменьшилось. Один из нападавших замахнулся, чтобы расколоть ей голову, но ветви преградили путь мечу. Другой, очевидно понимавший, как использовать длинный меч в лесу, сделал выпад, чтобы пронзить ее. Чайник снова перевернулась на спину, подняв ножи, чтобы отразить удар. Она едва справилась с этим, и клинок рассек ее пальто, прежде чем вонзиться в землю.

В отчаянном положении Чайник сосредоточилась на единственном противнике, до которого могла дотянуться. Воспользовавшись тем, что меч на мгновение оказался в ловушке, она полоснула одним ножом по запястью держащей меч руки. Другой она вонзила в пах мужчины.

Но последний нападавший, на лице которого играла уродливая ухмылка, нанес удар, когда его товарищ только начал сгибаться пополам. Кончик клинка уже находился менее чем в двух футах от груди Чайник. Лежа на спине, вытянув руки, она знала, что у нее нет ни

единого шанса избежать или отклонить этот удар. Но она не дала места страху или сожалению, только собралась с силами, чтобы попытаться не испугаться.

Нона, смотревшая на мир из глубины души Чайник, понимала, что у монахини нет никакой надежды. Мужчина двигался со скоростью по меньшей мере пол-кровки. Нона, не в силах ни помочь, ни уйти, ни даже закричать, напряглась для удара. Она разделит эту боль. Это будет последнее, что она сможет сделать для Чайник.

Нона знала, что даже для тех, у кого нет крови хунска, на самом остром краю время замедляется, мир едва ползет. Это может не дать тебе возможность действовать, но неизбежное происходит медленно. Нона посмотрела на острие меча. Оно заполнило все поле зрения Чайник, находя проблески во мраке. Она посмотрела в лицо убийце и встретилась с ним взглядом, зная, что эти глаза увидят смерть одного из немногих людей, которыми она дорожила, и ее последней надежды.

Когда лицо мужчины начало искажаться, выпячиваясь наружу, Нона не могла понять, в чем дело. Когда кровь залила его кожу и начала хлестать из глаз, носа и рта, Нона и Чайник уставились на него в полном недоумении. Внезапно, как будто их ужас отпустил свою власть над потоком времени, лицо взорвалось, и из потока крови вынырнул красный кулак.

Через несколько мгновений Чайник уже стояла на ногах перед фигурой, настолько закутанная в тени, что даже ее темное зрение с трудом различало какие-либо детали. Некоторое время они стояли молча, глядя друг на друга. Чайник услышала стоны раненого в пах мужчины у ее ног и почувствовала, как его рука потянулась к ее куртке. Она наступила ему на шею, сломав ее с такой отстраненностью, что Нона вздрогнула. Взгляд монахини ни на мгновение не отрывался от фигуры перед ней:

— Кто ты?

Темнота начала рассеиваться. Новоприбывший, ростом с Чайник, оказался одетым в поход-пальто.

— Сестра? — Чайник склонила голову набок, вглядываясь в полуночную тьму, все еще клубящуюся под капюшоном.

Фигура не ответила, только отступила назад, стряхивая кровь с пальцев; последние тени покинули ее.

— Зоул? — Чайник поняла это раньше Ноны.

Зоул откинула капюшон. Она с отвращением посмотрела на свою руку и вытерла ее о ближайшее дерево:

— Не думаю, что поблизости есть другие.

— Зоул? Что ты здесь *делаешь*?

— Иду за тобой. — Она моргнула, словно ответ был очевиден.

— Но почему? — Чайник оглядела деревья, которые теснились со всех сторон, словно ожидая появления новых послушниц.

— Потому что ты идешь за Ноной.

— Как ты смогла... — Чайник отказалась от вопроса в пользу другого: — Почему ты хочешь найти Нону?

— Мы планировали вместе побывать на льду. — Зоул слегка пожала плечами и отвернулась, словно смутившись. — Она — мой Щит. Я не должна потерять ее.

— Не думала, что ты веришь во всю эту ерунду с Избранной. — Чайник подошла к первым двум нападавшим и наклонилась, чтобы ножом выковырять из трупов свои метательные звезды.

— Не верю.

— Тогда почему? — Вторая звезда оторвалась с влажным звуком.

— Она — моя подруга, — проговорила Зоул где-то позади Чайник голосом, слишком тихим, чтобы его можно было расслышать.

НОНА ЦЕПЛЯЛАСЬ ЗА мысли Чайник, не позволяя им ускользнуть. Воли напряжения, притянувшая ее по нить-связи, теперь рассеялась, но ее ждала темная камера, тошнота, скука и страх. Она хотела быть с Чайник, во внешнем мире, охотиться на тех, кто схватил ее. Кроме того, там была Зоул.

Между тем, Яблоко и Зоул оттащили предполагаемого лесовика с тропинки в лес и потащили туда, где лежали тела.

Слияние разумов Чайник и Ноны ослабело. Нона больше не могла слышать мысли Чайник и касаться ее воспоминаний, но могла смотреть ее глазами, чувствовать ее руками и слушать ее ушами. Этого было достаточно.

Наступила ночь, Чайник не развела огня, но и она, и Зоул плели тени достаточно хорошо и могли видеть в любой естественной темноте. Чайник привязала мужчину к дереву веревкой из своего рюкзака. Она усадила его спиной к стволу, связав руки позади. Его голова упала на грудь. Метательная звезда была покрыта смолой на основе бескостного, который делал жертвы безвольными и неспособными двигаться. Она сняла звезду с его бицепса и перевязала рану.

— Ты пробила тому человеку голову. — Картины жестокого убийства затопили зрение Чайник. В дальней камере поморщилась Нона.

— Я шла по Пути, — сказала Зоул, стоявшая за спиной Чайник, пока та занималась пленником.

— Ты могла бы просто заколоть его. Или ударил его слегка... мягче. — Чайник встала и обернулась.

— Я не знала, со сколькими мне придется иметь дело. И у меня нет ножа.

Чайник протянула Зоул один из кинжалов, висевших у нее на поясе, — здоровенный кусок железа длиной в девять дюймов, заточенный до смертоносности.

— Теперь есть, — улыбнулась она. — И спасибо тебе. Я думала, он меня достал.

Зоул ничего не сказала, только нахмурилась и согнула пальцы.

— Ты еще никого не убивала. — Это был не вопрос.

— Не убивала.

— Хорошо, что ты чувствуешь это. К этому нельзя относиться легкомысленно. — Чайник положила руку на плечо Зоул. Девушка вздрогнула, но не сделала ни малейшего движения, чтобы оттолкнуть руку Чайник.

В далекой камере нахмурилась Нона. Она попыталась вспомнить свое первое убийство. Один из солдат Шерзал, той ночью, в Лесу Реллам. Ей было лет восемь, наверное. Она принесла кровь тех солдат в клетку Гилджона, но любой след вины смылся задолго до этого.

— Хорошо. — Чайник сжала плечо Зоул и убрала руку. — Мы должны выяснить, кто наш друг и что ему известно.

Чайник присела на корточки и внимательно осмотрела мужчину. Он, как и остальные, был одет в серые куртки и темные брюки. Нона почти не сомневалась, что это тот же орден, что держит ее в плену. У них были такие же короткие волосы, такая же спокойная преданность.

— Мне не обязательно спрашивать, кто он такой, — сказала Чайник. — Он один из бессветных. Пронизан тенью, как и я. Я чувствую это теперь, когда у меня есть время, чтобы

сосредоточиться. Ты сама можешь увидеть это в нем.

Теперь, когда Чайник это сказала, Нона поняла, что тоже видит это, и удивилась, как не замечала этого раньше. Вокруг этого человека двигалась темнота, неуловимая, как туман двигался бы вокруг любого другого.

— Бессветных? — спросила Зоул.

— Бессветные — слуги ной-гуин, — ответила Чайник. — Большинство из них — кандидаты, которые выдержали обучение до какой-то точки, но не смогли проявить себя. Их значительно больше, чем ной-гуин. Однако их не так-то часто можно найти: это указывает на то, что Нона была захвачена ной-гуин. И на то, что либо один ной-гуин взял с собой бессветных и оставил их охранять его след — что кажется маловероятным, — либо что они обычно охраняют эту тропу. А это означает, что мы находимся рядом с Тетрагодом.

У Зоул больше вопросов не было.

У Ноны их было много, но ни одна из ее попыток привлечь внимание Чайник не увенчалась успехом. Никто не знал, где находится Тетрагод, хотя ходили слухи, что он в любом случае перемещается каждые два-четыре года. Но где бы он ни находился, это место будет неприступным. За столетия ной-гуин пережили множество врагов, среди которых было немало императоров. Скрытность могла быть их основной защитой, но далеко не единственной.

— Я дам ему противоядие, и мы посмотрим, что он нам скажет. — Чайник сунула руку в карман.

— В этом есть какой-то смысл? — Зоул пнула ногой землю. — Он поклялся молчать. Не знаю, каким пыткам учат Сестру Благоразумия, но хватит ли этого, чтобы сломать его, и быстро?

— Я знаю, как причинить кому-то боль. — Голос Чайник был мрачен. Она достала свой костяной нож и с его помощью вырезала прямоугольник из нижней части штанины мужчины, достаточный, чтобы прикрыть две растопыренные руки. Затем она показала таблетку, зажатую между большим и указательным пальцами. — Сначала противоядие. — Подняв голову мужчины, она положила таблетку ему в открытый рот, закрыла его и приподняла подбородок. Она повернула голову мужчины так, чтобы заглянуть ему в глаза. — Скоро ты снова обретешь контроль над своими мышцами и сможешь говорить, — она взяла прямоугольник ткани и стала ждать.

Первым контроль пришел к глазам мужчины. Судорога, еще одна судорога, а затем глаза безумно заметались туда-сюда.

— Твои друзья мертвы, — сказала Чайник.

Затем восстановился рот. Он сплюнул темное месиво в Чайник, но та ловко поймала его в лоскут, который отрезала от его штанины. Она отодвинулась. Мужчина продолжал плевать и давиться, как будто у него во рту было нечто совершенно отвратительное на вкус. На задворках сознания Чайник Нона недоумевала. Противоядие от бескостного не имело никакого вкуса... возможно, немного соленое.

— Как далеко отсюда до Тетрагода? — спросила Чайник.

— Десять миль. — Мужчина невнятно произносил слова, его мышцы все еще были слабыми от бескостного. Он моргнул, на его лице отразились ужас и изумление.

— Мы ищем девушку, которая была схвачена. Расскажи мне о тех, кто проходил здесь в последние дни, о тех, кто мог бы взять ее с собой.

Лицо мужчины исказилось от напряжения, но рот предал его:

— Телласах проходила здесь два дня назад, она вела мула, и от ящика на нем пахло так, словно там находился пленник или труп.

— Кто такая Телласах? — спросила Чайник.

— Она — ной-гуин, вторая по рангу в ордене. — Мужчина попытался поднять руки, чтобы прикрыть рот, но веревки удержали его.

— Опиши входы в Тетрагод и их защиту, — сказала Чайник.

— Главный вход — пещера у подножия утесов в Грэмпейнских горах, в полумиле к западу от ре... — Мужчина с криком прикусил язык, и кровь брызнула у него изо рта. Он забулькал, как будто все еще отвечал на вопрос, но Нона не могла разобрать слов.

Чайник посмотрела вниз. Между забрызганными кровью ногами лежал сгусток плоти. Большой кусок языка. Нона почувствовала, как Чайник стиснула зубы. Мгновение спустя ее нож уже торчал из левого глаза мужчины, его боль окончилась.

— Ты дала ему пилюлю правды Госпожи Тень вместе с противоядием? — спросила Зоул, ее голос был таким же ровным и свободным от эмоций, как всегда.

— Да.

— А сколько у тебя осталось?

— Ни одной. — Чайник вытащила нож и вытерла лезвие о рукав мужчины. — И дело не только в редких ингредиентах — для их связывания нужно использовать мощное заклинание. Яблоко обменялась услугами с академиком по имени Ханаста, но не бывает дешевой помощи от Академии...

— Нет смысла пытаться захватить еще одного. — Зоул встала на колени и начала обыскивать карманы мужчины. — Должно быть, у них тут неподалеку лагерь. Каков твой план?

— У меня его нет. — Чайник направилась было обратно к тропе, но остановилась. — Как же ты сумела последовать за мной так, чтобы я не заметила?

— Осторожно. — Зоул подняла голову и сунула в карман несколько монет. — Не чувствуй себя слишком плохо из-за этого. В конце концов, я — *Избранная*.

Хотя на ее лице не было и намека на улыбку, Нона подозревала, что она, возможно, была свидетелем первой шутки Зоул.

— Мы должны взять их одежду. — Чайник направилась к трупам. — Если мы сможем найти что-нибудь, что не было бы явно окровавленным. И постричь волосы, как они. Ты и так уже почти такая. — Она посмотрела на черную щетинистую чашу Зоул.

— Ты должна, — ответила Зоул. — Ты уже в тени, как и они. А я буду твоей пленницей.

— Они не купятся. — Чайник добралась до первого из мертвых бессветных. Лес густо пропах смертью, запах цеплялся за него, несмотря на все усилия ветра. — Стражи знают этих людей в лицо. Не могу поверить, что их здесь так много, что они кого-то не знают. А если их действительно так много, то будут пароли и все такое. Кроме того, нас наверняка заметят, когда мы будем искать вход. Сомневаюсь, что он виден с первого...

— Если мы сможем подобраться поближе, я заставлю их поверить, что мы принадлежим этому месту.

— Неужели? — Даже оторванная от мыслей Чайник, Нона почувствовала сомнения Серой Сестры. — Знаешь, это не похоже на класс Кастрюли. Эти бессветные...

— Иди домой. — Прищуренный взгляд Зоул заставил Чайник покачнуться.

Чайник помедлила, словно не зная, что ответить, потом, не говоря ни слова, повернулась и зашагала обратно к тропе. Выбравшись из-за деревьев, она повернула налево и

пошла обратно тем же путем, что и пришла. Над головой засветились красные звезды, а на востоке начал подниматься белый глаз Надежды. Прошло ярдов пятьдесят, прежде чем уверенный шаг монахини замедлился. Она оглянулась, увидела идущую следом Зоул и остановилась.

— Что...

— Я заставила тебя передумать, — сказала Зоул.

Чайник повернулась к ней.

— Это было нелегко, но большая часть тебя все равно хочет вернуться в монастырь, и я просто помогла ей.

— Нить-работа? — спросила Чайник.

— Да.

— Больше так не делай. — Чайник вздрогнула. — По крайней мере, на мне. Что заставляет тебя думать, что на каком-нибудь бессветном будет легче?

— Потому что это они — не ты, сестра, — сказала Зоул. — У тебя сильный ум, и он хорошо натренирован. Если ты действительно не хочешь что-то делать, я не могу заставить тебя это сделать. Но заставить стража поверить, что ты — бессветная, новенькая в ордене, или что их начальник знает тебя, должно быть легче.

— Должно быть?

— Некоторые люди держат свои нити крепче, чем другие. — Зоул пожала плечами. — А еще я могу сделать вот это. — Она протянула открытую ладонь к Чайник, и та взорвалась смехом.

Нона, находившаяся в глубине сознания Чайник, отгороженная от своих эмоций, тоже почувствовала отголоски этого чувства и в темноте своей камеры улыбнулась.

— Марджал эмпатии, — сказала Зоул, пока Чайник фыркала и хихикала. — Шерзал обучала меня в Академии, прежде чем я попала в Сладкое Милосердие.

— Я... — Чайник с трудом перевела дыхание, согнувшись пополам. — Тебе никогда не понадобится острить... — Еще больше смеха, и только потом, все еще ухмыляясь, она заставила себя разогнуться.

— Это подействовало на тебя, потому что ты мне доверяешь, — сказала Зоул без тени улыбки. — Но с менее осторожными умами я могу произвести еще больший эффект.

— Я никому не доверяю. — Чайник перестала улыбаться. — Только не здесь. Не на миссии.

— «Доверие — самый коварный из ядов», — процитировала Зоул Сестру Яблоко. — Но ты доверяешь мне, и ты не на миссии — никто тебе ее не поручал.

Чайник нахмурилась и сквозь верхушки деревьев посмотрела на запад. К этому времени лунный фокус уже пронесся над Марн, отчего над морем поднялся пар. Время ускользало.

— Значит, таков план? Подходим к воротам — бессветная с пленницей — и надеемся, что, поскольку я хожу в тени, тебе не потребуется слишком много усилий, чтобы заставить их в это поверить?

— Да.

— И что потом?

— Посмотрим.

— Они опасны, эти ной-гуин, — сказала Чайник. — Они такие же, как мы, как Серые Сестры, но хуже, потому что делают только одно — убивают. Если хоть один из них заметит нас, нам конец.

— О ной-гуин говорят даже на льду. — Зоул повернула голову, щелкнув костями на шее.
— Они приходят за людьми ночью и убивают их во сне. Мы идем в их дом, где они считают себя в безопасности. Если они найдут нас, мы увидим, из чего они сделаны. И покажем им, из чего сделаны мы.

Чайник усмехнулась:

— И из чего же?

Зоул не улыбнулась в ответ:

— Из Сладкого Милосердия.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА СТЕКЛО

КАРЕТА, В КОТОРОЙ Брат Пелтер ждал Настоятельницу Стекло, оказалась весьма роскошной. Она ожидала увидеть один из черных фургонов с зарешеченными окнами, обычно используемых для перевозки подозреваемых, но эта скорее выглядела как экипаж, на котором какой-нибудь младший лорд ездил во дворец. Однако, если на дверях когда-то и красовался герб, он был умело удален.

— Для меня? — Настоятельница Стекло поджала губы. — Я впечатлена.

Брат Пелтер забрался внутрь, и один из стражей инквизиции помог Стеклу сесть на противоположное сиденье, прежде чем присоединиться к ней, другой взобрался наверх. Остальные стражи остались у колонн, когда карета с грохотом покатила по Скале.

— Два стража — это все, что нужно, брат? — Настоятельница осмотрела серебряную цепочку, пол-дюжины раз обернутую вокруг ее запястий. — Я не знаю, обижаться ли мне на то, что вы считаете меня настолько не представляющей опасности, или радоваться, что вы так доверяете моему хорошему поведению.

Брат Пелтер ничего не ответил, только посмотрел на нее холодными глазами. Он послал вперед всадника, сжимавшего в руке свиток с посланием, вероятно, чтобы предупредить об их прибытии.

— Я полагаю, что могла бы оказать значительную помощь некоторым партиям, если бы сбежала. — Стекло откинулась на спинку сидения. — Ничто так не облегчает работу инквизиции, как когда кто-то заявляет о своей вине, убегая.

— Как послушница в пещерах, — ответил Брат Пелтер. — Нона Грей.

Стекло пожала плечами:

— Никто не спорил о ее вине, брат, только о наказании.

•••

ДАЖЕ ДОРОГАЯ ПОДВЕСКА кареты инквизитора оказалась не в состоянии обеспечить большой комфорт на голой скале, так что они подпрыгивали и подскакивали. Перекрывающие друг друга пластины доспехов стража инквизиции, сидевшего рядом со Стеклом, дребезжали до раздражения. Наконец начался спуск по Виноградной Лестнице, где слой земли смягчал дорогу, и стало немного полегче.

Стекло наклонилась и скованными руками поправила створки оконных ставней, чтобы посмотреть на виноградники. За ними простирались фермерские поля, сглаженные холмы поглощали детали, лоскутные поля сливались в размытое пятно. Небо над головой было бледным и усеянным полосами облаков, бегущих с запада на восток. Сладкое Милосердие, как говорили, было построено на Скале Веры, чтобы поднять сестер над повседневными заботами и позволить им сосредоточиться на поклонении Предка. Но сейчас остальной мир протянул руку и выдернул Стекло из гнезда. Она снова откинулась назад и вздохнула. Ей придется проверить, насколько хорошо она помнит мирские обычаи и сохранился ли в ней прежний огонь. Он ей наверняка понадобится.

Оказавшись на ровной земле, карета покатила по Дороге Истины, мимо живых

изгородей и фермерских домов, на которые Стекло так часто смотрела с высоты Сладкого Милосердия. Под колесами прогрохотала миля, за ней вторая, и Стекло отступила в упорядоченный хаос своего сознания. Она с ранних лет практиковала искусство запоминания, часто применяемое Святыми Сестрами. Монахини использовали его, когда занимались в скриптории или от них требовалось продекламировать длинные части генеалогического древа на церемониях, оплаченных той или иной семьей Сис. Некоторые куски полезной информации она запоминала, используя бессмысленные песни, часто непристойные, или бессвязные истории, связывающие один факт с другим неожиданными способами, которые закрепляли их в ее памяти. Однако для священников и инквизиторов она держала карту, висевшую на задворках ее сознания и вечно сиявшую. Каждый отчет, поступавший на ее стол, высвечивал крупным планом определенных игроков, их достоверное местонахождение в определенное время и в определенном месте, их текущее положение в иерархии и вероятные маршруты к вероятным местам назначения, поскольку время размывало факты и превращало их в предположения. Теперь настоятельница получала гораздо меньше новостей, чем когда-то, когда ей принадлежало самое высокое место в Башне Исследующих, но информация текла в Сладкое Милосердие со скоростью, которая удивила бы многих мастеров шпионажа. Она приходила на пернатых крыльях, в свитках святых книг, на Серых ногах и на Красных; она приходила через тень-узы и нить-связи; гонцы привозили зашифрованные пергаменты и прошептанные на ухо слухи. И, конечно, информация приходила через открытые уши в Истине, через терпеливые и внимательные уши, некоторые религиозные, некоторые наемные, и они все передавали слово на Скалу. Информация всегда прибывала незамеченной, часто вместе с возвращением повозок, которые везли бочки и бутылки красного вина Сладкого Милосердия великим и добрым людям по всей империи.

Карета с грохотом остановилась, оторвав Стекло от изучения воображаемых карт. Она нахмурилась, гадая, не перекрыта ли дорога впереди. Кучер четыре раза постучал по крыше, и охранник рядом с настоятельницей наклонился вперед, чтобы открыть дверь.

— Настоятельница Стекло, как я рад вас видеть. — Лорд Туран Таксис вскарабкался на сиденье, когда Брат Пелтер освободил место напротив, чтобы втиснуться рядом со Стекло.

Туран мало походил на своих сыновей, не будучи ни золотым и красивым, как Раймел, ни темноволосым и худым, как Лано. Дородный невысокий мужчина, своему старшему сыну едва по ребра. Румяное лицо, которое, казалось, никогда не было красивым, заканчивалось густой седой бородой. Усаживаясь на свое место, он улыбался. За Тураном поднялся второй мужчина, лет сорока, с густыми темно-русыми волосами, в роскошном синем плаще. Заняв свое место рядом с Тураном, он устремил на настоятельницу ледяной взгляд.

— Джоен Намсис. — Стекло вежливо кивнула, чего не требовали приличия. — Вы далеко от дома. — Помесья отца Джоэли находились недалеко от побережья, и он редко появлялся в светском обществе Истины, участвуя разве что в самых грандиозных интригах Таксиса.

— По дороге на очередную помолвку я получил известие, что моя дочь была тяжело ранена, находясь на вашем попечении, настоятельница. Первосвященник Невис предложил мне навестить Джоэли прежде, чем решить, стоит ли забирать ее из монастыря.

Стекло кивнула.

— Сломанное колено. Ужасная травма. И полученная не во время тренировки. — Она одарила его самой искренней улыбкой. Классная руководительница девочки, Сестра Шпиль,

сообщила, что несколько подруг Джоэли были ранены в тот же день, а Нона покрыта синяками. Правда была довольно ясна, и Нона, должно быть, была сильно в меньшинстве, чтобы Джоэли не сообщила об инциденте, изображая себя жертвой. — Представьте себе, все это время они упражнялись в ударах руками и ногами, мечом и ножом... а потом бедняжка Джоэли ушиблась, падая с лестницы dormitorio. — Карета снова тронулась с места, и Стекло заглянула через щель в створках. — Хотя, если вы хотите навестить свою дочь в монастыре, мы едем не в ту сторону.

— Мы проедем с вами совсем недалеко, настоятельница. — Теперь заговорил Туран Таксис, все еще полный явного добродушия. Стекло не позволила маске одурачить себя. Она знала лорда Таксиса как хитрого манипулятора. Благодаря богатству семьи, он обладал значительной властью при дворе, но также унаследовал и, возможно, улучшил многие навыки, на которые в первую очередь полагались его далекие предки, чтобы сделать это состояние. — Джоэн должен отправиться в монастырь и повидаться с дочерью. Я попросил его составить план управления этим местом от имени императора. В ожидании того, что Крустикэл отберет Сладкое Милосердие от Церкви, как он, несомненно, сделает, как только ваша вина будет установлена.

— Никогда не помешает быть готовым. — Стекло кивнула. Она не даст мужчине того удовлетворения, которое он так явно пытался выжать из ее несчастья. — А вы, лорд Таксис, не хотите ли *вы* посетить монастырь,?

— У меня есть другие дела. — Его улыбка стала шире. — Вы должны были позволить повесить этого ребенка, настоятельница. Это была бы быстрая и легкая смерть. Менее мучительная, чем она заслуживает после того, как оставила Раймела умирать.

— В этом мы с вами не согласны. — Стекло старалась говорить легким тоном.

— Надеюсь, ваши цепи более удобны, чем в прошлый раз, когда вы предстали перед судом, настоятельница. Я слышал, что вас заковали в железные колодки и сожгли вашу ладонь.

— Это я потребовала свечу и держала руку над огнем. — Глаза Стекла встретились с глазами Турана.

— И снова вы спасли девушку от легкой смерти. Мне говорили, что утонуть не так уж и плохо. Занимает не больше времени, чем плохое повешение, и меньше боли. Нож ассасина тоже оказался бы быстрее.

— Я не верю, что она заслуживает смерти, легкой или тяжелой.

— Заслуживает. Вместо этого вы научили ее убивать. — Вспышка гнева. — И она убила моего сына!

Стекло сдержала рот на замке, только ее взгляд метнулся к инквизитору и обнаружил, что тот смотрит сквозь оконные ставни, старательно игнорируя разговор.

— И, в конце концов, о восхитительная ирония, — Туран снова заставил себя улыбнуться, — она нарушила ваш собственный приказ и теперь лишена вашей защиты. — Он поднял руку, чтобы погладить подбородок. — Представьте себе, что ее схватят где-нибудь в Коридоре... Как вы думаете, дорогая настоятельница, какая смерть ждет ее тогда?

— Я думаю, что любой, кто попытается схватить эту девушку, возьмет свою жизнь в собственные руки. — Стекло уставилась на Турана тяжелым взглядом, подкрепленным уверенностью, которой она не чувствовала.

— Представьте себе, что ее *схватят*, — повторил Туран уже мягче. — Вы думаете, они пригласят меня посмотреть, как она умирает?

— Император запретил вам...

— Император никогда не узнает. — Он рванулся вперед, рыча, брызги слюны осыпали щеки Стекло. — Ты думаешь, что расскажешь ему? Ты думаешь, инквизитор везет тебя во дворец Крустикэла? — Лицо Турана покраснело и исказилось, гнев, который он сдерживал все это время, внезапно вырвался наружу. — Ты думаешь, что снова победишь со всеми своими забытыми законами и мелкими правилами? Думаешь, настоятельница? Ты?

— Меня нельзя судить в Башне...

— Тебя будут судить во дворце, жалкая ведьма! Тебя будут судить во дворце, признают виновной во дворце и сожгут во дворце! Только не во дворце Крустикэла. Пелтер везет тебя к Шерзал! Как тебе это понравится? А пока ты будешь получать по заслугам, я позабочусь о том, чтобы одна твоя знакомая послушница всем своим черным сердцем пожелала, чтобы ты позволила ее повесить или утопить, или, даже, чтобы Раймел получил свое удовольствие, потому что она умрет нелегко, настоятельница, действительно нелегко!

Стекло наклонила голову, чтобы скрыть эмоции, которые не могла стереть с лица. Она смотрела на свои руки и на серебряную цепочку, обернутую вокруг запястий, но мысленно видела падающие костяшки домино, бесконечные ряды домино — одна костяшка опрокидывает другую, линии расщепляются и опять расщепляются, все приходит в движение, сложность удваивается и учетверяется, грохот нарастает до рева, скорость увеличивается и все выходит из-под контроля.

Казалось, это было так давно, когда судья Ирвон произнес: «*Это плохое решение, настоятельница*», — и она ответила: «*Тем не менее*». И этими двумя словами опрокинула первую костяшку.

НОНА ВЫСКОЛЬЗНУЛА ИЗ сознания Чайник в собственные сны, а из них — болезненное состояние на полпути между сном и бодрствованием. Постепенно ее глаза сфокусировались на одной яркой точке, а тело стало ощущать себя. Она поняла, что холод под ее щекой был холодом каменной плиты, и подняла голову. Она медленно распрямилась, застонав про себя.

Единственная маленькая свеча стояла на земле прямо за дверью. Она уже сгорела до длины меньше большого пальца. Ее единственной целью, казалось, было осветить нож, лежащий перед ней на полу. Нона прищурилась, потом села, прислонившись спиной к стене. Один-единственный предмет ответил на большинство вопросов. Метательный нож скромных размеров, навершие в виде простого железного шара, рукоятка обтянута тонкой полоской кожи вплоть до навершия. Это оружие оставила ной-гуин. Та самая ной-гуин, которая не смогла лишить Нону жизни во вторую ночь ее пребывания в Сладком Милосердии; та самая ной-гуин, которая воткнула нож в Чайник в глуши во время охоты на Нону два года спустя — и была ранена, в свою очередь; та самая ной-гуин, которая пыталась вернуться в Сладкое Милосердие через пещеры; та самая ной-гуин, которую прогнал холотур.

Та ли это женщина, которая схватила меня на кладбище?

Да.

Та самая, которая подошла к Раймелу после того, как я перерезала ему шею? Та самая, которую послали убить меня?

Да.

Ты и не подумал упомянуть об этом?

Как это поможет?

Телласах, так назвал ее бессветный. На его языке был горький привкус правды Отравительницы, на том языке, который он откусил несколько мгновений спустя. Она вполне могла поджидать у Скалы, ожидая любого шепотка своей жертвы. Сколько времени она следила за Ноной, прежде чем сделать свой ход? Дни, возможно. В конце концов, Нона двигалась в правильном направлении, а что может быть лучше для того, чтобы доставить цель в свое логово, чем дать ее идти туда самой? Должно быть, именно тогда, когда Нона начала разговаривать с людьми в Белом Озере, Телласах решила нанести удар, опасаясь, что послушница найдет там спутников или проводников и окажется в относительной безопасности.

Кеот обвинил шею Ноны, пытаясь найти слабое место в ошейнике, которое позволило бы ему скользнуть под него. Она проигнорировала его усилия и обнаружила, что ее взгляд вернулся к ножу. Он был оставлен там как послание. Чтобы вселить в нее страх.

И это сработало.

•••

КАК ТЫ СОБИРАЕШЬСЯ отсюда выбираться?

Нона смотрела на свечу, и теперь, когда воск сгорел и та растворилась во тьме, Кеот ворвался в пустоту ее разума.

— Не знаю. — Тюремные камеры и цепи были почти одинаковы по всей длине Коридора Абета. Просто и эффективно. Нона никак не могла сообразить, как победить их. Сняв наручник с одного запястья или ошейник с шеи, она быстро расправилась бы с остальными, но эти вещи были сделаны так, чтобы их нельзя было снять без ключа.

Как ты думаешь, почему они до сих пор не убили тебя?

— Какова бы ни была причина, она не может быть хорошей. — Нона стукнула браслетом по стене. Несмотря на все ее усилия удержать руку на расстоянии от стены, она ударила ее о камни, ободрав костяшки пальцев. В темноте она едва могла разглядеть свою руку, не говоря уже о каких-либо деталях, но ищущие пальцы не нашли на браслете каких-либо повреждений. Она проверила цепь, сначала там, где она крепилась к стене, затем каждое звено, пока не добралась до манжеты на лодыжке. Она попыталась скрутить, потянуть, раскачать цепь о землю. И все безрезультатно. Она попыталась продеть цепь под наручники, но звенья оказались слишком толстыми, а железный браслет слишком тесно облегал запястье.

Животные в ловушках часто отгрызают себе ноги, чтобы спастись.

— Не думаю, что мне удастся далеко упрыгать на одной ноге. — Отравительница учила их, что все путы можно снять, но Нона подозревала, что она имела в виду те, что на запястьях, а не на лодыжках, но и наручники прилегали так плотно, что казалось маловероятным, будто они могут оторваться от ее рук, не сняв большую часть кожи и не сломав кости. Возможно, даже тогда.

Нона уставилась на чуть более темное пятно у двери — все, что она могла видеть от ножа теперь, когда свеча догорела. Хорошо бы его раздобыть, но даже если полностью вытянуть цепь и лечь плашмя, она все еще будет в ярдах от него.

— Теллсах оставила его там, а меня здесь, чтобы я попыталась добраться до него. Чтобы я знала, кто меня похитил, и чтобы во мне рос страх.

Нона стянула с себя сорочку, который на нее надели. Она сразу же почувствовала холод, как будто невидимые руки касались ее в темноте, отнимая тепло у тела. Она также почувствовала себя более уязвимой, что, напомнила она себе, было нелепо, учитывая, что она была прикована цепями в подземельях ной-гуин. Она едва ли могла быть более уязвимой, и льняная сорочка ее не спасет.

Нона без проверки знала, что одежда недостаточно длинная, чтобы дотянуться до ножа, но ее можно было умело разорвать. Раньше она бы разрезала эту штуку на части невидимым ногтем. Лишенная своих способностей, она прибегла к грубой силе. Сначала материал сопротивлялся ей, но быстро порвался, как только она нашла шов. За минуту или две она сделала эту штуку вдвое длиннее своего роста и проделала в ней дополнительные отверстия, надеясь, что одно из них окружит какую-нибудь часть оружия.

Каменные плиты были шершавыми, покрытыми грязью и холодными. Лежа голой, распластавшись, Нона принялась размахивать разорванной сорочкой. Опыт попыток схватиться за скрытые и, возможно, несуществующие концы в темноте подземелий приучил Нону к настойчивости.

Десяток попыток не принесли успеха. Дважды Ноне казалось, что она зацепилась за кинжал, но только для того, чтобы осторожно увеличить натяжение и обнаружить, что сорочка возвращается к ней без скрежета металла о камень.

Опять! потребовал Кеот.

Нона бросила ткань, отдернула, еще бросила и отдернула, и еще. Зацепилась! Нона

потянула. Вес ножа сопротивлялся ей. Тем не менее, ей казалось, что сорочка зацепилась прочно. Она потянула сильнее. Где-то снаружи, совсем рядом, что-то с грохотом упало... маленький колокольчик, может быть?

Дверь начала открываться почти сразу. Нона потянула сильнее. Нож сопротивлялся. Она потянула еще сильнее... и сорочка с треском порвалась.

В дверном проеме стояла фигура, один из бесцветных, обрамленный светом, которого, казалось, едва хватало, чтобы видеть, когда Нону вели по коридору. Зато теперь она зажмурила глаза.

Мужчина наклонился и поднял шнур, которым нож был привязан к колокольчику, находившемуся за дверью. Он посмотрел на нее, лежащую перед ним, его лицо было слишком затенено, чтобы можно было прочесть какое-либо выражение, затем попятился, закрыв за собой дверь. В замке повернулся ключ.

Игра. Все это время он сидел снаружи. Ждал. В голосе Кеота прозвучало неохотное одобрение.

Нона открыла было рот, чтобы проклясть тюремщика, Кеота или обоих вместе, но, обнаружив, что у нее нет достаточно мерзких слов, снова закрыла его. Она поднялась на колени и отступила к стене, закутавшись в неудачу, несчастье и лохмотья своей сорочки.

•••

— ШНУР. — НОНА СПРОСИЛА себя, как это она его не заметила. Даже замаскированный, в темной комнате, шнур не должен был ускользнуть от нее. Ее учили видеть. Она села прямее, отбросив жалость к себе, и, вспомнив уроки Пути, сосредоточилась на воспоминании о пламени, начале пути в ее транс ясности. Не всякая дисциплина, которую она изучала, могла быть запрещена железом с сигилами.

Ясность опустилась на Нону, покрывая ее кожу инеем, очищая темноту от неясности и помещая в фокус каждый слабый звук, как будто инструмент ее существа был настроен на совершенство. Нона выделила одно чувство, затем другое, как учила ее Сестра Сквородка, а затем собрала все пять вместе. Она слышала, как мужчина за дверью делает вдох, выдох, снова вдох, выдох. Тьма все еще скрывала то, что скрывала, но те формы, которые из нее выделялись, получили смысл. Нона провела кончиками пальцев по своим наручникам, изучая все их секреты, от сигиллов, вырезанных на изогнутом железе, до деталей петли и застежки.

— Ничего.

Железный штырь, которым был закреплен конец цепи, прикрепленной к браслету на ее лодыжке, был вбит между двумя большими камнями в стене, и удерживался там скорее весом камня над ним, чем раствором, заполняющим стык.

Нона сдвинула цепь в одну сторону и потянула, упираясь ногами в пол и слегка подтягиваясь вверх.

Каждый заключенный испытывает свои цепи. Если кто-нибудь из заключенных освободится от них, тюремщики заменяют цепи более прочными. Неисчислимое количество отчаявшихся мужчин и женщин проверили эти камеры до тебя и помогли усовершенствовать их.

Почему бы тогда тебе не помочь мне? ответила Нона. *Когда я умру, ты снова будешь таиться на границе, где тебя нашел Раймел.*

Я ничего не могу сделать. Я не могу сделать тебя сильнее.

Нона прислонилась головой к холодной каменной стене. Они забрали ее клинки, забрали все марджал-навыки, над которыми она втайне работала. Ее огонь-работа оставляла желать лучшего, ее камень-работы едва хватало, чтобы разбить камешек, но и то и другое могло быть полезным. Они отрезали ее от Пути и нитей. И оставили ей только скорость.

С помощью рычага я могла бы повернуть этот штырь. Высвободить его. Нона представила себе стальной стержень, достаточно узкий, чтобы проскользнуть в ушко штыря за последним звеном цепи. С помощью достаточно длинного рычага и точки опоры человек может двигать мир.

У тебя нет рычага.

Это не обязательно должен быть рычаг. Что-нибудь такое, что могло бы обхватить штырь, сжать его, дать ей возможность применить силу, чтобы крутить его. Если бы она держала штырь кулаком и пыталась повернуть, то могла бы сломать себе кости и не сдвинуть его ни на градус. Если бы штырь был закреплен в центре колеса тележки, она могла бы ухватиться за внешний обод и крутить его без особых усилий, независимо от того, насколько крепко он был закреплен.

У тебя нет ничего. Голос Кеота звучал так, словно он уже думал о своем возвращении в хаос, из которого пришел, и о следующем побеге. Нона сомневалась, что возможности выпадают часто. Возможно, у Кеота не будет другого шанса, пока лед не сомкнется и луна не упадет.

Нона начала наматывать цепь на штырь. После одного поворота второй слой цепи начал соскальзывать с первого. Кусок штыря, выступавший из стены, был слишком коротким, чтобы один поворот лег рядом с другим, да и в этом не было никакого смысла. Ей нужно строить наружу.

Медленно и очень осторожно ей удалось обернуть три витка вокруг штыря, каждый слой цепи упирался о предыдущий, но неизбежно вся цепочка начала скользить, а затем рухнула и упала с штыря.

Она опустилась на колени, шершавый камень причинял боль ее коленям, ломая голову в поисках других идей. Сколько заключенных делали то же самое раньше? Сколько времени прошло, прежде чем они смирились с неудачей и беспомощно сидели, дрожа в темноте, ожидая милости ной-гуин?

— Я провела в монастыре пять лет... Они должны быть научить меня чему-то полезному.

Они научили тебя достигать Пути. Это единственная истинная сила.

Нона нахмурилась:

— На самом деле не научили. Они сказали мне идти медленно, безмятежно, подходить к нему осторожно. И у меня ничего не получалось, пока я не научилась использовать свой гнев. Бежать к нему. Использовать свою скорость...

Она снова обернула цепь вокруг штыря, медленно, задумчиво. Цепь соскользнула.

Мне нужно использовать свою скорость.

Нона бросила себя в промежуток между ударами сердца. В темноте камеры ничего не изменилось, кроме того, что цепь из гибкой превратилась в жесткую и не хотела двигаться со скоростью, которую она от нее требовала. Нона снова начала обматывать цепь вокруг штыря, образуя все расширяющуюся спираль у стены.

Не в состоянии соскользнуть, потому что она не давала им времени соскользнуть, слои

цепи по спирали вытянулись на шесть дюймов с каждой стороны, прежде чем у Ноны закончилась цепь. Она бросила себя к круглой спирали со штырем посередине и ухватилась за внешние края, пытаясь повернуть всю конструкцию. Не успев соскользнуть, звенья сцепились, и на какую-то долю секунды вся спираль повела себя так, словно это было твердое, нерушимое тело. Мгновение спустя масса звеньев отвалилась от стены, бесформенный груз цепи свисал с пальцев Ноны.

Он двинулся? Нотка интереса со стороны Кеота.

Нона не знала, но приготовилась попробовать еще раз. Борьба с безнадежной задачей в темной камере могла приносить мало утешения, но это было лучше, чем думать об этом ноже и о том, что ее ждет.

ГРЭМПЕЙНСКИЕ ГОРЫ ВЗДЫМАЛИСЬ к небу, образуя хребет, пересекавший Коридор. На севере и юге хребет уходил в лед, деформируя его на десятки миль, пока, наконец, лед не становился настолько глубоким, что поглощал даже вершины. Многие называли их Имперской Стеной, молчаливо признавая, что, скорее, эта местность, а не легионы, посылаемые сменяющимися друг друга императорами, сдерживала орды Скифроула в течение последнего столетия.

— Недалеко отсюда дворец Шерзал. — Зоул остановилась, чтобы посмотреть на снежные вершины хребта. Она отказалась от своего поход-пальто в пользу куртки, которую носил бессветный, притворявшийся охотником. Им удалось смыть большую часть брызг крови и замаскировать остальное грязью. — Я уверена, что знаю эти горы.

Чайник подняла бровь.

— Я не бывала в этом районе. Я перешла в Скифроул через перевал Песня Ветра, в двадцати милях к северу отсюда. — Ее взгляд блуждал ландшафту из расколотых скал перед ними. Наблюдатели-бессветные могли быть где угодно.

Минутой раньше из тени валуна на склоне прямо над ними вырвался горный козел. От потрясения сердце Чайник бешено заколотилось, а мгновение паники позволило Ноне осознать связь, которую они разделяли. Чайник чувствовала, что девушка смотрит ее глазами. Почему они не могли говорить друг с другом, она не могла сказать. Возможно, у Тетрагода были барьеры, ограничивающие их контакт. В любом случае, она надеялась, что Нона успокоится при их приближении. Чайник попыталась похоронить мысль о том, что даже со всеми сестрами — Серыми и Красными — она могла бы не прорваться в крепость Ной-гуин.

— Вон та вершина, с которой свисает снег. — Зоул кивнула в сторону пика. Она не могла указать пальцем: ее запястья были связаны за спиной веревкой, которую держала Чайник. — Я уверена, что ее можно увидеть из дворца.

— Насколько уверена?

Зоул помолчала, прежде чем ответить:

— Трудно сказать. Это может быть просто похоже или выглядеть совсем по-другому с новой точки зрения. Но дворец Шерзал находится на западных склонах Грэмпейнов, и с ее башен виден южный лед. Это не может быть слишком далеко отсюда.

Чайник закусил губу, продолжая взглядом обыскивать склоны. Даже если Шерзал действительно находится всего в пяти-десяти милях отсюда, потребуется день или два, чтобы преодолеть расстояние через скалы и ущелья Грэмпейнов. Казалось маловероятным, что какие-нибудь ее войска патрулируют горы. Скифроул всегда пытался прорваться через перевалы. Игра во вторжение сводилась к вопросу, попытается ли враг прорваться через самый низкий и легкий проход, борясь с самой сильной обороной, или рисковать, сражаться с природой и идти через высокий проход, где оборона была слабее.

— Дай мне немного сосредоточиться. — Чайник остановилась. Она следовала по нить-связи, соединявшей ее с Ноной. Там где тень-узы давали ощущение направления, по которому могла бы пролететь ворона или на которое могла бы указать тень, нить-связь, казалось, помнила пройденный путь. Но в складках корней гор за ней было трудно уследить — все равно, что унюхать смутный след запаха там, где кто-то прошел. Но теперь, когда

Но она сидела на задворках ее сознания, Чайник стало легче различать ее след. На самом деле это было не вынюхивание и не видение, а, скорее, знание. Чайник ошупью перебрала варианты, стоявшие перед ней, и позволила правильному увлечь себя. — Там, внизу.

•••

ЧЕРЕЗ МИЛЮ ЧАЙНИК заметила первый наблюдательный пункт. Потом второй третий. Бессветные наблюдали за ее продвижением из скальных укрытий на склонах выше. Еще одна миля тяжелого подъема привела Чайник и Зоул к ряду ступеней, сделанных так искусно, что они казались почти естественными. Ступени вели к темному входу в пещеру у подножия мрачного утеса из серого камня.

Издали о размерах входа в пещеру судить было невозможно. Горы не предлагали ничего, что могло бы дать ощущение масштаба, даже чахлого дерева. Когда Чайник подошла ближе, она поняла, что на самом деле отверстие было довольно скромным — экипажу пришлось бы протискиваться через него.

Земля у подножия утеса оказалась довольно ровной — выступ из склона горы, покрытый ковром из битых камней, отделившихся из разрушаемой холодом скалы наверху. Они потащились к входу, Зоул время от времени спотыкалась, чтобы казаться скорее добычей, чем хищником.

— Стой! — Из входа в пещеру вырвались пять фигур, одетых в серые одежды бессветных, четверо с арбалетами. В разгар своего транса ясности Чайник охватила их всех, вплоть до тяжелых болтов в арбалетах двух слева и растопыренных пучков игл в арбалетах тех, что справа. Выстрел из любого из этих арбалетов запускал воронку из дюжины или более отравленных дротиков, делая защиту или уклонение почти невозможным. — Кто ты?

С тех самых пор, как бессветный, прикинувшийся лесовиком, откусил себе язык, Чайник жалела, что не спросила имен его спутников. Ее знания о ной-гуин были весьма существенными по сравнению со слухами и мифами, которыми питалось большинство людей, она не знала, принимают ли их слуги новые имена и придерживаются ли каких-либо определенных обычаев.

— Мэй, — сказала она. Легче лгать, когда говоришь правду. — Я привезла эту пленницу к Телласах для допроса. У нее есть информация о монастыре. — Чайник подняла голову, чтобы рассеять любые подозрения, что она прячется под капюшоном плаща, который взяла у бессветного. Она протянула руку и толкнула Зоул в плечо, заставляя ее шагнуть, спотыкаясь, вперед, и подтянула девушку ближе, чтобы та могла использовать магию, которая, как она утверждала, сделает уловку успешной.

Четыре арбалета поднялись, четыре пальца сжали спусковые крючки. В пещере, которая, казалось, расширялась, а не сужалась, Чайник уловила другое движение.

— Иди сюда, ты! — Чайник потянула за веревку, делая вид, что сдерживает Зоул, и в то же время позволяя ей приблизиться еще на ярд к пятерке бессветных прямо перед ней.

— Еще один шаг, и я пристрелю ее, а потом тебя. — Мужчина в центре пятерки смотрел на Чайник бледными глазами, сидевшими на широком лице. Он был выше шести футов ростом, его крепкое телосложение бросалось в глаза, несмотря на плащ. Похоже, оружия у него не было, но вокруг его рук дымилась тьма. Чайник чувствовала вокруг него тени. Этот был брошен в ночь дальше, чем его товарищи, и даже дальше, чем она.

— Мэй из бессветных везет меня к Телласах. — Зоул опустила лицо, ее голос был

тихим, но, казалось, прожигал воздух. Нона почувствовала, как он гудит в черепе Чайник. — Я — ее пленница.

Чайник чувствовала, как слова накапливаются, кружатся вокруг нее, требуя, чтобы она приняла их правду. В конце концов, это было почти правдой. И в нее хотелось верить.

— Теллсах захочет увидеть меня, — сказала Зоул звучным голосом.

— Теллсах *захочет* увидеть ее. — Офицер кивнул. Его бледные глаза не отрывались от лица Чайник. Отсутствие злобы в них успокоило ее. Жестокость порождает глупость, но тихая преданность бессветного обещала только эффективность и успех в достижении своих целей. — Проводите Мэй и ее пленницу в камеры.

Человек указал на пещеру, и по его сигналу вперед вышли еще четверо бессветных. У первой из них был слегка озадаченный вид:

— Я должна отвести эту женщину в камеры, Артрен?

Мужчина посмотрел сверху вниз на свою подчиненную, нахмурился и сморщил лоб:

— Да, отведи Мэй и ее пленницу в камеры.

Чайник заметила, как напряглась челюсть Зоул — она стояла, опустив голову, и что-то бормотала.

Женщина кивнула и жестом пригласила Чайник следовать за ней. Двое ее спутников окружили Чайник и Зоул с боков, третий замыкал шествие.

— Пошли.

•••

ЗА УСТЬЕМ ПЕЩЕРЫ открылась естественная каверна внушительных размеров — вх в Тетрагод. Там находилось около двадцати бессветных; некоторые занимались штабелем бочек и ящиков около центра, другие, вооруженные, стояли наготове в естественных галереях вдоль задней стены. Чайник старалась не слишком явно оглядываться, но надо было понять, насколько трудно будет уходить. Она на мгновение задумалась, как там оказались припасы. Если бы их доставили пешком через предгорья, цена была бы колоссальной, а оставленный след трудно было бы не заметить любым любопытным.

Чайник была рада, что ее сопровождают, поскольку это означало, что женщина перед ней ведет их. Вскоре они миновали достаточно перекрестков, чтобы стало ясно — заблудиться вполне реально. Она была менее довольна аудиторией. Не было смысла в трех дополнительных охранниках, ведь идеальное время для побега было бы среди предгорий с одним похитителем.

Туннели были естественными, прорезанными древними реками, но кое-где их вырубали киркой и молотком. Там, где пол не был выронен плотно утрамбованными отложениями исчезнувших рек, он был разровнен щебнем или хорошо закрепленными досками. Деревянные ступени позволяли легко подниматься по крутым склонам.

Разветвленная и запутанная природа Тетрагода была, возможно, столь же важной защитой, как и опорные пункты, но это означало, что большая часть комплекса в любой момент времени оставалась пустой. Длинные галереи снова погружались в темноту, как только группа Чайник проходила через них, их преследовала тишина. Монахиня долго исследовала пещеры под Скалой Веры, и сейчас чувствовала что-то знакомое, да и Нона, скрытая за этими мыслями, добавила свою собственную высокую оценку глубоких мест.

Первый крупный блокпост представлял собой небольшую крепость, построенную

вокруг выхода из каверны, в которой могла бы разместиться большая крепость. Бессветный наблюдал с зубчатой стены и поднял решетку, когда его окликнули.

В длинном, выложенном камнем туннеле, который вел через крепость, их ждал единственный ной-гуин, сидевший за столом, стоявшим на их пути. В потолке и стенах на протяжении десяти ярдов перед столом и за ним виднелись два десятка дыр-убийц.

Внимание Чайник незаметно сосредоточилось на стенах, но Нона впитывала детали ной-гуина. Отголоски воспоминаний Чайник донесли до Ноны, что ассасин, охотившийся за ней во время похода, очень походил на этого. Кроме того, в отчете Сестры Сало монастырскому столу говорилось, что те двое, с которыми она дралась у дверей dormitorio послушниц много лет назад, были одеты точно так же.

Самой поразительной чертой ной-гуина была маска из черн-кожи, закрывавшая его лицо, с узкой щелью, открывавшей глаза, и отверстиями для носа и рта. Взятый из корпуса племен-корабля, материал был гибким, как шелк, если только какой-нибудь предмет не пытался сдвинуть его слишком быстро; в этом случае он становился жестким и более прочным, чем сталь.

Плотно облегающий кожаный капюшон, спускающийся на плечи, не позволял Ноне сказать, насколько далеко простирается черн-кожа. Красные Сестры, в основном хунска прайм или чист-кровки, носили черн-кожу только на туловище, так как в противном случае она могла бы сопротивляться их быстрым движениям, с печальными последствиями. Кроме того, этот материал был сказочно редким — и часто его вообще было не достать, — так что использовать его более широко было невозможно. Остальная одежда ной-гуина была из обычной черной кожи, покрытой различными ребрами или усиленной железными пластинами. Темно-серый плащ, по-видимому, являлся уступкой непреходящему холоду подземной жизни и сбрасывался, когда требовалось действовать.

— Куда вы идете? — Ной-гуин изучал их, его глаза в прорезях маски были похожи на черные бусинки.

— Артрен принял эту женщину в западной пещере. Он велел мне проводить ее и пленницу в камеры. — Бессветная отступила в сторону, оставив Чайник и Зоул полностью открытыми для пристального взгляда ной-гуина.

— Я не...

— Я Мэй из бессветных, — прервала ассасина Чайник. Лучше нарушить приличия, чем позволить кому-то высказать свое мнение вслух. Сказанные слова трудно изменить. — Вы, конечно, знаете меня? — Она подошла к своей пленнице.

— Вы ее знаете, — прошептала Зоул. Она стояла, склонив голову, сухожилия на шее напряглись от усилий, которые она прилагала.

— Я ее знаю, — шепотом ответили все четверо сопровождающих. Чайник слышала, как эти слова повторили за стенами, как они спустились через дыры-убийцы над ними. — Я ее знаю.

— Я не знаю эту женщину. — Озадаченный ной-гуин встал, хотя и медленно.

— Ты ее *знаешь*. — Шепот Зоул стал более напряженным, кровотока в воздухе. Чайник с трудом удержалась, чтобы не выкрикнуть это вслух.

— Я ее знаю! — крикнул один из сопровождающих, гордый этим фактом.

— Нет. — Ной-гуин поднял пустую руку, словно отмахиваясь от этого предложения. Пальцы другой руки нащупали рукоять ножа на бедре. — Я тебя не знаю.

Зоул изменила тактику. Она подняла голову и громко сказала:

— Ваша вахта закончилась. Идите спать. Сейчас же!

Чайник невольно взглянула на нее. Лицо лед-девушки побледнело, ее глаза превратились в темные колодцы. Все ее тело дрожало от напряжения, из ноздри текла струйка крови.

Ной-гуин стоял, казалось, борясь с этой мыслью. За спиной Чайник четверо бесцветных повернулись и зашагали прочь. Судя по звукам за стенами, шагам, открывающимся и закрывающимся дверям, другие последовали их примеру.

Прошло несколько секунд, а ной-гуин все еще стоял там, хотя его слуги ушли.

— Уходи, — сквозь стиснутые зубы проговорила Зоул. Звук утонул в камне, в наступившей тишине приказ повис между ней и ассасином.

Пальцы ной-гуина сомкнулись на рукоятке его меча.

Мгновение спустя, без всякого предупреждения, словно что-то щелкнуло, Зоул сбросила путы, выхватила нож, спрятанный под курткой, и бросилась через стол на ной-гуина.

Даже Чайник, которая десятки раз видела тренировки Зоул, была застигнута врасплох, потрясенная стремительностью девушки. Обе ноги ударили ассасина в живот, отбросив его назад. К тому времени, когда Чайник вытащила меч, Зоул одной рукой обхватила запястье ной-гуина, управляя его ножом, а собственный вонзила ему под мышку.

Ной-гуин крепко прижал руку к телу, чтобы поймать лезвие, вонзившееся в его плоть, и попытался ударить Зоул лбом в лицо. Та изогнула шею, чтобы избежать удара головой, и, захватив ногой его колено, повалила ассасина на пол.

Чайник не стала смотреть дальше и резко повернулась. Трое из четырех бесцветных все еще уходили. Их предводитель остановилась в замешательстве. Чайник взяла левой нож и понадеялась, что спрятанные за стенами бесцветные уже ушли из своих помещений. Когда за ними закроются двери, они будут отрезаны от шума боя.

Быстро двигаясь, Чайник перерезала женщине горло сзади и пролетела мимо, лишь едва взглянув. Сзади в туннеле раздался ужасный крик, такой мучительный, что Чайник не могла понять, была ли это Зоул или ее враг. Через мгновение монахиня догнала остальных. Она перерезала еще два горла и вонзила нож между позвонками третьего. В темноте за глазами Чайник Нона поморщилась от жестокости происходящего. Без собственного колотящегося сердца и неминуемой угрозы жизни и здоровью, ей было гораздо труднее наблюдать за такими убийствами.

Чайник снова обернулась. Первая из бесцветных прижала руки к шее, между пальцами сочилась кровь, но она еще не упала. Чайник пронесся мимо нее к столу, стоявшему среди дыр-убийц. Зоул и ной-гуин по-прежнему сражались на полу, но дубовое бюро блокировало все, кроме мельтешения ног.

Обежав стол, Чайник увидела ужасную сцену. Зоул поймала руку с ножом ной-гуина, зажала ее между ног и вонзила большие пальцы ему в глаза. Его крик внезапно оборвался.

Позади Чайник по туннелю разнеслось эхо от удара о пол первого тела. За ним последовало еще три. Зоул поднялась на ноги, выдернула кинжал и отступила от растекающейся лужи крови, в которой лежал ной-гуин.

Чайник моргнула:

— Ты убила ной-гуина.

— У него помутился рассудок. — Зоул потянулась, чтобы сжать свой лоб, морщась, как будто у нее болела голова, по сравнению с чем все другие соображения, такие как кровь, которую она размазывала большим пальцем по виску, были второстепенными. — У нас есть

время забрать его одежду?

— Возьми маску, если она подойдет. Но мы должны двигаться. Придут остальные. Они почувствуют, когда он умрет.

— Сколько? — Зоул наклонилась, чтобы побороться с маской из черн-кожи.

Чайник посмотрела в туннель, широко открыв все чувства. Ной-гуин были связаны тень-пугами, но не с несколькими ближайшими к ним, а друг с другом, образуя огромную темную паутину.

— Все.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА СТЕКЛО

ИМПЕРИЯ ВСЕГДА ОСТАНАВЛИВАЛАСЬ у моря Марн. Корни ее происхожден лежали как в мифах, так и в истории, но большинство ученых сходилось во мнении, что из крепких и независимых рыбаков выросла сплоченная конфедерация портов и прибрежных городов. Это протогосударство и породило основателя империи. Этот человек, Голамал Энтсис, двигался на восток, по суше, несмотря на свою морскую мощь и соленую воду в жилах. На самом деле, если не считать недолговечных крепостей, созданных за огромные деньги на берегах Дарна и никогда не удерживавшихся более одного поколения, история империи всегда была историей движения на восток по Коридору.

На пике своего могущества империя простиралась на семьсот миль к востоку, через все то, что позже стало Скифроулом, вглубь Альдена, федерации городов-государств, которая теперь была королевством Альд. Разворот был быстрым. За сорок лет и шесть слабых императоров, граница уперлась в скалистый хребет Грэмпейнов и оставалась неподвижной.

Кое-кто утверждал, что «империя» — слишком громкое имя для территории, которой она в настоящее время владела, а «император» — слишком высокий титул для мужчин и женщин, занимавших в ней самое высокое место. По мнению Настоятельницы Стекло, оба титула были заслужены веками величия. Тем не менее, она была вынуждена согласиться, что, когда ветер Коридора набирал скорость и мчался на восток, он пересекал империю так быстро, что она действительно чувствовала себя совсем маленькой. Брат Пелтер менял лошадей на разных остановках и гнал их изо всех сил. Вдоль хребта империи лежали мощные дороги, построенные в царствование Голамала Пятого для быстрого передвижения войск во время войны. С тех пор их поддерживали в хорошем состоянии. По таким дорогам карета пожирала мили, одну за другой. Дважды они пересекали реки, сжатые рукой ветра, дующего против течения, и пересаживались в новые экипажи в монастыре Терпения и в поместье недавно избранного архонта, Гедды. На каждом этапе Стекло чувствовала себя так, словно они бегут от чего-то, а не просто спешат во дворец Шерзал. Возможно, Пелтер беспокоился, что Красные Сестры неотступно преследуют его, стремясь освободить пленницу. Но такого не будет. Стекло запретила освобождать ее силой, и, хотя она никогда не могла понять почему, лояльность, которая росла вокруг нее, сочеталась с послушанием, которое было столь же глубоким и прочным.

В течение долгих дней путешествия Стекло поддерживала беседу, по крайней мере, одну ее половину, и, постепенно, скука и давление вопросов, оставшихся без ответа, облегчили Брату Пелтеру работу над второй. Стекло чувствовала, что стражи инквизиции, Мелкир и Сэра, по очереди дежурившие рядом с ней и на крыше кареты, тоже хотели бы присоединиться. Однако Брат Пелтер, хотя и не следовал строгим правилам, ясно дал понять, что никто не должен разговаривать с заключенной. Так что Стекло оставалось говорить только с Братом Пелтером.

Она обнаружила, что этот человек был почти таким же, как и указывали ее исследования: честолюбивым, сосредоточенным, и легко поддающимся на лесть; хотя он глубоко разбирался в вопросах ереси, от которых зависело большинство судебных процессов инквизиции, его знание веры — в более широком смысле — не могло соперничать с тем, что

было у любой послушницы, которую Сестра Колесо считала подходящей для перехода в Серый Класс.

— Вы знаете, кто был главным инициатором инквизиции, когда я была верховным инквизитором, брат? — Стекло повысила голос, перекрывая стук колес и барабанную дробь дождя по крыше кареты.

— Нет. — Инквизитор нахмурился, словно его беспокоило собственное невежество.

— Никто, — сказала Стекло. — Последним обладателем этой должности был Джутикэр, двоюродный брат деда нашего нынешнего императора. Джутикэр умер, удерживая титул. Согласно записям инквизиции, он присутствовал на трех собраниях за тридцать шесть лет, хотя и был навсегда казней.

— Зачем вы мне все это рассказываете? — Пелтер уставился на Стекло своими глазами, возможно, самым большим своим достоянием. Он держал в них что-то по-настоящему леденящее, то, что обычно можно было найти только в отражении хрупкого голубого неба в глубоком льду.

Стекло пожала плечами:

— По моим расчетам, послезавтра мы будем во дворце Шерзал. Так что должность главного инициатора кажется, по меньшей мере, злободневной. Видите ли, это был бумажный титул, изобретенный в угоду какому-то давнему императору, должность, предназначенная для королевской семьи, чтобы корона могла чувствовать... если не чувство обладания... то хотя бы иллюзию контроля над инквизицией и более твердое чувство, что та не может быть использована против них. Груда правил, защищающих императоров, их братьев и сестер от острых углов инквизиции, тоже была ее неотъемлемой частью. Подобно тем законам, которые защищают высших инквизиторов.

— И *бывших* высших инквизиторов. — Брат Пелтер скорчил кислую гримасу, вспомнив, что из-за таких подробностей он пересек половину империи, вместо того чтобы перетащить настоятельницу из Сладкого Милосердия в Башню Исследующих. Всего-то пять миль.

— Ну, вряд ли мы можем поднимать такую шумиху из-за ереси, которая, в конце концов, состоит в том, чтобы следовать деталям веры, если не готовы следовать нашим собственным правилам в других местах, не так ли, брат? — Стекло улыбнулась. — Если вы с радостью пытаете человека раскаленным железом, чтобы установить степень его благочестия, то, по крайней мере, сможете выдержать несколько дней пути, чтобы убедиться, что сами следуете букве закона.

— Вам не мешало бы попрактиковаться в покаянии, настоятельница. — В косом свете, падавшем сквозь ставни кареты, рябое лицо Пелтера приобрело несколько чудовищный вид. — Для вас и вашего монастыря все кончено. Лансисы получают то, что хотят. Вы должны обратиться к вопросу о том, в каком состоянии вы будете в конце этого периода. Возможно, в виде пепла. Шерзал любит сжигание. Не как зрелище, а как аккуратный конец проблем.

— Знает ли Верховный инквизитор Джемон, что вы делаете, брат? — Стекло проигнорировала угрозу. — Что-нибудь из этого пришло с его стола? Башня вообще знает, куда вы направляетесь? Или это все приказы Шерзал? Главный инициатор... можно подумать, что должность названа в ее честь.

— Я потворствовал вам в этом путешествии, настоятельница, но вы будете говорить о сестре императора с уважением! Инквизиция прислушивается к ее голосу. Время Джемона подходит к концу.

— Он ведь не санкционировал мой арест, не так ли?

— Санкции Шерзал вполне достаточно.

— Значит... Джемон не посылал старших инквизиторов для суда, который должен судить меня? Судей должно быть трое. Надеюсь, вы не собираетесь выносить решение, брат? Во-первых, вы не старший, во вторых — не можете заменить трех...

— Шерзал не позволит Джемону прислать своих любимчиков. — Пелтер пригладил седые пряди волос, вредная привычка. — Мы наберем инквизиторов нужного ранга и численности из окрестностей.

— Окрестностей? — спросила Стекло.

Брат Пелтер сердито посмотрел на нее.

— О, — сказала Стекло. — Вы хотите сказать, что будете подбирать моих судей по дороге?

Пелтер вцепился в сиденье, повернув к ней лицо:

— Мы предстанем перед достопочтенной Шерзал с тремя старшими инквизиторами, настоятельница, и, когда они зададут вам вопрос, я буду использовать железо, будь оно острым или горячим, чтобы узнать правду. Так что вам лучше избавиться от любого намека на насмешку.

Настоятельница Стекло отодвинулась назад, подальше от свирепого лица мужчины и зловонного облака его дыхания:

— Конечно, брат.

•••

КОГДА НАСТУПИЛА НОЧЬ, Пелтер велел поставить карету в Трейтауне, поселении скромных размеров, домов пятьсот, жившим за счет оловянных рудников. Это место могло похвастаться церковью Предка, значительно бóльшей, чем большинство таких городков могли себе позволить, и было в состоянии обеспечить жильем инквизитора и его охранников, а также кельей для кающихся грешников — для настоятельницы.

Утром местный священник отпер Стеклу дверь, и она терпела его неодобрение, пока зевающие стражи провожали ее к карете.

— Сегодня мы отклонимся в сторону. — Брат Пелтер протянул ей паек пленника — кусок черного хлеба, которого должно было хватить на весь день.

— В самом деле? — Стекло взяла хлеб в свои скованные руки. Она ежедневно затягивала пояс на своей рясе. Если бы путешествие продолжалось до самой старой границы империи в Альде, она, возможно, прибыла бы с той же цифрой, которая была у нее в двадцать лет, хотя она не считала бы это хорошим обменом за все эти голодные дни. — Куда?

— Святылище в Пенрасте, — ответил Пелтер. — Вчера вечером я велел Мелкиру и Сэре провести небольшое расследование в городе. Похоже, инквизиция расследует сообщения о ереси в святылище. Расследование проводят старшие инквизиторы...

— ...которые будут полезны на моем суде, — закончила Стекло.

— Как я уже сказал, из окрестностей. — Пелтер кивнул.

— А кто ведет это расследование?

— Брат Селдом и Сестра Агика. Ваши друзья, я полагаю? — Пелтер позволил себе слегка улыбнуться.

Настоятельница Стекло сложила руки на уменьшившемся животе и сжала губы в

тонкую линию. Селдом и Агика были доверенными подчиненными в течение большей части ее пребывания на высшем посту инквизиции, но вся башня говорила о горьком отчуждении между ними, которое предшествовало объявлению о ее отъезде.

— Только когда твоя власть отнимается или отдается, ты узнаешь, кто твои друзья, брат. Урок для всех нас.

•••

К ПОЛУДНЮ ОНИ добрались до святилища. Издали Пенраст казался игрушкой выброшенной каким-то капризным богатым ребенком. Серебристый цилиндр, поднимающийся с разбитой вершины холма под пьяным углом, ярдов тридцать в высоту и ярдов двадцать в поперечнике. Его стены были толщиной в ярд, масса серебряно-стали, за которую можно было бы купить небогатую империю, большую, чем та, в которой он стоял. Никакой огонь не мог расплавить это вещество, никакое лезвие не могло его разрезать. Настоятельница Стекло хорошо знала, что даже клинок из Ковчег-стали не может поцарапать зеркальную поверхность. Поэтому, обладая свойствами, столь ценными в Ковчег-стали, — и даже в еще большей степени, — Пенраст из бесценного ресурса стал бесполезной диковинкой.

Ступени вели вниз, в подземелье, через туннель, вырубленный в скале. До тех пор, пока Церковь Предка не объявила это место своим, местные жители утверждали, что башню построили Пропавшие. «Кольцо титана», так они называли ее. Теперь официально считалось, что племена принесли его с собой со звезд.

— Вы пойдете со мной, настоятельница. — Пелтер жестом пригласил ее выйти из кареты. — Лицо старого «друга» должно помочь инквизиторам сделать шаг вперед и выполнить свой долг.

Настоятельница Стекло вместе с Сэрой, поддерживавшей ее, вышла в холодный рев дня. Короткий переход — все трое сгорбились из-за ветра, — и они снова оказались в укрытии: согнувшись, чтобы не поцарапать головы, они спустились по крутой каменной лестнице.

Пропавшие — или одно из четырех племен, построивших это место, — не использовали никакого строительного материала. Стены были либо скальной породой, срезанной с удивительной точностью, либо самой почвой, сплавленной в гладкую, похожую на мрамор субстанцию, твердую, как камень.

Какое бы расследование ни велось, оно, похоже, находилось на завершающей стадии. У дежуривших стражей инквизиции был скучающий вид. Инквизиторы Селдом и Агика не были среди тех, кто предпочитал более жестокие методы добывания информации. Агика была прикосновение марджал с даром выуживать правду из самых не желающих говорить языков, а Селдом пришел к тому же образу мышления о допросе, что и сама Стекло: информация приходит быстрее и точнее, если вопросы преподносятся как заботливая попытка уменьшить окончательное наказание субъекта.

Стекло с Сэрой ждали, а брат Пелтер отправился поговорить с инквизиторами. Сэра быстро вступила в разговор с другими охранниками у входа, мужчинами, которых она не видела месяцами, оставив Стекло бить баклуши или изучать комнату.

В зале стояли скамьи, на которых сидели верующие во время служб или созерцания, или что еще там они делали в святилище. От прежних обитателей, однако, не осталось никаких следов, кроме одного символа, вырезанного на стеклянной поверхности задней стены. На

взгляд Стекло, он имел много общего с сигилами, хотя, в отличие от них, не искажал сознание. Если в символе и была какая-то магия, то более глубокая, слишком глубокая, чтобы Стекло могла ее коснуться.

Стекло проводила пальцем по изгибам символа, когда появился еще один страж и втолкнул в комнату крестьянина. В дверях Сэра подняла голову и вернулась к разговору. Стекло держала в одной руке единственную в комнате лампу, освещая ею символ. Она прекратила осмотр и подошла к вновь прибывшему. Молодой человек и так выглядел достаточно обеспокоенным, а если он останется в темноте...

— Сядь, побереги силы. — Стекло указала на ближайшую скамью. Мужчина посмотрел на нее так же непонимающе, как и испуганно. Стекло сказала по-другому: — Садись, тебе нужно отдохнуть.

— Спасибо, сестра. — Мужчина тяжело опустился на деревянную скамью. Его куртка, похоже, была сделана из мешковины и грязи, обе скулы были в грязи, и от него пахло свиньями. — Я не понимаю, что я сделал.

Стекло села и улыбнулась ему:

— Может быть, ты ничего не сделал?

— Я не понимаю. — Мужчина покачал головой, глядя на свои колени. — В деревне моего дяди старики оставляют первый срез урожая богу кукурузы. Я слышал, что в Уиттле есть каменная церковь Надежды. Почему они арестовывают людей здесь? Собственных детей Предка? За что? Они взяли Мастера Рута. Сказали, что он неправильно читает молитву Предку. И пастора тоже забрали, потому что он сказал, что это место было здесь, когда пришли племена. Это безумие...

Стекло покачала головой. Такое недоумение она слышала много раз, чаще всего на окраинах империи.

— Самая большая угроза для любой веры — не другие веры или верования, а искажение и разделение ее собственного послания. Когда дарнишцы плывут на нас под своими знаменами, мы объединяемся и становимся сильными. Никто не задумывается, стоит ли поклоняться Орму, Гатаару или трехглавой богине. Но когда мы предоставлены сами себе, то вскоре кто-то, часто жадный до власти и влияния, берет на себя смелость изменить учение Предка, совсем немного, но таким образом, чтобы сделать этого человека более важным или особенным или предоставить ему привилегии. И не успеешь оглянуться, как у тебя уже четыре разные церкви, четыре первосвященника воюют, а легион архонтов спорит между собой. Это случалось снова и снова. В результате таких междоусобных войн наши поля залило море крови... — Она замолчала, видя непонимание мужчины. — Мы представляем бóльшую опасность для самих себя, чем Дарн или Скифроул, и даже войны со Скифроулом, можно сказать, были из-за интерпретаций веры.

— Но в деревне моего дяди...

— Лед смыкается, и это объединяет много людей и много вероисповеданий. Император санкционировал Церковь Надежды: ее священные тексты говорят о будущем и не оспаривают учение Предка. Сама Церковь Предка объявила, что те, кто следует за малыми богами, могут беспрепятственно делать это в более отдаленных уголках империи. Такая практика запрещена только в городах, объявленных церковными. — Она подняла руку, чтобы отвлечь его от следующего вопроса. — Тебе нужно подождать и посмотреть, не будут ли священнослужители, которые учили в этом храме, признаны виновными в ереси. Отвечай на любой вопрос правдиво. Если окажется, что они виновны и что ты был частью их паствы,

ты должен покаяться и посетить освященную церковь, чтобы узнать истинное учение. После этого ты будешь очищен от заразы и не будешь представлять никакого интереса для инквизиции.

Стекло произносила эту речь — или нечто подобное — несчетное количество раз. Она повторяла ее так часто, что, как слово, повторяемое снова и снова, она потеряло для нее всякий смысл. В конце концов, сама Стекло видела только непосредственные последствия, жертвы здесь и сейчас, а не те постулируемые потери от войн разделенной церкви. Она начала падать духом из-за работы еще до того, как умер ее сын. И к тому времени, когда Эйбл в последний раз в своей жизни вздохнул прямо перед ней, ее сердце было полностью разбито. Она так и не вернулась в Башню Исследующих.

В дверях появились новые фигуры с фонарями, и Сэра жестом подозвала Стекло. Стекло поднялась на ноги с помощью крестьянина, который впервые заметил цепи на ее запястьях.

— Спасибо, сестра, — сказал он, не отрывая взгляда от серебряной цепи.

В комнату ворвался Брат Пелтер. За его плечами у него стояли похожий на ястреба Селдом и стройная Агика, темноглазая и скептическая.

— Старшие инквизиторы согласились сопровождать нас во дворец Шерзал, настоятельница. — Пелтер потер руки, не в силах сдержать энтузиазма.

Стекло коротко кивнула инквизиторам и повернулась к крестьянину.

— Помни, что я тебе сказала, молодой человек. Честность и раскаяние. — Она взглянула на ожидающих инквизиторов. — С тобой все будет в порядке. — Она это и имела в виду. Скорее всего, так оно и будет. В собственных перспективах она была куда менее уверена.

ЗОУЛ БЕЖАЛА РЯДОМ с Чайник, черн-кожа ной-гуин свисала с ее руки, странно извиваясь, словно живая.

— Мы должны потеряться. — Внимание Чайник привлек туннель впереди. Самый очевидный из боковых проходов был перекрыт, но любая система пещер пронизана трещинами и дырами. — Потерявшихся трудно найти. — Они пробежали еще пятьдесят ярдов, Чайник замедлила шаг, чтобы осмотреть отверстие в стене. — На два дня и две ночи. Тогда мы сделаем наш ход.

— Мы должны расстаться, — сказала Зоул. Ее левая рука щетинилась крест-ножами^[3], украденными у мертвого ассасина.

— Мы не должны! — Чайник покинула узкий проход и двинулась дальше, свернув на развилке поменьше, где проход разделялся. — Ты под моей опекой, послушница. И как я найду тебя снова?

— Я нашла тебя раньше. Я могу сделать это снова. Я сделаю отвлекающий маневр. Ты сможешь спасти Нону.

— Это Тетрагод, Зоул! Тетрагод! Ты же послушница! Ты не должна быть здесь! Я тоже не должна...

Чайник свернула направо в узкий проход, круто уходящий в глубь горы. Пол спускался неровными, грязными ступеньками, по ним текла ровная струйка воды.

— Я — Избранная. — Зоул остановилась у трещины в стене, вертикальной щели, достаточно широкой для руки, но не для плеча. — Так они говорят. Так что либо верь в меня, либо перестань волноваться. Если пророчество Аргаты — чепуха, то я всего лишь дитя льда, не представляющее особой ценности. — Она потянулась в щель рядом с собой, и покрытые запекшейся селитрой стены оцарапали ей руку.

— Ты представляешь особую ценность, избранная ты или нет. — Чайник сжала плечо девушки, зная, что любая более нежная ласка выведет ее из равновесия.

Зоул скривила губы, почти улыбнувшись. Теперь ее рука была пуста, черн-кожа и ножи убраны. Она скользнула глубже в расщелину и приложила ладонь к камню, который не пускал ее дальше. — Побеспокойся о себе, сестра. И Ноне. — Она нахмурилась и с явным усилием толкнула. Каким-то образом камень сдвинулся. Вся трещина расширилась, стена раздулась, чтобы вместить смещенный объем, как будто все это было полужидким.

— Как...

— Моим наставником была Йишт. — Зоул осторожно протиснулась в щель. Кровь снова начала сочиться из ее левой ноздри, пока она напрягала свои силы. — И в этом месте есть корабль-сердце. Разве ты не чувствуешь?

Чайник на мгновение задумалась. Она не чувствовала ничего особенного, но действительно видела сквозь кромешную тьму пещер с большей ясностью, чем раньше. И до того, как Йишт украли корабль-сердце Сладкого Милосердия, тень-работа Чайник всегда улучшалась, когда она приближался к хранилищу, в котором то хранилось.

— Будь осторожна! — крикнула она вслед Зоул.

— Они меня не найдут. — Трещина снова сузилась, скала застонала, когда послушница скрылась из виду. — Я их найду.

— Следи за ловушками... — Чайник уставилась на расселину, теперь ничем не

примечательную; лишь несколько трещин отмечали проход Зоул. Ей хотелось позвать ее обратно. Какими бы талантами она ни обладала, какой бы избранной она ни была, Зоул все еще оставалась девочкой, послушницей, а это был Тетрагод, место, куда побоялись бы зайти самые легендарные из Серых. Сестра Облако сражалась здесь с ной-гуин много веков назад и едва спаслась. Когда Чайник поняла, куда она направляется, ей пришлось смириться с тем, что не вернется. Ей было труднее принять то же самое для Зоул и Ноны.

— Предок присмотрит за тобой, — прошептала она. И, с метательными звездами в руках, Чайник двинулась дальше по скользкому спуску.

•••

С ТЕХ ПОР, как Яблоко до некоторой степени втолкнула Чайник в темный мир, чтобы спасти ей жизнь, Чайник ощущала тень как нечто текучее, почти живое. Каждый тень-работник испытывает что-то подобное, но для тех, кто погружен в тень, это ощущение является более интимным, более реальным. Тьма становится чем-то, что течет сквозь тебя, впитывается в кожу, бежит по венам. В глубине Тетрагода Чайник чувствовала вокруг себя паутину тень-связей ной-гуин, сигналы тревоги пульсировали от одного к другому. И что-то еще, что-то темное и ужасное, подобное пауку, притаившемуся посреди этой паутины, какое-то многоногое чудовище, готовое выскочить, чтобы сожрать любое инородное тело, попавшее в его нити. Что-то особенное. Главное.

Чайник продолжала спускаться все глубже, стараясь оставить как можно меньше следов, выбирая узкие тропинки вместо широких, петляя между корнями гор. Она погрузилась в транс ясности, наполняя каждую деталь смыслом. Дважды она находила ловушки. Первая — зазубренные и ржавые клинки, закрепленные под мягкой грязью, покрывавшей пол туннеля; вторая — камни, готовые упасть при рывке за тонкую черную цепь, пересекавшую каменистую землю. Они обозначали границы территории ной-гуин и должны были не дать проникнуть в нее через любой из неизвестных путей, змеящихся под Грэмпейнами.

Есть моменты, когда нужно атаковать быстро и безжалостно, не давая противнику ни секунды для перегруппировки, но это тактика лучше всего подходит для места, которое ты хорошо знаешь или изучила на картах до такой степени, что можешь ориентироваться в нем вслепую. Позвонив в дверной звонок Тетрагода, лучшая тактика — как предположила сестра Яблоко, изучив серые фолианты, — залечь на дно, дать защитникам разоблачить и измотать себя, затем узнать то, что нужно узнать перед ударом, и только потом нанести сильный удар.

•••

СЛОЖНО ИГРАТЬ В ожидание, особенно когда твой друг в опасности. Ной-гуин не могли знать, что целью вторжения была Нона — в конце концов, у них было много врагов, — но она будет на первом месте в списке причин нападения. Вероятно, они перевезут Нону, или, может быть, убьют ее и покончат с этим. Но Чайник так не считала. Если они посчитают Нону мишенью, то она будет и приманкой. Ной-гуин были мстительны. И даже если бы они не были мстительными, нападение на Тетрагод было нападением на их репутацию и не могло остаться безнаказанным. Если Нона будет убита, то, возможно, нападавшие растают, не пойманные, а этого нельзя допустить.

Чайник решила, что наиболее вероятным вариантом действий для ной-гуин — если они посчитают Нону мишенью, — было бы попытаться ее в надежде выманить нападавших. Они рассмотрят возможность того, что она нить-связана с по крайней мере одним из своих будущих спасителей. Единственной альтернативой было бы признать, что ной-гуин, которая привела Нону сюда, позволила выследить себя до Тетрагода более традиционными способами, а это было невыносимо.

После длинной цепочки случайного выбора направления, запечатленной в памяти, Чайник опустилась на пол и стала ждать. Она скорчилась в холодной, абсолютной темноте коридора, где, возможно, никогда не был ни один человек за все долгие тысячелетия с тех пор, как поток, который прорезал его, нашел другое русло. Она погрузилась в ясность и открыла уши к малейшему намеку на звук, ее разум соприкасался с темнотой, чувствительный к любой вибрации, которую могла вызвать сила тень-работника. Она достала из рюкзака поход-печенье и медленно жевала его, позволяя мгновениям скользить мимо и складываться в часы. И Нона, вызванная по нить-связи ужасом — сейчас подавленным и направленным в более полезные формы, — который испытала Чайник, приближаясь к Тетрагону, обнаружила, что ее хватка на восприятии монахини ослабла. По мере того, как страх сменялся спокойствием и самой непосредственной угрозой становилась скука, место Ноны в глубине сознания Чайник становилось все меньше и меньше. Наконец она почувствовала холод своей камеры и дрожь собственного тела, которое, в отличие от тела Чайник, было завернуто только в рваные остатки сорочки.

•••

НОНА РЕЗКО ОТКРЫЛА глаза:

— Черт.

Что? Где ты была? Кеот жег горло, чуть ниже воротника.

С Чайник. Она здесь, с Зоул. Они убили ной-гуина и теперь прячутся. Чайник считает что другой ной-гуин будет пытаться меня, чтобы заставить ее и Зоул открыться.

Тогда тебе лучше бежать.

Нона распрямилась, обнаружив, что ее мышцы затекли, а рука и бедро болят от того, что она лежит на каменном полу. Она встала и повернулась лицом к стене, нащупывая железный штырь с кольцом, к которому крепились цепь, ведущая от ее лодыжки. Она не знала, сработал ли трюк с обмоткой, или даже мог ли он сработать, но кроме него у нее ничего не было. С каждой унцией скорости, имевшейся в ее распоряжении, она повторила процесс, наматывая цепь вокруг штыря так быстро, что диск, который она построила у стены, не успел рухнуть. На последнем круге она ухватилась за внешний край прежде, чем звенья успели сдвинуться, и приложила всю свою силу, чтобы повернуть его.

Ничего. Только двойная горсть цепей, свисающих с ободранных пальцев.

Еще раз! Кеот потек по ее коже, пытаясь дотянуться до правой руки, но оказался заблокирован браслетом.

Нона попыталась еще раз. И еще. Она потеряла счет попыткам.

Любая хунска, даже чист-кровка, быстро устает, когда использует свою скорость на пределе. В конце концов Нона в изнеможении рухнула на пол, ее ногти раскололись, руки болели. Она лежала, потянувшись к трансу безмятежности, ожидая, пока ее тело соберет свои ресурсы для новых всплесков скорости. Она слышала, как, мягко ступая, приближаются

люди, много людей. Безмятежность защитила ее от потрясения, но страх все равно поднялся, прилив страх. Она встала на ноги и приготовилась драться.

Дверь осталась закрытой. Нона слышала, как новоприбывшие расположились возле ее камеры, обменявшись несколькими невнятными замечаниями. А потом... ничего. Возможно, Чайник была права только наполовину. Ной-гуин были готовы к любой попытке освободить ее, но не были готовы ее мучить. Ещё нет. Их сдержанность не имела для Ноны никакого смысла. Чего они ждут? Теллсах могла заявить о своих правах на убийство, в котором ей так долго было отказано. Она могла сделать это перед равными ей. Если бы она захотела повергнуть Нону пыткам, то могла бы сделать и это. Зачем ждать?

Нона понюхала воду, которую они ей оставили, несвежую жидкость в глиняном кувшине. Если она сломает его, осколки будут слишком хрупкими, чтобы служить оружием, слишком непрочными, чтобы порезать врага или даже ее собственные запястья. Вода могла быть пропитана наркотиками, но если она не будет продолжать пить, от нее будет мало толку. Она сделала глоток и вернулась к битве со штырем.

Прошли часы. Много часов. Возможно, несколько дней. Стражники снаружи сменялись сменами, Нона урывками засыпала, в животе у нее урчало, и впервые за много лет к ней вернулся настоящий голод, друг детства. Нона сто раз намотала цепочку, сто раз попыталась повернуть штырь влево или вправо. Железо сопротивлялось.

•••

ГРОХОТ ВЫРВАЛ НОНУ из темного сумбура ее снов — дверь камеры распахнулась. Внутрь хлынул свет. Больше света, чем Нона помнила, когда была в том мире. Она взмахнула руками и крепко зажмурилась.

— Лед! Здесь воняет! — Мужской голос, интеллигентный и полный доброго юмора.

Нона села и, прищурив заплаканные глаза, уставилась на ослепительный свет. Он исходил от единственного фонаря, который держала в руке высокая фигура. Две фигуры — одна дородная, другая стройная — стояли рядом с ней, а по обеим сторонам стояли одетые в плащи бесцветные, возможно, их было четверо, еще больше входило.

Нона завернулась в обрывки сорочки и попятилась в угол.

— И это животное, гниущее здесь, среди собственных нечистот, убило моего Раймела? — Юмор покинул голос мужчины. — Лано? Это она?

Стройная фигура — темноволосый мужчина в изысканной одежде — наклонилась вперед:

— Это она, Отец.

— Она ваша, милорд. — На женщине, державшей фонарь, была маска из черн-кожи. Ной-гуин. Через плечо, до противоположного бедра, свисала португеза с крест-ножами. — Вы можете распорядиться ею, как пожелаете. Мой контракт выполнен. Тетрагод выражает сожаление по поводу задержки.

Нона знала этих двух мужчин, хотя еще не могла ясно их разглядеть. Она смахнула слезы, которыми свет наполнил ее глаза.

— Это было сделано не очень хорошо. — Голос Турана изменился, стал резким. — Но, по крайней мере, было сделано. — Он сделал шаг назад. — Обезопасьте ее. — И бесцветные рванулись вперед.

Все еще полуслепая, Нона попыталась встать, но ной-гуин, которая, как Нона теперь

знала, должна была быть Телласой, зацепила ногой петлю цепи и выдернула ноги Ноны из-под нее. Мгновение спустя ее схватил бессветный. Они не были совсем неумелыми, так как годами обучались искусству ной-гуин, и все они имели, по крайней мере, прикосновение хунска. Нона сломала кому-то запястье и ударила в незащищенное горло, но ослепленная, закованная в цепи и только что проснувшаяся, не могла отбиться.

Четверо бессветных прижали Нону к каменному полу, двое раненых отступили, и Туран Таксис склонился над ней, его сын Лано, худой и смуглый, жадно смотрел через плечо. Телласах протянула к Ноне длинную тонкую трость с наконечником в виде иглы. Ной-гуин держала острие иглы примерно в восемнадцати дюймах над бедром Ноны, готовая уколоть ее, предположительно, быстродействующим ядом, если она начнет вырываться.

Нона перестала сопротивляться и устала на красное бородатое лицо старика, присевшего на корточки рядом с ней. Во время опасной миссии Сестра Благоразумия часто скрывает во рту две вещи. Во-первых, закрепленную под десной воощеную таблетку, сделанную из измельченного корня крэйла. Корень крэйла останавливает сердце. Это не безболезненно, но быстро. Во-вторых, иглу в кожаной трубочке, причем нужно большое мастерство, чтобы ее использовать. Невозможно выплюнуть иглу, не отравившись самой, но любого, кого она ударит, постигнет та же участь. Иглы покрыты шамоном, ядом, который добывают из угрей, питающихся на дне океанских впадин. Этих рыб можно поймать только в тех редких местах, где теплая восходящая вода растапливает дыры во льду. Шамон вызывает медленную смерть: жертвы страдают от легочных кровотечений и кошмарных галлюцинаций. По большей части Серые Сестры используют быстрые яды. Шамон не быстр, в отличие от многих других, для него нет противоядия. Нона с радостью выплюнула бы такую иголку, будь она у нее.

— Нона, мне нужно присутствовать на одном очень важном собрании, где будет много очень важных людей, и я действительно должен показаться им. Но я вернусь к тебе. Позже. — Он достал что-то из кармана пиджака: диск из черного железа около четырех дюймов в поперечнике и почти в дюйм толщиной, украшенный рельефными сигилами по краю; с одной стороны находилась кожаная крышка, удерживаемая ремнем. Туран Таксис осторожно снял крышку, открыв спиралевидный набор сигил, каждый из которых напоминал скрученного паука; было что-то глубоко нездоровое в том, как они держали центр и, казалось, корчились.

— Это Беда. Она хранится в моей семье на протяжении многих поколений. Боль, которую она причиняет, считается непревзойденной. Хуже, чем жжение или кислота. Хуже любого яда. И она не оставляет следов. — Туран поднес устройство к животу Ноны и нахмурился. — Беда очень эффективна, но мне она никогда не нравилась. Боль должна оставить след. Боль должна быть уродливой и необратимой. Поэтому, когда я закончу общаться с лордами и леди, высшими из Сис, закончу слушать чудесную музыку, наслаждаться изысканной едой и беседовать с лучшими людьми империи, я вернусь в эту камеру и причиню тебе боль более примитивными и более удовлетворительными способами. Мы начнем с того, что отрежем от тебя кусочки. Ты потеряешь все, что не убьет тебя. А пока... — Он пожал плечами и прижал железный диск к животу Ноны.

Боль заполнила ее, быстро распространяясь от места контакта. Ей показалось, что диск раскалился докрасна и теперь полностью покрывает ее. Каким-то образом он сочетал первый ужасный шок от ожога с длительной болью, поддерживая и то и другое вместе. Каждая часть тела Ноны вносила свой вклад, когда действие Беды добиралось до нее. Кости

хрустнули, пальцы лопнули, зубы раздробились, язык покрылся волдырями, глаза обожгло. Пытка уже длилась гораздо дольше, чем Нона могла вынести. Она не знала, как долго она продлится, и ничего не могла поделать в ее объятиях.

Когда, наконец, Туран Таксис снял устройство с ее судорожно сжимающегося живота, боль исчезла, оставив только тошноту и покалывание. Нона лежала, задыхаясь. Конечности, которые она считала сломанными, выглядели нетронутыми. Глаза, через которые смотрела, не пострадали. Там, где Беда коснулась ее, она ожидала увидеть обугленный круг сырой плоти, но на коже остались лишь слабые отпечатки прижатых к ней сигиллов.

— Видишь? — Лорд Таксис вернул кожаную крышку на место и убрал диск в карман. — Никаких отметин. Как будто ничего и не было. Отрезать нос, может быть, и не так больно, но в этом есть ужас. Ты так не думаешь? — Он улыбнулся и позволил ной-гуин помочь ему подняться. — Я скоро вернусь, послушница. Я заплатил за это больше золота, чем ты можешь себе представить, и намерен получить столько же наслаждения.

Лано задержался, не сводя с нее темных глаз.

— У Отца хорошая игрушка, но теперь, когда она снова у него в кармане, тебе уже не больно, правда? — Он поднял правую руку, средние два пальца были согнуты так, словно он не мог их выпрямить. — Вот это мне сделала ты.

Нона помнила. Лано сбросил маскировку и напал на нее на ступеньках настоятельницы, перед судьей, которого купил его отец. Она пожалела, что отрезала только кусочек его руки. Она пожалела, что не отрезала ему голову. Ей хотелось сказать это, бросить ему вызов. Но, прижатая к полу у его ног, с телом, все еще содрогающимся от смертельной боли, пронзившей ее до мозга костей, ей не хватало мужества. И она ненавидела себя за это.

Мгновение спустя, с быстротой полн-кровки хунска, Лано склонился над ней, его лицо было близко к ее лицу, острое тонкого лезвия вставлено в ее левую ноздрю. Она чувствовала его дыхание на своих губах.

— Прежде чем ты умрешь, я возьму твои пальцы, один за другим, потом твои глаза. — Он встал и в последний момент полоснул ножом по носу. Внезапная жгучая боль заставила ее вскрикнуть. Горячая кровь разлилась по лицу, ее вкус заполнил рот.

— Скоро вернусь! — Усмехнувшись, Лано поспешил за отцом.

•••

ЕЩЕ ДОЛГО ПОСЛЕ того, как последний из бессветных покинул ее камеру, Нона лежала, беспомощная и дрожащая. Она сгорбилась, грязная и слабая, и не двигалась до тех пор, пока в ее голове не зазвучал голос Кеота.

Ты должна восхищаться их жестокостью.

Они больные. Зло.

Это всего лишь слова. Желание Турана — настоящая вещь. То, что оно противоречит твоему собственному, не делает его меньше.

Он чудовище. И Лано. Нона перекатилась, удивленная тем, что не обнаружила никакой затяжной боли, кроме горячей рассеченной ноздри. Она поднялась на четвереньки. *Почему ты не перешел в него, если так им восхищаешься?*

Мы связаны до самой смерти, Нона. Но когда старый убьет тебя...

Вы двое заслуживаете друг друга. Нона сплюнула и, перебирая цепь руками, пошла к стене.

Такая благочестивая! Ты не можешь утверждать, что сильно отличаешься. Ты хочешь отомстить и поэтому испытываешь то же самое желание причинить боль. Из-за этого я нашел в тебе дом, из-за того, как ты убила Раймела Таксиса.

Нона помолчала, прежде чем ответить. Действительно, какая-то часть ее души радовалась тому, что забрала у Раймела жизнь. Было какое-то нечестивое удовольствие вонзать в него нож, снова и снова. Она говорила себе, что это для Гессы. Но в тот момент радость была самоцелью. *Люди — сложные существа. Мы все сделаны из частей, которые нам нравятся, и частей, которые нам не нравятся.* Она рассеянно потянула за цепь. Зоул сказала, что вы были частью Пропавших. Все вы, дьяволы. *Частью, которая им больше не нужны.*

Настала очередь Кеота замолчать. Он так притих, что, когда Нона вернулась к работе над цепью, она спросила себя, не ушел ли он совсем.

Час спустя она бросила цепь, чтобы дать мышцам восстановить свою скорость. Ее мысли вернулись к боли, причиненной Тураном Таксисом, и к угрозе его возвращения. Рана на носу все еще пульсировала и болела. Столько боли из-за такой мелочи. Она попыталась отвлечься.

Что там у Чайник? Нона не могла понять, как монахиня могла находиться внутри Тетрагода и сохранять нить-связь между ними такой незаметной. Чайник, должно быть, присоединилась к ней, когда лорд Таксис использовал против нее Беду. Нона надеялась, что Чайник не испытала всего этого ужаса. Мысль о том, что Чайник может подвергнуться пыткам, которые Туран Таксис запланировал для нее, наполнила Нону отчаянием. Она не думала, что можно добавить к пыткам что-то такое, что сделает их еще хуже, но заставить Чайник смотреть и разделять ее боль... Хуже этого нет ничего.

Обнаружив, что ее мысли снова вернулись к тому, что ее ожидало, Нона заставила их пойти по новому пути. Очевидно, план Чайник залечь на дно сработал. Она только надеялась, что Зоул спряталась так же успешно.

Может быть, монахиня сбежала. И девушка со льда тоже. Кеот устал от усилий Ноны победить штырь, оставил надежду и, наверно, смирился с гибелью Ноны. Теперь он рассчитывал только на то, что она сможет, по крайней мере, покалечить одного из бессветных, прежде чем они обезопасят ее для следующего визита лорда Таксиса. Если быть честной, то и собственные планы Ноны не простирались дальше этого. Но для Ноны то, что за этим последует, закончится болью и смертью. Кеот, наверно, надеялся, что Туран Таксис станет его новым домом, когда этот человек, наконец, покончит с Ноной.

Не в силах отвлечься от лорда Таксиса и его планов, Нона вернулась к работе. Диск, поворот, диск, поворот. Одно усилие сменялось другим, каждое отнимало драгоценное время, поглощая интервал, через который Туран Таксис вернется со своего собрания. В перерыве, собираясь с силами, Нона попыталась представить, какое общественное событие могло привлечь Сис в эти бесплодные горы, которые она видела глазами Чайник.

Воображение подвело ее, и она вернулась к работе. Диск, поворот, диск, поворот. Она остановилась, чтобы рассмотреть штырь.

Он сдвинулся! Он повернулся!

Она попыталась повернуть штырь рукой, но он не поддался.

Действительно? Судя по голосу, Кеот отнесся к этому скептически.

Нона попробовала еще раз, намотала цепь и повернула. Потом опять посмотрела на штырь. *Он снова сдвинулся. Я чувствую на нем раскрошенный камень.*

Она попробовала еще раз, сначала налево, потом направо, прежде чем сжать штырь в кулаке. Я почти могу повернуть его...

Опять налево. Она опустилась на колени и схватила цепь поближе к штырю. Она дернула его вправо, и он слегка сдвинулся, заскрежетав о камень. Она повторила усилие, вправо, влево, вправо, дергая то с одной стороны, то с другой, и, вдруг, штырь освободился и повис на конце цепи. Невозможно. Чудо.

Нона встала, тяжело дыша. Она крепко прижала цепь к бедру, так что теперь та тянулась вверх от лодыжки.

Что теперь? спросил Кеот.

Это был хороший вопрос, на который у Ноны не было ответа.

В замке закрипел ключ.

Еще один трюк, взвыл Кеот. *Как и нож. Они наблюдали. Ждали.*

Дверь камеры начала открываться. И вдруг Нона получила ответ на «что теперь?»

Теперь я убью столько из них, сколько смогу, прежде, чем они доберутся до меня.

НОНА КАЧНУЛА НОГОЙ, хлестнув цепью, чтобы почувствовать ее. В монастыр послушницы играли в Шаг, игру с веревкой, обмотанной вокруг лодыжки, с деревянным брусом на дальнем конце. Игра состояла в том, чтобы крутить брусок лодыжкой, перешагивая через веревку другой ногой на каждом обороте. Естественно, послушницы, наиболее желавшие заработать Красное, устроили соревнование и здесь.

У первого бессветного, вошедшего в дверь, над головой была поднята дубинка, двухфутовый посох, который Нона с трудом сжала бы в руке. Она махнула ногой, за которой последовала цепь, вытянувшись во всю длину. Последние два звена ударили бессветного между глаз, разбив ему лоб. Он рухнул на колени и сполз на пол, лицом вниз.

Трое бессветных стояли в дверном проеме позади упавшего человека, черные силуэты на фоне слабого света свечей в коридоре. Темнота расцвела вокруг них, как чернила в воде, и затопила камеру. Нона ослепла. Она нырнула в сторону.

Ты должен дать мне видеть, или нам конец.

Пытаюсь! Голос Кеота поднялся до рева, эхом отдаваясь в ее черепе. Пока он тек от ключицы к шее, она чувствовала, как как по ней движется свежее клеймо раскаленного железа. Дьявол глубоко вонзил нож в плоть ее шеи, чтобы отодвинуться подальше от врезанного в металл сигила, и проложил путь под ошейником. Миновав его, он хлынул ей прямо в глаза.

Нона увидела, как дубинка опускается вниз, и, не теряя времени, отдернула голову. Конец оружия оцарапал ей щеку. Двое других бессветных двигались вперед, заходя с обеих сторон. Еще несколько в дверях, оттаскивают мертвеца в сторону. Зрение Кеота окрасило все стены в огненные тона, а сами бессветные казались чернокожими, одетыми в одежды из бледного, переливающегося серебра.

Уклонившись от дубинки, Нона ударила мужчину в глаз. Она махнула ногой, обернув цепь вокруг его лодыжек, затем отступила, выдергивая из-под него ноги. Он тяжело упал на спину.

Отлично, теперь у тебя есть якорь.

Нона проигнорировала Кеота. Она увернулась от еще одной опускающейся дубинки и ударила локтем в горло женщине, державшей ее. Мужчина, одновременно атаковавший с другой стороны, ударил ее горизонтально. Нона пнула его по запястью, и дубинка отлетела. Ни у кого из всех этих бессветных не было ничего, кроме капельки крови хунска, и они оказались легкой добычей.

Мужчина, лежавший на полу перед Ноной, освободился от цепи и начал подниматься. В то же мгновение через дверной проем влетел ной-гуин и, щелкнув запястьем, выпустил расплзающееся облако игл. Зрение Кеота нарисовало их в виде десятка или более светящихся красных черточек, несущихся к ней в зачарованной темноте.

Нона повернулась боком, чтобы свести к минимуму цель, которую она представляла, и нырнула влево. Хунска не может падать быстрее, чем кто-либо другой. Хунска может подняться быстрее, движимый быстрыми мышцами, но с иглами, сосредоточенными на ее торсе, Нона не могла прыгнуть, сначала не пригнувшись.

Думай. Это загадка.

Нона видела иглы, видела линии их полета, видела пустоты между ними. Если бы она

была достаточно быстра, то могла бы принять положение, которое помогло бы избежать многих из них, но, как не изгибайся, все иглы мимо не пролетят.

Она упала, изогнулась и согнула колени так, чтобы позволить одной из самых низко летящих игл пройти под ними. И все же пять игл попадут прямо в нее, и, возможно, еще три могут ее поймать. Лохмотья сорочки их не остановят.

Иглы преодолели половину расстояния, когда Нона взмахнула руками. Она отклонила первую браслетом правой руки. Враг снабдил ее доспехами. Тыльной стороной ладони она отбросила в сторону еще одну и остановила еще две металлом своего левого браслета. Пятая попала ей в горло. И отскочила от воротника.

Были ли ной-гуин Телласах? Нона очень на это надеялась. Ассасин преследовала ее в течение многих лет и, наконец, схватила, чтобы сделать предметом для безумных удовольствий Турана Таксиса. Если уж Ноне пришлось сражаться с ной-гуин, она предпочитала, чтобы это была та, кого она ненавидит.

Нона неловко и больно ударилась о пол, ее руки мгновенно начали искать, не застряли ли в ней другие иглы. Ничего. Она перекатилась, пнув ногой бессветного, о которого споткнулась. Удар пришелся ему между ног, когда он еще поднимался, и он потерял всякий интерес к тому, чтобы продолжать вставать.

Тот бессветный, которого Нона обезоружила, теперь выхватил нож, а не стал поднимать дубинку. Нона вскочила на ноги и бросилась на него, используя его тело, чтобы защитить себя от дальнейших атак из дверного проема. Мужчина едва шевелился, чтобы остановить ее, погрязнув в мгновении, в котором находился. Она ударила его локтем сверху вниз, в основание шеи. Он начал падать.

Ной-гуин быстро приближался с ножами в руках, окутанный клубящейся тьмой, которая даже в глазах Кеота казалась завитками тумана. Нона обогнула падающего мужчину, чтобы встретить ассасина, выдернула нож из руки бессветного, пока тот падал, и крутанула лодыжкой; цепь понеслась к ногам ассасина. Ной-гуин, чья фигура намекала на женщину, перепрыгнула через дугу цепи. Нона замедлила мир до предела, который позволяло ее тело, измученное постоянными попытками высвободить штырь из стены. Ной-гуин без колебаний двинулась вперед и ударила обоими клинками в грудь Ноны. Нона отбила первый украденным кинжалом, а второй — браслетом, изо всех сил стараясь не дать клинку соскользнуть и порезать ей руку. Они проскользнули мимо друг друга и разошлись.

Нет крест-ножей.

Кеот был прав: Телласах носила перевязь с крест-ножами. У этой ной-гуин их не было.

Нона яростно бросилась вперед. Зоул была бы бесстрашной и холодной. Чайник сражалась в трансе безмятежности. Но Таркакс Лед-копье был тем, кто увидел истинную природу Ноны, отражающую его собственную. Ярость вела их обоих в такие моменты, и только обнимая эту растущую ярость, они могли приблизиться к совершенству.

Последовал короткий обмен ударами, сопровождавшийся лязгом металла о металл, в таком быстром темпе, в каком мог бы бить барабанщик. Времени на раздумья не было — Ной-гуин бросилась в атаку. Нона отдалась инстинкту, позволив мышцам руководить памятью. Один раз она полоснула женщину по туловищу, обнаружив, что ее клинок не в состоянии разрезать то, что лежало под курткой. Один раз, когда Нона недостаточно изогнулась, удар ной-гуин прошел слишком близко и прочертил горящую линию поперек плеча.

Нона обнаружила, что ной-гуин сражается на ножах лучше ее, но она была немного

быстрее. Вырвавшись из их резкого столкновения, она развернулась на одной ноге, бросила туловище на пол и взмахнула другой ногой в направлении лица женщины. Ной-гуин отпрянула от удара, но цепь, взлетевшая вслед за ногой, обрушилась на ее рот и щеку.

Нона перекаатилась и прыгнула на ноги. Ной-гуин попятилась к двери. Черн-кожа на ее лице приняла силу цепи, но шок от удара все еще сотрясал ее мозг. Двое бессветных выбежали в коридор вслед за ней.

Нона последовала за ассасином, отбив кинжал, брошенный в нее. Они встретились в дверях, каждая с ножом в руке. Нона ударила ногой по левой руке ной-гуин, останавливая ее попытку вытащить из-за пояса какое-нибудь новое оружие или яд. Они делали обманные выпады, кололи, резали, Кеот бушевал за глазами Ноны, выл, требуя крови.

Ной-гуин, похоже, заняла оборонительную позицию, возможно, еще не оправившись от удара по голове. Нона напомнила себе, что ной-гуин лучше сражалась на ножах и должна была только ждать, пока она устанет и замедлится. Кроме того, порез на ее руке начал гореть сильнее, чем должен был гореть порез в пылу боя. На ноже Ной-гуин был клинок-яд, бесполезный в скудные секунды схватки с хунска, но если Нона замедлится и освободит мгновения, яд сделает свое дело.

Нона рванулась вперед, высвобождая каждую частичку ярости и разочарования, которые копились в ней с того момента, когда она сбежала из Сладкого Милосердия. Она скользнула по воздуху, нацелив нож в сердце Ной-гуин, другая ее рука тоже двинулась вперед. Ной-гуин, зная, что ее грудь защищена броней, остановившей предыдущий удар Ноны, сосредоточилась на том, чтобы направить свой клинок в грудь Ноны. В последнюю долю секунды, когда кончик ее ножа вошел под лезвие Ной-гуин, Нона направила его вверх и прорезала борозду от основания ладони женщины вниз по венам, артериям и сухожилиям к сгибу локтя. Другая ее рука схватила запястье Ной-гуин еще до того, как кровь начала брызгать, и подняла его так, чтобы удар ноже прошел на толщину волоса от плеча Ноны. Собственный удар ножа Ноны продолжался и бесполезно ударил по черн-коже под курткой ассасин.

Они обе упали на пол и вывалились в коридор, Нона сверху. Она выбила клинок Ной-гуин из раненой руки и, скользнув по женщине, схватила другую руку обеими ногами. Ной-гуин ударила коленями в бок Ноны. Белая боль от сломанных ребер грозила лишить ее сознания, но Нона, чертыхаясь, держалась. Она потянулась вперед и перерезала артерии на бедре женщины. Ной-гуин дернулась, но Нона переместила свой вес, чтобы удержать ее. Еще одна попытка чуть не сбросила ее на пол, а затем сила ассасин иссякла, выплеснувшись в ярко-красную лужу, образовавшуюся вокруг тела.

В дальнем конце коридора хлопнула тяжелая дверь, в замке повернулся ключ. Схватка заняла лишь то время, которое потребовалось двум бессветным, чтобы пробежать весь проход.

Нона оттолкнулась и покончила со своим врагом, перерезав сначала ремни черн-кожи, а затем бледное горло, открывшееся за ним. Ассасин не вскрикнула, только булькнула кровью, вытянулась и обмякла.

Нона с трудом поднялась на ноги. Ее зрение было затуманено, тело весило в три раза больше, чем следовало, дышать стало тяжело.

Ты отравлена.

Я знаю. На самом деле это не казалось важным.

Сделай что-нибудь.

Я и не знала, что тебя это волнует.

Если ты умрешь здесь, мне некуда будет идти.

Ты бы мне больше нравился, если бы был менее честен. Нона почувствовала, что выплывает из своего тела.

Нона!

Почти с сожалением она боролась с этим чувством. Дюйм за дюймом, получая каждый в трудной борьбе, она пробралась обратно в свою тяжелое, болезненное тело и обнаружила, что стоит на коленях рядом с Ной-гуин, в луже крови. Она начала разрезать кожаную тунику женщины. Два десятка или даже больше стальных флаконов со стеклянными ампулами внутри усеивали внутреннюю часть одежды, воткнутые в тесные маленькие кармашки. Все одинаковые, отмеченные выпуклыми символами, которые ничего для нее не значили.

Нона взяла единственный выделяющийся, больше остальных, которые были размером с половину ее мизинца. Она вытащила пробку и издали пригнулась:

— Так я и думала.

Лекарство?

Нона попыталась засмеяться и в результате закашлялась, едва не расплескав содержимое. — Нет.

Она подняла свой браслет и капнула жидкость из флакона в замок. Тотчас же он задымился, и воздух наполнился едкими испарениями, от которых Нона снова закашлялась. Она попыталась открыть кольцо, но обнаружила, что оно все еще заперто. Она капнула туда еще кислоты. Замок шипел и пузырился, металл протестовал... и вдруг поддался. Горячие брызги наполовину зря потраченных капель кислоты прожгли дыры в сорочке Ноны и ее коже. Браслет упал.

— Потребовалось много. — Нона встряхнула флакон. Большая часть содержимого была использована.

Сделай свои клинки.

Нона попыталась, напрягая несуществующую мышцу, которая сидела на задворках разума. Появились дефект-клинки, мерцая во всю длину, исчезая, появляясь снова, неустойчивые. Видимые глазами Кеота, клинки казались бело-голубыми, ни них было почти больно смотреть.

Нона попыталась срезать второй браслет, но клинки растаяли, отказываясь резать, как когда-то отказались резать Раймела Таксиса.

— Защищен сигилами.

Сожги его.

Нона трянула флакон. *Не хватит.*

Ее пальцы нащупали замок на воротнике, надеясь, что он окажется меньше. Он не оказался.

Она подняла флакон.

Потратишь его впустую. Этого не хватит. Сама сказала.

Кончики пальцев Ноны нащупали сигилы на воротнике. Три. Она упала на труп ассасина, наклонив голову. Стиснув зубы, она пролила кислоту на сигилы. Обжигающе горячие струйки потекли ей на шею, и Нона выругалась, отрывая куски от сорочки, чтобы вытереть их. Но она не двигалась, позволяя кислоте шипеть и пузыриться, разъедая металл, делая на нем ямы.

Когда кислота испортила глубоко вырезанное совершенство сигил, Нона ощутила

присутствие корабль-сердца. Не в полной мере, но кое-что из того старого давления, которое она помнила по монастырю, просочилось через разрушенные заклęcia. Знакомое, но отличное: не корабль-сердце Сладкого Милосердия, а другое, бьющееся в собственном ритме.

Нона попыталась увидеть Путь, но даже поврежденные сцилы ошейника по-прежнему преграждали ей дорогу, словно заросли терновника. Она чувствовала, как яд сжимает горло, доводя сердце до бешенства.

Найди лекарство!

Она посмотрела на флаконы. Слишком много. Она не знала точно, что было на клинке. Жарорез погонит сердце к гибели, горьковод задушит, красноворт парализует болью. Это может быть любой из них, все они или что-то еще, и идентифицировать противоядия только по запаху и вкусу...

Нона? Другой голос в ее голове, не Кеота. Иди ко мне!

И когда боль от сломанных ребер Ноны из жгучей превратилась в невыносимую, да еще усиленную ядом в крови, Нона выпрыгнула из своего тела и перенеслась в Чайник.

НОНА ОБНАРУЖИЛА, ЧТО бежит. Неловко, кренясь с одной стороны неровной естественного прохода на другую. Она понимала, что снова находится в сознании Чайник, но не понимала, почему Чайник шатается, как пьяная, и почему она не слышит даже шепота мыслей Чайник.

Неосвещенный проход не скрывал от глаз Чайник никаких секретов, и все же она ухитрилась зацепиться носком ботинка за выступ скалы и неуклюже упала на четвереньки. Боль в ноге Чайник была ничтожной по сравнению с тем, что оставила после себя Нона, но она все равно выругалась от потрясения:

— Клянусь кровью!

Чайник осталась стоять на четвереньках, переводя взгляд с одной растопыренной руки на другую.

Она пошевелила пальцами левой руки.

— Я это делаю! — она подняла голову. — Я. Нона, Нона, Нона. — Эхо подхватило ее голос.

Наступила тишина, слышался только звук отдаленного бега. Люди. Приближаются.

— О, черт. — Нона встала, обнаружив, что ее рост как-то сбивает с толку, хотя теперь она была одного роста с Чайник. Она пробежала по себе руками... Руки Чайник... на теле Чайник. — Где ты?

Звуки погони становились все громче, ближе. Нона еще раз погладила свое незнакомое тело и снова заставила его бежать, сосредоточившись на том, чтобы не споткнуться о «свои собственные» ноги, задача, которая почему-то стала очень утомительной. Через десять шагов она запуталась ногами в ножнах меча Чайник и снова упала.

— Помочь? — Нона снова встала на четвереньки. Ее ноги казались слишком длинными, а верхняя часть — какой-то неуравновешенной. Она заметила провал, каменную глотку, достаточно широкую, чтобы принять ее. Темное зрение Чайник не обнаружило дна, только почти вертикальную шахту, уходящую вниз.

Нона заколебалась. Раздались крики. *Недалеко*, подумала она, хотя эхо могло сыграть с ней злую шутку.

— Они охотятся за мной... где ты, Чайник?

Она могла спрыгнуть вниз и рискнуть оказаться в ловушке в сужающейся горловине скалы — подарок для бессветных, которые могли либо подмигнуть ей сверху, либо оставить умирать. Или медленно бежать дальше, постоянно падая, чтобы быть настигнутой и убитой в течение нескольких минут.

Есть паралич выбора, особенно когда то, что поставлено на карту, более ценно для человека, чем то, чем он владеет. Нона рисковала собственной жизнью с пугающей регулярностью и без колебаний, но, решая, как спасти Чайник, изнутри ее, она обнаружила, что не в состоянии принять решение.

— Чайник?

•••

МИР ЧАЙНИК ПРЕВРАТИЛСЯ в боль, в белое море боли. С огромным усилием он

разогнулась и заставила себя разлепить веки. Она моргнула. Мир казался совершенно чужим, цвета — странными, камень — живым огнем. Глаза тоже горели, словно их натерли перцем. Она лежала в коридоре, пол был залит кровью, а Ной-гуин — из которой, похоже, кровь и вытекла, — на расстоянии вытянутой руки. Плоть убийцы выглядела черной, ее маска из черн-кожи была темной, но с золотыми отблесками, как будто что-то блестящее плавало под ее поверхностью.

Чайник с трудом поднялась и втянула воздух через горло, которое казалось уже соломинки. Руки были не ее. Одно запястье охватывал металлический браслет. С тела свисали лохмотья сорочки, почти не прикрывая наготу. Ребра кричали на нее.

Я в Ноне. Каким-то образом я нахожусь в Ноне, как она была во мне. Чайник поднесла руку к лицу. *Я подняла ее руку. Я это сделала.*

Спазм стиснул желудок, превратил в узел боли. Она скрутилась вокруг него, и горло полностью сжалось.

Чайник отчаянно вцепилась в ее шею — шею Ноны. Мгновение спустя она почувствовала что-то вроде обжигающей руки, которая сжала горло под бесполезными пальцами и каким-то образом снова открыла его.

Вставай. Сделай что-нибудь. Ты так же бесполезна, как и она. Грубый, неприятный голос, как у старого человека, не мужской и не женский.

Нона?.. Это была не Нона.

Ты умираешь. Шевелись!

Чайник судорожно вздохнула и поползла к Ной-гуин. Куртка ассасин была распахнута, обнажая противоядия и яды, которые она носила. *Боль, слабость, удушье. Какой яд? Думай.* Нахлынули воспоминания, которые Чайник унесла с собой в пустой разум Ноны. Она услышала голос Яблока, лекторский тон, который та приберегала для занятий. «У вас почти сотня вариантов для клинок-яда. Если, конечно, вы не хотите, чтобы он оставался действенным больше одного дня. В противном случае у вас не больше двух десятков. Если вы также хотите иметь возможность вывести из строя вашего противника до того, как бой закончится естественным образом, то у вас есть только дюжина. Но если вы хотите что-нибудь такое, чему человек не может сопротивляться, тогда у вас их еще меньше. И, наконец, если вы хотите добыть ингредиенты на месте, а не искать их почти по всему Коридору.. их пять».

Пять вариантов. Боль. Удушье. Это должен быть голубой скорпион... но слабость? Глазурь бескостного? Этому можно сопротивляться... может быть, поэтому Нона все еще может двигаться?

Чайник начала открывать флаконы, как в экстазе, пробки выскакивали, содержимое проливалось. Капля не того яда на ее кожу — и станет гораздо хуже. У Серых Сестер были какие-то мысли о письменах Ной-гуин, свои теории, но Ной-гуин регулярно меняли свои шифры, и лучше умереть из-за того, что тебя подвели чувства, чем из-за ошибки в переводе.

Серые учились нюхать неизвестные соединения. Не день, два или неделю. Целый месяц Чайник тренировалась вместе с двумя другими потенциальными Сестрами Благоразумия. Месяц, в течение которого она была так близка, как никогда, к тому чтобы разлюбить и, даже, возненавидеть Яблоко. Два вдоха, один на расстоянии, другой вблизи. Потом решай и, если ты считаешь, что это безопасно... принимай. Дальний вдох давало первое и жизненно важное впечатление, шанс выжить в любой ловушке. Ной-гуин, в частности, были известны тем, что упаковывали в тубик, помеченный тем или иным противоядием (зашифрованным),

серую горчицу, которая при вдохе разъедала легкие.

— Слепой глаз. — Чайник тяжело вздохнула и отбросила флакон в сторону. — Судороги. — Еще раз отбросила. — Голубой скорпион. — Резкий запах, вещество внутри казалось вязким. Нанесенный на лезвие, он высыхал до прозрачного покрытия, похожего на смоляной лак. — Белая кровь. — Первое противоядие, но бесполезное. Еще четыре — три неприятных яда и противоядие от слепого глаза. Горло снова сжалось так, что каждый вдох сопровождался натужным хрипом. Сердце билось так быстро, что практически вибрировало в груди, держать руку поднятой было почти невозможно. И боль. Смерть уже казалось желанной. Если бы у нее хватило воздуха в легких, она бы закричала.

Торопись. Голос незнакомца в ее голове... в голове Ноны.

У следующего был тот резкий, почти лимонный запах, от которого у Чайник свело живот. У настоящих лимонов, выращенных за огромные деньги в оранжерее какого-нибудь лорда, был запах, от которого у нее потекли бы слюнки, но где-то между «настоящим» и «почти» что-то пошло не так. Это было красное лекарство. Чайник поставила бы на это свою жизнь. Смесь готовилась почти так же, как и черное лекарство, но в ней отсутствовали некоторые из наиболее опасных ингредиентов, и она включала несколько других, специфичных для противодействия ядам тварей из семейства скорпионов.

Чайник поставила на него свою жизнь. Из последних сил Ноны, она поднесла флакон ко рту, опрокинула в рот его содержимое и постаралась не задохнуться, когда оно потекло по узкому проходу в желудок.

• • •

НОНА ЛЕЖАЛА ГЛУБОКО под туннелем, по которому бежала, когда очнулась в тел Чайник. Узкий провал проглотил ее. Гравитация тянула ее ярд за ярдом вниз по скользкой скале — извилистый, почти вертикальный спуск, петляющий вокруг более твердых вторжений магматического камня. Проход становился все уже и уже, сжимая тело Чайник со всех сторон. Нона подняла руки и, как раз в тот момент, когда она подумала, что может застрять, пятки нашли дно. Она соскользнула вниз так далеко, что звуки преследователей больше не долетали до нее. Нона затаила дыхание и прислушалась. Она не могла представить себе бессветных, настолько преданных охоте или настолько боящихся неудачи, которые добровольно опустятся ногами вперед в каменную глотку и позволят ей проглотить себя.

Нона стояла, прижавшись к холодному камню, мокрая, дрожащая, одна в глубокой слепой темноте, но все же видящая. Темнота давила на нее и проникала в нее. Нона понимала, какую власть она теперь имеет над темнотой, в этом теле. Но, более того, она тоже была уязвима для темноты, причем по-новому. Темнота не была ни пустой, ни доброй. Она чувствовала, как тени текут по телу Чайник так, как не чувствовала это раньше, когда делила с ней это тело. На этот раз все было по-другому. Чайник исчезла.

Подумав немного, Нона вспомнила, откуда она сбежала. Где-то неподалеку лежало ее собственное тело, отравленное. Наверняка уже мертвое? Она бы вернулась, если бы могла, но, похоже, это было невозможно. Она не чувствовала никакой связи.

В ней поднялось ужасное подозрение. Каким-то образом Чайник заняла ее тело через нить-связь. Каким-то образом Нона позволила это, когда ослабила сигилы, которые ограждали ее силу. Нона потянулась к отголоскам воспоминаний Чайник, надеясь найти

хоть какой-то ключ. Она стиснула зубы Чайник, сосредоточилась и заставила всплыть на поверхность самые последние воспоминания, просеивая их пальцами своего разума.

Чайник пряталась, ожидая, когда отдохнет после долгого бегства из крепостного туннеля. Трудно судить о течении времени, когда ты одна в темном месте, вдали от солнца и луны, но у Сестер Благоразумия есть свои пути, и Чайник провела в тишине свой первый день и ночь. В какой-то момент она заснула, погрузившись в тот легкий, как перышко, сон без сновидений, которому обучаются Серые. Чайник проводила время, вспоминая, без всякого удовольствия, долгие, трудные недели ее обучения тому, как оставаться настороже. Она пережила эти недели в подземелье, как и три других кандидатки в Серые. Это было ее первое испытание в Священном Классе. Сафира была одной из трех ее спутниц.

Сестра Яблоко и одноклассницы Чайник делали десятки попыток застать ее врасплох, днем и ночью, пробираясь к пещере, где она ждала, подходя к ней с любого из пяти входов. Она должна была продержаться шесть дней. Если кому-то удавалось прикоснуться к ней без вызова, то счет сбрасывался, шесть дней начинались заново. Если бы до конца месяца она не продержалась шесть дней подряд, то никогда бы не надела Серое. Иногда они приходили к ней каждый час или дважды за пять минут, иногда уходили через два дня. Чем длиннее промежутки, тем хуже...

Нона встряхнулась от старых воспоминаний Чайник, ища что-то более свежее, и почти сразу же обнаружила воспоминание о том, как Чайник проснулась после неглубокого сна. Глаза открылись в темноту. Ясность снизилась, когда она напряглась, чтобы снова услышать то, что разбудило ее. До нее донесся какой-то слабый звук. Камешек, отброшенный недостаточно осторожной ногой. Далеко, но недостаточно далеко. Чайник молча поднялась и пошла по туннелю, который разведала. Ускорила шаг. Начала бежать. И вдруг ее голова раскололась от невероятной боли, горячий прилив страха затопил ее, она увидела видения горящего мира и поняла, что Ноне грозит смертельная опасность. Забыв о своем тяжелом положении, она потянулась к послушнице. И каким-то образом... каким-то образом вот это.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА СТЕКЛО

ЗА БЫСТРЫМ УСПЕХОМ Брата Пелтера — старшие инквизиторы Селдом и Аги приняли его предложение — последовало разочарование. Пелтер раз за разом гонялся за отчетами о деятельности инквизиции только для того, чтобы обнаружить: операции завершены, инквизиторы ушли, или отчет преувеличен и расследование недостаточно важно, чтобы в нем участвовал старший инквизитор.

Во время их нечастых возвращений на скоростные платные дороги, мощные магистрали, составлявшие хребет империи, Стекло видела необычное количество больших экипажей, спешащих на восток. Мимо с грохотом проносились огромные изящные кареты из черного дерева и серебра, на боках которых красовались эмблемы многих величайших семейств Сис. Несколько раз настоятельнице удавалось разглядеть герб, пролетающий мимо створок ее окна. Черные топоры, скрещенные перед красным солнцем — древний дом Ролсис; башня и перо — дом Йотсис; петля палача — стремительно поднявшиеся Галамсис, относительные новички в высшем свете.

Они ехали на восток, всегда на восток. За эти дни Настоятельница Стекло, глядя из окна экипажа, узнала больше об империи, чем за последние пятнадцать лет. Она всегда получала хорошие сведения от Серых Сестер и Красных, а еще от дюжин старых знакомых, людей, которые были ее глазами и ушами, когда она сидела в самом высоком кресле в Башне Исследующих. Башня возвышалась над всеми шпилями Истины, внушительный вид, но ее хозяйке нужно было видеть дальше. Тем не менее, путешествие в карете напомнило Стеклу, что ничто не сравнится с тем, что можно услышать своими ушами и увидеть своими глазами. Разговоры торговцев и путешественников, фермеров и солдат, даже подавленных видом одеяний инквизиции, передавали пульс империи.

— Мы скоро там будем, настоятельница. — Брат Пелтер стал повторять это все чаще по мере того, как увеличивались задержки. Белые пики Грэмпейнов доминировали на горизонте, придавая вес заявлениям Пелтера. Он сидел между старшими инквизиторами Агикой и Селдомом на скамье напротив Стекла, и в его улыбке не было доброты. — Скоро там будем.

Пелтер думал, что угрожает ей, но Стекло теперь всем сердцем надеялась, что их охота скоро закончится. В мире существовало много видов магии, но величайшим из всех, как казалось Стеклу, был правильный выбор времени.

— Вы считаете, что приход Шерзал к власти — это хорошо, брат? — спросила Стекло.

— Она уже пришла к власти, — сказал Пелтер. — И это хорошо для тех, кто ее поддерживает.

— Шерзал охотится не только за местом за столом своего брата. Она собирает корабль-сердца. Какой вред она может причинить...

— *Другим!* — рявкнул Пелтер. — Какой вред она может причинить другим! Мудрость в такие времена заключается в том, чтобы знать, за кем следовать, когда все разваливается. Вы, настоятельница, поступили неразумно.

— Мудрость заключается в том, чтобы не позволить всему развалиться, брат. — Взгляд Стекла метался от Селдома к Агике. — Мы все — часть древа Предка. Как бы ни был

благоприятен ветер, ветка, оторвавшаяся от него, со временем упадет и засохнет.

•••

ПЕЛТЕР СДЕЛАЛ ОСТАНОВКУ в деревне Бру, в полуразвалившейся таверне под названием «*Неуловимая Свинья*». Он приказал подать обед для своей компании и положил перед Стекло еще один кирпич хлеба кающегося грешника. Она сидела, жуя грубый кусок, который Сэра отрезала для нее только при помощи меча. И пока Пелтер расспрашивал о старшем инквизиторе Хеймсе, который, предположительно, расследовал еретическое воссоздание генеалогического дерева каким-то потенциальным лордом, Стекло прислушивалась к разговорам за соседними столиками.

За последние месяцы в Бру и в лежащие по всему коридору деревни пришли отдельные люди, семьи и целые кланы. Все они были вытеснены с окраин наступающим льдом.

— Вчера вечером пришли еще. — У говорившего через два столика от него был рокошущий голос, который проскальзывал сквозь общую болтовню. Каждое слово, как валун, выкатывалось для просмотра.

— Говорят, что эти нищие приходят с окраин. — Узколиций торговец напротив Рокотуна, смуглый и кислый. — Но это вранье. Теперь окраина *мы*.

— Тогда нам лучше стать жестче и защитить то, что принадлежит нам, — сказал Рокотун. — Эти лед-фермеры крепче гвоздей и беднее мышей церкви Надежды. Что они будут делать, когда проголодаются?

— Они уже проголодались!

— Что ж, они не будут тихо умирать от голода на дороге. Можете не сомневаться.

За столом позади Стекла завсегда, подкрепившись элем, обсуждали угрозу Скифроула и Дарна.

— Ссала я на дарнов. Какое нам дело до имперских портов в трехстах милях к западу? Они ближе к Дарнленду, чем к нам! Пусть сражаются на берегах. Дарны и их маленькие лодки! — Говорившая громко сплюнула, давая своему спутнику возможность вмешаться и высказать свое мнение.

— Джейс Ленер охотится на белого льва на восточных склонах. Вы захотите послушать этого человека. С этих склонов можно хорошо видеть границу. Он говорит, что в Скифроуле почти не видно земли, столько там собралось боевых племен. Адома переправит их через перевалы еще до конца года, помяните мое слово. Как прилив. Красный прилив. Тогда нам будет не до нищих с окраин. И не до дарнов.

— Говорят, ей нужен Ковчег. — Третий голос. *Старик*, подумала Стекло. — Это то, чего хочет бой-королева.

— Так они гряд. Дескать, все дело в Ковчеге. Что касается меня, то вот что я вам скажу. Речь идет о земле. Им нужны акры. Им нужны наши акры, и они с радостью польют их нашей кровью. Как только они доберутся до земли, они даже не пернут, когда Крустикэл будет паяться на них с Ковчеха.

Стекло откинулась на спинку стула, уставившись в стол, не замечая злобы во взгляде Пелтера, и прислушалась. Минут через пять на море голосов, из которого она выуживала сплетни, установился почти полный штиль. Стекло подняла глаза, повернула лась, как почти все остальные, и увидела трех крупных мужчин в мехах и железе, входивших через главный вход таверны. Джуреги. Как и пеларти на севере, на юге джуреги правили почти

безраздельно, как самые свирепые и самые страшные из племен, которые бродили по ледяным границам. В отличие от лед-племен, они не хотели жить на глубоком льду и не смогли бы там долго продержаться. Но они, конечно, могли отступить на десять или двадцать миль по льду, когда появлялись имперские войска, а затем двинуться на восток или на запад, чтобы снова появиться без предупреждения, петляя между трещинами на спине ледника и исчезая с высот, где фокус луны срезал морду льда.

Джуреги оглядели переполненную пивную, волки оглядели стадо овец.

По обе стороны от Стекла стражи Пелтера, Мелкир и Сэра, тихо положили руки на рукояти мечей. Агика и Селдом переглянулись. Джуреги были известны тем, что похищали духовенство за выкуп. Даже если переполненный трактир удержит их от немедленных действий, оставалась вероятность, что они последуют за экипажем, когда он уедет.

Джуреги проигнорировали и бар, и камин, прокладывая прямую линию к инквизиторам. Толпа деревенских жителей, батраков и путешественников, стоявших в главном зале, растаяла с их пути. Мелкир попытался встать, но обнаружил, что не может отодвинуть стул — тот был зажат ногами дородного торговца тканями позади него.

Самый крупный и старший из троицы, крепкий мужчина шести с половиной футов ростом, широкий в груди и щеголяющий дикой бородой с проседью, одарил их бесцветной улыбкой. — Ты моя. Иди. — Он указал на своих спутников, возможно, сыновей-близнецов. — Останови твоего пса, и мы его не уьем.

Стекло встретила взглядом с Сэрой. Джуреги придерживались причудливой патриархальной версии веры Предку, которая низводила женщин до положения служанок, чуть выше рабынь. Они сохранили атрибуты этих верований в языке, который использовали с чужаками, но, к сожалению, не были настолько привержены своим принципам, чтобы игнорировать вооруженных женщин, таких как Сэра. Однако они ее недооценивали. Тем не менее, жизнь стража инквизиции была мягкой по сравнению с тем, какую вели они, совершая набеги с границ льда. Стекло поставила бы на любого из трех Джурегов против обоих охранников Пелтера. Несмотря на это, она заставит обоих охранников драться. Она держала в голове расписание, и задержки до сих пор приветствовались. Но на то, чтобы получить выкуп от джурегов, уйдут недели, и все рухнет.

— Вставай! — Старший джурег хлопнул в мозолистые ладони. Как приверженцы еретического направления, джуреги и пеларти назначали высокие выкупы за инквизиторов и суровые сроки. Говорили, что предание инквизитора ужасному концу доставляет почти такое же удовольствие джурегу, как и щедрая плата за то, чтобы отпустить его.

— Не думаю, что монахиня захочет идти с тобой, — раздался мужской голос из-за спин джурегов. — В голосе прозвучало легкое возбуждение.

Туземцы дружно повернулись, сыновья потянулись за мечами, отец положил руку на рукоять топора. Стекло увидела, что говоривший был на удивление молодым человеком, не таким высоким, как джуреги, и значительно более легкого телосложения. На нем был дорожный плащ хорошего качества, в одной руке он держал кружку с элем, а в другой — ремень дорожной сумки. Темные глаза под завитком черных волос отражали веселье в его голосе, как и кривая улыбка на его узких губах.

— Не твое дело, парень. Смерть будет твое дело, если ты не отступишь. — Старший джурег говорил с хриплой злобой.

— Заставь меня. — Улыбка стала шире, обнажив белые зубы.

Один из сыновей шагнул вперед, обнажая меч. Мужчина отпустил свой эль и сумку,

упал на пол так же быстро, как они, и выбросил ногу, которая выбила из-под сына ноги. От его скорости захватывало дух. Мужчина вскочил быстрее, чем сын упал, шагнул внутрь удара меча другого сына и ударил того в горло. Каким-то образом он вытащил из-за пояса отца нож и вонзил его в густую бороду, прежде чем Стекло правильно сформулировала мысль: «полн-кровка хунска».

В дверях появились еще двое джурегов и остановились, увидев, что происходит. Молодой человек повел предводителя джурегов к выходу.

— Я уверен, что вы, джентльмены, найдете другую таверну, где можно выпить. — Он подождал, пока сыновья соберутся и уйдут. Двое других мужчин попятились к двери, и, как только они оба вышли, хунска вернул нож пленника в ножны так быстро, что Стекло едва успела заметить движение его руки. Джурег понял намек и ушел без всякой бравады. Он мог бы до конца жизни каждый день грабить таверну и не встретить ни одного полн-кровку хунска. Гордость — это одно, но ни один рейдер на гордости далеко не уйдет. Прагматизм — вот то, что поддерживает жизнь на границах, и у джуруга его было много.

Молодой человек поговорил с парой местных жителей у двери и вернулся к столу. Приветствий не было: жители деревни смотрели на него так, словно он мог в любой момент вспыхнуть пламенем или превратиться в лошадь. Только на последнем ярде его приближения к столу инквизиторов, его полуулыбка исчезла, когда он заметил серебряные цепи Стекла. Внезапно обветренный путешественник крикнул, волнуясь:

— Это он! Я его знаю! Из Истины! Ринг-боец! Регол!

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА СТЕКЛО

— Я УДИВЛЕНА, ЧТО мы встретились на проселке, учитывая, что ты направляешься в дворец Шерзал. — Стекло наблюдала за молодым бойцом, не обращая внимания на свой хлеб. У инквизиторов, даже у стражников по обе стороны от нее, на тарелках была гораздо более изысканная еда. Город Хуртил приютился среди предгорий Грэмпейнов и, как последний цивилизованный перевалочный пункт для путешественников, посещающих дворец или пробирающихся через Великий Перевал в Скифроул, мог похвастаться несколькими ресторанами сносного качества.

— Эти платные дороги обескровят человека. — Регол взял вилкой кусок говядины со своей тарелки. Несмотря на его уверенность, что-то в этом действии говорило о том, что он нерегулярно пользуется столовыми приборами.

— Я думала, что ринг-бойцам хорошо платят. Особенно успешным. И, конечно, ты должен быть успешным, чтобы о тебе знали так далеко от Истины?

— Я выигрываю больше, чем проигрываю. — Регол пожал плечами, прожевал и проглотил. — И я бережно отношусь к своим деньгам. Их должно хватить на всю жизнь. Никто не задерживается на ринге слишком долго. Всегда есть кто-то, кто становится лучше, в то время как ты становишься хуже. И, когда приходит время уходить, многие оставляют ринг непригодными для другой работы. — Он отрезал еще мяса от лежащего перед ним куска. От его запаха у Стекла потекли слюнки. — Кроме того. Я хотел посмотреть империю, а не то, что можно увидеть, грохоча по платной дороге. — Он помолчал, размышляя. — Та деревня, Бру? Я пришел почти оттуда. Родился в сарае. Мои родители продали меня похитителю детей.

Инквизиторы подняли на него глаза. Церковь Предка относилась весьма неодобрительно к любому, кто готов был разорвать семейные узы всего лишь за деньги. С другой стороны, плоды, срезанные таким образом с дерева, были бесценны для церкви. Детей, отданных родителями в монастыри, мужские и женские, можно было забрать обратно; детей, проданных из своих семей и позже переступивших порог церкви, — нет.

— Ты их видел? — спросила Стекло.

— Их? — Регол оторвался от еды и бросил на нее мрачный взгляд из-под бровей. Стекло ничего не ответила. Они оба знали, что она имела в виду. Регол снова перевел взгляд на нож и вилку, разрезая мясо все мельче. — Мой отец умер несколько лет назад. Я увидел свою мать в толпе, которая собралась, когда я въехал. Она меня не узнала.

Стекло откинулась на спинку стула и позволила молодому бойцу сделать вид, что он сосредоточился на еде. По правилам Реголу нельзя было позволять обращаться к пленнице, но Брат Пелтер нуждался в нем. Инквизитор нанял Регола в качестве дополнительной охраны, пообещав благодарность Шерзал, а также красивый кошелек. Стекло приветствовала компанию. Регол, со своей стороны, как только понял, что Стекло была настоятельницей Сладкого Милосердия, охотно заговорил о тренировках на мечах, затем о ковке Калтесса и постепенно, как художник, раскрывающий свою тему из путаницы линий... о Ноне Грей.

Учитывая, что за ней наблюдают ее судьбы, Стекло знала, что ей следует держать язык за зубами, когда речь идет о Ноне и ее побеге. Она знала, что Брат Пелтер позволял Реголу

говорить с ней для того, чтобы Регол был счастлив и продолжал их защищать. Но более сильным мотивом для брата Пелтера, несомненно, было желание дать ей достаточно веревки, чтобы повеситься. Тем не менее, она сказала ринг-бойцу столько правды, сколько осмелилась.

Брат Пелтер, возможно, никогда не знал эмоций, которые правят молодыми. Он мог бы утверждать, что достаточно стар, чтобы забыть такие страсти, но Стекло было столько же лет, сколько и Пелтеру, и первые любовные увлечения все еще ярко горели в пыльных архивах ее памяти. Они ждали за забытыми углами, ожидая, чтобы удивить ее в самое странное время. Стекло увидела в осторожном танце Регола вокруг пропавшей девушки интерес, который она узнала. Она увидела стоящую костяшку домино, за ней выстроились другие. Она увидела, что пришло время ее толкнуть.

— Мы всегда надеемся, что другие люди увидят сквозь кожу и кости, которые мы носим, Регол. Сквозь маски, которые мы носим. Мы надеемся, что они увидят нас, настоящих. Какую-то искру, какое-то пламя, что-то особенное, что-то стоящее. Некоторые люди рождаются без этого зрения. Некоторые матери обнаруживают, что им этого не хватает, даже когда они смотрят на своих детей. Они такие же калеки, как слепые. Может быть, даже хуже. Твоя мать не увидела тебя, когда ты вернулся, потому что она *никогда* не видела тебя. Я бы узнала своего Эйбла, если бы не видела его больше пятидесяти лет и он сам был бы стар и сед. — Ее пальцы все еще помнили волосы ее ребенка. Чистый запах его младенчества все еще преследовал ее в неожиданные моменты, заставляя ее дыхание перехватывать, а сердце болеть.

Стекло наблюдала за Реголом. Ей он казался еще мальчиком. Да, его следовало бы называть молодым человеком, но она все еще видела черты ребенка, которого Партнис Рив купил для Калтесса. Она наблюдала за ним, наблюдала за его сарказмом, слегка насмешливой улыбкой, сардоническим видом и напускной *ennui*^[4]. Она узнала броню, когда увидела ее. А кто носит такие тяжелые доспехи, если без них они не уязвимы?

— Я знаю только, что мама меня не увидела. Только одежды и лошадь...

— Это не твоя вина, мальчик. — Стекло отщипнула хлеб кающегося грешника. — Возможно, ей не хватает этого зрения. Но пламя горит в твоих глазах. И ты видел его в других. В ком-то. В ком-то, кто мог бы быть тебе дорог.

Позже Стекло снова заговорит о Ноне Грей. О том, как она бежала от инквизиции, и о том, как лорд Таксис пообещал, что ее жизнь закончится. Позже, но не сейчас.

•••

ПОД ЗАЩИТОЙ РЕГОЛА удача повернулась ним лицом в течение дня, и третий старший инквизитор, Брат Даймеон, был обнаружен и вызван на бой. Брату Пелтеру не составило труда одержать победу и убедить его. Все знали, с какой неприязнью относится Брат Даймеон к настоятельнице. Во время своего пребывания в должности Стекло держала его в ежовых рукавицах и никогда не повышала. После ее ухода звезда Даймеона быстро взошла.

Собрав полный состав суда, Пелтер приказал вернуться на платные дороги, и карета быстро двинулась вперед. Кучер обещал доставить их во дворец к вечеру.

— Пойдем. — Пелтер положил на стол серебряную монету и встал, собираясь уходить. — Нам пора идти.

Стекло медленно поднялась. Она отломил кусочек от лежащего перед ней кирпичика хлеба и принялась жевать.

•••

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕВАЛ ОКАЗАЛСЯ менее величественным, чем его название. Хотя этой стороне Коридора Грэмпейны не могли похвастаться более глубоким или более широким проходом, Великий Перевал не был ни глубоким, ни широким. Дорога становилась все уже и, набирая высоту, петляла вверх по склонам пугающей крутизны, ветер становился все свирепее и холоднее. Лед цеплялся за скалу и скапливался в любой впадине. Темный камень Грэмпейнов стал белым, экипаж покрылся ледяными волосами. Сначала они оставили позади деревья, потом траву, и, наконец, все вокруг стало бледным, как смерть, без малейших признаков растительности.

Небольшие форты усеивали перевал через равные промежутки. Не для того, чтобы препятствовать проходу — Кулак Бленаи служил этой цели на восточных склонах, — но для размещения солдат, которые совершали регулярные вылазки в горы, патрулируя в поисках шпионов Скифроула, рейдеров или предвестников любого массового вторжения. Из-за зубчатых стен поднимался дым, сквозь ставни просачивался свет каминов, но они все равно выглядели мрачными и одинокими среди бескрайних гор — просто точки тепла и света, рассеянные по несказанной массе холодного камня. Ветер перестал стонать и вместо этого принялся завывать, пробегая зубами по закрытым ставнями окнам кареты. Осколки льда сыпались на крышу, от сильных порывов ветра весь экипаж качало то в одну сторону, то в другую. Хотя впереди Стекло ждала всевозможные опасности, она поймала себя на том, что в этот момент испытывает жалость к Реголу, который ехал впереди на своей пятнистой кобыле, жалость к кучеру Хебу, сгорбившемуся на своем сиденье, и даже укол сочувствия к Сэре на крыше экипажа, чья работа состояла в том, чтобы сбить Стекло с ног, если она попытается сбежать.

Небо над головой было темно-бордовым, переходящим в черное, усеянное темными лентами облаков, которые выглядели как рваные раны там, где зубчатые пики разрывали небеса.

•••

НЕСМОТРЯ НА ИЗВИЛИСТОСТЬ и узкость, дорога, по которой они ехали, не была безлюдной. Тусклые огоньки экипажей, повозок и фургонов подчеркивали протяженность перевала, змеясь к самой верхней его точке и длинному спуску за ней. А там, бережно и почти целиком скрытое склонами распадка, поднималось, намекая на целый городок, сияние огней уединенного дворца Шерзал.

— Я бы сказала, что любой, кто скрывается так высоко в таком отдаленном месте, должен что-то замышлять. — Стекло продолжала смотреть сквозь щели в створках, ни к кому конкретно не обращаясь. — Но с таким же успехом это можно сказать о монастыре на вершине скалы или об инквизиторе в высокой башне.

Трое старших инквизиторов, дремавших на сидении напротив, ничего не ответили. Брат Пелтер только скривил губы, но Мелкир, хотя и заставил лицо застыть в маску стража, не мог не дернуть уголком рта в сторону улыбки.

•••

ОНИ ПРОДВИГАЛИСЬ ВПЕРЕД рывками, останавливаясь, казалось, каждую секунду одном из сотен и более мест разъезда, чтобы пропустить фургоны и повозки, идущие в противоположном направлении. Торговля процветала, почти через все границы Коридора шел непрерывный поток товаров. Любая закрытая граница отделяла мир на востоке от всех народов на западе. Давление, которое затем усилилось, чтобы вновь открыть такую границу, быстро росло, и его оказывало все большее число наций, изголодавшихся по любым деликатесам или местным редкостям, которых жаждал их народ. И, по мере того, как угроза конфликта все больше мешала процветанию торговли, приходил момент, когда торговцы, отчаявшись, складировали товар, в результате чего тот мог быть недоступен долгие и кровавые месяцы, а то и годами. У Стекло не было реальной основы для сравнения, но, учитывая, сколько тяжело нагруженных фургонов им пришлось пропустить, она предположила, что это может быть бум.

•••

ДЛЯ СЛИШКОМ МНОГИХ Сис решение Шерзал изолировать себя среди Грэмпейнс казалось безумием. Конечно, самая младшая сестра императора тоже перебралась на самый край империи, но дворец Велеры находился в процветающем порту Джеррен, городе, с которым мало кто мог сравниться по богатству и обществу.

Дворец Шерзал по необходимости больше походил на крепость, по крайней мере снаружи. На самом деле это и была крепость до того, как она приняла командование и заставила поработать своих каменщиков. Великий Перевал не предлагал никакого гостеприимства, никаких уступок слабостям человечества. Вместо угодий и садов Шерзал выбрала продуваемую всеми ветрами скалу. На постоянные бури ее дом ответил окнами в виде щелей, совсем немногочисленными. Старшая сестра императора жила за толстыми стенами из темно-серого камня, добытого в этих же горах. Ее дворец примостился в рукавах распадка, в поисках укрытия, и только три башни были достаточно храбры, чтобы показаться над угрюмой громадой камня.

Высокие стены окружали двор перед главным дворцом. Стекло наблюдала сквозь оконные створки, как стражники распахнули огромные ворота и впустили их внутрь. У крепких душ, стоящих у дверей Шерзал или патрулирующих ее стены, не было ни султанов, ни роскошных мундиров: это были солдаты, ветераны в темных плащах, в доспехах, знавшие и победы, и поражения.

Колеса простучали по каменным плитам и захрустели по гравию. Кучер остановил лошадей. Сэра открыла дверь, и брат Пелтер шагнул в клубящийся ветер. Стекло последовала за ним, а Мелкир поддерживал ее за локоть, чтобы удержать на ступеньке. Она осмотрела сцену. Сооружение ровной площадки, достаточно широкой для десятков экипажей, выстроившихся теперь во дворе Шерзал, было, должно быть, самым большим инженерным подвигом во всем проекте. Сестра императора, возможно, и удалилась от общества, но она явно с самого начала намеревалась, чтобы общество само приходило к ней в гости, и в большом количестве!

Эмблемы, сверкающие яркими красками под лаком, покрытым бусинками дождя,

возвещали о собравшейся толпе с несравненной родословной. Стекло не успела запомнить многих, как два лакея спустились по ступенькам большого портика и попросили уважаемых инквизиторов следовать за ними. И Стекло вместе со своей охраной, обвинителем и судьями поднялась по мраморной лестнице Шерзал. Они прошли под сводчатым дверным проемом, оставив позади дикую ночь.

Огромная дверь с лязгом захлопнулась за ними. Какое-то мгновение инквизиторы, стражники и заключенная стояли, моргая, привыкая к внезапному теплу и отсутствию ветра. Сияние множества хрустальных ламп заливало сводчатый зал. Вдоль стен стояли статуи: члены династии Лансис, гордые, царственные, затмевающие всех спутников Стекла, императоры бок о бок с теми, кто никогда не сидел на троне. Меж каждой парой статуй устроена ниша с хрустальной лампой, светившей на один-единственный предмет, созданный настоящим художником; некоторые из них были уродливы, некоторые изысканны, но от стоимости каждого просто дыхание перехватывало, одним видом и весом материалов, из которых те были сделаны.

Слуги вышли вперед, чтобы взять верхнюю одежду инквизиторов. Другие взяли багаж, а дворецкий, пожилой мужчина с внушительной гривой седых волос, осведомился о верительных грамотах и делах вновь прибывших. Инквизиторов редко приглашают на светские рауты, даже если хозяйка — главный инициатор инквизиции.

Судя по тому, что Стекло уловила из негромкого разговора брата Пелтера и дворецкого, их появление ожидалось и, вопреки этикету, их пригласили немедленно присоединиться к Шерзал.

Стекло знала, что приемы Шерзал обычно длятся неделю или больше — ее гости часто пребывали издалека и необходимо было учитывать случайности путешествия. Она могла бы вместить значительную часть знати империи, обеспечивая днем рассеянные развлечения, а каждый вечер увенчивая грандиозным балом и банкетом.

— Мы все грязные и усталые, — проворчал Брат Даймеон. Крупный мужчина с нездоровой бледностью и одутловатым телом, инквизитор оказался плохим путешественником и вылезал из кареты при каждой остановке, чтобы размять спину. — Мне нужна комната, чистая одежда и отдых.

— Согласна, — кивнула Агика. Ее волосы были в беспорядке после того, как она дремала рядом с Братом Селдомом в течение последних двух часов их путешествия. Она прикрыла зевок рукой.

Дворецкий смягчился.

— Леон и Ноэль покажут вам ваши комнаты, инквизиторы. — Он помолчал. — Но достопочтенная Шерзал настояла на том, чтобы ваша пленница предстала перед ней по прибытии.

— Я представлю ее, — сказал Брат Пелтер. Движением руки он пригласил старших инквизиторов следовать за слугами в их комнаты.

— Я тоже пойду, — сказал Регол, показывая свою улыбку. — Они ожидают, что ринг-боец будет выглядеть как хулиган. — Его черный плащ блестел от тающих ледяных осколков, от него пахло мокрой лошадьё. Стекло представила, как он шагает среди украшенной драгоценностями толпы в зале Шерзал, и на ее губах отразилась его улыбка. Взгляд в сторону брата Пелтера стер с ее губ все смешинки. Дворцовая роскошь могла бы помочь забыть, зачем они здесь, но узкая злоба на лице Пелтера не оставляла сомнений. Он хочет увидеть, как она сгорит.

•••

ГОСТИ ШЕРЗАЛ УЖЕ собрались и ждали начала банкета. Десятки Сис двигались свободными группами между тремя огромными приемными. В одной из галерей находилось несколько музыкантов, нежные звуки арфы, тинулы и флейты плавали над разговорами. В другой акробаты совершали подвиги равновесия и силы, в основном игнорируемые сверкающей толпой, а в третьем кружились танцоры, раскачиваясь под мягкий бой барабанов.

Дворецкий уверенно вел Брата Пелтера и Стекло, прокладывая курс по морю шелка и бриллиантов, золота и парчи. За ними шла Сэра вместе с Мелкиром, их услуги были совершенно излишни, но, возможно, рассчитаны на то, чтобы добавить намек на вину и опасность в случае, если кто-то пропустит цепи настоятельницы.

В любой толпе можно чувствовать себя одиноким, но Стекло знала, что те, кто испытал на себе враждебность толпы, в одно мгновение выберут одиночество. В таком месте всегда кто-то стоит у тебя за спиной. Жесткие взгляды, резкие комментарии, прикрытый ладонью смех. Церковь не сторонилась паствы ради пущего смирения, но трудно занять высокую позицию и не привыкнуть к уважению, которое она приносит. Стекло носила эту власть и одобрение как плащ в течение многих лет. Он рос вокруг нее, медленно и незаметно, но теперь его сорвали в одно мгновение. Она чувствовала себя униженной. Обнаженной. Старухой, выставленной на показ и насмешки. Она держала голову высоко поднятой, но ее тело лгало, последняя защита от унижения, которое Шерзал, должно быть, запланировала для нее.

Однако из всей их компании именно Регол, следовавший за двумя стражниками, привлекал к себе всеобщее внимание, за что Стекло была ему очень благодарна. Казалось, что Калтесс посещало больше Сис, чем кто-либо мог подозревать. Но, опять, немногие семьи поднимались до таких высот, не имея хотя бы малейшего вкуса к крови. Узнавание, приветствия и приглашения раздавались везде, где проходил ринг-боец, хотя никто не принял бы их за дружбу: он был новинкой, и появление вместе с ним хорошо отразилось бы на лорде или леди, которые привлекли бы его в свой круг.

— Регол! — Голос молодой женщины, повышенный в радостном удивлении. — Ты опаздываешь. Это так модно! — Стекло оглянулась через плечо и увидела высокую молодую женщину в струящемся зеленом атласе, пробирающуюся к хунска. — Я пришла защитить твою добродетель в такой компании. Конечно, только в море Дарн больше акул.

— Но ни у кого из них нет такой белой и ровной улыбки. — Регол сделал полупоклон, и тут же скользнул в сторону, чтобы пройти мимо нее; движение бойца оставило ее позади.

Терра Менсис. Стекло знала эту семью, хотя девочке было одиннадцать, когда она видела ее в последний раз. Тогда Стекло надеялась, ради ребенка, что она вырастет и нос будет подходить к ее лицу.

— Настоятельница Стекло? — Из толпы выделилась крупная фигура, и Стекло, обернувшись, оказалась лицом к лицу с великим лордом, облаченным в императорское красное с отделкой в виде снежного льва, которое мог носить только глава семьи Сис перед императором.

— Лорд Йотсис. — Стекло склонила голову. Она должна была ожидать, что в таком собрании Менсисы окажутся рядом с Йотсисами. Она давно знала Карвона Йотсиса.

Хороший человек, честный, смелый, лишенный тех тонкостей, которыми обладали его предки. К несчастью, именно таких тонкостей требовала придворная жизнь, чтобы дом процветал.

— Мне больно видеть вас в таких обстоятельствах, настоятельница. — Карвон склонил свою львиную голову. Брат Пелтер маячил на заднем плане, раздражение на его лице не было достаточно смелым, чтобы вырваться в виде упрека.

— Святая Мать. — Из-за широкого торса Карвона Йотсиса появилась Арабелла Йотсис — облако золотистых кудрей, видение в голубом шелке и тафте; глубокий вырез и узкая талией придали более мягкий вид твердому телу воина под ним. Девушка склонилась в самом низком поклоне послушницы, который предлагался только архонту, первосвященнику или статуе Предка и считался величайшей ошибкой в остальных случаях. Ее юбки взметнулись, а затем собрались вокруг нее. Разговоры вокруг стихли, Сис повернули головы.

— Вставай, Ара. — Глаза Стекла затуманились. — Что ты здесь делаешь?

Ара подняла голову, ее глаза блестели от слез. Но ответил лорд Йотсис.

— Простите мою племянницу, настоятельница. Мой брат забрал ее из Сладкого Милосердия после недавних неприятностей. Временно, я уверен. Я думал, что ей еще слишком рано возвращаться в общество, особенно здесь. Но девочка настаивала, а мой брат никогда не умел противостоять своим женщинам. — Карвон кашлянул и оглядел толпу в поисках своей грозной жены, несомненно. — И все же, это позволяет отправить сообщение, не так ли?

Стекло кивнула и улыбнулась, когда Ара встала рядом с ней. Посланное сообщение — Йотсисы никого не боятся, — было скорее подорвано тем фактом, что многие знали: интерес Шерзал к Аре испарился. Она обнаружила, что Нона еще лучше подходит для Избранной, а Зоул вообще отвечает всем требованиям. Возможно, истинным сообщением было предложение мира, а не вызов, и, послав оба, брат Карвона продемонстрировал некоторые из тех необходимых тонкостей, которых не хватало самому лорду.

— Стекло. — Брат Пелтер обрел дар речи, многозначительно глядя на Сэру и Мелкира.

Стекло проигнорировала его:

— Ара?

— Я пришла, чтобы быть полезной, Настоятельница Стекло, — сказала Ара. Хотя горничные сделали ее невероятно хорошенькой с помощью всех искусств пудры и румян, в этих голубых глазах все еще было что-то, что обещало мир боли любому, кто встанет у нее на пути. — Вам стоит только попросить. И я не одна. — Она указала взглядом на Дарлу, которая возвышалась над ее отцом, знаменитым генералом Ратоном, недавно получившим повышение и, несомненно, сделавшим еще один шаг к получению титула «лорд».

Стекло обнаружила, что странно тронута тем, что две послушницы ухитрились заставить свои семейные связи перенести их прямо к цели, как только они ее обнаружили. Задержки, возникшие, пока Пелтер охотился за судьями, позволили Дарле и Аре обогнать ее по более прямым дорогам.

— Еретичка. — Злобный шепот, совсем близко.

Взгляд нашел источник, украшенный бриллиантами и кружевами. Джоэли Намсис. Ее шепот распространился, давая свободу языкам, застывшим в данный момент.

— Настоятельница Стекло? — Злобная улыбка. — Неужели цепи — это все, что вы можете надеть, чтобы войти в столь величественный дом? — Этой девушке еще не исполнилось семнадцати, но среди собравшихся наследниц она могла сойти за женщину

двадцати одного года. — И я слышала, что вы считаетесь хорошим игроком в игры империи.

— Стекло! — Снова Пелтер.

Настоятельница отвернулась от Джоэли, кивнула лорду Йотсису и двинулась дальше, прежде, чем рука Мелкира нашла ее локоть.

Дворецкий двигался вперед, используя какую-то личную магию, чтобы проложить путь через собравшуюся аристократию, не вызывая обиды. Впереди толпа уплотнялась, как скот вокруг кормушки, разговоры сливались и нарастали, каждый голос постепенно повышался, чтобы быть услышанным. Дворецкий, как марджал вода-работник, раздвинул перед ними живое море, и посреди него показалась Шерзал в струящемся черном.

— Настоятельница Стекло! — Ее и без того широкая улыбка стала еще шире. — Вы привели ко мне мою дочь?

— Местонахождение послушницы Зоул мне неизвестно. — Стекло изучающе посмотрела на женщину. Шерзал выглядела моложе своих тридцати девяти лет, отмеченных рядом с ее именем в мысленном списке Стекла. Никто не назвал бы ее красивой — возможно, поразительная было бы ближе к истине. Несомненно, оживлявшая ее энергия создавала в сестре императора личный магнетизм.

— Разочарование. — Шерзал сделала вид, что пытается скрыть мнимое разочарование. — И вы пришли к нам в цепях? — Все глаза, кроме Шерзал, упали на запястья Стекла. — У нас будет суд? Как возбуждающе.

Стекло подняла запястья, ладонями вверх, и привлекла внимание толпы к своему лицу:

— Боюсь, суд без инквизиторов невозможен. И было бы упущением с моей стороны не заметить, что Брат Пелтер находится здесь незаконно, вместе с Братьями Селдомом и Димеоном, и сестрой Агикой. Они вошли в королевский дворец без разрешения и должны немедленно удалиться, чтобы ожидать наказания в Башне Исследующих.

На мгновение между бровями Шерзал появились две вертикальные морщинки:

— Не имеет значения. Их проступок прощен.

Стекло держалась прямо, несмотря на пристальное внимание толпы:

— Прощение достойно восхищения в таком благословенном положении, но факт остается фактом: без приглашения никто из них не может находиться под вашей крышей. Как нарушители закона, они не имеют права удерживать меня, и эти цепи, пусть даже серебряные, становятся орудиями похищения.

— Я приглашаю их, — рявкнула Шерзал, и ярость, обычно таившаяся под ее кожей, внезапно явилась на свет. — Все они — желанные гости. Суд состоится в полночь.

Какой-то человек прошел мимо Стекла, на ходу подтолкнув ее, его одежда была величественной, но за ней кружилось слабое зловоние.

— Суд будет чем-то успокаивающим желудки после банкета и перед танцами. — Лорд Туран Таксис подошел к Шерзал и низко поклонился. — Приношу свои извинения, достопочтенная Шерзал, за то, что вернулся в спешке и беспорядке, но я услышал, что прибыла новая гостя и я должен ее приветствовать. — Он повернулся, чтобы направить пламя своего добродушия на Стекло. — Я рад видеть вас здесь, настоятельница. Или, может быть, теперь это просто «пленница»? — Огромная ухмылка. Он похлопал себя по объемистому животу под одеждой. — Я занимался тем делом, которое мы обсуждали по дороге в Истину, если вы помните. — Маленькое серое пятно грязи на обитом мехом снежного льва воротнике Турана привлекло внимание Стекла.

Шерзал хлопнула в ладоши, внезапно посерьезнев:

— Довольно. Инквизитор Пелтер, уведите заключенную и сообщите судьям, что заседание будет в полночь.

Стекло обнаружила, что ее торопливо тащат назад сквозь толпу гостей Шерзал. На этот раз она не смотрела на их лица и не обращала внимания на насмешки. Туран Таксис поспешил к ним оттуда, где держали Нону. Стекло знала запах, который он принес. Грязь и дерьмо. Но не только. Это был запах, знакомый ей с тех времен, когда она находилась под Сладким Милосердием в ночь перед очередным испытанием. Запах глубоких мест. Отшельник или келья в пещерах глубоко под землей. Неужели ной-гуин доставила Нону в темницу Шерзал? Стекло знала, что сестра императора была безрассудна, но не настолько, чтобы позволить Турану Таксису пренебречь приказом императора в ее собственном дворце. Крусикэл запретил Таксисам преследовать Нону, ради мести или справедливости. Он подписал такой суровый приказ после того, как Раймел нарушил первое заявление. Все, кто будет причастен к дальнейшему нарушению, могут быть казнены без суда и следствия.

Стекло была уверена, что ной-гуин отведет Нону в Тетрагод. Значит, если Туран собирается поиздеваться над своей добычей, она там. Пожалуй, в империи не было места, столь далекого от глаз императора. Крусикэл, вероятно, даже не знает, где сейчас находится Тетрагод. Он редко оставался надолго без движения: ассасины никогда не проводили на одном месте больше четырех лет и почти ничего не брали с собой, стирая все свидетельства существования Тетрагода. Согласно слухам, они забирали только свое богатство: алмазы исключительного качества, корабль-сердце и Книгу Теней — список клиентов и целей, которой насчитывал более шестисот лет. Ной-гуин и бессветные уходили один за другим, собираясь в каком-нибудь новом месте с самой экстравагантной осторожностью.

— Быстрее! — рявкнул Пелтер, и Сэра подтолкнула Стекло, чтобы та шла дальше.

Настоятельница подняла голову. Они находились далеко от больших залов, в длинном коридоре, вдоль которого располагались комнаты для слуг гостей. Она остановилась. Остальные прошли пару шагов, прежде чем Пелтер обернулся:

— Чего вы ждете? — Таким тоном учительница могла бы говорить с опоздавшей послушницей.

Стекло нахмурилась.

— Бывает такое чувство... когда ты знаешь, что что-то есть. Ты абсолютно точно это знаешь, и все же, хотя у тебя есть всевозможные признаки, подразумевающие, что это есть, у тебе нет ничего, что *абсолютно* точно это доказывает. Вроде дела, построенного на случайностях. Или следующая ступенька в темном подвале после того, как ты пройдешь точку, где можно увидеть, куда ты ставишь ноги. Такое чувство иногда возникает в трудных ситуациях, ты испытываешь кризис сомнения и веры. Ты спускаешься вниз, нащупывая следующую ступеньку, проходишь точку, где ты мог отступить и все еще не споткнуться, и продолжаешь идти, веря и надеясь, что не сломаешь себе шею в черном месте под землей. — Стекло подняла ногу для следующего шага. — Меня только что охватило такое чувство. Вот почему я ждала.

НОНА СТРЕМИТЕЛЬНО НЕСЛАСЬ сквозь пустую темноту. Она не знала точно, как долго падала и откуда. Все, что она знала, была ужасная уверенность, что она вот-вот ударится обо что-то твердое со скоростью, которая разнесет ее на кусочки.

Удар, когда он наконец последовал, заставил ее открыть глаза, которые, как она думала, уже были открыты. Она обнаружила, что смотрит на стену всего в нескольких дюймах от своего лица, вся ее скорость падения остановилась и осталась только инерция, которая рванула ее вперед и ударила головой о каменную кладку.

— Клянусь кровью! — Проклятие слабо вырвалось из пересохшего горла. Ее глаза болели, и мир, казалось, был в огне.

Кеот?

Ты вернулась. В его голосе не было удивления. *Она оставила тебе сообщение.*

Нона оторвалась от стены и потеряла лоб липкими от крови пальцами. Царапины покрывали поверхность каменного блока прямо перед ней. Медленно ее глаза сфокусировались, царапины сложились в буквы, а буквы — в слова.

Они рвутся внутрь. Ты приняла красное лекарство. Ты все еще больна. Я иду.

Нона услышала далекий стук. На самом деле, не такой уж и далекий. Молотки или топоры бьют по двери в конце коридора.

Почему бы им просто не...

Монахиня заклинила замок, чтобы они не вернулись. Их там очень много.

Нона попыталась встать, но не смогла, ее мышцы были слишком слабы и полны боли, чтобы поднять ее с земли. Она упала назад, одно из худших ругательств Клеры вырвалось сквозь стиснутые зубы.

Наручники на ее лодыжках и правом запястье остались на месте, ошейник по-прежнему был застегнут на шее. Казалось, она находится прямо в своей камере. Перекатившись, она увидела распростертые останки ной-гуин. Она с трудом дотащила до двери камеры и посмотрела в дальний конец коридора. Первые щепки начали отделяться от дерева вокруг замка. Дверь долго не выдержит.

Нона посмотрела на деревянную дверь в свою собственную камеру, толщиной в два дюйма. Она заставила дефект-клинки появиться вокруг пальцев ее свободной руки. Одним ударом она отрезала изогнутую щепку дерева. Потом еще три. Собрав всю свою силу — мускулы обиженно закричали, — она ударила под более крутым углом, и отрезала узкий треугольник в несколько футов длиной, затем второй кусок. Задыхаясь от усилий, она затолкала стружку и куски дерева в плащ ной-гуин и поползла к слабеющей двери в конце коридора.

Яркий полумесяц топора приветствовал появление Ноны у двери. Потом оружие исчезло, и на дверь обрушилось еще больше ударов. Ноне потребовалось несколько мгновений, чтобы вонзить свои клинки в куски дерева, которые она притащила с собой, разделяя их на более мелкие кусочки. Используя стену в качестве опоры, она потянулась к горевшей над ней свече, от которой осталось всего полдюйма. Она зажгла щепки и держала плащ над огнем, пока он не занялся. Положив все куски дерева друг против друга на пылающий материал, она отступила. От двери откололось еще больше щепок. Бессветные, находившиеся снаружи, уже должны были почувствовать дым.

Этого недостаточно, сказал Кеот.

Дым следовал за Ноной, пока она тащилась назад, он закручивался бледным, светящимся зеленым клубком в измененном видении, дарованном ей дьяволом. Она услышала кашель за дверью и подавила собственный. Какой-то тяжелый кусок двери упал, ударившись о землю с металлическим лязгом.

Замок.

Сквозь клубящийся дым Нона разглядела неземное алое пламя. В этой сцене была какая-то потусторонняя красота. Это не задержит бессветных надолго. А может, и вовсе. Но это было все, что она могла сделать. Дрожа и обливаясь потом, пока красное лекарство боролось с клинок-ядом в битве, бушевавшей по всей длине ее вен, Нона с трудом поднялась на ноги, чтобы принять свой последний бой.

— Эй! — раздался голос позади нее. — Быстро! Сюда! — Женский голос.

Нона отвернулась от конца коридора, где кашель и проклятия теперь смешивались с треском ломающихся досок. Фигура высунулась из дверного проема камеры на противоположной стороне от камеры Ноны и тремя дверями дальше. Фигура с растрепанными волосами и фонарем в руке. В искаженной цветовой палитре дьявольского взгляда Ноне было трудно понять, знает ли она этого человека.

Кеот вытек из глаз Ноны, оставив ее моргать. Нона, спотыкаясь, потащилась вперед:

— Чайник?

У Ноны кончились силы, она начала падать. Женщина подхватила ее. Сзади в коридоре слышались шаги, кашель и суматоха. Вновь прибывшая втащила Нону в камеру, захлопнула дверь и заперла ее, борясь с весом Ноны.

— Дерьмо Скифроула! Ты растолстела.

Нона умудрилась поднять на нее глаза. Только один человек ругался так красочно:

— Клера?

— Ну же! Помоги мне, я словно тащу кита. — Клера улыбнулась ей сверху вниз, лицо ее было бледным и перепачканным грязью. Позади нее была открыта маленькая квадратная дверь в стене. Такая, о которой мечтает любой заключенный, — каменная, идеально замаскированная, ведущая в узкий туннель, спасающий из плена.

Нона безрезультатно брыкалась, пока Клера тащила ее через дверцу, толкая головой вперед через лаз. Пока Нона, тяжело дыша, лежала на спине — каменный потолок всего в футах над ее лицом, — Клера пошла за фонарем. Через несколько мгновений она присоединилась к Ноне, на четвереньках, и потянулась назад, чтобы закрыть за ними потайную дверь, поставив на место несколько болтов.

— Шшш. — Палец к губам. — Я пойду первой.

Клера, извиваясь, поползла через Нону, плотно всунутую в тесный туннель. Когда их лица поравнялись, она остановилась, почти касаясь носом носа Ноны.

— Ты ужасно выглядишь. Ты ведь не собираешься умирать, правда?

— О-отравлена.

— Чем? У меня есть противоядия...

— На... ноже ной-гуин. Приняла красное лекарство. — Ребра Ноны протестующе скрипели под тяжестью Клеры, дыхание стало прерывистым. Все ее тело болело, но казалось, что она страдает уже целую вечность, и, после стольких лет одиночества, в таком ужасном положении ей было приятно побыть с подругой. Даже с Клерой, которая давным-давно предала ее Таксису. Просто иметь кого-то рядом, пусть и сверху, было чудесно. Если

бы было свободное место, она могла бы даже обнять девушку.

— Красное лекарство? Это должно сработать. Будем надеяться, что на этот раз твои глаза не покраснеют. — Клера ухмыльнулась, лизнула кончик носа Ноны и продолжила извиваться, словно они играли в какую-то монастырскую игру, а не спасались от пыток и смерти в недрах Тетрагода.

— Ч-что ты здесь делаешь? — прошептала Нона, ее слова почти потерялись, когда грудь Клеры царапнула ее лицо.

Клера проигнорировала вопрос:

— Я не могу здесь развернуться, так что, если ты не пойдешь за мной, мне придется идти вперед и вернуться, прежде чем я смогу вытащить тебя.

— Я... я могу ползти. — Нона уперлась пятками в выступ в полу туннеля и толкнула. Она медленно двинулась вперед, задыхаясь.

Ноги скользнули вокруг головы Ноны, и Клера сползла с нее.

— Слишком медленно и слишком шумно, — прошипела Клера. Из-за двери послышались слабые крики. — Жди здесь. Я вернусь и вытащу тебя. Не шуми!

Нона хотела попросить ее не уходить, но прикусила язык. Она чувствовала слабость, в глазах стояли слезы. Действие яда, несомненно. Клера поползла прочь, звуки стихли. Она оставила фонарь, стоявший у ног Ноны, прикрутив фитиль. Нона надеялась, что сквозь потайную дверь не пробьется ни малейшего проблеска света, но ничего не могла с этим поделать, даже если бы у нее хватило сил — туннель держал ее слишком крепко.

Ты должна убить ее, когда доберешься до достаточно широкого места, где тебе не придется разрезать ее тело на куски, чтобы продвинуться. Это будет легко, если она потащит тебя. Просто протяни руку и разрежь...

Я не собираюсь убивать Клера!

Мы здесь из-за нее. Если бы она не привела тебя к Раймелу, я бы до сих пор наслаждался его... излишествами, а ты занималась бы... монашескими делами. Убей ее и оставь тело гнить.

Клера думала, что Таксисы хотят Ару, а не меня, и не для убийства. Она не заслуживает за это смерти!

В монастыре ее утопят, если поймут.

Нона закрыла глаза. Она не могла отрицать, что у Предка, или, по крайней мере, у церкви Предка, есть некоторые суровые правила.

•••

СИЛЕ, КОТОРАЯ ВТЯНУЛА Нону обратно в голову Чайник, нельзя было не подчиниться, но после стольких союзов их умов Нона начала понимать процесс. Нона чувствовала, что, когда она не будет полумертвой от истощения и яда и избавится от ошейника с сигилом, то сможет сопротивляться в любых будущих вызовах. Ей потребуются перехватить процесс, зацепиться за свою собственную личность и плоть, вмещающую ее, и ответить на волнение или панику Чайник равным весом спокойствия. Но сейчас ее вырвали из собственной головы и понесли, как лед-ветер срывает и уносит развернувшийся лист.

•••

ЧАЙНИК ВЫБРАЛАСЬ ИЗ вертикального прохода, в который Нона засунула ее тел. Избавление от боли Ноны было огромным облегчением, но недолгим, так как она начала понимать, насколько была зажата. Было несколько мгновений паники и проклятий, убеждения, что она никогда не спасется от давящей на нее страшной тяжести, но, наконец, она вышла, грязная и задыхающаяся, в туннель наверху.

В целом, прошел день, ночь и еще один день с тех пор, как Зоул и Чайник спрятались. Бдительность ной-гуин должна была ослабеть. Все это время в полной боевой готовности, прочесывать туннели, охранять ключевые точки, расширять их периметр. Никто, независимо от подготовки, не мог оставаться сосредоточенным бесконечно. Чайник скупое ела и пила, считала часы, прислушивалась к тишине, и теперь пришло время действовать. Нону скоро поймают.

Чайник понимала, что попытка добраться до камер была, скорее всего, самоубийственной затеей. Она не имела ни малейшего представления о структуре Тетрагода и могла следовать только по нить-связи. А для того, чтобы нить-связь провела ее через изгибы и повороты системы пещер, нужно было вернуться в туннели, через которые провели Нону. Это означало возвращение в район сразу за крепостью, где Зоул убила ной-гуина. Это все еще казалось нереальным. Послушница убила ной-гуина. Но Нона повторила этот подвиг.

Чайник, как могла, почистила свою одежду — одежду бессветного, — проверила оружие и поспешила назад по длинным извилистым туннелям и пещерам к крепости. Она окутала себя скорее ясностью, чем тенью, напрягая все чувства в поисках новостей о своем враге.

Она была примерно в двухстах ярдах от того места, где Зоул исчезла в стене, когда услышала приближающиеся шаги. Ее удивило, что они приближались сзади и быстро, с полдюжины или больше людей. Чайник пошла быстрее, держась перед ними. Приближаться к главным туннелям Тетрагода на большой скорости не входило в ее планы. Наконец она заметила складку в каменной стене, где можно было спрятаться. Через несколько секунд семеро бессветных прошли мимо быстрым шагом, позади них кружились тени. Чайник догадывалась, что их вызвали для защиты камер или прорыва в них. Большинство бессветных, казалось, не могли использовать тень-узы на больших расстояниях, но в пределах Тетрагода все они были связаны с какой-то центральной волей.

Когда бессветные скрылись из вида, хотя все еще были слышны, Чайник пустилась в погоню. Еще несколько патрулей могут приближаться к камерам позади нее, и если тот, что впереди, остановится по какой-либо причине, она может оказаться в ловушке между ними. В любом случае силы, собранные против нее в камерах, несомненно, будут значительно превосходить ее возможности. Ей их не победить. Выбор решений всегда невелик, но сейчас его вообще не было. Вскоре Нону опять поймают, после чего лорд Таксис вернется, чтобы отомстить. Чайник уже испытала невероятную боль от Беды, в полной мере, как она полагала. Это было, конечно, за пределами любой боли, которую она испытывала раньше. Умереть в попытке освободить Нону казалось куда лучшим вариантом, чем разделить последние часы ее жизни через нить-связь.

Патруль петлял по тому, что казалось главной магистралью Тетрагода, пол был хорошо утоптан, пропасти и склоны усмирены мостами и лестницами, даже случайный тусклый фонарь горел в нише. Другие бессветные присоединялись к общему потоку, появляясь из боковых проходов, в основном группами, но иногда и поодиночке. Чайник обнаружила, что

находится в опасной близости от пары бессветных впереди, с трудом несущих что-то вроде дверь-тарана — тяжелого бревна длиной в два ярда, окованного железом с одного конца. Она пошла помедленнее.

Сидя на задворках мозга Чайник, Нона чувствовала, как беззвучные мысли и сожаления монахини бурлят, пытаясь прорваться в ее сознание, но безжалостно отвергаются. Ни одна часть Чайник не хотела умирать. Она хотела вернуться в Сладкое Милосердие, обнять Яблоко, увидеть новый рассвет. Она спрашивала себя, скольких бессветных она сможет уничтожить, прежде чем они доберутся до нее? Она оплакивала послушницу, попавшую в ловушку и ожидающую ужасной смерти. Она беспокоилась за Зоул. Но ни малейший намек на этот водоворот страхов не позволит ей отвлечься.

Торопливые шаги за спиной Чайник приблизились, и она обдумала свои возможности. Она могла бы пробежать мимо пары впереди нее и надеяться, что обремененные тараном они не бросят ей вызов... но, скорее всего, они потребуют ее помощи, а потом поймут, что не знают ее.

Слабая дрожь пробежала по горе. Чайник почувствовала ее подошвами ног, она отдалась у нее в груди. Мгновение спустя она ощутила пульс вдоль десятков тень-уз. Какое сообщение было передано, Чайник не могла сказать — тень-узы обычно позволяли только простейшие коммуникации, — но достаточно эмоций просочилось наружу, чтобы она смогла почувствовать их вкус. *Паника.*

Бессветные, приближающиеся сзади, остановились, изменили курс и побежали прочь. Пара впереди бросила таран. Чайник услышала, как он ударился о землю, и прижалась к стене, когда мужчины, которые несли его, пробежали мимо нее, их одежда развевалась. Они должны были увидеть ее, но не увидели. Чайник последовала за ними, пока не нашла боковой проход, где и ждала, пока еще дюжина их товарищей не пронеслась мимо, быстрая, молчаливая, решительная.

Зоул. Должна быть. Зоул увидела, как толпа бессветных направилась к камерам, и поняла, что либо Чайник, либо Нона попала в беду. Это отвлекающий маневр Зоул. *Паника!* Но как может Зоул напугать даже ной-гуин?

Чайник вынырнула из своего укрытия, внимательно прислушалась, а затем пошла дальше, отслеживая нить-узы так быстро, как только осмеливалась. Еще дважды ей приходилось отступать и прятаться при поспешном приближении групп бессветных и ной-гуин. Она миновала районы, где большая плотность пещер вместе с высеченными вручную соединительными туннелями делали Тетрагод почти подземным городом, а не несколькими пещерами, соединенными только извилистым руслом древней реки. Она увидела признаки промышленности, кузницы, дым от которых поднимался в огромные шахты, чтобы выйти над линией снегов, помещения — жилые, обеденные и спальные, — и даже то, что выглядело как какой-то храм.

На ступенях храма стоял на страже одинокий стражник в доспехах из чего-то похожего на черное стекло.

— Стой! — Окрик остановил Чайник на полушаге. — Покажи мне свое лицо.

Чайник повернулась и запустила ему в голову метательную звезду. Он почти избежал ее. Звезда попала ему не в глаз, а чуть ниже левой скулы. После этого он оказался менее быстрым, и вторая звезда попала ему в горло чуть выше линии нагрудника.

Чайник побежала дальше, окутанная ясностью. Она влетела в большую комнату, выход из которой находился в дальнем конце. Слабое эхо хлопнувшей двери долетело до нее

издалека. И что-то ближе, просто призрак звука, высоко. Чайник резко взяла в сторону, и крест-нож, вращаясь, пронесся мимо ее уха. Чайник продолжала бежать. Она знала, что нападавший — скорее всего, ной-гуин — находится наверху и позади нее, вероятно, в какой-то галерее над туннелем, через который она вошла в пещеру. Она дернулась влево, затем вправо, она бежала беспорядочными зигзагами, полагаясь на свою скорость и расстояние между ними; надо не оказаться там, где она должна быть, когда прилетят ножи. И вот они прилетели, целая буря, шипя из темноты, с грохотом ударяясь о камни по обе стороны от нее, высекая искры из камней у ее ног. Острая линия боли пронзила плечо, и еще один нож пролетел мимо. Не сбавляя шага, Чайник нашла наиболее вероятное противоядие, килм овес, и намазала им порез. Если она не ошиблась и действовала достаточно быстро, яд на лезвиях не коснется ее. Вот если бы она приняла лекарство через рот, яд мог бы свалить ее с ног еще до того, как сработает противоядие. Она пробормотала молитву Предку.

Пробежав две трети пути, Чайник остановилась как вкопанная, резко развернулась, выхватила меч и ударила по летевшему к ней крест-ножу. Теперь она была почти на пределе досягаемости ной-гуина и хотела исчерпать его запас смертоносных маленьких ножей. Прилетели еще два, и она пренебрежительно обошла их. Ее плечо горело там, где из небольшого пореза все еще сочилась кровь. Она прислушалась к своему организму, ожидая любых признаков того, что килм овес не подействовал.

Ной-гуин на галерее повернулся и побежал, то ли убегая, то ли собираясь собрать побольше своих. Чайник рванулась назад. Она знала, через какую дверь они, скорее всего, выйдут, и не хотела, чтобы ной-гуин последовал за ней к камерам.

Возвращаясь по туннелю, через который пришла, она услышала позади себя мягкий удар приземлившегося ной-гуина. Ассасин тоже вернулся назад по собственным следам и спрыгнул с галереи.

— Черт. — Чайник повернулась.

•••

— НОНА! ПРОСНИСЬ, НОНА! — Чья-то рука ударила Нону по лицу. Она открыла глаза и обнаружила, что ее тащат по неровному полу. Мерцающий свет фонаря нарисовал каменный потолок всего в нескольких дюймах над ее лицом. Одна из рук под ее подмышками высвободилась для новой пощечины. — Клянусь кровью! Проснись.

— Чайник!

— Ты застряла здесь со скучной старой Клерой. — Еще одно ворчание, еще один рывок. Нона ощутила, как дюйм за дюймом проходит по камню. — Небольшая помощь?

Нона начала дергать плечами и отталкиваться ногами. Их продвижение заметно ускорило:

— Чайник в опасности!

— Мы все в опасности, — сказала Клера.

Нона покачала головой, пытаясь избавиться от боли и смятения:

— Что здесь делаешь *ты*, Клера?

— Кроме того, что спасаю тебя? — Еще один рывок. — Таксисы — мои покровители. Лорд Таксис послал меня к ной-гуин, чтобы я прошла то же обучение, что и его младший сын, Лано.

— И... они показали тебе секретный туннель в свои камеры, о котором они... теперь

забыли? — Нона уперлась руками в стены, чтобы ее не тащили дальше. Она почувствовала себя сильнее. Не очень хорошо, но сильнее.

— Эти пещеры принадлежат Шерзал. Она принимает у себя ной-гуин, но не поделилась с ними всеми своими секретами. — Клера дернула. Нона осталась на месте.

— Но она делится ими с тобой?

— Лорд Таксис — ее главный союзник. Я тренировалась и в ее дворце. И ты меня знаешь. Я выкапываю секреты. — Она снова потянула.

— Во дворце? — Нона начала поворачиваться к ней лицом. Она с трудом справилась, задыхаясь от боли в ребрах. — Тренировалась с кем?

Клера нахмурилась, кашляя от дыма фонаря, поднимающегося вокруг них:

— С Сафирой.

— И с Йишт? — Нона протянула руку и сжала запястье Клеры. — С женщиной, которая ударила ножом Чайник, и с женщиной, которая убила Гессу?

Лицо Клеры окаменело:

— Я тебя здесь *спасаю*. Помнишь пытки? Я тоже получу немного, если они нас поймают.

— Сними с меня ошейник. — Нона покрутила ошейник, чтобы замок смотрел на Клери и повернула шею.

— Как?

— Они ведь обучали тебя, не так ли? — Нона сердито дернула замок.

Клера придвинулась ближе, свет фонаря упал на лицо Ноны, дыхание коснулось шеи Ноны:

— Я могу попробовать его открыть. Займет какое-то время. Это скорее тяжелая работа, чем сложная. Применить крутящий момент...

— У тебя есть кислота, а?

— Мы обе закончим с дырками в легких, если я воспользуюсь ей здесь. Нам нужно пространство.

— Я возвращаюсь. — Нона начала продвигаться по туннелю ногами вперед.

— Спасти тебя гораздо труднее, чем предать! — Клера нахмурилась и двинулась вслед за Ноной. — Поверни голову в сторону.

— Что? — Но Нона сделала, как ее просили.

Непонятная боль расцвела, когда Клера ударила по нервному узлу в нижней части шеи Ноны. Нона пыталась удержать сознание, но потеряла опору и упала вперед, в темноту, которую не мог осветить никакой фонарь.

•••

НОНА ВИДЕЛА, И уже не имело значения, открыты ли ее собственные глаза или нет. Отчаянное положение Чайник снова притянуло Нону в ее разум.

Монахиня ползла по туннелю, частично естественному, частично вырубленному. В воздухе висел зловонный дым, щипавший глаза, рука болела, во рту стоял привкус крови. Она воспользовалась крошечным зеркалом на тонком металлическом стержне, чтобы заглянуть за следующий угол. В двадцати ярдах от угла пятеро бессветных и еще один страж ждали перед развалинами двери. В задымленном коридоре за ними двигались фигуры.

Ной-гуин. Сердце Чайник упало так глубоко, что даже Нона почувствовала, как оно

падало. Как бы ни закончилась предыдущая встреча, она явно не прошла легко.

Чайник отпрянула и начала расставлять ловушки в коридоре позади нее. Сначала россыпь отравленных ежей: маленькие, острые как бритва кусочки буря-стекла, достаточно прочные, чтобы пробить подошву любого ботинка, достаточно маленькие, чтобы их не заметить. Затем она прикрепила к каменной стене небольшой, кусок железа, помеченный сигилом. Он плотно прикрепился к стене, и она вытащила прикрепленную к нему проволоку, сделанную из Ковчег-стали, туго натянула ее и привязала к противоположной стене вторым таким же держателем. На замену устройства потребуется целое состояние, и немалое. Наконец, с большой осторожностью, она ощупала свои яды и противоядия и извлекла стальную трубку с завинчивающейся крышкой. Открыв крышку, она извлекла оттуда кожаный тубик. Она покрыла тубик толстым слоем липкой смолы, держа его за хрупкие, необработанные концы. Нона чувствовала беспокойство Серой Сестры... Без дальнейших колебаний, Чайник бросилась к ближайшей стене, оттолкнулась, набирая высоту, вытянулась, прижала тубик к потолку и приземлилась на мягкие ноги. Тубик остался там, куда она его прилепила.

Нона знала, что должна уйти. Она не годилась монахине в качестве безмолвного наблюдателя. Она должна вернуться в свое тело, разобраться с Клерой. Как это сделать — другой вопрос. Нона принялась за работу.

Нырнув под почти невидимую проволоку, Чайник вернулась в угол с зеркалом в одной руке и метательной звездой в другой. Она посмотрела за угол. Бессветные начали наступать, ной-гуин следовал за ними. Мягкие ноги были недостаточно мягкими.

Монахиня оценила число врагов, бросила звезду, показав только руку, и бросилась бежать. Прыжок через ежи перешел в скольжение под натянутой косо проволокой. Мгновение спустя она уже бежала по туннелю.

Чайник повернулась на своей свинцовой ноге, тело закружилось, вторая пятка заскрежетала по камню, поглощая ее инерцию; осталось только выбрать время — простое решение. Из-за угла показались первые из бессветных. Она выплюнула метательные звезды из обеих рук, точность имела меньшее значение, чем скорострельность. Бессветные, хунска-быстрые, вращались и крутились, чтобы избежать приближающихся звезд. Шипы ежей пронзили кожаные подошвы и нашли плоть — подушечки ступней, мягкие подъемы, пятки. Кожа, через которое пробивается острое, способна стереть любой яд, но оружейники, которые создавали эти особые дьявольские изделия для монастыря, включали в них неглубокие колодцы вдоль каждого шипа, резервуары, в которых намазанные токсины ожидали, когда их омоет кровь.

Некоторые бессветные не смогли увернуться от метательных звезд Чайник, другие захромали на ежах. Первая, прошедшая невредимой мимо этих двойных угроз, женщина, наткнулась на проволоку. Эффект был отвратительный. Ковчег-сталь неохотно ломается. Проволока врезалась ей в лицо, скользнула вниз из-за сопротивления черепа и врезалась в шею. Человек, прыгавший позади нее, ударился о проволоку ниже. Она впиалась ему в бедро. Третий бессветный, вырывая метательную звезду, внедрившуюся в его грудную мышцу, наткнулся на пару перед ним, и их совместный вес, наконец, разорвал проволоку. Все трое рухнули в мешанине крови и разрезанной плоти.

Ной-гуин стремительно выскочил из-за угла, отбивая метательную звезду, которая могла бы попасть в него. Он протиснулся между оставшейся парой бессветных.

У Чайник осталось всего шесть звезд. Она бросила одну, очень высоко. Так высоко, что ной-гуин в конце концов заподозрил неладное и рванулся вверх с ножом, пытаясь перехватить ее. Его отчаянный прыжок запоздал. Метательная звезда попала в тубик, прилепившийся к потолку. Порошок серой горчицы вырвался наружу, расцветая в облако.

Если бы ной-гуин не рванулся вверх, выслеживая звезду, он, возможно, смог бы убежать, избегая всех, кроме самых дальних краев облака. Как бы то ни было, он тут же упал, но недостаточно быстро. Чайник не позволила себе жалости. Когда ной-гуин сорвал покрытой волдырями рукой маску из черн-кожи, а другую руку с зажатым в ней стальным флаконом протянул ко рту, она бросила ему в пальцы еще одну звезду и отпрянула от крика.

Споры серой горчицы быстро расщепляются под воздействием воздуха даже с небольшим содержанием влаги. Чайник не знала, насколько быстро они потеряют свою остроту в сырости Тетрагода, но она точно знала, что не может позволить себе долго ждать. Она размазала грязь из ближайшей лужи по лицу, шее, ушам и рукам, глубоко вздохнула, выхватила меч и побежала, избегая тел тех, кто все еще был занят умиранием. Она завернула за угол, молясь каждому аспекту Предка, чтобы не было еще одного ной-гуина, выстроившегося против нее, и скользнула в поворот, падая, чтобы избежать рефлекторно брошенных кросс-ножей. Ее ждали, но не один ной-гуин. Три. Дюжина бесцветных стояла наготове перед ними.

— Взять ее живьем. — Голос центральной ной-гуин. Она держала меч, похожий на ленту тьмы. — Можете ее ранить.

Бесцветные рванулись вперед, неустрашимые, хотя ее меч был длиннее их ножей. Чайник подумала было отступить, но туннель позади нее был усеян телами и кровью, не говоря уже о ежах. Вместо этого она атаковала врага, меч взметнулся на высоте горла по широкой дуге.

Возможно, неверно говорить, что никакое количество тренировок или навыков, сконцентрированных в одном человеке, не уничтожит целеустремленную группу бойцов, но когда пространство ограничено, а сами противники быстры и искусны, это почти всегда оказывается правдой.

Чайник успела сделать два взмаха мечом. Оба были убиты и ранены, но она не могла проложить путь через бесцветных или вокруг них, и не могла отступить быстрее, чем они могли атаковать. Через две пропитанные кровью секунды она обнаружила, что ее схватили, ударили ножом и бросили на землю, где она лежала, ругаясь, истекая кровью и борясь под несколькими нападавшими, державшими ножи у ее шеи. В тот момент она ни о чем не жалела. Она собралась с силами для внезапного выпада, который должен был вонзить клинок ей в горло. Быть захваченной живой — не вариант.

Ее остановил не страх, а свет. Это было так неожиданно, что Чайник повернула голову и смотрела на него с пола через прищуренные глаза и лес конечностей. Что-то невероятно яркое выходило из камера-блока. Сначала в коридор, искрясь, выкатилось металлическое кольцо шириной дюймов шесть. Оно качалось и наклонялось, танцуя на ободке, как вращающаяся монета, которая почти остановилась. Свет становился все ярче и ярче. Из камера-блока вышла фигура, окутанная яркими, как дуги, струями потрескивающей энергии, которые перескакивали с одного пути через ее тело на другой. Она была похожа на ночное небо в самые страшные грозы, на уничтожающие землю бури, которые свирепствуют в тех редких случаях, когда над Коридором встречается северный и южный лед-ветра.

Устойчивые линии зазубренных молний тянулись со всех сторон фигуры, касаясь стен,

потолка, пола, горящие точки соприкосновения медленно блуждали по камню. Это выглядело почти так, как если бы человек был каким-то странным и многоногим насекомым, приводимым в движение множеством тонких блестящих конечностей. Свет сиял из ослепительных глаз, вырывался из открытого рта, тек кровью с кожи. Все тело беспорядочно пульсировало, светясь до ослепительной интенсивности, и угасая, оставляя Чайник наблюдать за танцем остаточных образов. Казалось, что в любой момент кожа существа может подняться от яркого света, а плоть растает на костях. Угол его ног и рук, неровное движение вперед говорили об агонии, как будто заключенная в нем энергия могла в любой момент разорвать существо на части.

Самый левый из ной-гуин первым пришел в себя и, прикрыв глаза рукой, потянулся за каким-то оружием на поясе.

В то же мгновение произошел взрыв. Вновь прибывший со щелчком выпрямился и раскинул руки. Из его груди вырвался потрескивающий разряд белой энергии, направленный на ассасинов и превративший каждое тело в силуэт. Центральная горизонтальная колонна силы вытянулась по всей длине зала, окруженная более мелкими нитями или серпантинами, которые тянулись во всех направлениях. Он пронесся сквозь ной-гуин и бессветных, как будто их там и не было.

Мучительная судорога пробежала по бессветному, державшему Чайник, по самой Чайник и утекла в пол, унося с собой все.

•••

НОНА РУХНУЛА, СМУТНО сознавая, что ее тело дымится. Камень вокруг нее бы опален, и где-то далеко выл Кеот. В ярде от нее лежал ошейник с сигилом, который она покатила перед собой, входя в туннель, теперь обугленный почти до неузнаваемости.

— Предок! — Клера отважилась на самое простое проклятие, отняв руки от глаз. — Я и не знала, что ты способна на *такое*!

— Я тоже. — Нона лежала там, где упала. От ее слов поднялся пар, набирая высоту в свете фонаря. Пламя за колпачком казалось бледным и слабым, хотя тот был полностью поднят. — Не проси меня сделать это снова в ближайшее время. — Она чувствовала себя опустошенной и вычерпанной, даже хрупкой. Как будто ее рука могла запросто оторваться, если Клера возьмет ее, чтобы поднять на ноги. — Иди и найди Чайник.

— Скорее всего, она меня арестует или что-нибудь в этом роде. — Клера с сомнением посмотрела на обугленные и дымящиеся останки ной-гуин и кучу слуг позади них. Некоторые тела еще дергались.

— Скорее всего, я тебя арестую или что-нибудь в этом роде. — Нона попыталась придать своим клинкам форму, но не смогла.

Клера потеряла шею, где из четырех тонких параллельных порезов сочилась кровь, и пожалала плечами. Она вынула нож и осторожно двинулась к лежащим телам. Нона смотрела, как Клера оттаскивает в сторону мертвых и проделывает дыры в тех, кто еще не закончил жить. Конечности Ноны время от времени подергивались, как у бессветных, и воспоминания о том, как она была близка к тому, чтобы быть разорванной на части, продолжали возвращаться, мучительно яркие.

Нона вырвалась из разума Чайник и проснулась внутри собственного тела, все еще

смутно осознавая продвижение Чайник. Приоткрыв один глаз, Нона обнаружила, что Клера притащила ее туда, где туннель пронзал небольшую естественную пустоту. Притворяясь, что она без сознания, Нона подождала, пока Клера приблизится, и со всей возможной скоростью потянулась к шее девушки.

— Ты снимешь с меня ошейник, а я вернусь за Чайник, — сказала Нона. Намек на дефект-лезвие посередине каждого пальца убедил Клера в искренности Ноны. Клера достала набор массивных отмычек, пригодных для простого и тугого запора на браслетах, и вскоре ошейник со звоном упал на камни.

•••

— ОНА ЗДЕСЬ, — КРИКНУЛА Клера, вставая.

Нона поползла к ним. У нее не было энергии, чтобы встать, хотя, как ни странно, ее конечности, казалось, гудели от силы, ноги дергались, руки дрожали, время от времени миниатюрная молния дугой переходила от одного пальца к другому. Даром Пути была грубая сила, которую можно было сформировать и высвободить, как свет, как тепло, как взрыв. Ярость Ноны придала энергии форму молнии. Это, казалось, соответствовало буре, которая поднялась в ней из-за ее плена.

Чайник лежала под целой кучей тел. Сначала те, кто держал ее, потом те, кто был рядом с ней, кто был сбит с ног своими коленопреклоненными друзьями. В двух местах сквозь ее одежду были прожжены дыры примерно в дюйм шириной, плоть под ними обгорела.

— Она выглядит мертвой, — сказала Клера, не сумев притвориться, что сожалеет об этом.

— Она не умерла. — Все тело Ноны содрогнулось, едва не опрокинув ее лицом вперед. — Я бы знала.

Клера снова присела на корточки и положила руку на шею Чайник.

— Она не дышит... и... пульса нет. Совершенно мертвая. Прости, Нона. — Она повернулась к ной-гуин. — Жаль, что ты не оставила кусочков побольше. Мне всегда очень хотелось иметь свою собственную черн-кожу.

— Она не мертва. — Нона подползла к боку Чайник. Монахиня действительно выглядела исключительно бледной. Некоторые из трупов бесцветных выглядели более живыми.

Она мертва. Кеот высказал свое мнение.

— Она *не* мертва! — Нона протянула руку, чтобы схватить Чайник, намереваясь тряхнуть и разбудить ее, если понадобится. Но как раз перед тем, как их руки соприкоснулись, с каждого пальца сорвались толстые струйки молний и устремились в Чайник. Монахиня забилась в конвульсиях, руки, ноги и голова резко дернулись вверх. Через мгновение она упала на спину, обмякнув, и в следующее мгновение глубоко вздохнула, как будто была под водой слишком долго.

— Чайник! — Нона дотронулась до ее плеча, сначала неуверенно, но потом, когда ничего не случилось, крепко сжала его. — Чайник?

Чайник перевернулась, тяжело дыша. Нона заметила, что темная ткань леггинсов монахини блестит от крови.

— Оторви несколько полосок ткани, Клера: у нее ножевая рана в бедре. — Нона снова перевела взгляд на Чайник. — Клера вытащит тебя отсюда. Я схожу за Зоул.

— Ты что? — Клера перестала отрывать кусок ткани.

— Мы не можем просто оставить ее здесь!

— Что вообще делает Зоул... погоди, я не хочу знать. Ты не можешь пойти за ней. Ни одна из вас не может пойти. Даже если бы ты могла сражаться, это было бы безумием.

— Я пойду. — Нона подползла к стене и, держась за нее, поднялась на ноги.

Ты сошла с ума. Оставь ее! Голос Кеота звучал слабо. Он не только стал тише, чем раньше, но и трещал и дрожал в ее голове.

— Мы не можем ее оставить! — прорычала Нона, злясь на правду больше, чем на Кеота или Клери. Кто-то дернул ее за лодыжку, и она уставилась в пол. Чайник вытянула руку, чтобы схватить ее.

— Зоул может прятаться в стенах. Уйти туда, куда мы не сможем за ней последовать. — Голос Чайник все еще дрожал от сотрясения, которое вернуло ее к жизни.

— Вот именно! — В голосе Клери прозвучало удивление, но она ухватилась за эту идею. — Если Йишт научила ее камень-работе, она может спрятаться где угодно. Мы вернемся и найдем вместо нее половину ной-гуин Тетрагода, бегающих по коридорам и жаждущих крови.

Ноне хотелось закричать, выругаться, схватить Клери за тунику и встряхнуть ее за трусость. Но это была правда. Зоул сделала отвлекающий маневр, который спас их. Чего бы ей это ни стоило. И цена была уплачена зря, если они сейчас попадут в объятия ной-гуин.

— Нона? — Клера начала перевязывать рану на ноге Чайник. — Мы приведем Чайник в порядок, а потом пойдем.

Нона посмотрела туда, где туннель поворачивал. Некоторые из бессветных, вдохнувших серую горчицу, все еще выплескивали из себя боль.

— Хорошо. — Она закусила губу и нахмурилась. — Мы идем.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА СТЕКЛО

СВЕТ ФОКУСА ЛУНЫ нашел щели даже в ставнях Шерзал. Лунные лучи пробивались сквозь них, рисуя яркие красные пятна на дальней стене маленькой комнаты Стекла. Снаружи поскрипывали склоны, лед таял, вода дымилась, даже сами скалы в такую жару подавали голос. Стекло со вздохом поднялась. Сэра и Мелкир должны были прийти с минуты на минуту, чтобы проводить ее на суд.

Когда несколько десятилетий назад ей впервые поручили выступить на публике, ее охватил страх, который не имел никакого смысла. Почему слова, которые она без колебаний сказала бы любому человеку, так трудно срывались с ее губ, когда все эти люди сидели рядом друг с другом? Конечно, со временем она справилась со своими нервами, но даже сейчас, после тысячи проповедей, какое-то беспокойство схватывало ее желудок перед каждым выступлением. И за все свои долгие годы Стекло никогда не выступала перед толпой людей столь высокопоставленных, могущественных, богатых и враждебных, как те, с которыми она столкнется в полночь.

В таких судебных процессах судьи в редких случаях признавали обвиняемого невиновным, и он мог уйти с незапятнанной репутацией. Если будет решено, что есть все основания разбирательства, инквизитор получит разрешение подвергнуть заключенного допросу, используя либо легкие, либо умеренные, либо суровые методы. Легкие методы включали избиение и лишение сна и предназначались для тех, кого считали невиновными. Очень немногие заключенные, подвергнутые суровым методам допроса, никогда не признавались в предъявленных им обвинениях. Конечно, чаще всего обвиняемый признавался виновным, и в этом случае процесс быстро переходил в исполнение приговора.

Стук раздался раньше, чем ожидала Стекло, еще до того, как фокус полностью закончился. Они *стучали*, по крайней мере. Оба стражника относились к ней с уважением, совершенно не свойственным Брату Пелтеру.

— Входите. — Она встала. Гаснущие пятна лунного света скользнули по ней, и она позволила одному из них поиграть на ладони. Стекло проанализировала десятки отчетов о Серых миссиях. Судя по ним, Шерзал мечтала держать в своих ладонях саму луну. Проистекала ли вера Шерзал из фальшивого пророчества Аргаты или ее вдохновляли более древние сказания? Ясно было лишь то, что эта женщина задумала собрать корабль-сердца. Заслуживающие доверия документы, хранящиеся в самых секретных церковных хранилищах, намекали на то, что Ковчег могут управлять лунной. Другие, более сомнительные, утверждали это как факт и предлагали четкие инструкции, как это делать. Их тоже убрали в хранилища, подальше от любопытных глаз. Во всем круге Коридора было всего три Ковчеха, и император поселился в одном из них. Стекло подозревала, что Крустикэл и его сестра вряд ли говаривали на эту тему... хотя разговор давно назрел.

Долгий путь к банкетному залу прошел в молчании, их вел другой дворецкий, не тот, который вел их раньше. Брат Пелтер шел сразу за ним, потом Стекло, а двое охранников, лязгая, замыкали шествие. Стекло повернулась, чтобы осмотреть Сэру и Мелкира через плечо — они оба блистали в полных регалиях Стражей инквизиции. Мгновенный укол сочувствия пронзил ее. Обязанности этой пары сегодня, вероятно, окажутся более

обременительными, чем кто-то из них предполагал. Она надеялась, что они справятся с этой задачей и будут верны занимаемой должности. У всех сегодня были важные роли, будь то настоятельница, инквизитор или скромный страж. Особенно у троих старших инквизиторов, которые отправились вперед, чтобы проследить за обустройством зала суда в средней приемной, примыкающей к банкетному залу.

Вскоре до них донеслись звуки шумного веселья. Экстравагантно разодетые слуги Шерзал ждали у каждой двери, мимо которой они проходили. Нервы Стекла начали петь, когда в ней поднялось напряжение. Она остро осознала, что носила ту же самую одежду большую часть прошлой недели, даже не снимая ее перед сном. Возможности искупаться были сильно ограничены. Она скучала по монастырю, по всем его частям, но больше всего по бане. Возможно, Пелтер планировал, что она прибудет вонючей и что высшие и могущественные сморщат свои напудренные носы от очевидной зловонности ее преступления.

К тому времени, как Стекло появилась в средней приемной, спешно переоборудованной в зал суда, там уже собралась небольшая толпа менее родовитых гостей. Регол и Дарла стояли среди тех, кто наблюдал, как настоятельница занимает свое место перед судом. Среди небольшого моря лиц Дарла выделялась и тем, что была на голову выше всех остальных, и тем, что была темна от сдерживаемой ярости. Стекло сочувствовала девушке. Любой, кто так открыто проявляет свои эмоции, оказывается в невыгодном положении в любой игре, которая имела значение под такой крышей.

Стекло положила скованные руки на перила перед собой и, коснувшись дерева, почувствовала, как легкая дрожь пробежала по ее пальцам. Она чувствовала это и подошвами ног, как будто в соседней комнате упала какая-то массивная статуя или гора пожалала плечами, чтобы сбросить с себя огромную тяжесть камня. Никто, казалось, этого не заметил.

Шерзал и лорды Сис заставили инквизицию ждать далеко за полночь. Стекло прислушивалась к звукам музыки, доносившимся из огромных дверей банкетного зала, а аромат жареного мяса будил ее желудок, разжигая голод, несмотря на нервное возбуждение.

Позади нее в огромном камине играло яркое пламя, отчего она вспотела, а одежда стала влажной под мышками. Она представляла себе, что с того места, где стояли зрители, видно, как пламя обрамляет ее, поднимается над головой, намекая на то, что произойдет, когда Шерзал добьется своего.

Перемена в тоне болтовни из-за дверей возвестила о начале слушаний. Минуту спустя слуги, по трое у каждой двери, широко распахнули огромные двери, и Шерзал появилась во главе широкой колонны лордов, Таксис за ее левым плечом, Йотсис за правым, остальные великие дома веером расходились по сторонам, стремясь оказаться в первом ряду.

Шерзал переменяла свое черное платье на ослепительно белое. Шелка из далекого Хренамона, где каким-то образом все еще продолжалось их производство, несмотря на давящий холод, пуговицы из слоновой кости, проданные ледяными племенами, кружева, перевезенные через Марн. Сестра императора подошла к креслу, которое было поставлено отдельно для нее, в то время как лорды и леди Сис заняли свои места, расположенные позади нее ярусами, как будто в ожидании какой-то театральной постановки. По бокам от нее стояли двое личных охранников, оба в черном, справа — темноволосый мужчина, слева — Сафира. Бывшая послушница на мгновение встретилась взглядом со Стекло, прежде чем опустить глаза. Был ли в этом намек на стыд? Стекло решила, что это не исключено.

Брат Пелтер все это время расхаживал взад и вперед перед загородкой Стекла, насторожившись, ожидая своего часа и, возможно, нервничая от выступления перед такой аудиторией.

Зрителям потребовалось несколько минут, чтобы найти свои места и успокоиться, но постепенно разговор перешел на шепот и, когда старший инквизитор Агика поднялась на ноги, наступила полная тишина.

— Не могли бы мы попросить достопочтенную Шерзал Лансис занять место для допроса? — Бледной рукой она указала на второе ограждение на противоположной стороне судейской скамьи, лицом к лордам.

Шерзал нахмурилась. Ее взгляд метнулся к Стеклу, обвел судей, затем остановился на Брате Пелтере, который повторил ее хмурый взгляд.

Агика изобразила тонкую улыбку на непривычных к такой ноше губах:

— Ваша жалоба положила начало этому процессу, главный инициатор.

Шерзал бросила на нее сердитый взгляд, затем, видимо, решив не начинать процесс на спорной ноте, она покинула кресло, которое во всех смыслах и целях было тронем, и прошествовала вперед, чтобы занять свое место за перилами, ее белое платье издавало звук, который издает хрустящий свежий снег, когда на него наступают.

Братья Даймеон и Селдом сидели по бокам Сестры Агики за судейской скамьей, причем первый, сидя, была почти такого же роста, как стоявшая Агика. Даймеон махнул рукой Пелтеру.

— Обвинения против обвиняемой. — Брат Пелтер повернулся лицом к лордам, слова рвались с его губ. — Настоятельница Стекло из монастыря Сладкое Милосердие, бывшая Шелла Яммал из Истины, во-первых, вы обвиняетесь в умышленном пренебрежении родительских прав в пользу церковных, что является явной ересью в соответствии с мерзостью Скифроула. Во-вторых, вы обвиняетесь в том, что позволяете и поощряете преподавание ереси в том самом монастыре, который вам поручила церковь Предка.

Главный инициатор инквизиции, достопочтенная Шерзал, сестра нашего императора Крустикэла, является моим первым свидетелем по этому делу. Кроме того, я получил показания под присягой от четырех отдельных наблюдателей, привлеченных к расследованию в Сладком Милосердии которое я лично контролировал. И я обращусь к дочери лорда, занимающего высокое положение среди Сис, чтобы она дала показания, касающиеся ее лет, проведенных в Сладком Милосердии под опекой настоятельницы. Джоэли Намсис расскажет нам под присягой из первых рук о еретической практике, наблюдавшейся в монастыре в последние годы...

Стекло приняла озадаченное выражение. Когда Пелтер набрал в грудь воздуха, чтобы высказать дальнейшие мысли на тему ее вины, настоятельница загремела цепями, требуя внимания зала:

— Разве расследование на таком высоком уровне не должен вести *старший* инквизитор, брат?

— Вопросы здесь задаю я, настоятельница, — отрезал Пелтер. Он провел рукой по клочковатым седым волосам на покрасневшей голове: — Старшие инквизиторы требуются за судейским столом. Расследование может вести любой инквизитор.

— Но *необычно*, что расследование в монастыре ведет кто-то другой, а не старший инквизитор, — прокомментировала Сестра Агика из-за судейского стола, не отрываясь от своих записей. — Можно даже назвать это уникальным, не так ли?

— Кто отдал приказ об этом расследовании, брат? — Янтарные глаза Селдома пристально посмотрели на Пелтера — взгляд хищника.

— Дело возбудила главный инициатор, это ее право.— Взгляд Пелтера метнулся к Шерзал за вторым ограждением.

— Тогда она, должно быть, инициировала его до того, как произошло какое-либо из событий, с которыми связаны ваши обвинения, — сказала Стекло в неловкую паузу Пелтера.

— Вопросы задаю я! — Пелтер повернулся к Стеклу, чуть ли не плюясь.

— Я не задавала вопросов, — возразила Стекло.

— Довольно. — Сестра Агика подняла руку. — Может быть, вы представите свою первую свидетельницу, брат, и попросите ее изложить эти моменты, а также любые другие, которые сочтете уместными. — Она кивнула в сторону Сэры, которая подошла к Шерзал, ее руки сверкали серебряной цепью. Когда она протянула руку, сестра императора, нахмурившись, отстранилась.

— Как, несомненно, известно главному инициатору, — повысила голос сестра Агика, — все свидетели на большом процессе инквизиции носят серебряные цепи во время своих показаний, которая связывает их с истиной Предка.

Взгляд Шерзал метнулся к собравшимся лордам. С вымученной улыбкой она протянула свои запястья Сэре, и страж послушно обвязала тонкую цепь вокруг королевских запястий, обернув их полдюжины раз, прежде чем оставить концы свободно болтаться.

— Итак, главный инициатор. — Брат Пелтер встал перед сестрой императора. — Достопочтенная Шерзал. Если позволите...

— Вы не спросили меня, признаю ли я себя виновной. — Настоятельница Стекло повысила голос, точно так же, как при виде послушниц, плохо себя ведущих в монастыре.

Брат Пелтер повернулся к ней, его рот работал, но не сумел произнести ни слова.

— Так принято. — Сестра Агика кивнула.

Пелтер взял себя в руки:

— Мои извинения. Я предполагал, что вы попытаетесь настаивать на своей невиновности и вынудите нас подвергнуть настоятельницу монастыря самому суровому допросу. Должен ли я понимать, что вы хотите признать себя виновным и перейти непосредственно к вынесению приговора?

Настоятельница Стекло перевела взгляд с пылающих щек Пелтера на мужчин и женщин на скамьях лордов. Шерзал проделала впечатляющую работу, разместив такую большую часть Сис под своей крышей. Некоторые, конечно, никогда не отдадут себя в ее власть, но многие решили ей довериться — старые союзники, новые союзники или просто дома, достаточно уверенные в своей власти или решившие, что страх Шерзал перед осуждением императора сохранит их в безопасности. У Сис есть поговорка: «Убей не того человека, и он убьет тебя».

— Нет, я не признаю себя виновной.

Пелтер с отвращением вскинул руки.

— Значит, вы заявляете о своей невиновности и тратите наше время впустую. — Он повернулся к Шерзал и открыл рот, чтобы заговорить.

— Я также не признаю себя невиновной, — сказала Стекло.

Пелтер не потрудился обернуться, но повысил голос:

— Ваше понимание церковного закона кажется таким же слабым, как и понимание церковной доктрины, еретичка.

Кое-кто из лордов рассмеялся. Стекло заметила Арабеллу Йотсис и Джоэли Намсис сидевших на скамьях слева недалеко от лордов, Терра Менсис расположилась между ними.

— Я заявляю об особом освобождении от обета, — сказала Стекло.

— Особом?.. — Пелтер повернулся к ней с озадаченной улыбкой, взмахнув руками, чтобы дать какое-то объяснение.

— Особое освобождение, — подтвердила Стекло. — У меня есть разрешение первосвященника Невиса и Верховного инквизитора Джемона практиковать ересь.

По толпе прошел гул, жаркое бормотание, обмен взглядами.

— Почему?.. — Пелтер отказался от вопросов в пользу обвинения. — Нет, у вас его нет! Это ложь! Вы хотите, чтобы мы поверили в такую чушь только потому, что у вас хватает наглости говорить ее?

— У меня есть письменное разрешение. Подписано и скреплено печатью. — Стекло встретила взглядом с инквизитора.

— У вас нет никакого разрешения! — крикнул Пелтер. Потом уже тише: — Мы вас обыскали!

Агика ударила кулаком по столу:

— Предъявите эти документы или замолчите, настоятельница. Такие утверждения не могут основываться на словах обвиняемого.

— Мои руки связаны. — Стекло подняла запястья. — Быть может кто-нибудь достанет его из моей рясы? — Она прижала руки к левому боку. Документ провел большую часть пути, привязанный высоко на ее левом бедре, но, как раз перед судом, в уединении дворцового туалета, Стекло переместила его для более свободного доступа.

Сэра с лязгом пересекла комнату и, озадаченно посмотрев в глаза Стекла, вынула пергамент, передала его судьям и вернулась на свое место. Пелтер яростно посмотрел на своих коллег, как будто оскорбительный предмет должен была сначала попасть в руки ему.

Трое инквизиторов столпились вокруг пергамента, держа его за углы, чтобы он не свернулся.

— На нем печать Верховного инквизитора, — сказал Селдом.

— Подделка. — Даймеон отмахнулся от него взмахом руки. — Настоятельница когда-то сама занимала этот пост! Она сохранила свою печать и...

— Это печать Джемона, — сказала Агика. — И его подпись.

— Я в этом не уверен, — пророкотал Брат Даймеон.

— Есть еще печать и подпись первосвященника Невиса. — Агика подняла голову и посмотрела на Стекло. — Почему они оба дали свое разрешение на ересь?

Селдом встал, в замешательстве уставившись на Стекло:

— Почему вы держали это в секрете?

Стекло наклонила голову и позволила себе улыбнуться:

— А как еще устроить полный суд инквизиции под крышей сестры императора и заставить эту женщину оказаться в цепях за ограждением?

При этих словах со скамьи лордов поднялся смех — кто-то просто забавлялся, кто-то был потрясен, кто-то нервничал и смущался. То тут, то там появлялся намек на понимание. Глаза Карвон Йотсиса расширились, когда он тоже начал понимать.

Шерзал потрясла руками, пытаясь избавиться от серебряной цепи.

— Судьи! — рявкнула Стекло. — Ваш свидетель не получил разрешения на выход из-за заграждения.

Агика уже стояла, за ней вскочил Даймеон, превратив ее в карлика.

— Что означает весь этот вздор? — прогремел он.

— Достопочтенная Шерзал! — Агика проигнорировала коллегу-судью. — Вы останетесь, пожалуйста. — Она помахала Сэре, которая, побледнев, встала на пути Шерзал. По всему периметру большого зала члены личной гвардии Шерзал обменялись растерянными взглядами.

Стекло склонила голову:

— Я собрала для вас этих троих судей...

— *Вы* их не собирали! Я их собрал! — крикнул Пелтер.

— Я знала, где они будут и когда, — сказала Стекло. — Я сама выбрала время нашего отъезда. Таким образом я их собрала.

— Я выбрал время нашего отъезда! — В голосе Пелтера послышались нотки отчаяния. Он посмотрел на Шерзал, ища поддержки. — Я ее арестовал!

Стекло подняла глаза.

— И я сама выбрала момент, чтобы предпринять действие, которые заставит вас меня арестовать. — Она думала, что Зоул немедленно отправится за Ноной, но девушка подождала, пока не ушла Чайник, возможно, зная, что Чайник не даст Ноне уйти, не создав способ найти ее снова. Но даже и тогда Зоул колебалась. Она пришла к Стеклу в поисках мудрости, и Стекло посоветовала ей следовать своему инстинкту. — Я хотела, чтобы вы привели меня сюда.

— Но почему? — Пелтер, теперь почти беспомощный.

— Ни один суд инквизиции не может быть создан под крышей сестры императора без ее приглашения, — сказала Стекло. — И ни император, ни ближайшие члены его семьи не могут предстать перед судом нигде, кроме как под крышей Лансисов.

— Но Шерзал не находится под судом! — проревел Брат Даймеон.

— Будет, как только Сестра Агика арестует ее и предъявит обвинение. — Стекло перевела взгляд на Агику. — Агент Шерзал захватила единственный корабль-сердце церкви. Повод для подозрений прост и хорошо документирован. На допросе она признает свою вину и вернет украденное.

Стекло солгала, когда сказала, что выбрала судей. Пелтер действовал медленнее, чем ожидалось, и их путешествие на восток было более запутанным. Однако Агика и Селдом были первыми в списке возможных жертв Стекла, и она молилась, чтобы их нашли. Она также знала, что брат Даймеон, вероятно, будет включен в список, так как последний отчет об этом человеке сообщал, что долг удерживает его на пути, по которому Пелтер поедет почти наверняка. Все знали о его преданности Шерзал, однако брат Даймеон был ценным приобретением, поскольку оказывался в меньшинстве.

Десять лет назад, после того как Стекло приняла решение покинуть свой высокий пост на вершине Башни Исследующих, но до того, как объявила об этом, она запустила несколько процессов, которые могли помочь в далеком будущем. Главным среди них была опала некоторых из ее самых преданных инквизиторов, в том числе Селдома и Агики. Их споры и растущее недоверие были как публичными, так и ложными, обманом, согласованным обеими сторонами. Бывшие обладатели любого высокого поста становились крайне уязвимы как перед своим непосредственным преемником, так и перед всеми теми подчиненными, которые обижались на них. Что может быть лучше защиты от будущих неприятностей, чем выдвинуть на первое место в списке врагов мужчин и женщин, тайно преданных ей?

— Нет никаких доказательств, на которых можно было бы основать подобное обвинение! — Даймеон стукнул кулаком по столу. Оба телохранителя Шерзал, стоявшие по бокам от нее трона, теперь встали позади Сэры. Сафира первой подошла к ней, положив руку на рукоять меча.

Стекло проигнорировала открытую угрозу:

— Доказательств предостаточно, Брат Даймеон! Собственный служащий Шерзал, помещенный в Сладкое Милосердие по ее настоянию, украл корабль-сердце. Если бы речь шла о ком-то, кроме сестры императора и главного инициатора инквизиции, их бы арестовали и допросили много лет назад. Только невозможность сделать это предотвратила официальное обвинение.

— Если это правда, — Агика тщательно выговаривала каждое слово, словно лихорадочно соображая, — почему нас, троих судей, не предупредили?

— Да, — поддержал ее Брат Даймеон. — Нельзя ожидать, что мы будем допрашивать нашу хозяйку без указаний самого Джемона! Глупо предполагать, что он желал бы такого суда и при этом не отдал никаких приказов.

Стекло оценила сопротивление судей. Их авторитет мог стоять на твердой юридической основе, но их безопасность могло обеспечить только одно — на них смотрела полная треть Сис. Если бы раут закончился бы к тому времени, когда Стекло привезли на суд, она бы начала опасаться, что Шерзал прикажет инквизиторам тихо убить ее, а не подвергать допросу и суду.

Сафира, стоявшая очень близко к Сэре, напоминала о том, как быстро можно одолеть двух стражей инквизиции. И предостерегала — присутствие двух вооруженных церковных стражей не гарантирует никакой безопасности.

Стекло жестом велела трем судьям снова занять свои места, и, к ее удивлению, они это сделали.

— Ни слова об этой возможности не было послано, потому что у Шерзал слишком много ушей среди инквизиции. Любое сообщение рискует быть обнаруженным. Если бы даже намек на подобную идею дошел до этого дворца, вы трое никогда не получили бы официального приглашения войти сюда. Вместо этого Брат Пелтер отвез бы меня в императорский дворец, надеясь на быстрое осуждение до того, как в дело вмешаются более широкая Церковь и Башня Исследующих. — Стекло была готова поспорить на очень крупную сумму, что, если бы Брат Даймеон получил известие о заговоре, то Шерзал вскоре узнала бы об этом. Брат Даймеон так и останется ставленником Шерзал, но, к счастью, судебные коллегии инквизиции могут вести все свои дела простым большинством. Единогласного голосования никогда не требовалось.

— И теперь от нас ждут... — Брат Селдом посмотрел на Стекло. Ссора между Стеклом и ее бывшими подчиненными должна была дать ей возможность безопасно прожить последующие годы. Теперь она поставила их обоих на краю пропасти, где *их* жизнь была в большой опасности. — Вы хотите, чтобы мы?..

— Вы должны исполнить свой долг, брат. У вас есть возможность исправить великое зло, совершенное против Церкви. Первосвященник Невис и Верховный инквизитор Джемон поставили печать и подпись на разрешении именно для того, чтобы дать вам возможность действовать. Глаза Предка устремлены на вас.

Сестра Агика встала. Она медленно повернулась к возмущенному лицу Шерзал и неохотно, словно каждое слово причиняло ей боль, произнесла свою часть:

— Достопочтенная Шерзал, вы арестованы и являетесь пленницей инквизиции по обвинению в краже священной реликвии.

— РИТМ СЕРДЦА МЕНЯЕТСЯ. — Нона остановилась в узком проходе, подняв пересобой руку и растопырив пальцы, словно могла нащупать пульс корабль-сердца.

— Ты уверена? — Чайник, прихрамывая, подошла к ней сзади.

— Почему он изменился? — Клера нетерпеливо обернулась, размахивая фонарем.

Нона не знала. Ритм корабль-сердца в Сладком Милосердии не изменялся с того момента, как она впервые научилась ощущать его, и до того момента, как его украли. Вместо ответа, она спросила сама:

— Ты сказала, что эти туннели соединяются с дворцом Шерзал. Как же нам отсюда выбраться?

— Дальше есть выходы на Великий Перевал. Мы как-нибудь протащим вас мимо охраны, и вы сможете уйти своей дорогой. Прощай, Тетрагод, здравствуй, Сладкое Милосердие.

— Чайник ранена в ногу. Она не сможет спуститься с горы. — Нона тоже не была уверена, что сможет, хотя силы медленно возвращались к ней.

— Ей и не придется. Если вы перейдете через перевал, там будет дорога с большим движением. Сможете прокатиться на повозке. Вы вернетесь раньше настоятельницы. — Клера снова пошла вперед.

— Насколько крут этот перевал? Чайник сможет забр... — Нона остановилась. — «Раньше настоятельницы?»

— Местами он довольно крутой, но если тщательно выбирать маршрут, то трехногий осел справится. — Клера ускорила шаг, ее речь тоже ускорила.

— Клера! — Нона твердо стояла на своем.

Клера повернулась с невинным лицом и виноватым телом:

— Да?

— Что с настоятельницей?

— Ох. — Клера опустила фонарь, оставив лицо в тени. — Она во дворце.

— Делает что? — хором спросили Чайник и Нона. Часть Ноны боялась, что Настоятельница Стекло будет охотиться за ней для Церкви. Она отогнала эту мысль. Настоятельница послала Чайник помочь ей бежать.

— Ее привезла инквизиция, — сказала Клера. — Сегодня ночью состоится суд.

— Мы должны спасти ее. — Нона надвинулась на Клера, стиснув зубы.

— Неужели я должна повторять все, что говорила о поисках Зоул? — Клера опустила голову. — Слушай, я знаю, что это плохо, но, я уверена, старушка выкрутится, и ты не сможешь пробиться сквозь охрану Шерзал, как не смогла пробиться сквозь Тетрагод. Она собрала целую армию! Армию!

— Чтобы держать перевал против Скифроула, — сказала Чайник.

— Мы должны пойти за ней, — сказала Нона.

Клера сделала вид, что закашлялась:

— Зоул...

— Настоятельница не Зоул! — крикнула Нона. — Она просто старая женщина. Ей, должно быть, пятьдесят! Мы должны пойти за ней. Скажи ей, Чайник! — Она повернулась к монахине.

Чайник, смертельно бледная там, где тени отхлынули, нахмурилась и ничего не сказала.

— Что? — Нона широко раскрыла глаза. — Это *настоятельница*, Чайник!

— Я знаю. — Чайник прислонилась к скале, снимая вес с раненой ноги, и зашипела от облегчения. — Но она произнесла длинную речь о том, что мы не должны сражаться с инквизицией, что, если мы начнем сражаться с ними, где же это остановится? Она сказала, что это не остановится, и что Церковь и монастырь будут разорваны. И... Предок будет плакать, видя это.

— Это просто... слова, — беспомощно сказала Нона. — Мы должны что-то сделать.

— Даже если бы мы могли, Нона, настоятельница не поблагодарила бы нас за это. Она бы снова отдала себя в руки Церкви при первой же возможности. — Чайник покачала головой, словно представляя себе осуждение настоятельницы Стекло. — Мы должны идти. Это то, что она хотела бы для нас. Мы сохраним ее в наших сердцах. — Она высказала последнюю мысль, словно утешая Нона, словно та была еще ребенком.

— Наши... сердца? — Краешек понимания проник в сознание Ноны. Она протянула руки — одну назад, туда, откуда они пришли, к Тетрагону, другую вперед, к дворцу Шерзал и Великому Перевалу.

— Нам нужно двигаться. — Клера переминалась с ноги на ногу.

— Нона? — Чайник заковыляла вперед, тени закружились.

— Вот почему ритм изменился, пока мы путешествовали. — Нона растопырила пальцы. — Я уловила больше от одного и меньше от другого...

— О чем ты говоришь? — заинтересовалась Клера, вопреки самой себе.

— Сердца, — сказала Нона. — Есть два корабль-сердца, а не одно. Первое позади нас, второе — впереди. — Она посмотрела на Чайник. — Это наше корабль-сердце, из Сладкого Милосердия. Я в этом уверена!

— Насколько уверена? — Чайник положила руку на плечо Ноны.

— Не имеет значения, насколько она уверена! — Клера вскинула руки, ударилась одной о камень и выругалась. — Ты не получишь его обратно с раненой монахиней и больной послушницей!

— Я знаю, что оно там. — Нона проигнорировала Клера.

— Отведи нас во дворец, Клера. — Чайник подошла к девушке. — Мы не можем уйти.

— Этого не будет. — Клера попятилась.

— Если мы вернем корабль-сердце, настоятельница простит все твои преступления, Клера. — Пока Чайник говорила, тени вокруг них сгустились, оттесняя свет фонаря к его источнику.

— Но ты его не вернешь, — сказала Клера, указывая на бедро монахини. — В лучшем случае ты умрешь. Если тебя схватят, они узнают от тебя мое имя и поймут, кто помог тебе, даже если тебя быстро убьют.

— Подведи меня поближе к корабль-сердцу. — Нона вспомнила ужасную силу сердца, видимую и ощущаемую через Гессу. — Если я дотронусь до него, никто меня не остановит.

Чайник нахмурилась, чуть было не заговорила, но сдержалась и сказала другое:

— Мы должны вернуть его. Любой ценой.

Клера попыталась отскочить, но Чайник оказалась слишком быстрой и схватила ее за руку.

— Пожалуйста, Клера. — Нона не сводила глаз с лица подруги. Когда Нона разделяла разум Чайник, она почувствовала силу принуждения, которое использовала Зоул. Увидев,

как работает воля Зоул, Нона стала понимать, как лучше использовать свое собственное прикосновение к марджал-эмпатии. — Мы *должны* это сделать. — Вина Ноны за то, что она манипулировала своей подругой, лежала в тени их дела и воспоминаний о предательстве в другой пещере, много лет назад. Она позволила силе своей убежденности течь через трещины в личности Клеры, трещины, которые она давно знала. Честолюбие, гордость и потребность в вызове.

— Я не знаю, где находится корабль-сердце... — Клера начала слабеть. — И с ним может быть Йишт. Я не хочу с ней встречаться.

— Ты *нужна* нам, Клера, — сказала Нона. — Тебе не надоело быть орудием в руках этих людей? Я хочу, чтобы ты вернулась.

Клера нахмурилась:

— Шерзал, вероятно, хранит его в своей сокровищнице.

— И ты знаешь, где это? — спросила Чайник.

Мрачное лицо Клеры прояснилось:

— Конечно!

•••

ПРИДАВ КЛЕРЕ КАКОЕ-ТО подобие уверенности, Нона обнаружила, что собственная ослабела, когда они приблизились к дворцу. Она не могла снова добраться до Пути, не так скоро. Пройдет много часов, прежде чем она сможет даже увидеть его. Нона понятия не имела, как они могли надеяться проникнуть в крепость Шерзал так глубоко, не будучи захваченными стражниками. А без корабль-сердца не было ни малейшего шанса спасти настоятельную.

— Мы уже близко, — сказала Клера. — Впереди стража. Меня они знают. Но вас обеих закуют в цепи.

Нона нахмурилась. Она чувствовала себя немного лучше, но едва ли могла сражаться. Боль и тошнота сменились усталостью, голодом и жестокой жаждой. Ребра все еще беспокоили ее, но, возможно, были скорее ушиблены, чем сломаны. Ее нос горел в том месте, где его порезал Лано Таксис. Но именно этот огонь разозлил ее, гнев отогнал усталость на задний план:

— Сколько? Я не хочу убивать их без крайней необходимости.

Что? Кеот хранил молчание с тех пор, как Нона пошла по Пути, но теперь он заговорил. *Убей их! Они — враги!*

— Обычно дежурят четверо, и еще двадцать недалеко. Это качественные солдаты, ветераны. Шерзал доверяет ной-гуин не больше, чем должна. На стенах есть сиклы, которые, как говорят, можно использовать, чтобы разрушить их в случае нападения.

— Значит, мы проникнем незамеченными, — сказала Чайник.

— Неужели вы думаете, что со всеми ной-гуин в мире, связанными с подвалами ее дворца, у Шерзал нет защиты от тайного проникновения? — Клера закатила глаза. — Это невозможно. Я привела вас сюда, чтобы доказать это.

Чайник и Нона обменялись взглядами, их лица были в тени, свет фонаря Клеры выхватывал из темноты только краешки. Они обменялись кивками. Нона знала, что даже без нить-связи они обе поняли бы друг друга.

— Нам придется убить их всех, — сказала Нона.

Да! Кеот вспыхнул на ее груди, поднимаясь вдоль обеих ключиц. *Да!*

Клера фыркнула.

— Тебе повезет, если ты убьешь одного из них до того, как они схватят тебя, Нона. И Чайник повезет, если она вообще до них доберется.

— Разве ной-гуин не научили тебя тому, что может сделать тень-работа, Клера? — Чайник сжала бледную руку в черный кулак, из ее пальцев потекла ночь. — Я могу быть раненой, но моя тень все еще способна разрывать.

Клера пожала плечами:

— Молись, если хочешь. Вы обе будете мертвы еще до того, как придет подкрепление.

Нона знала, что это правда, и знала, что Чайник согласна с ней. Но это не имело значения. Когда настоятельница и корабль-сердце находятся в пределах досягаемости, ни одна сестра, Серая или Красная, не бросит их. Монахиня последовала совету Клеры и склонила голову, чтобы помолиться.

Нона подавила желание присоединиться к молитвам Чайник и, вместо этого, оглядела голый туннель в поисках вдохновения.

— Что нам действительно нужно, — сказала она, — так это отвлечение.

Ноне так и не удалось узнать, что Клера хотела сказать по этому поводу. Гулкое эхо грома, донесшееся до туннеля из дворца наверху, вырвало слова из их ртов.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА СТЕКЛО

— ВЫ СОБИРАЕТЕСЬ ПЫТКАМИ добиться от меня признания? В моем собственном доме? — Шея Шерзал горела красным над белой пеной воротника. Она выглядела скорее разъяренной, чем испуганной.

— Против вас выдвинуты серьезные обвинения, Шерзал. — Сестра Агика устремила взгляд своих темных глаз на женщину, постепенно привыкая к своей новой роли. — Ваша служащая украла предмет неисчислимой ценности, воспользовавшись положением, которое она смогла получить только по вашему настоянию. Ваша безоговорочная гарантия ее хорошего поведения требует, чтобы вы ответили на наши вопросы. Такое же расследование было бы проведено и в любом подобном случае.

— Тогда вам лучше проголосовать. У меня неотложные дела. — Шерзал нетерпеливо махнул рукой Агике. — Ожидается еще очень много гостей...

— Вам нечего предложить в свою защиту? — Агика подняла бровь.

— Да, и я тоже не признаю себя виновной. — Шерзал перегнулась через ограду и посмотрела мимо судей на Стекло. — И у меня нет никакого особого освобождения!

На взгляд Стекла, Шерзал выглядела чересчур самоуверенной, хотя она подозревала, что самоуверенность этой женщины, как и цвет ее глаз, не может потускнеть. *Упади Шерзал когда-нибудь с утеса, она будет выглядеть абсолютно уверенной, что скалы несутся ее поприветствовать*, подумала Стекло.

— Тогда мы обсудим наш вердикт. — Сестра Агика отодвинула стул. — Суд может признать вас виновной, невиновной или потребовать ответить на вопросы.

По обе стороны от Агики братья Селдом и Даймеон развернули свои стулья так, чтобы все трое смотрели друг на друга. Они наклонились вперед, почти соприкасаясь головами. Агика обратилась к двум своим коллегам-судьям, что привело к быстрому обмену горячими шепотками. Стекло посочувствовала им: она поставила их в трудное положение. Либо следовать своему очевидному долгу и рисковать гневом самой могущественной женщины империи в ее собственных стенах, либо игнорировать свой долг и нанести инквизиции сокрушительный удар перед собравшимися предводителями Сис, одновременно теряя возможность вернуть одно из самых ценных владений церкви. Даже спор о решении был потерей лица и авторитета. Даймеон, скорее всего, выбрал бы «невиновна», какие бы доказательства ему ни были представлены, но, к счастью, для решения требовалось только большинство и не было никакого способа заставить Агику и Селдома отказаться от дальнейшего расследования.

Стекло наблюдала и слушала, улавливая лишь отдельные слова, но хорошо понимая направление дискуссии. Как и ожидалось, Агика и Селдом недоверчиво отнеслись к отказу Даймеона подвергнуть Шерзал допросу, и оба выглядели так, словно их раздражала неспособность убедить его в обратном.

А потом случилось нечто неожиданное. Паузы Селдома. Злые восклицания; он, похоже, злился на Агику. А от нее — неверие.

По спине Стекла пробежал холодок. Может быть, его каким-то образом подкупили? Он всегда казался идеальным инквизитором. Нет семьи, на которую можно давить,

аскетическое презрение к деньгам... Она поставила свою жизнь и даже больше на честность этого человека. Как он мог...

Стекло отвернулась от судей и оглядела аудиторию. Она быстро нашла Джоэли, золотые волосы девушки не имели себе равных среди толпы, за исключением одного человека. Линии сосредоточенности пересекли ее обычно безупречный лоб, ее пальцы, поднятые к груди, подергивались.

Стекло не могла видеть нити, окружавшие Селдома, и не могла оценить мастерство, с которым Джоэли меняла его мнение, но она знала, что происходит.

— ...мы должны проголосовать. — Его голос был напряженным, но решительным.

— Мы должны! — Даймеон, почти торжествующий победу.

Стекло сжала челюсти, холодное потрясение от поражения омыло ее. Она умрет здесь, послеобеденное развлечение для этих перекормленных лордов.

— ...но... подождите... я запутался. — Селдом поднял обе руки, чтобы помассировать виски.

В дальнем конце гостевых скамеек Арабелла Йотсис подняла руки, хватая воздух перед собой, лицо ее было напряжено от сосредоточенного усилия. Настоятельница знала из рассказов Сестры Сковородка, что потенциал Ары в работе с нитями был меньше, чем у Джоэли, и ее навыки были гораздо менее развиты. Однако для распутывания нитей требуется меньше таланта, чем для первоначальной манипуляции. Человеческий разум сопротивляется вмешательству и всегда пытается вернуться в свое естественное состояние.

Среди сверкающей толпы, Джоэли почувствовала вмешательство и удвоила усилия, ее челюсть приняла решительный вид, лицо потемнело. Брат Селдом, застигнутый бурей, позволял себе поддаваться сначала доводам Даймеона, потом Агики, потом снова Даймеона. Хотя он, казалось, медленно отступал под влиянием Джоэли.

— ...сестра императора! Мы просто не можем...

Шум громкого удара и возмущенный визг вернули внимание Стекло к гостевым скамьям. Джоэли лежала, раскинувшись, в шафрановых юбках и кремовых кружевах, слишком ошеломленная, чтобы даже вдохнуть воздух для подходящего крика. Место на скамейке, где еще недавно находился ее зад, было пустым и блестящим. Дарла как раз выпрямлялась после того как, пользуясь ростом, наклонилась с задней скамейки, протиснулась мимо нескольких возмущенных матрон, а затем сильно толкнула Джоэли между лопаток.

— Генерал Ратон, приструните вашу дочь! — Джоен Намсис поднялся со скамей лордов.

К тому времени, как Дарлу отчитали и двое дворцовых стражей вывели ее из зала, а несколько суетящихся дочерей Сис вернули Джоэли на место, судейская коллегия вынесла свой вердикт. Шерзал смотрела на них с лицом, мечущим молнии.

Агика выпрямилась в кресле. Братья Даймеон и Селдом отступили.

— По решению большинства мы находим веские основания для того, чтобы Шерзал Лансис была подвергнута умеренному допросу офицером инквизиции.

Брат Пелтер моргнул, словно не в силах осознать масштаб перемены, столь внезапно обрушившейся на него. Он сможет использовать навыки и инструменты своего ремесла, только не против человека, которого, как он полагал, отдадут на его попечение.

Шерзал откинулась от ограждения, ее гнев сменился задумчивым взглядом. Стекло решила, что она взвешивает свои возможности. Она, должно быть, уже поняла, что ей нужно

сделать только одно, — продержаться до тех пор, пока ее гости не уедут, что может произойти довольно быстро. Тогда, когда ее благородная аудитория вернется на западные дороги, она сможет взять дело в свои руки. Позже можно будет придумать подходящую историю, например, о невиновности, за которой последует трагическое происшествие с участием уехавших судей. Вполне возможно, что братья Даймеон и Пелтер выживут после этого несчастного случая и подтвердят версию Шерзал...

— У меня есть второй документ. — Стекло повысила голос и подняла правый локоть, указывая головой на свой бок. — Он избавит достойную Шерзал от необходимости допроса под умеренным давлением. — Она увидела, как брови Шерзал поползли вверх. Даже такая грозная женщина, как сестра императора, должна была испытывать некоторые опасения по поводу инквизиции. Умеренное давление распространялось на порки различных видов, наряду с напряжением суставов и применением различных механических приспособлений к рукам и ногам. В теории это звучало неприятно, а на практике было просто ужасно.

Мелкир подошел, чтобы вытащить второй пергамент, который был привязан лентами к боку Стекла. С документа свисал крошечный муслиновый мешочек, пришитый к нижнему краю. Он отнес его судьям, которые столпились вокруг, пожирая слова.

Агика вытащила мешочек и высыпала на ладонь пять маленьких черных таблеток. Она поджала губы:

— Они выглядят такими незначительными...

— Произведение гения, — сказала Стекло. — Объединенные усилия Академии и Госпожи Тень из нашего монастыря. К сожалению, они пугающе дороги и очень трудоемки в приготовлении. Было бы приятно верить, что такие чудеса однажды избавят любого от необходимости страдать во время поисков истины.

Сестра Агика выпрямилась и обратилась к лордам:

— Верховный Инквизитор Джемон поставил свои печать и подпись на разрешении использовать эти «пилюли истины» в суде над Шерзал. Это позволит инквизиции избежать причинения физического вреда ее главному инициатору, что было бы весьма прискорбно, если бы она оказалась невиновной в выдвинутых против нее обвинениях. Кроме того, это позволит быстро и публично решить вопрос с Сис в качестве свидетеля. И...

— Яд! — крикнула Шерзал. — Я не позволю, чтобы меня кормили ядом из рук этой женщины!

Сестра Агика взяла с ладони таблетку, зажав ее между большим и указательным пальцами:

— Собственная печать Верховного инквизитора свидетельствует об их безопасности, но, я уверена, настоятельница будет не против принять одну из них, чтобы вас успокоить.

Стекло была *очень* против. И прекрасно понимала возражения Шерзал. Для женщины, чья власть строилась на тайнах, принуждение говорить правду было поистине ядом.

— С удовольствием, Сестра Агика. — Она улыбнулась и кивнула.

Мелкир вернулся с одной из черных таблеток в руке. Он поднес его ко рту Стекла.

— Я прошу, чтобы только Судье Агике было позволено задавать мне вопросы, и только те, которые она собирается задать заключенной. Я знаю многие из самых священных тайн церкви и не смогу не выдать их, если мне зададут неуместные вопросы.

Сестра Агика склонила голову:

— Разумная просьба.

Стекло открыла рот, потом закрыла.

— Мне сказали, что у этой смеси невероятно горький вкус. Если я буду задыхаться или плевать, то не потому, что меня отравили. — Улыбка в сторону Шерзал. Она снова открыла рот.

Вкус, когда Мелкир положил таблетку ей на язык, был намного хуже, чем Стекло могла себе представить. Она крепко сжала челюсти, с силой втянула щеки и зажмурилась, стараясь не вырвать и не закричать.

Крики и потрясенные возгласы заставил Стекло открыть глаза. Когда шум суматохи пробился через ее тошноту, она подумала, что, возможно, таблетка сделала что-то ужасное с ее внешностью. Затем, сфокусировав зрение, она спросила себя, неужели снадобье Яблока действительно отравило ее и сцена перед ней была галлюцинацией.

Сэра упала на колени, прижав руки к горлу, багровому от крови, пульсирующей между пальцами. Сафира стояла позади нее, крепко держа нож с алым лезвием. Шерзал стряхнула с себя цепь и вышла из-за ограждения. Когда она приблизилась к трону, несколько из ее домашних стражей встали по бокам.

Стекло выплюнула горькое черное месиво изо рта, сжав сморщенные губы в мрачную линию. Такое нападение всегда было возможно, но она чувствовала, что вся тяжесть последствий ляжет на Шерзал, отдавшей на милость брата. Если у Крустикэла и были какие-то кровожадные инстинкты по отношению к своим сестрам, то и те, несомненно, давали ему достаточно поводов, чтобы действовать. Вероятно, на этот раз он отправил бы Шерзал на лед. Лед — символическое наказание, изгнание — реальное. Учитывая финансы Шерзал, она, без сомнения, могла бы вернуться в какую-нибудь другую страну вдоль Коридора и спокойно жить в изгнании. Именно так Стекло видела дальнейшее развитие событий. Однако она всегда знала, что Шерзал вполне может бросить осторожность на ветер и прибегнуть к насилию.

Шерзал добралась до своего трона и превратилась во властный белый вихрь.

— Друзья мои, лорды Сис, я привела вас сюда не только ради удовольствия побыть с вами, но и для того, чтобы сделать объявление.

Сэра с грохотом повалилась вперед и замерла в растекающейся луже крови. Мелкир с посеревшим лицом обнажил меч и встал рядом с судьями, между ними и Сафирой.

— Луна падает. — Шерзал стояла перед троном, взмахивая руками, чтобы подчеркнуть свои слова. — Лед давит, смыкает челюсти на империю, сдавливая всех нас, от самого низкого крестьянина на окраинах до каждого из вас, моих братьев и сестер Сис. Тот же лед надвигается на Дарн и Скифроул, а на их самых отдаленных границах он одинаково давит на культ ведьм Баррона и королевство Альд.

Лорд Йотсис поднялся со стула:

— Ваш слуга только что убил инквизитора! Я требую объяснений, а не урока географии!

— Мой брат не может спасти эту империю! — продолжала Шерзал, как будто лорд Йотсис все еще сидел и молчал. — Его армии с трудом сдерживают Дарн. Наш берег омывает Марн, но в трех милях от побережья его можно с таким же успехом назвать Дарн-море. — Она указала на восток, махнув рукой в сторону банкетного зала. — Когда придет Скифроул, его будет невозможно остановить. Эти горы были всей мощью империи на востоке, но они уже недостаточно высоки, чтобы сдерживать этот прилив.

Разрозненные протесты по поводу утверждения Шерзал поднялись на фоне тревожного молчания. Слух о численности войск Скифроула распространялся на запад, как чума.

— Луна падает! — Шерзал подняла руки. — Прислушайтесь к этим словам. Мы говорим «Когда упадет луна» и под этим подразумеваем *никогда*... но я повторяю. Луна *падает*. — Она оглядела зал, ее взгляд бросал вызов любому возражению. — Луна падает, но еще не упала. Он будет летать еще целую жизнь, а, возможно, и еще одну, но за это время северный лед ускорит свое продвижение к южному.

— Что Скифроул хочет от нас, милорды? Зачем штурмовать суровые склоны Грэмпейнов? Зачем тратить свою кровь здесь, вместо того чтобы мчаться по холмам Альда? — Шерзал не стала тратить время на ответы. — Ковчег может управлять луной. Та, кто управляет луной, владеет Коридором. Адома, бой-королева, это знает. Она также знает, что мой брат скорее разобьет Ковчег, чем отдаст его тем, кто разрушил нашу империю, и это вполне справедливо.

Лорд Йотсис, все еще стоявший, снова обрел голос:

— Если Ковчег управляет луной, почему Крустикэл не использует эту силу?

— Как можно использовать луну, чтобы спасти нас? — Лорд Таксис со своего места. Если бы Стекло была судьей, то решила бы, что этот вопрос поставлен только для того, чтобы Шерзал могла ответить. Лорд Таксис был единственным, кто не удивился последним событиям.

— При помощи Ковчеха можно перенацелить луну, — сказала Шерзал. — Это заставит лунный фокус проводить в одной части Коридора больше времени, в другой — меньше. С таким контролем мы могли бы отбросить лед от империи...

— А цена? — спросил лорд Йотсис.

— В другом месте лед продвигался бы быстрее, — ответила Шерзал.

Судя по бормотанию за спиной лорда Йотсиса, многие из Сис не посчитали цену слишком высокой.

— Тогда почему Крустикэл не использует эту силу? — Лорд Таксис изложил первую мысль Карвона Йотсиса так, словно она была его собственной. — Императоры веками жили в Ковчеге.

Шерзал кивнул в ответ на вопрос:

— Ковчег должен послать энергию Луне, чтобы она смогла наклоняться и разворачиваться. Для обеспечения достаточной энергии требуется четыре корабль-сердца, и из-за древнего договора, установленного для обеспечения единства целей между племенами, они должны быть сердцами кораблей каждого из четырех племен. Без этих корабль-сердец Ковчег не может быть даже открыт.

По толпе пробежала волна понимания, за которой последовало замешательство.

— Во всей империи есть только три корабль-сердца. — Лорд Глосис, голос хриплый от старости и ворчливый. — И даже если *выукрали* одно у церкви, то не владеете двумя другими!

— Сила строится на союзах, лорд Глосис. — Шерзал обнажила свою акулю улыбку. — Сила большого лука исходит от союза различных лесов, каждый из которых вносит свой вклад. — Она повернулась к судьям. — Я сказала, что не признаю себя виновной и не заявляю об особом освобождении. Но я и не признаю себя невиновной. Правда в том, что я приказала забрать корабль-сердце из монастыря Сладкое Милосердие. Я заявляю это сейчас, без всякого стыда. Да, я виновна в том, что отняла у горстки монахинь, изолированных на одинокой скале, нечто, что может принести неисчислимое благо всей империи. Виновна в том, что поставила все наше будущее выше высокомерия Серого и Красного, выше

эгоистичных абстракций Святых Ведьм. — Шерзал обошла свой трон и повернулась лицом к залу, глядя через высокую спинку. — У ной-гуин есть корабль-сердце марджал.

Тут же поднялось недовольное бормотание. Многие семьи Сис потеряли своих членов из-за ной-гуин. Эти смерти часто заказывались другими семьями, но большинство оставшихся жертв были заказаны «внутри дома», как средство продвижения в семье.

— Если вы хотите положить конец ной-гуин, — сказала Шерзал, — я знаю способ, который приведет к успеху там, где сотни лет и тысячи солдат потерпели поражение. Приведите их в наши ряды. Пусть они займут свое место за высоким столом как Нойсис, и больше не будет ной-гуин. Пусть они присоединят свое корабль-сердце к нашему делу.

— Это два. — Старая лорд Глосис, сгорбившаяся в своих одеждах, несмотря на жару.

Стекло почувствовала, что вспотела от треска и рева, доносившихся из камина позади нее. Она начала разматывать цепь, хотя у нее не было никакой надежды на побег.

— Два. — Шерзал подняла вверх два пальца. — И у Адомы есть последние необходимые два. — Она подняла оставшиеся пальцы.

— Вы собираетесь вторгнуться в Скифроул? — Лорд, стоявший сзади, разразился лающим смехом.

— Я планирую союз. — Шерзал опустила руку.

— С бой-королевой! — Карвон Йотсис успокоился и сел. Другие, наоборот, поднялись на ноги — многие из них с криками «Предательство!» на губах.

— Ты продаешь нас в цепи Скифроула? — воскликнул лорд Менсис.

Крики «Ересь!» с судейской скамьи.

— Адома предоставит нам два корабль-сердца, и ее боевые кланы расчистят нам путь к Истине, — сказала Шерзал, ее голос поднялся над приливом жалоб. — Мой брат окажется перед двумя вариантами, тогда как раньше у него был только один, хотя он никогда это не признает.

Первый — Скифроул берет империю под свой контроль, их ересь будет в каждой церкви Предка, наш народ поработен, наша знать — свергнута. Конечно, Крустикэл разрушит Ковчег, чтобы лишить их такого приза, но это будет пустая победа, одна битва в проигранной войне. В настоящее время это его единственный выбор. Скифроул не удержат.

Второй вариант — принять меня как нового императора, поддерживающего династию Лансисов. Принять предложенные корабль-сердца Адомы и, присоединив их к нашим, получить власть над самой луной.

Адома — благодаря сигил-работе ее магов — сохранит способность уничтожить два ее корабль-сердца со своего трона и тем самым уничтожить Ковчег. Это ее гарантия нашей доброй воли. Но контролировать луну будем *мы*, и в обмен на ее использование для сохранения Скифроула и продвижения интересов Адомы на восток, она выведет свои войска.

Наши границы будут защищены, наше будущее обеспечено для следующих поколений, наша честь восстановлена. Мы позволим льдам сокрушить Дарн, и Луна сожжет их порты дотла. И вы, друзья мои, объединив ваши силы с моими, дадите возможность цветку империи пережить этот кризис. И, конечно, мой трон обеспечит вам ведущее положение среди Сис.

Крики протеста продолжались, но постепенно стихли, и многие лорды начали оживленно спорить со своими соседями. Стекло достаточно знала людей и понимала — прилив переменился, и гостям Шерзал осталось только понять это самим.

— Единственные неизбежные жертвы стоят перед нами. — Шерзал вновь привлекла

внимание лордов. — Инквизиция никогда не примет союз со Скифроулом. Мне нужно будет покончить с настоятельницей и ее организацией. — Она махнула рукой в сторону судей. — Может ли кто-нибудь из вас утверждать, что инквизиция — достойная вещь, достояние, которым не следует жертвовать во имя бóльшего блага?

И Настоятельница Стекло, чей язык был отравлен ядом, заставлявшим говорить правду, вынуждена была ответить:

— Нет.

•••

КОГДА ОХРАННИКИ ШЕРЗАЛ приблизились к судейской скамье, Стекло снова обрела голос.

— Инквизиция, возможно, может быть ценой, которую стоит заплатить, но твоя ассасин убила невинного ребенка, когда воровала из церкви Предка. Жизнь ребенка — слишком высокая цена. Как и все жизни, которые будут потрачены, когда орды Скифроула пронесутся по дорогам к Истине. Бой-королева может отступить, а может и нет, но, даже если орды вернутся на восток, это будет похоже на отступление штормового прилива, оставляющего опустошение. — Стекло говорила только правду, и она говорила это с уверенностью, присущей ее посту, применяя свою собственную магию, которая заглушила болтовню лордов и даже заставила солдат Шерзал приостановить наступление на Мелкира. — Вся эта кровь будет пролита ради твоего честолюбия, Шерзал! Если бы этот миф о корабль-сердцах и управлении луной был правдой, то сам Крустикэл мог бы заключить такую сделку с Адомой. Если бы ты поделилась с ним своими знаниями, у Скифроула не было бы причин пересекать Грэмпейны. *Если это правда.*

— *Схватите ее!* — крикнула Шерзал своим стражам.

Мелкир поднял меч, но Сафира, двигаясь быстрее, чем способен видеть человеческий глаз, обошла клинок и подсекла его левую ногу своей правой, так что он с грохотом упал на пол.

Стекло продолжала говорить, даже когда стражники сомкнулись вокруг нее:

— Все народы Коридора — дети Предка, знают они об этом или нет, какие бы границы их ни окружали. Крустикэл никогда не стал бы использовать луну в качестве орудия агрессии. Луна — наш дар от тех, кто находится гораздо глубже в великом древе Предка, чем мы. Император мог бы найти способы лучше использовать благословение луны и удержать других от нападения. Империя могла бы стать драгоценным камнем на поясе Абета, а не темным и кровожадным повелителем, обрекающим целые народы на ледяную гибель.

Двое охранников взяли Стекло за руки, казалось, не зная, что делать дальше, пока она продолжала обращаться к их госпоже:

— Твой план требует много чего, и в нем даже есть что-то хорошее, Шерзал. Чего он не требует, так это *тебя*. Никакая часть высшего блага не требует, чтобы ты села на императорский трон!

— Заставьте эту женщину замолчать! — крикнула Шерзал. — Или я должна сама это?..

Звук, который заглушил все остальные, был громадным и физическим, как будто гигантский молот ударил по дворцу — не по внешним стенам, а здесь, внутри зала. Стулья и их обитатели разлетелись во все стороны от центра — того места, где сидели семьи Сис. Трещины, достаточно широкие, чтобы вместить пальцы и даже целые ладони, побежали по

мраморному полу, от места удара поднялось облако каменной пыли.

Движение за сценой и над ней привлекло внимание Стекла, за ширмой в галерее с музыкантами большая фигура разбрасывала более маленькие. Дарла! Ее противниками были лучники с арбалетами, бесполезными на таком расстоянии. Их оружие, должно быть, было нацелено на единственного гостя, который, как знала Шерзал, мог представлять для нее наибольшую физическую угрозу. Ускользнуть во время суда, чтобы разобраться с теми, кто наблюдал за Арой, было впечатляющим подвигом для человека ростом ближе к семи футам, чем к шести, но Дарла сумела добиться того, чтобы ее вывели, избавив от необходимости прибегать к уловкам.

Пыль начала оседать. Посреди нее стояла на одном колене фигура, прижимая одну руку к полу. Женщина в обрывках платья. Ткань, да и вся ее фигура, вздрагивала, двигалась... искривлялась... пока она пыталась сдержать свою силу.

Арабелла Йотсис! Лучники, должно быть, получили приказ стрелять в нее при малейшем признаке того, что она пошла по Пути. Последний из них с воплем упал с галереи.

И Ара встала, сияние вокруг ее конечностей и туловища было слишком ярким, чтобы на него можно было смотреть.

ВЗРЫВ НА ГЛАВНЫХ уровнях дворца вырвал всех охранников из их подземны казарм, оставив только троих из четырех, которые дежурили в коридоре.

— Если они доберутся до сигил-работы на стенах, нам конец, — сказала Клера. — Я не знаю, что сделают эти сигилы, но Шерзал настолько верит в них, что не стала устанавливать ворота между собой и ной-гуин.

— И мы можем быть совершенно уверены, что там есть сигилы, которые уничтожат тень-работу, — сказала Нона.

— Значит, ты пойдешь туда и разберешься с ними, Клера. — Чайник махнула ей рукой. — Они позволят тебе приблизиться, а потом...

— Я не уверена, что смогу остановить их всех вовремя. — Клера нахмурилась.

— Воткни в них булавку, покрытую тюрягой, — сказала Нона, вспомнив одну пещеру и не в силах скрыть горечи в голосе.

— Им каждый месяц вводят стандартные яды, чтобы поддерживать высокую переносимость. Шерзал знает уловки ной-гуин. Кроме того, я не хочу, чтобы они знали, что это была я.

Нона размотала цепь, обернутую вокруг пояса. Она использовала ее там в качестве ремня для остатков своей сорочки и для того, чтобы было куда воткнуть запасные клинки, подобранные после сражения в камера-блоке. Она положила оружие и отдала цепь Чайник. Затем она скрестила руки перед собой, костяшки пальцев одной руки уперлись в локоть другой.

— Свяжи меня.

Чайник начал обматывать обе руки вместе, поворот за поворотом цепи.

— Я использовала эту уловку с Зоул у входа в Тетрагод. Не думаю, что это сработает здесь, хотя... я выгляжу как бессветная.

— Вот почему я пойду одна, — сказала Нона.

Чайник закончила связывать Ноне руки и подоткнула конец цепи:

— Если Клера не думает, что сможет достаточно быстро вывести из строя всех троих, то почему ты думаешь, что сможешь?

— Совершенно верно. — Клера нахмурилась. — Я так же быстра, как и ты! Эти люди — не пустышки. Им нужно всего лишь мгновение, чтобы прикоснуться к нужному сигилу, и тогда...

— Потому что я *хочу* их убить. — Нона позволила Кеоту говорить вместо нее, ее голос стал рычащим, каким-то чужим. — Я жажду их смерти. Я хочу, чтобы пролилась их кровь. Меня поймали в ловушку, загнали в угол, отравили, унизили и теперь моя очередь. Я не боюсь уничтожения. Желание выжить замедляет тебя, девочка. Я... — Нона отвоевала контроль у Кеота, кашлянула и добавила своим обычным голосом: — Если ты не против?

Клера, теперь уже бледная, попятилась к стене туннеля, подняв брови, и протянула ладони: «не стесняйся».

Нона пошла одна, ленты ее сорочки болтались вокруг нее, тело было грязным от грязи и запекшейся крови, ее скованные руки были подняты перед ней. Голодные дни лишили ее мяса на костях, и у нее не было ничего лишнего уже перед тем, как ее схватили. Прихрамывая и опустив голову, она вошла в круг света первого фонаря.

— Лед! — выругался кто-то из троих солдат, стоявших в коридоре перед ней.

— Помогите мне, — прохрипела она слишком тихо, чтобы они могли услышать.

— Это девочка. — Звук мечей, покидающих ножны.

— Одна из их пленниц? — Глубокий голос.

— Ребенок. — Другой, с намеком на сочувствие. — Скованная.

— Убирайся! — резко рявкнул третий.

Но на все время шла вперед, медленно, уверенно:

— Помогите мне.

— Мы не можем тебе помочь, детка.

— Возвращайся обратно. Есть пути наружу. Ты сможешь найти один прежде, чем они поймают тебя. — Этот получал определенное удовольствие от ее затруднительного положения. Ной-гуин не будут добры ни к одному сбежавшему пленнику.

— Помогите мне.

— Я тебя предупреждаю! Подойдешь ближе и...

Но на прикоснулась кончиками пальцев к цепи и вызвала к жизни свои дефект-клинки.

— Помогите. — Она подняла голову. — Мне.

В то мгновение, когда трое мужчин заметили чужеродную черноту ее глаз, Но на рванула одну руку через другую, разрывая железные звенья под своими клинками. Она разбросала сегменты цепи по охранникам и, пробежав оставшиеся пять ярдов, бросилась боком в воздух. Глубже уйдя в это мгновение, Но на повернулась, чтобы проскочить выше и ниже лезвий мечей, тянувшихся к ней. Она ударилась о всех троих мужчин спиной, одна рука вытянулась, чтобы вонзить клинки в шею крайнего слева, другая согнулась, чтобы пронзить пах среднего мужчины, ее ноги переплелись с ногами человека справа.

Все они упали. Прежде чем они ударились на землю, Но на оторвала клинки от шеи крайнего слева и, согнувшись пополам, ударила правого в голову. Она оборвала крики раненого в пах человека, перерезав ему горло.

Чайник и Клера выбежали из теней в том месте, где коридор переходил в естественный туннель, и обнаружили Нону, сидящую поперек трех тел, тяжело дышащую, кровавые дуги забрызгали исписанные сигилами стены.

— Я думала, мы собираемся... вырубить их, — тихо сказала Клера.

Но на поднялась, ее изнеможение вернулось с удвоенной силой:

— Пошли.

•••

НОНА СТОРОЖИЛА КОРИДОР, пока Клера и Чайник обыскивали покойников поисках ключей или чего-нибудь еще полезного. Символы, выгравированные на стенах, притягивали ее взгляд. Но на понятия не имела, какой из сигиллов разрушит туннель, но если бы там был хотя бы один дополнительный охранник, было бы трудно не дать им активировать один из сигиллов и обрушить крышу. Если бы их была полная казарма, это было бы невозможно.

Чайник раздала метательные звезды, которые она извлекла из тел своих прежних жертв. Но на нашла в казарме кусок веревки, который заменил ремень из цепи. Она заткнула за импровизированный пояс меч ной-гуин и приняла от монахини две звезды.

Клера повела их дальше, нервничая.

— Понятия не имею, как ты меня уговорила, Нона. — Она прижалась к стене и заглянула за угол, прежде чем двинуться дальше к каменной лестнице. — Я имею в виду, я скучала по тебе... но здесь мне было хорошо. Шерзал и лорд Таксис являются...

— ...злобными маньяками, которые залили бы Коридор кровью только для того, чтобы подняться чуть выше своего и без того высокого положения, — закончила за нее Чайник.

— Ну что ж. — Клера мягкими шагами поднялась по лестнице. — Да. — Она остановилась и снова двинулась вперед. — Но очень богатыми.

Нона замыкала шествие, держа в каждой руке по метательной звезде.

Мне нравится твоя подруга. Кеот, казалось, звучал в ее голове громче, чем в последнее время.

Понимание поразило Нону, как иногда бывают моменты ясности, когда все части проблемы на мгновение приходят в какое-то случайное соответствие. *Когда я убиваю и впадаю в ярость... твоя хватка на мне становится сильнее.*

Только тишина там, где должен был быть Кеот.

А когда я проявляю милосердие или доброту, ты оказываешься на поверхности.

— Нона! — Чайник поманила ее за угол. — Слуги. — Монахиня обняла Нону за плечи другой рукой обняла Клери, опираясь на них двоих, а не на раненую ногу. — Я спрячу нас. — Тени поднялись, окутали их, но Нона все еще чувствовала себя видимой, хотя и в густой тени; она знала, что Чайник проделала трюк, который обманет любой случайный и нетренированный глаз, заставив его не видеть ничего, кроме сгущения и мерцания тени. Она спрятала их от обеспокоенных слуг, которые приходили и уходили. Стражей Шерзал было не видно.

Скрытность лучше всего достигается в транс терпения. Сначала Нона покорила транс ясности, а потом и безмятежность, но она так и не овладела терпением. Она попыталась, однако, сосредоточиться на своей мантре, образе зеленого побега, только что пробившегося сквозь почву и ожидающего роста. Она обнаружила, что усталость помогает. С тяжестью Чайник на плече и холодными тенями, струящимися вокруг, она обрела некоторое терпение и приучила свое дыхание и шаги соответствовать обстановке дворца, приспособивая их к пространству, создаваемому стоном ветра, отдаленным топотом ног или хлопаньем дверей, звуками, которые каждый день звучали под этой крышей, не отмеченные и неслышимые.

Они остановились на втором лестничном пролете.

— До сих пор нам невероятно везло, — прошептала Чайник. — Так везло, что это почти похоже на ловушку. Мы не можем рассчитывать на то, что все так и останется. Что бы не отвлекло охранников, вряд ли оно задержит их надолго.

— Когда я доберусь до корабль-сердца, это уже не будет иметь значения, — сказала Нона. — Пусть приходят. — Она чувствовала его силу даже сейчас, и память Гессы обещала намного больше, когда они будут близко.

Рука, которой Чайник прижимала к себе Нону, немного напряглась, и, помолчав, монахиня сказала:

— Корабль-сердце — опасная штука. Опасная для человека, который держит его, а также как для любого, на кого он эту силу направляет. Если мы собираемся взять его, я должна быть той, кто его понесет...

— Ты едва можешь ходить! — возразила Нона.

— Я не знаю, что оно с тобой сделает, Нона, — сказала Чайник голосом, напряженным от противоречивых опасений. — В Сладком Милосердии есть книги, в которых говорится,

что корабль-сердце слишком сильно, чтобы смертные могли к нему приблизиться. Оно скручивает их. — Она говорила о Кеоте. Чайник, скорее всего, знала, что Нона носит дьявола под кожей, и монахиня не верила, что она достаточно чиста, чтобы прикоснуться к корабль-сердцу. Было больно слышать, что Чайник сомневается в ней. Но, увы, сомнение было хорошо обосновано.

— Ну, стоя здесь, мы этого не узнаем. — Клера подтолкнула их обеих и заставила двигаться.

С указаниями Клеры и тенями Чайник, они втроем углубились во дворец, пробираясь по галереям и залам, столь многочисленным, что Нона спросила себя, кто ими пользуется и видит ли Шерзал эти величественные помещения чаще, чем раз в год. Они пересекли небольшой внутренний дворик, похожий на глубокую яму под крышей дворца, в центре которой находился одинокий фонтан, и наконец вышли в коридор, где путь им преградили железные ворота.

— Заперто. — Клера провела руками по перекладинам, испещренным надписями. — Крепко.

Чайник села, неловко отведя ногу в сторону, свежая кровь блестела среди засохшей. Достав из рукава три тяжелые отмычки, она повернулась к замку. Через несколько секунд механизм поддался, лязгнув, когда она повернула все три отмычки.

— Готово.

Они помогли Чайник подняться и пошли дальше по длинному, освещенному лампами коридору, минуя множество закрытых дверей.

— Мы уже близко, — сказала Нона. Присутствие корабль-сердца давило на нее, наполняя, заставляло нервы трепетать, чувство одновременно возбуждающее и немного пугающее.

— Да. — Клера бросила на нее взгляд. — Впереди есть казарма и еще одна слева. Говорят, апартаменты Йишт тоже где-то здесь, но я не видела ее с того дня с бочкой. Клера закусил губу и нахмурилась. — Знаете что? Я действительно не хочу увидеть ее снова. Особенно когда все, что у меня есть для защиты — двое ходячих раненых. — Она стряхнула руку Чайник. — Мы действительно должны вернуться.

— Мы заберем наше корабль-сердце! — Теперь одна Нона помогала Чайник идти.

— Стражи Шерзал боятся Йишт. — Теперь голос Клеры раздался позади них. Она не двигалась. — Они говорят, она вернулась другой.

— Есть причина, по которой корабль-сердце держали замурованным в пещерах, — сказала Чайник.

Теперь разум Ноны был полон корабль-сердца, близкого, могущественного; его биение проходило через нее, не доброе, не утешительное, но огромное и бесконечное.

Я тоже его чувствую. В голосе Кеота послышался голод.

Ты?

Как воспоминание. Я знаю эту штуку. Она старая, такой же старая, как и я. С каждым мгновением голос Кеота звучал все сильнее.

Но... корабль-сердца старше империи! Нона не знала точно, сколько ей лет, но, определенно, тысячи. Достаточно, чтобы народы поднимались и падали, чтобы знания разрушались и восстанавливались. *Корабль-сердца привезли племена в Абет.*

Ты так считаешь?

— *А ты нет?* Ноне не понравилось самодовольство в голосе дьявола. *Каждый знает,*

что они это сделали.

Может быть, они привлекли сюда ваш народ. Но он не привез их.

Что ты об этом знаешь? Ты никогда не знаешь ответа на что-нибудь интересное. И вдруг ты что-то знаешь?

Сердце пробуждает мои воспоминания.

И почему? Нона не сводила глаз с дверных проемов впереди, стараясь не дать Кеоту отвлечь ее.

Потому что там я родился.

Нона ничего не ответила, перенесла свое внимание на коридор. Уверенность Кеота беспокоила ее, Корабль-сердце *притягивало*. Возможно, это то самое очарование, которое мотылек питает к пламени. Она костным мозгом чувствовала его притяжение.

Они обогнули еще один угол. Из времени, проведенного с Гессой, Нона знала, что корабль-сердце должно быть сейчас в пятидесяти футах или около того. Кеот полыхнул по ее груди и вниз по животу. Он, казалось, питался силой корабль-сердца способами, которые Нона не могла понять. Его естественный гнев и жажда убийства начали просачиваться в нее. Раньше она чувствовала, что его хватка ослабевает, и считала, что однажды сможет выгнать его. Чайник, должно быть, знает о дьяволе, ведь она носила плоть и кости Ноны еще в Тетрагоде. Что она могла с этим поделать, оставалось проблемой на потом. Если будет потом.

Холодная дрожь пробежала по телу Ноны от пальцев ног до головы, отвлекая ее от мыслей о Кеоте. Что-то изменилось. Внезапно залы дворца Шерзал показались гулко-пустыми, но не совсем пустыми, словно Нона обернулась на переполненной рыночной площади и обнаружила, что в это мгновение место опустело, и только ветер шевелил пространство, где должны были быть люди.

— Она наблюдает за нами, — сказала Нона, зная, что это правда, хотя и не зная, как. Она попыталась потянуться к своему собственному гневу, а не к гневу Кеота, но нашла только страх. Через плечо она увидела, что Клера отступает.

Треск камня был их единственным предупреждением. Осколки каменной кладки откололись от стены по краям площадки, из которой вышла Йишт. Она появилась позади них, камень отпустил ее с неохотой, словно она выбиралась из густой грязи.

Клера обернулась с визгом страха. Нона и Чайник отпрыгнули, повернувшись, и монахиня отпрыгнула назад на здоровой ноге.

Йишт полностью вырвалась примерно в то же время, когда Клера настолько пришла в себя, что сумела швырнуть метательные звезды, которые ей дали. Чайник и Нона бросили свои чуть позже, шесть в первом залпе, еще больше вслед.

Клера никогда не отличалась особой точностью в метании звезд. Ее бросок правой рукой, по крайней мере, был направлен в середину тела Йишт, зато левой — далеко от цели. Однако, не имея скорости хунска, воин должна была быть поражена по крайней мере пять раз. Но она прошла сквозь град острого металла невредимой. Ее способность читать ближайшее будущее позволила ей начать двигаться по пути, на котором она ускользнет от звезд еще до того, как противники решат их бросить.

Йишт *изменилась*. На ней была все та же черная одежда, на груди — ножи в черной кожаной перевязи, на бедре — Тулар, меч с плоским лезвием, любимый ледяными племенами. Она, казалось, носила то же самое тело, хотя оно двигалось неестественно, как будто внутри его находилось что-то большое. Плоские кости были врезаны в ее лица под

теми же углами, но черные глаза сидели в багровом море, а не в белках, которые у нее когда-то были, а кожа превратилась в движущееся лоскутное одеяло алого, темно-фиолетового, черного, серого и мертвенно-белого.

Нона точно знала, на что смотрит:

— Она полна дьяволов.

Там, где у Ноны был один, а Раймел вернулся с границы смерти с четырьмя, у Йишт их было так много, что они боролись за пространство, прорываясь через любую открытую кожу. Нона почти слышала, как они кричат, требуя ее крови.

Клера, которая была ближе всех к тому месту, где появилась Йишт, теперь промчалась мимо Чайник и Ноны.

— Я знаю другой выход!

— Нам нужна сокровищница, а не выход! — крикнула ей вслед Чайник. Судя по голосу, монахиня уже не казалась такой убежденной, как раньше.

Нона собралась с духом и потянулась за своим оружием. Чайник прислонилась спиной к стене, призывая тени. Меч, который Нона вытащила из-за веревочного пояса, показался ей незнакомым — клинок ной-гуин, немного короче, прямее и тяжелее тех мечей, которыми Сестра Сало обучала послушниц.

Йишт никогда не улыбалась, но сейчас улыбнулась, обнажив окровавленные зубы. Она вытащила тулар из ножен, вдоль бокового разреза, так как тулары почти в два раза шире на конце, чем у рукоятки. По справедливости, бояться должна была она, столкнувшись лицом к лицу с обученной мечу послушницей, чья скорость могла оставить ее качаться в воздухе.

Нона стояла на месте, делая пробные удары, чтобы почувствовать свое оружие. Позади нее темнота начала сгущаться и свертываться, когда Чайник сосредоточила свои силы, чтобы дать ночи когти.

Йишт наступала ровным шагом, держа перед собой меч и вытянув руку.

— Клера! — крикнула Нона вслед уходящей подруге. Йишт уже однажды победила их обоих, вместе с целым классом других послушниц, но тогда они были детьми.

— Друзья — это слабость, — сказала Йишт. — Я преподавала этот урок Зоул.

Говоря это, она атаковала, и при первом же ударе меч Ноны был почти вырван из ее рук. Лед-женщина обладала невероятной силой. Нона нанесла ответный удар, начав ослепляющую последовательность ударов, двигаясь так быстро, как никогда. Йишт идеально парировала каждый из них. Нона попыталась перенести свой дефект-клинок через выдвинутый тулар, но Йишт каким-то образом вывернула ее клинок, чтобы остановить такие движения, почти обезоружив ее.

Яростный удар на уровне живота заставил Нону отскочить назад, втянув бедра и живот, когда конец тулара Йишт просвистел на ширину пальца от него.

Как ты можешь проигрывать? Кеот взвыл.

Она знает все, что я собираюсь сделать! Нона с трудом отвела выпад от своей груди. *Она может видеть будущее.*

Она не может видеть только то, что ты и твои друзья собираетесь сделать дальше, потому что вы — примитивные существа. Она не может предсказать бросок костей или увидеть, что сделаю я.

Ну, тогда сделай хоть что-нибудь! Нона отразила еще одну атаку, чувствуя, как рябь ветра от тулара Йишт проносится мимо ее лица. *Не только болтай!* Но она знала, что разговоры — это все, что есть у Кеота.

Это просто, сказал Кеот. Сделай что-нибудь такое, что она не сможет остановить, даже если знает, что это произойдет!

Нона отступила еще на шаг и в следующее мгновение прыгнула. Она ударила по голове Йишт слева, и их клинки встретились с резким треском. Нона отдернула меч и начала поворачиваться. Она ускорила движение, повернувшись спиной к Йишт, полагаясь только на нехватку времени, которая должна была не дать женщине разрезать ее сверху донизу. Меч Йишт находился высоко справа от воина, он все еще сотрясался от эха последнего удара. Если Нона сможет развернуться и нанести низкий удар слева, Йишт физически не сможет его перехватить.

Каблук ботинка Йишт врезался в зад Ноны, когда она, вращаясь, прошла пол круга. Женщина, должно быть, начала удар до того, как Нона начала поворачиваться, и это заставило Нону растянуться на животе. Ей едва удалось избежать следующего удара, который пригвоздил бы ее к полу. Она перекатилась под опускающийся клинок Йишт с запасом в дюйм.

Тени Чайник бросились на Йишт через распростертое тело Ноны. Нона увидела, как лед-женщина отступила перед массой раздирающей тьмы, точно так же, как она когда-то отступила перед собственной мстительной тенью Ноны.

Мгновение спустя кошмар с когтями и зубами развалился, превратившись в волну тьмы. Нона перекатилась как раз вовремя, чтобы увидеть, как кусок камня и штукатурки, ударивший Чайник, упал в одну сторону, а монахиня безвольно повалилась в другую. Йишт, должно быть, использовала свою камень-работу, чтобы вырвать кусок. Нона видела место, откуда упал кусок, высоко над Чайник, где стена соединялась с потолком. Но удар получился скользким. В последний момент Чайник почувствовала его и сумела отпрыгнуть достаточно далеко, чтобы спасти череп.

Йишт быстро появилась, аккуратно обойдя нож, летевший по коридору. Нона едва успела вскочить на ноги, чтобы встретить атаку. Она встала между Чайник и лед-женщиной, они обменялись ударами. Хотя ее скорость удерживала Йишт в обороне, каждое столкновение клинков грозило вырвать меч Ноны из пальцев. Рука болела, и она быстро устала. От Клеры не осталось и следа, кроме ножа.

Убей ее! В голосе Кеота прозвучало отчаяние. Дьявол переместился в правую руку Ноны, усиливая ее хватку на рукояти меча.

Убей ее!

Внутри Йишт тебе будет слишком тесно, а? Не хочешь делиться?

Нона продолжала бороться. Боковым зрением она заметила, как Чайник зашевелилась. Ее рука поднялась к голове. Последовал стон.

Йишт споткнулась после трудного парирования, шагнула неправильно, один ботинок заскользил по разбросанной штукатурке потолка. Увидев возможность, Нона воспользовалась преимуществом, но внезапно обнаружила, что ее меч украли из руки каким-то движением запястья, которое оставалось нераскрытым до тех пор, пока результат не стал неизбежным. Йишт бросилась в атаку, ее спотыкание было уловкой, и Нона, теперь позволявшая ускользнуть лишь мельчайшим долям времени, вдруг осознала, что на нее рухнет несколько квадратных футов потолочной штукатурки. Падающая масса уже покрыла больше половины расстояния до пола.

Нона нырнула назад, вывернувшись от удара клинка Йишт, и повернулась плечом к штукатурке, когда та обрушилась на нее. Она тяжело ударилась о землю в белом облаке пыли

и осколков, перекадилась и покатила дальше, зная, что в любой момент из пыли выскочит острый как бритва тулар.

Однако, он так и не появился.

Воздух очистился, открыв Йишт, ее черная одежда стала белой, медленные цвет-приливы под кожей побледнели, покрытые измельченной штукатуркой. Она стояла, одной ногой прижимая голову Чайник к половицам, а лезвие меча — к бледному горлу монахини. То, что смотрело на Нону ее глазами, не было похоже на человека.

— Друзья — это слабость, — повторила Йишт. — Тебе следовало бы сейчас убежать... но ты этого не сделаешь. — Она чуть шевельнула мечом, и Нона вскрикнула. Йишт улыбнулась, дьяволы сражались за ее язык. — Ты должна была позволить мне убить тебя еще в монастыре. Тогда я была другой. Не доброй, но и не жестокой. Теперь все изменилось. Теперь я жестока.

Беги, сказал Кеот. *Монахиня обречена. В любом случае, она просто обуза.*

— Я перережу ей горло на счет три. Один...

Нет! Беги! взвизгнул Кеот. *Беги, идиотка...* Его голос стал слабым и тонким.

Нона бросилась вперед с пустыми руками. Йишт идеально рассчитала свой ход, подняв меч с брызгами крови как раз в тот момент, когда ноги Ноны оторвались от земли, направляя ее по нужной траектории.

Тулар потянулся к Ноне, когда она добралась до него, готовый ее пронзить. Она ударила своими дефект-клинками, ее пальцы были алыми там, где Кеот вторгся в них. Клинки встретились со сталью, рассекая оружие на яркие кувыркающиеся куски, но Йишт видела, что произойдет, и видела, как последняя часть ее меча, отклоненная от груди Ноны, вместо этого пронзит верхнюю часть бедра девушки и заскрежет по кости.

Йишт шагнула в сторону, избегая оружия Ноны, и девушка с криком упала на землю рядом с Чайник, ее нога была охвачена горячей и влажной болью. Остатки тулара Йишт упали рядом с ней, вырванные из рук женщины.

— Я могу оставить вас обоих истекать кровью. Сомневаюсь, что вы продержитесь до тех пор, пока вас не найдут стражники Шерзал. — Йишт отступила назад, вне пределов досягаемости, на случай, если у Ноны хватит сил замахнуться на нее.

Кровь хлестала из раны на ноге Ноны с пугающей скоростью. Если бы ей не пришлось резать свиней по указанию Сестры Сало, она бы не поверила, сколько в ней крови и как быстро она может уйти. Конечно, она наносила другим раны и похуже, но в пылу битвы не было ни времени, ни желания наблюдать за последствиями.

Нужно пережать рану. Сейчас это самое важное. Если, конечно, что-то другое не убьет тебя быстрее.

В руке Йишт появился небольшой сверток.

— Серая горчица. Я надеялась провести больше времени, помогая тебе медленно покинуть этот мир. — Существо больше не походило на Йишт. — Я слышала, что Лорд Таксис хотел того же удовольствия. Но серая горчица — это не совсем доброта...

— Нет. — Ноне не хотелось умолять, но она знала, на что способна эта штука. — Пожалуйста. — Она подняла руку, как будто могла каким-то образом отогнать надвигающееся облако спор.

И, как только она это сделала, что-то красное покинуло ее пальцы, багровое облако, его усики искали опоры на ее коже, но теряли свою хватку один за другим, как будто какая-то сила высасывала его из нее.

Нем!

Мгновение спустя Кеот потерял последнюю связь с ней и, словно выпущенный из лука, вонзился в Йишт, попав ей прямо в лоб.

Лед-женщина громко ахнула и попыталась вдохнуть, словно упала в ледяную воду. Она уронила пакет с серой горчицей и отшатнулась, все еще задыхаясь и хватая ртом воздух. По всей ее коже кружились дьявольские пятна, текли по ней, сходясь на голове. Каким-то образом Кеот был высосан из Ноны, или изгнан из нее, или то и другое сразу, и его внедрение в переполненную плоть Йишт не казалось мягким.

Боль в ноге Ноны требовала немедленного внимания. Она крепко прижала пальцы к ране, из которой с каждым ударом замедлявшегося сердца хлестала кровь, и неловко перекатилась, чтобы увидеть Чайник, прижимавшую обе руки к багровому горлу и отчаянно смотревшую на нее. Нона протянула руку, чтобы распахнуть одежду Чайник, обнажая туго перевязанный чехол с ядами и лекарствами. В их числе должен был быть останавливающий порошок, который при нанесении на раны, наряду с причинением мучительной боли, резко уменьшал кровоток. Нона разглядела только два контейнера, в которых, судя по виду, мог содержаться порошок, и схватила один наугад. Чайник слегка кивнула. Позади них бушевала и ревела Йишт, подчеркивая необходимость спешки.

Нона приготовила останавливающее кровь средство, поднялась с земли и убрала одну руку Чайник с ее горла, стараясь не морщиться. Разрез оказался не таким глубоким, как она опасалась, учитывая всю кровь. Чайник, должно быть, сумела откинуть голову назад и уменьшить ущерб. Монахиня свела края раны к середине, зажав большим и указательным пальцами, пока Нона наносила порошок. Чайник тут же напряглась, оскалив зубы в гримасе агонии. Поток крови замедлился, сгущаясь вокруг порошка.

Нона перекатилась на бок и приложила его остатки к ране на ноге. Несмотря на все ее страхи, боль была меньше, чем от Беды. Она должна была благодарить Турана Таксиса за то, что он показал ей, что, какую бы боль она ни испытывала в жизни, худшее возможно.

— Пойдем. — Болезненный скрежет от Чайник.

Нона потянулась за мечом, сунула его за пояс, и они вместе поползли по коридору. Позади них Йишт металась, ударяясь о стены, ревя, разбивая каменную кладку.

С каждым ярдом, отделявшим их от Йишт, Нона все больше боялась, что бушующая ярость лед-женщины привлечет внимание стражей Шерзал. Казалось, однако, что, чем бы ни было чрезвычайное происшествие, которое отвлекло тех, кому было поручено защищать сестру императора, оно оказалось серьезным.

Через двадцать ярдов Нона поднялась на ноги, опираясь на стену, и помогла подняться Чайник. Кроме боли и усталости, она чувствовала какую-то пустоту, дыру там, где был Кеот. Она так старалась избавиться от дьявола, особенно в первые дни, обращая всю свою волю против него, но безрезультатно. А потом, ослабев, она бессознательно изгнала его, словно выкашляла болезнь...

Причина пришла к Ноне как маленькая эпифания, в которую она поверила лишь наполовину. Каждый раз, когда она прощала, каждый раз, когда она проявляла любовь или верность, власть дьявола над ней ослабевала... Неужели это все, что требовалось? Чтобы она бросилась между подругой и верной смертью?

Чайник и Нона заковыляли дальше, опираясь друг на друга, и, когда они приблизились к словно, где другой проход пересекался с их собственным, Нона увидела Клелу, выглядывающую из-за угла.

— Яйца предка! Что вы с ней сделали? — Клера смотрела мимо них.

Чайник ничего не ответила и поспешно завернула за угол, оказавшись вне поля зрения Йишт. Нона дала монахине уйти и бросила последний взгляд на Йишт, прежде чем присоединиться к ней. Женщина сгорбилась на полу, свернувшись вокруг того, что бушевало в ней. Ее вой перешел в ужасающие стоны.

Ноне очень хотелось вернуться и убить лед-женщину, подарить ей конец, которого требовали ее преступления, но корабль-сердце было близко, а времени оставалось мало. Она отпрянула назад и, обернувшись, увидела, что Чайник присела у стены, держа в руке маленькую керамическую баночку с черной мазью. Монахиня подцепила часть ее концом тонкого деревянного аппликатора и протянула Ноне, направив почерневший конец к горлу, где она все еще сжимала края пореза.

Вещество имело едкий запах, и Нона знала, что это плоть-бинт, очень дорогой клей, который прилипал к плоти с пугающей быстротой, образуя связь, которую было трудно разорвать. Цена ингредиентов, наряду со здравым смыслом, запрещала его использование кем-либо, кроме старших послушниц Священного Класа. Слишком много девушек склеились вместе в компрометирующих позах в прошлые годы, чтобы позволить использовать его более молодым и озорным послушницам. У клея был и неудачный побочный эффект — если оставить его слишком надолго, он навсегда окрасит кожу в черный цвет.

Нона приложила вещество к краям раны Чайник и, напрягая живот против ужасного дела, прижала кожу друг к другу, стараясь не приклеиться. Конечный результат оказался неряшливым, но эффективным.

Чайник отплатила Ноне тем же, но гораздо быстрее и гораздо аккуратнее. Клера беспокойно топталась на месте, бросая быстрые взгляды за угол, чтобы проверить, как там Йишт.

Нона вытянула раненую ногу. Это было чертовски больно.

— Где хранилище? — спросила она.

— Там. — Клера рассеянно махнула рукой в сторону двустворчатых дверей, приоткрытых в конце коридора. — Это стальной ящик, в котором может поместиться лошадь. Набит сокровищами Шерзал. Ты не сможешь унести его и никогда не откроешь. — В ее голосе прозвучала тоска, как будто близость и неприступность такого богатства были для нее источником великой печали.

Нона могла чувствовать корабль-сердце. Скрытый огонь, который тащил ее вперед, теперь превратился во что-то ужасное, слишком яростное, чтобы осмелиться. Как огонь в очаге, это было нечто, к чему хотелось подойти поближе, пока вдруг не окажешься достаточно близко, еще один шаг — и ты сгоришь. Она подняла руку, борясь с усталостью, и заставила появиться дефект-клинки. Они неровно мерцали.

— Я войду.

— Это сигил-работа. Не думаю, что ты его взломаешь. — Клера вздрогнула, когда особенно громкий вой Йишт сотряс воздух. — Мы должны идти! Я посмотрела вперед. Внизу, в больших залах, идет какое-то сражение. Это идеальное отвлечение.

Нона покачала головой:

— Мы пришли за корабль-сердцем.

— Нет. — Чайник с удивительной силой схватила Нону за руку.

— Нет? — Нона моргнула. — Но мы...

— Корабль-сердце... делает вещи... если ты подходишь к нему слишком близко. То, что случилось с Йишт... Оно слишком могущественно. Оно берет в тебе все плохое и дает ему голос. Оно делает...

— Дьяволов! — воскликнула Нона.

Чайник кивнула:

— Мне кажется, ты только что потеряла то, что не захочешь вернуть. Как бы ты себя почувствовала, если бы корабль-сердце произвело шесть подобий тебя из самых темных уголков твоего разума? Дало бы им собственный голос?

— Но...

— Нужно быть человеком необычайной чистоты, чтобы нести сердце корабля невредимым. Никто из нас не такой. — Она опустила глаза. — Я не понимала, как быстро могут возникнуть последствия и насколько они могут быть серьезными, — продолжала Чайник. — Мы должны идти.

— Немедленно! — крикнула Клера. — Мы должны идти *немедленно!* — Ее громкий голос внезапно заставила Нону понять, как тихо стало. Йишт замолчала, и Нона сомневалась, что это хорошо.

И все же Нона колебалась.

— Мы пришли за корабль-сердцем... — Среди всепоглощающей ауры сердца она почувствовала нечто большее, связь. Что-то от нее тоже лежало там... ее тень! В этот момент она все поняла. Корабль-сердце втянуло к себя ее тень — то ли для защиты Йишт, то ли по своей природе. — Мы не можем подойти так близко и просто уйти.

Клера сморщила лицо, охваченная какой-то внутренней борьбой. Наконец слова вырвались у нее:

— Ара здесь. Должно быть, это и есть драка внизу. Они пытаются спасти настоятельницу.

Нона уставилась на нее, не веря, что она могла держать это в тайне.

Корабль-сердце было всего лишь вещью, но внизу, возможно, умирали ее друзья.

— Идем.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА СТЕКЛО

АРАБЕЛЛА ЙОТСИС СИЯЛА ярче, чем солнце Абета горело при жизни людей. Бель свет вырывался из нее, как из Надежды, которая стояла, как одинокий бриллиант в рубиновых небесах. Настоятельница Стекло отвернулась от девушки, прикрыв ладонью глаза. Кто-то наткнулся на нее, надушенная женщина, споткнувшаяся о свое длинное платье. Стекло схватила ее за плечи, поддерживая:

— Закрой глаза, дорогая. Все будет в порядке.

Стекло потребовалось еще несколько мгновений, чтобы понять, что она держит Джоэли Намсис. Ее хватка усилилась.

— Джоэли? — Даже сейчас она не была уверена, ее зрение было полно остаточных образов. — Джоэли! Ты можешь попытаться покончить с этим! С твоими способностями ты могла бы заключить здесь мир. Попробуй изменить мнение Шерзал в сторону умеренности...

Девушка вырвалась и, спотыкаясь, пошла прочь. Это была напрасная надежда. Шерзал, вероятно, была слишком хорошо защищена, даже для Джоэли.

В течение долгой минуты крики, вопли и грохот падающих тел наполняли зал. Стекло увидела, как Туран Таксис и его сын Лано выбежали в главный коридор, юноша оттолкнул старших и менее здоровых лордов в сторону, чтобы добраться до дверей.

Ослепляющая белизна уменьшалась по мере того, как Ара тратила силу, взятую с Пути. Стекло наблюдала за девушкой сквозь пальцы, белая фигура, словно украденная из жара кузнечного горна, быстро двигалась. Она прокладывала себе путь среди силуэтов дворцовых стражников, которые, спотыкаясь, приближались к ней, оставляя их позади, слепых, бесчувственных или дымящихся, в зависимости от продолжительности контакта между ними. Каждый шаг приближал ее к Стеклу и судьям.

Сквозь звуки боя Стекло услышала, как Шерзал кричит из коридора за главным дверным проемом, приказывая, чтобы девушку Йотсис прикончили и чтобы никто не сбежал.

Когда свет Ары потускнел, Стекло начала видеть остальную часть комнаты. Гости бродили, ослепленные, или съезжались от страха, или лежали и стонали там, где их затоптали во время исхода. Стражники продолжали приближаться к Аре, в большом количестве, теперь они могли смотреть в ее сторону; еще больше прибывало из соседних комнат.

Дарла спустилась с галереи, возможно, повиснув на перилах и спрыгнув. Стекло смотрела, как она использовала какой-то тяжелый духовой инструмент, чтобы расплющить стражника, а затем украла меч женщины, когда к ней приблизились еще двое стражников.

В другом конце комнаты Регол и Сафира сцепились в рукопашной схватке, их бой был невероятно быстрым. Будучи свидетелем многих состязаний между хунска, Стекло могла сказать, что оба были полн-кровками и чрезвычайно искусными. Возможно, у Сафиры была лучшая техника, но бóльшая сила Регола восстановила равновесие. Стекло подозревала, что Сафира слишком горда, чтобы использовать свои ножи ной-гуин или яды. Еще будучи послушницей, она была горда. Слишком горда, чтобы отпустить Чайник. Она хотела избить этого ринг-бойца до крови голыми руками.

Ара прошла сквозь стену из пяти гвардейцев. Из дверного проема донесся свист стрел. Ара избегла их быстрыми движениями, незаметными глазу, одна стрела пролетела мимо, другая нашла ногу гвардейца, спешащего перехватить ее.

— Настоятельница! — Ара внезапно возникла перед ней, окруженная светом, который, казалось, исходил из окружающего ее воздуха. — Ваши инструкции? — Она выхватила из воздуха еще одну стрелу прежде, чем Стекло успела заговорить.

— Нам лучше уйти. Тебе не кажется, дорогая? — Стекло оглянулась на двери, ведущие в главный коридор. Там в ряд стояли четыре лучника, за ними — множество дворцовых стражников и Шерзал где-то посередине. Стрела попала Брату Даймеону в шею, и он упал, извиваясь и булькая яростью.

— Мы не можем пойти этим путем. — Ара швырнула стрелу на пол, оглядывая комнату. Дарла и несколько Сис, которые нашли оружие, теперь отступали к банкетному залу. Здоровенная послушница свалила гвардейца перед ней ударом, который распорол ему грудь, а затем поманила их за собой:

— Выход для слуг!

— Пошли. — Стекло поспешила к толчее в дальнем конце зала. Она не поднимала головы, боясь, что в любой момент ее пронзит стрела. За все долгие годы она впервые участвовала в битве, и та ее ужаснула. Стремительность и жестокость, сплошной шум всех этих криков, лязг металла, вой раненых, вонь крови и смерти. Все это притупляло разум и сводило человека к набору животных страхов и самых низменных инстинктов.

Ара не отставала, прикрывая настоятельница и отбрасывая в сторону любого, кто вмешивался. Селдом и Агика последовали за ними, Мелкир шел сбоку, держа стул, как импровизированный щит. Стекло пробиралась через развалины наспех покинутой комнаты, через опрокинутые стулья и скамьи — тут ожерелье, рассыпавшее жемчуг с оборванной нитки, там шелковая шаль, окаймленная золотыми кольцами, вымазанная алым. Горстка ошеломленных гостей все еще бродила по залу, старая леди грациозно опрокинулась, когда стрела, предназначенная для Стекла или Ары, попала ей между плеч.

Размытый вихрь кулаков и ног, который был Реголом и Сафирой, закружился ближе. Ара наблюдала за боем, явно разрываясь между желанием вмешаться и защитой Стекла. Если бы пара подошла ближе, то два варианта были бы одинаковыми. Мелкир почерпнул решение от Ары, возможно, движимый мыслями о Сэре, лежащей у судейской скамьи с перерезанным горлом, и бросился на спину Сафиры. Каким-то образом ее нога ударила его в живот, но одетая в броню туша все же отбросила ее назад, и Регол воспользовался этим, сбив женщину с ног ударом в лицо. Стекло услышала, как треснула скула Сафиры, и поморщилась.

Несколько мгновений спустя Ара сбила двух охранников, которые преследовали тех из Сис, которые отступали вместе с Дарлой, и проложила путь для отступления через банкетные двери. Стекло, Регол, Селдом, Агика и Мелкир последовали за ними. Стрела отскочила от наплечника Мелкира, другая вонзилась в дверь слева от Стекла.

— Я задержу их, Святая Мать. — Дарла возвышалась над убегающими священниками с дикой ухмылкой на лице, алые брызги покрывали голубое платье из тафты, в которое она была втиснута.

Регол уклонился от удара гвардейца и выхватил меч из руки умирающего лорда. Он отбил клинок стражника и пронзил его насквозь, затем занял свое место рядом с Дарлой, прикрывая дверной проем. Ара поспешила вперед, вниз по коридору, по которому они

собирались бежать, чтобы проверить, нет ли защитников.

Четыре длинных стола тянулись по всей длине банкетного зала, ведя к возвышению, где за круглым столом, должно быть, пировали высшие лорды вместе с Шерзал. Остатки пиршества все еще были разбросаны по столам. Комнату освещали свечи, десятки свечей в бра на стенах, и дюжины серебряных ламп, стоявших в ряд по центру каждого стола. Напротив них лорд Карвон Йотсис вел Сис в коридор для слуг. Дрожащий свет придавал сцене нереальный вид.

— Скорее, настоятельница! — Мелкир взял ее за руку, пытаясь увести.

Стекло на мгновение задержалась. Через дверной проем в приемную, суженный частично закрытыми дверями, которые удерживали Дарла и Регол, она могла видеть галерею музыкантов. К сломанным перилам подошла фигура в кремово-шафрановом платье. Джоэли!

— Настоятельница! — Мелкир у ее плеча. — Они не смогут долго продержаться!

Толпа стражников перед входом скорее росла, чем уменьшалась. Некоторые держали двери, прижимая их импровизированными клиньями, чтобы другие могли напасть на пару, не дававшую им пройти.

— Джоэли... ты можешь покончить с этим, — прошептала Стекло, пока Мелкир тащил ее прочь. У девушки будет четкое представление о Шерзал и пространстве, в котором она будет работать. Она ничего не сможет сделать с сигилами, защищающими Шерзал, но, несомненно, может выиграть им время.

Наверху, на галерее, Джоэли протянула руку, словно направляя чью-то волю. Но ее взгляд повернулся не к той двери, ее расфокусированные глаза, казалось, нашли Стекло. Кулак девушки сжался, но не в тонкой нить-работе, а в яростном рывке. Регол, дравшийся между расширяющимися дверями, внезапно отскочил назад и обернулся. Мгновение спустя он уже промчался мимо Стекла, на его лице застыл ужас.

— Дерьмо! — крикнула Дарла, когда стрела вылетела из ее плеча. Она взревела, махнула мечом и отбросила назад четверых дворцовых стражей.

— Не надо... — Ноги Стекла волочились по полу, пока Мелкир тащил ее в коридор для слуг.

Джоэли повторила свое действие, и на этот раз Дарла застыла на середине удара, словно внезапно отвлеклась на какую-то жизненно важную мысль. Мгновение спустя стражник слева от нее вонзил меч ей в бок. У Дарлы не было ничего, кроме изодранного платья, чтобы защитить ее. Она сложилась вокруг стали, ругаясь, затерявшись среди нападавших.

Они сомкнулись, мечи поднимались и опускались.

КЛЕРА ПОВЕЛА ЧАЙНИК и Нону обратно через дворец, намереваясь добраться до туннеля, через который они недавно вошли. Они подошли к комнатам, где толпились стражники Шерзал, но, похоже, яростная битва уже закончилась, остальные участники разбежались или погибли. Окутанные тенями Чайник, они не видели никаких признаков Настоятельницы Стекло.

Нона ковыляла за Клерой, стараясь не думать о том, живы ли еще ее друзья. Она все еще чувствовала корабль-сердце у себя за спиной.

— Мы могли бы... — она попыталась сообразить, что именно они могли бы сделать. Утащить все хранилище? Прорубить себе путь топорами? Ничего из этого не сработало бы.

— Нам повезло, что корабль-сердце не лежало на столе, — сказал Чайник. — Я и не знала, насколько опасно его воздействие на людей вблизи и как быстро оно добирается до них.

— Это было бы ценой, которую стоит заплатить, чтобы забрать его у Шерзал. — Нона собиралась сказать «вернуть его Церкви», но правда состояла в том, что наибольшее удовольствие принесло бы ей унижение Шерзал.

Чайник покачала головой.

— Если бы оно превратило тебя в такую тварь, как Йишт, кто знает, что бы ты с ним сделала и куда бы пошла?

— Йишт принесла его сюда! — запротестовала Нона. — Я смогла бы продержаться его минимум час.

— Сомневаюсь, что она это сделала. Шерзал должна была иметь наготове транспорт и что-то герметически закрывающееся, близко к Скале. Корабль-сердце, вероятно, преобразило ее в течение часа.

— Шшш! — Клера впереди них подняла руку.

Они обе, прихрамывая, подошли к ней. На лестнице послышались голоса.

— ...назад, чтобы помочь стражникам поймать их.— Голос молодого человека. Один из Сис.

— Ты пойдешь со мной в мои покои и будешь стоять на страже, как подобает сыну! — Пожилой мужчина, знакомый.

— Истед позаботится о тебе, — ответил молодой человек. — Что подумает о нас Шерзал, если мы просто сбежим и спрячемся? Я пойду к воротам. Они не знают дворца — вот куда они пойдут. Они не выйдут. Я принесу Шерзал голову старухи!

— Лано...

— Ты знаешь, что я прав. Мы превосходим их числом пятьдесят к одному. — Звук бегущих ног последовал за ним, затихая вдали.

— Проклятый мальчишка! — Голос Турана Таксиса. — Истед, мы доберемся до комнат и переждем.

— Да, милорд.

Клера уже повернула за угол и поспешила обратно по коридору, отчаянно махая Ноне и Чайник, чтобы они следовали за ней. Чайник повернула вслед за ней, но Нона осталась, охваченная одновременно изнуряющим страхом и нарастающим гневом. Один только звук голоса мужчины вернул ей полный ужас тех бесконечных часов ожидания его возвращения,

заставил вспомнить невероятную боль от всего лишь краткого прикосновения Беды и скрутившее кишки омерзение от пыток, которые он планировал. Но страх принес с собой ярость, ревущий огонь сопротивления, не уменьшившийся от угроз старика — угроз, которые он высказал, когда все преимущества были на его стороне.

Нона перенесла вес тела на раненую ногу, стиснув зубы от боли. Она не знала, кто этот Истед. Он мог быть смертоносным воином, нанятым в качестве личного телохранителя лорда Таксиса. В ее теперешнем состоянии не потребуется хороший боец, чтобы одолеть ее, и тогда она снова окажется в лапах Турана Таксиса, и весь кошмар, от которого она сбежала, восстановится только потому, что она была слишком горда, чтобы сбежать. Тишина там, где должен был находиться Кеот, ощущалась как дыра. У дьявола всегда находился совет, и она, вероятно, предпочла бы поступить наоборот.

Можно колебаться так долго, что выбора уже не останется. Тени двух мужчин опередили их. Нона вжалась в угол. Неизвестная величина, Истед, пришла первой. Высокий, хорошо сложенный мужчина, его светлые волосы и квадратная челюсть напоминали Раймела Таксиса. Нона больше не теряла времени. Она вскочила так быстро, как только могла на здоровой ноге, и ударила его в место соединения подбородка и шеи, глубоко вонзив в его мозг дефект-лезвия. Вырвав клинки, в багровых брызгах, Нона попыталась броситься на лорда Таксиса.

Оскорбленное тело и так терпело слишком много. Нога Ноны подкосилась, и она упала, растянувшись перед своим врагом. Туран тут же начал поворачиваться, чтобы бежать, набирая в грудь воздуха, чтобы позвать на помощь. Нона умудрилась размахнуться своей не-предательской ногой и пнула его по ноге, находившейся сзади. Он упал лицом вниз на ковер, тянувшийся по всей длине коридора.

Нона вскарабкалась на спину Турана, схватила две пригоршни седеющих волос и несколько раз ударила его лицом об пол, не слишком сильно. Это был дорогой ковер, но не настолько толстый, чтобы лорд Таксис не ощутил половицы внизу.

— Открой эту дверь. — Нона кивком головы указала на ближайшую дверь.

Чайник, которая, как знала Нона, должна была вернуться за ней, прохромала мимо и достала отмычки. Замок сдался в мгновение ока.

— Помоги мне тащить его. — Это Клере, которая как раз в эту секунду высунула из-за угла свое замотанное шарфом лицо. — Подожди. — Нона разрезала и сняла с Турана толстый пиджак, обмотав его вокруг головы лорда, чтобы не было видно следов крови.

— Ты сошла с ума, — прошипела Клера, но все же взяла его за ногу, и они втроем втоптали мужчину в комнату, закрыв за собой дверь.

Комната представляла собой просторную гостиную, возможно, одну из многочисленных гостевых комнат в крыле. Мебель была завешена полотнищами ткани, в комнате стоял затхлый запах, как будто ею не часто пользовались.

— Сюда. — Нона подняла ткань, покрывавшую стол, стоявший у стены, которая, должно быть, была внешней стеной дворца.

Клера перекатила Турана на место, держа голову отвернутой на случай, если даже в своем ошеломленном состоянии он узнает ее по шарфу. Она оставила его лежать лицом вниз.

— Плоть-бинт. — Нона протянула руку к Чайник, и монахиня зарылась в свою одежду. Не говоря ни слова, она вынула и передала Ноне маленькую трубку, мгновением позже добавив деревянный аппликатор.

Нона опустила на колени, отодвинула трубку в сторону и разрежала на куски уже разрезанный пиджак Турана, украшенный золотыми нитями и шелковой вышивкой; он, должно быть, стоил больше, чем рабочий мог заработать за всю свою жизнь. Она отыскала кожаный мешочек, в котором хранилась Беда, и с большой осторожностью извлекла из него железный диск с сигил-работой. Ее пальцы не хотели даже приближаться к нему. Она заставила их выполнить свою задачу, требуя таких же усилий, как если бы хотела прижать их к раскаленным углям. Затем она зачерпнула аппликатором остатки плоть-бинта и приложила к покрытой сигилами поверхности. Ее рот скривился, когда она увидела бледную кожу, покрывающую поясницу лорда Турана Таксиса. Он начал стонать, приходя в себя.

— Более хороший человек не сделал бы этого... — Часть ее хотела, чтобы Кеот был там, в ее сознании, крича ей действовать. Она взглянула на Чайник и увидела, что лицо женщины ничего не выражает.

— Любой справедливый суд вынес бы смертный приговор за его преступления, — наконец сказала Чайник. — Это тебе решать, как.

Нона вспомнила Таксисов, отца и сына, наклонившихся над ней в камере ной-гуин, и крепко прижала Беду к пояснице Турана Таксиса, удерживая ее там, пока он вытянулся в агонии, меру которой она не могла забыть. Она держала диск на месте достаточно долго, чтобы плоть-бинт образовал плотную связь.

— Почему он не кричит? — прошептала Клера.

— Не в состоянии, — ответила Нона. — Это слишком больно.

Она отодвинулась, опустила матерью и встала.

— Запри за нами дверь. — Неизвестно, сколько времени пройдет, прежде чем его обнаружат. Если его найдут не слишком быстро, боль убьет его или, может быть, он будет жить, пока не умрет от жажды. Уколы сожаления и стыда пробежали по телу Ноны, пока Чайник снова принялась за работу над замком, но каждый раз, когда она думала о возвращении, чтобы покончить с этим человеком, какой-нибудь образ из камеры вставал, чтобы остановить ее.

— Готово. — Чайник отошла от замка.

— Теперь мы можем уйти? — спросила Клера.

Нона оглянулась на дверь с тяжелым сердцем, не чувствуя облегчения, которого ожидала. — Нет.

— Нет? — Клера, казалось, была на грани бунта.

— Лано Таксис сказал, что настоятельница сбежала вместе с другими. Они будут пойманы у ворот. Мы должны пойти туда и помочь им выбраться.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА СТЕКЛО

АРАБЕЛЛА ЙОТСИС ПОДПРЫГНУЛА выше, чем Стекло когда-либо видела или мог себе представить. Она срезала нижнюю половину юбок, но то, что осталось, тянулось за ней, как развевающееся оперение. Ее вытянутая вперед нога сломала шею одному дворцовому стражнику, меч пронзил горло другого, и она атаковала третьего прежде, чем первые два начали падать.

Пока Мелкир тащил Дарлу между дверями, подальше от схватки, Ара крутилась среди толпы своих врагов, создавая все более широкий круг раненых противников. Она не могла долго двигаться с такой скоростью, но сейчас результат поражал воображение.

Стекло, работая так быстро, как только могла, задувала пламя одной серебряной настольной лампы, швыряла ее к дверям, поднимала следующую, в которой плескалось масло, и повторяла процесс.

Дарла, кровь которой текла из нескольких серьезных ран, стряхнула с себя Мелкира и встала на ноги, пытаясь вернуться в бой. Мелкир снова схватил ее, произнося резкие слова. Стекло не могла слышать, что он ей сказал, но это сработало, Дарла приняла его поддержку, и они поспешили к двери для слуг. Стекло швырнула седьмую лампу, прежде чем бросить свою работу и отправиться вслед за Мелкиром.

Седьмая лампа все еще горела. Не было никакого плана, никакого обмена словами. Ара просто выскочила из коридора и бросилась через комнату, чтобы спасти Дарлу. Теперь же, ударив ногой охранника в пах и отскочив, она бросилась назад через пламя, расцветающее между дверями. Она появилась у входа в коридор для слуг одновременно со Стеклом, немного отстав от Мелкира и Дарлы. Стекло похлопала ее по спине, пользуясь случаем, чтобы потушить горящее пятно на платье Ары.

Они заклинили дверь и двинулись дальше, Дарла спотыкаясь, шла с побелевшим лицом, пол позади нее был окрашен быстрым потоком крови.

•••

КАК ОКАЗАЛОСЬ, ЛОРД Карвон Йотсис знал дворец Шерзал лучше всех из тех, кто сбежал из банкетного зала. Он повел их через подбрюшье дворца, через ревущие жаркие кухни, дымящиеся прачечные и мимо бесконечных комнат для слуг.

Их группа насчитывала около двадцати человек: четыре лорда Сис — Йотсис, Менсис, Халсис и старая Глосис, которая, казалось, еще не была готова умереть, несмотря на то, что провела в своем кресле по меньшей мере восемьдесят лет. С ними были различные члены семьи и некоторые другие гости, в том числе пара купцов и ринг-боец Регол. Теперь, пристыженный своим бегством от битвы у дверей банкетного зала, он помогал Терре Менсис. Девушка сломала запястье во время побега, хотя в остальном выглядела удивительно нетронутой. Если бы было время, Стекло объяснила бы Реголу причину его утраты мужества. Но времени не было, за ними гнались. Стекло шла рядом с Дарлой, пытаясь перевязать порезы на руках и боку полосками ткани, оторванными от ее рысы. Все они были слишком глубокими, чтобы перевязки могли помочь. Рана в боку Дарлы была

колотой раной, и меч, который сделал это, должно быть, пронзил ее жизненно важные органы. Стекло говорила все это время, едва осознавая, что она говорит, просто успокаивающий шум. Похвалы мужеству и мастерству Дарлы, слова утешения и надежды, которых она не чувствовала, слова Предка, матери и отца им всем, который, несомненно, скоро заберет каждого из них в вечные объятия.

Карвон Йотсис вел их с уверенностью, свойственной людям его положения, независимо от того, знали ли они, куда направляются. Вдалеке раздавались крики, топот бегущих ног то приближался, то удалялся, и темный коридор позади них обещал атаку в любой момент. Но она так и не пришла. Наконец они вышли из длинного служебного туннеля в подвал и поднялись в главную конюшню. Ара уложила троих конюхов, которые выказали некоторую склонность преградить им путь; она использовала кулаки и ноги, а не меч, но все равно это выглядело жестоко. Дядя Ары оставил ее добивать их и направился к главному входу, Стекло последовала за ним. В нескольких ярдах от дверей, таких же широких, как двери любого сарая, под защитным покровом стояла огромная карета. Шерзал, без сомнения. Колеса были почти такие же высокие, как сама Стекло.

— Двенадцать адских чертей. — Карвон отвернулся от узкого проема между дверями конюшни. — Главные ворота закрыты. Перед ними шеренга солдат, и еще две дюжины лучников на стенах над ними. — Он вернулся к Стекло и инквизиторам.

— Должен быть другой способ. — Ара оставила Дарлу на попечение Мелкира, прислонив к тюку сена, и подошла к лорду Йотсису, стоявшему перед Стеклом. — Очень скоро они подойдут к нам сзади.

— Другого пути нет, только не для нас, — покачал головой Карвон. — Говорят, что из подвалов есть выходы в гору, но я не знаю, как туда попасть и как пройти через пещеры, если мы их найдем.

— Тогда, мы должны выйти здесь. — Ара выпрямилась, стараясь выглядеть свирепой, но ее усталость была очевидна. — Регол и я могли бы добраться до стен. Атакуем с обеих сторон. Избавимся от лучников.

Стекло не стала напоминать, что это было бы самоубийством. Подкрепление прибдет раньше, чем они доберутся до ворот. И даже если они доберутся до ворот, открыть их будет непросто. И даже простое бегство из дворца не спасет их... Тяжесть этого знания давила на ее плечи. Ее появление убило этих людей. Целые семьи обречены на смерть.

— Я в игре. — Регол сверкнул волчьей улыбкой. — Я пришел за бесплатной едой. Мне надоело драться насмерть в Истине. Но будь я проклят, если поддерживаю эту женщину против императора или приглашаю Скифроул за горы.

— Нам конец, — проговорил Селдом, стоявший за Стеклом.

— Да, — присоединилась к ним Агика. — Мы должны молиться.

Стекло улыбнулась. Она повернулась к инквизиторам и кивнула. Она никогда не была фанатиком по образцу Сестры Колесо, но верила, что в конце концов Предок соберет их в единое целое и все разделение будет отброшено. Это был конец, о котором стоило молиться. Она потянулась к руке Агики, потом Селдома:

— Сестра, брат, для меня было честью служить вместе с вами.

Лорд Глосис, подошедшая последний, поднялась по лестнице из подвала, ей помогал молодой племянник.

— Они идут по нашему следу. — Она остановилась, чтобы перевести дыхание. — Я слышала их в коридоре прямо за нами. — Еще один хриплый поток воздуха втянулся ей под

ребра. — Они идут!

Ара и Регол быстро двинулись вдоль лестницы, оба с окровавленными мечами в руках. Звуки боя привлекают стражу и солдат снаружи; все закончится быстро. Звуки шагов по каменным ступеням становились все громче и ближе. Появилась темная голова. Регол замахнулся. Ара замахнулась. Мечи лязгнули, клинок Ары отбросил клинок Регола в сторону, когда голова отдернулась.

— Клера? — крикнула Ара. — Какого черта ты тут...

— Не убивайте меня! — Клера снова подошла, подняв руки.

Регол отступил назад, нахмурившись. Ара вскрикнула и, оттолкнув Клера, бросилась вниз по ступенькам. Мгновение спустя она появилась в шатающихся, хромящих, движущихся объятиях Ноны Грей и Сестры Чайник, все трое сжимали мечи.

— Редко когда я получала ответ на свою молитву так быстро... — Стекло отпустила руки инквизиторов и поспешила к Ноне и Чайник.

Стекло обхватила руками чересчур тощую фигуру Чайник, потом Нону, тоже лишенную мягкости, всю в твердых углах.

— Сестра Чайник! Я так рада тебя видеть, Госпожа Тень попросила меня вернуть тебя в монастырь целой и невредимой, и мне не хотелось бы разочаровывать эту женщину. — Стекло обнаружила, что ее улыбка стала такой широкой, что ей стало больно. Она взяла Нону за руки. — И, послушница, я пересмотрела твое наказание. Я решила, что смерть — это слишком жестоко. Изгнание тоже кажется крайностью. Так что... никаких визитов в город в течение месяца, и, вместо этого, ты будешь посещать факультативные занятия по Духу в течение седьмого дня.

Стекло отступила назад и увидела, что у них обеих слезы в глазах. К своему ужасу, она обнаружила, что ее собственные глаза тоже затуманились.

— Довольно об этом! Ворота усиленно охраняются. Как вы собираетесь вытащить нас отсюда? — Она заметила, что Нона хромот. Как и Чайник; к тому же молодая монахиня щеголяла багровой черно-алой раной поперек горла.

Взгляд Ноны блуждал по стойлам с лошадьми, по веревкам и гвоздям, вбитым в стены, по суну, наваленному рядом с мешками с зерном. Ее взгляд остановился на огромном экипаже Шерзал. Один из Сис сдернул покрывало с двери. Она тускло блестела, покрытая черным лаком и украшенная гербом Шерзал: грозовая туча над горой, обе освещенные зазубренными золотыми молниями, соединившими их.

— Путь к внешним воротам свободен? — спросила Нона.

— Да, — ответил Регол. — Не считая всех лучников и солдат.

Нона посмотрела на ринг-бойца, впервые заметив его. Она застыла на удар сердца, затем отвела взгляд, почти застенчиво:

— Все должны сесть в карету.

— И как это поможет? — Лорд Йотсис протолкался сквозь выживших, которые начали собираться вокруг вновь прибывших.

— Я передвину ее. — Нона обратила свои абсолютно черные глаза на мужчину. — Пока мы разговариваем, в подвал входят дворцовые стражники. Садитесь в карету, и вы, возможно, выживете.

— Дядя. — Ара уже тащила лорда к экипажу.

Стекло молча наблюдал за происходящим. Непритязательная командирская манера Ноны была замечательна. Девушка заставила лордов Сис спешить, чтобы выполнить ее

приказ.

Чайник развернулась и рассыпала ежи по ступенькам:

— Лучше поторопитесь, настоятельница, они идут.

Стекло кивнула и последовала за Карвоном Йотсисом. Чувство срочности овладело всеми, и гости в своих грязных нарядах поспешили к экипажу. Он выглядел достаточно большим, чтобы вместить их всех, хотя там не будет места для скромности. Понадобилось бы восемь лошадей, чтобы тащить его, и никакие лошади не протащат их через запертые ворота. Что могла сделать одна девушка, Стекло не могла себе представить, но она взмолилась, и Нона пришла. Так что теперь она должна верить.

Нона протянула руку, взяла фонарь у одного из проходивших мимо гостей и разбила его о кучу сена. Она указала на вилы:

— Заблокируй лестницу. — Регол двинулся, чтобы начать работу, в то время как остальные стояли в ужасе.

— Ты сожжешь нас заживо!

— Она сумасшедшая. Посмотрите на нее!

Воздух уже обжигал лицо Стекла, глаза щипало. Воспоминание об обожженной руке вернулось к ней, но не о нереальных мучениях во время ожога, а о долгих темных страданиях от боли в последующие недели. Она надеялась, что план Ноны простирается дальше поджога дворца.

Нона проигнорировала протестующие возгласы:

— Терра, убедись, что лошади могут выйти.

— Но... — Терра подняла сломанное запястье.

— Просто сделай это.

Нона захромала к экипажу Шерзал. Чайник захромала за ней. Клера погналась за ними обоими.

— Сгореть заживо в карете. Это и есть план? — Она остановилась как вкопанная. — Шерзал мне нравилась больше! — Позади нее послышалось паническое ржание лошадей.

— Мне и самой интересно, что это за план, — сказала Чайник. Позади нее пламя прыгало по сему, дым поднимался от лестницы в подвал. Регол выбрался из дыма, кашляя и вытирая глаза.

— Я пойду по Пути, — сказала Нона. — Откройте двери! — Она махнула рукой в сторону главного входа в конюшню. Двое инквизиторов подбежали к нему, чтобы вытащить запирающий засов.

— Ты не сможешь! — сказала Чайник. — Не так быстро. Ты ходила час назад!

Сама Стекло никогда не ходила по Пути, но она слышала рассказы Сестры Сковородка. Изредка старуха — от монастырского вина у нее развязывался язык — рассказывала о прошедших днях и о деяниях величайших Святых Ведьм. Идти по Пути всегда опасно, особенно слишком далеко. Возьми себе слишком много силы, и это разорвет тебя на части. Требовалось время, чтобы прийти в себя. Когда крайность заставляла Святую Ведьму слишком рано возвращаться на Путь, это всегда заканчивалось катастрофой, часто для всех вокруг. Старая поговорка гласила: «семь лун, чтобы быть уверенным». Некоторые из величайших шли снова после единственной луны, единственной ночи, чтобы восстановить свои силы, и для некоторых из них это была последняя луна. На отвесной стене Кулака Хеода, огромного замка неподалеку от Ферратона, где выросла Стекло, виднелся щрам в несколько ярдов в поперечнике и футы глубиной, а посреди него — фигура человека,

выгравированная на почерневшей скале. Учительница Сестры Сквородка, Сестра Гвоздь, погибла там, защищая замок от армии мятежного короля. В первый раз она шла по Пути на рассвете, и попыталась во второй на закате того же дня.

Ара поспешила обратно из кареты, чтобы помочь Мелкиру поднять Дарлу с ее места отдыха среди тюков сена.

— Ты больше не можешь идти, Нона. — Ара боролась с весом Дарлы. — Ты же знаешь, что не можешь.

Нона открыла было рот, чтобы ответить, но замерла. Стекло поняла, что до этого момента Нона не видела послушницу-геранта, лежащую среди тюков сена.

— Дарла... — Нона выронила меч. — Что они с тобой сделали? — Через мгновение она уже была рядом с девушкой, склонившись над ней, не обращая внимания на потрескивание огня, поднимавшегося к реву. — Что они с тобой сделали? — Она провела дрожащими руками над ранами Дарлы, в нескольких дюймах над ними.

Дарла лежала бледная, с посиневшими губами.

— Что задержало тебя... коротышка? — Дарла выдавила улыбку, затем поморщилась и закашлялась. Темная кровь текла по ее губе, стекала по подбородку.

Нона обернулась и посмотрела на людей, стоявших вокруг нее: Стекло, Мелкира, Ару, Чайник. Она уставилась на монахиню.

— Ты можешь ей помочь.

— Нона... — Чайник опустила глаза и покачала головой.

— Ты *можешь!* У тебя есть припасы. У тебя есть... — Нона оборвала то, что собиралась сказать, внезапно пораженная каким-то осознанием.

— ...слишком поздно... — с огромным усилием большая рука Дарла сжала руку Ноны. — ...устала... — Ее карие глаза затуманились замешательством, чем-то вроде удивления, и посмотрели куда-то вдаль, над головой Ноны.

Прошло мгновение. Другое. Взгляд Дарлы оставался неподвижным.

— Она ушла, Нона. — Чайник положила руку девушке на плечо. Нона отшвырнула его, как будто она обжигала.

Сестра Агика склонила голову:

— Предок забрал ее к себе...

— Черт бы побрал этого Предка! — Нона сжала пальцы Дарлы. — Вставай. Дарла вставай. Я забираю нас отсюда. Мы возвращаемся в монастырь. Мы едем...

Ара обхватила Нону обеими руками, притянула к себе, сдерживая слезы.

— Она ушла, Нона. — Дым окутал их обоих.

Стекло отступила от жары и дыма, и, кашляя, направилась к экипажу. Испуганная лошадь пробежала мимо нее, едва не сбив с ног. Она поднялась по ступенькам и помогла лорду Глосис сесть в карету впереди нее, Агика подошла сзади. Выжившие сидели на двух широких скамьях, теснясь на набитых кожей сиденьях и втиснувшись вертикально в пространство между ними.

Нона, Ара и Чайник вышли из огня. Он кружился вокруг них троих, словно плащ из теней и пламени. Нона, бледная в своих лохмотьях, с непроницаемыми черными глазами, выглядела так, словно ее родило пламя. Она выглядела как нечто не от мира сего.

— Ты не можешь. Это безумие. — Теперь Аре не хватало убежденности.

Но какой был выбор?

— КОРАБЛЬ-СЕРДЦЕ ЗДЕСЬ. Я стояла перед ним. Я восстановилась. — Нона оторвала руки Ары от себя. Она нуждалась в безопасности Ары. — Садись в экипаж.

— Там нет места.

— Тогда залезай на него и следи за стрелами.

Нона закрыла глаза, закрыла уши, чтобы не слышать рева огня, и открыла сердце для сдерживаемой ярости, которая дрожала в каждом члене с тех пор, как она оставила Дарлу, еще теплую, среди сена.

Редко когда Путь казался таким далеким. Просто нить. Чуть больше трещины, пробежавшей по ее снам в тот день, когда Гилдзон впервые посадил ее в свою деревянную клетку. Она видела его как след, там и не-там. Ее ноги помнили меч-путь, ее узкое предательство, зияющую внизу пропасть. Дарла ненавидела эту штуку. Ей никогда не удавалось сделать больше четырех шагов. Но она возвращалась к нему снова и снова, не испытывая страха. Однажды Нона спросила ее почему. Дарла одарила ее свирепой улыбкой:

— Отец говорил мне, что твои слабости могут научить тебя большему, чем твои сильные стороны.

Генерал Ратон не знает, что его дочь мертва. Еще нет. Он не узнает, что Нона использовала последний плоть-бинт, который мог бы спасти ее. Он не узнает, что бинт был потрачен на пустую месть человеку, который не годился даже на то, чтобы смотреть на его дочь.

«Семь лун, чтобы быть в безопасности». Нона не была заинтересована в безопасности. Если Путь разорвет ее на части, она будет рада этому и будет надеяться только на то, что ни один камень из дворца Шерзал не останется на другом. Она обратит свою беспомощную ярость в огонь, который очистит гору, огонь, который поглотит бледные огоньки позади нее, прочешет туннели Тетрагода.

Она снова посмотрела на Путь и обнаружила, что он сверкает, река, извивающаяся в большем количестве измерений, чем должен знать разум, бегущая под прямыми углами к воображению. Пульс корабль-сердца стучал у нее в ушах. Нона без колебаний бросилась вперед.

На этот раз все было по-другому. Путь не был чем-то узким, петляющим под неожиданными углами, пытающимся сбросить ее на каждом шагу. Путь превратился в плоскость, текучую гладь расплавленного серебра, такую широкую, что падение с нее казалось невозможным. Даже если бы она не бежала, Путь все равно бы увлек ее. Она могла мчаться вечно, неутомимая, каждый шаг приносил новую энергию. Мир остался позади. Время не имело власти. Путь охватывал, наполнял, вел, давал направление.

Самое трудное было не остаться на прежнем курсе, а свернуть с него. Сделаешь слишком много шагов, и уйти станет невозможно — по крайней мере, уйти и остаться целым. Возможно, это справедливо для многих путей. Теперь Нона видела дилемму Клеры, видела как ей, должно быть, было трудно сделать то, что казалось таким простым со стороны Ноны, как легко было бы вернуться на ее прежний курс.

Нона бежала по Пути, и все ее несчастья остались позади после первого же шага. Ее раны, ее усталость, даже боль от смерти Дарлы, все это казалось чем-то маленьким позади нее, бледным и слабым. Каждый шаг наполнял ее энергией такой неистовой, такой

волнующей, что эта энергия переписывала ее, становилась ею, заменяла ее сердцевину.

В конце концов ее вернула только Дарла. Нона бежала бы по Пути вечно. Что-то настолько правильное нельзя опускать от себя. Но факт смерти подруги остался позади. Что-то подобное не могло быть просто выброшено, отброшено, брошено, как будто оно не имело никакой ценности или смысла. И с воем Нона повернулась в том месте, где уже не могло быть поворота, и упала обратно в мир.

Она ударилась о землю и только с усилием сумела остановить падение. В мире было слишком много возможностей, и ее тело хотело исследовать их, хотело течь, как дым, танцевать, как пламя, лижущее воздух вокруг нее, следовать притяжению гравитации глубоко в землю; хотело бежать, как она бежала по Пути, не в одном направлении, а во всех сразу. Аспекты Ноны начали разделяться: одни отвечали на беспокойство лошадей, другие исследовали дым, третьи играли с огнем.

Слабый шум проник в необъятность чуда Ноны, и она повернулась к нему, к черному экипажу, окутанному дымом. Какая-то фигура прижалась к его боку. Ара!

Нона глубоко вздохнула, словно вынырнула на поверхность какого-то бездонного озера. Было больно, как будто ее легкие были обернуты битым стеклом, но в последнее время она привыкла к боли. Нона глубоко вздохнула и втянула в себя все возможности, мириады вариантов, пока, наконец, не сосредоточилась, стала единой и целой, содрогающейся от силы.

Она подошла к экипажу, внезапно осознав хрупкость всего вокруг, даже каменных плит под ногами. В прошлом она, скорее, оттолкнула бы от себя силу Пути, а не сохранила бы ее. Она бросила бы ее как жар, как тогда, когда принесла огонь в лес за Истиной, или как молнию, убившую ной-гуин. Теперь, однако, она обратила ее внутрь, пропустила через мышцы и кости, владея ей как силой, не только той, что двигает горы, но и той, что сохраняет плоть, совершающую движение. Сестра Сковородка подробно это объяснила. Сила, которая может пробивать стены, бесполезна, если рука, которой ты бьешь, разбивается раньше, чем камень.

Нона встала за экипажем. Она осторожно протянула руки вперед. Слишком сильное давление, слишком быстрое, и ее ладони прорвутся сквозь древесину перед ней, и она окажется по локоть в расщепленном дереве. Руки наткнулись на лакированные панели, давление усилилось. И босые ноги Ноны заскользили по каменным плитам.

— Нет!

Закованная в броню энергии Пути, Нона пинала камни под ногами, размалывая скалу, выкапывая маленькие кратеры, чтобы оттолкнуться. Доски под ее ладонями закрипели, и огромный экипаж тронулся с места. Нона продолжала давить, ноги скребли по каменным плитам, разбив еще несколько.

Скорость возросла, передняя часть экипажа ударилась о двери конюшни, и те распахнулись, выпуская дым во двор. Экипаж Шерзал выкатился наружу, стуча колесами, вокруг клубился густой белый дым, с обеих сторон проносились перепуганные лошади.

Лучники, выстроившиеся вдоль стен, колебались, не зная, с чем имеют дело. Экипаж Шерзал проехал мимо карет Сис, выстроившись вдоль обеих стен. С каждым ярдом Нона добавляла ему скорости. Ворота дворца, которые, более точно, можно было бы назвать воротами крепости, резко и разрушительно остановят его продвижение.

В экипаж начали вонзаться первые стрелы. Те, кто был внутри, уже приложили усилия, чтобы укрепить ставни сиденьями. Снаружи популярной мишенью была Ара, но даже с

одной свободной рукой ей удавалось отклонять те стрелы, которые иначе попали бы в нее.

Увидев, что экипаж движется на хорошей скорости, Нона отпустила его и, обгоняя, помчалась вперед. Каждый лучник на ее стороне двора воспользовался случаем, чтобы выстрелить в четкую цель, их стрелы зашипели вокруг нее, разбиваясь о каменные плиты, ударяясь в бока экипажа или находя ее плоть. Те же самые энергии, которые позволяли телу Ноны удерживать и использовать силу пути, сопротивлялись и наконечникам стрел. Стрелы рикошетили от нее, как от статуи, оставляя только булавочные уколы.

Чувствуя, как энергия Пути начинает убывать и угасать, а экипаж Шерзал с грохотом мчится за ней, Нона бросилась к воротам дворца. Ее последний прыжок оторвал ее на шесть футов от земли, и ее плечо ударилось о тяжелые бревна с сотрясающим кости ударом. Ворота резко остановили ее, и она соскользнула в кучу у их основания. Стрелы вонзились в дерево с обеих сторон, несколько попали ей в спину.

— Слишком легкая, — пробормотала Нона. Неважно, насколько ты силен, никто не может сбить человека с ног, бросив в него перо.

Она стояла, экипаж теперь был всего в двадцати ярдах позади нее. Огромный запирающий засов ворот не был опущен, но они все еще удерживались рядом болтов, вбитых в каменную кладку сверху и снизу какой-то системой кабелей, закрепленных поперек внутренней поверхности. Ноне не хватало ни времени, ни досягаемости, чтобы все это разорвать.

Как открыть ворота, когда ее собственная сила просто отбросит ее в сторону? Даже если бы у нее было время выкопать опоры для ног, Нона подумала, что они, вероятно, уступят не раньше, чем сдадутся болты.

Уроки Академии пришли на помощь Ноне там, где хранили молчание ее Меч и Путь образования. Инерция удерживает даже самые легкие вещи неподвижными перед лицом больших сил — просто надо действовать достаточно быстро. Нона ударила в левую створку в футах от края, где та встречалась с правой. Скорость действия не давала ей времени отступить. Вместо этого ее кулак прорвался сквозь бревна, и она стояла с рукой по локоть в расколотой дыре, ее кулак только что появился на ветру, который рыскал по внешней поверхности. Нона рвалась вперед до тех пор, пока ее плечо не коснулось бревен, а локоть не оказался по ту сторону ворот. Она согнула руку и вцепилась в ворота. Еще несколько стрел вонзилось в деревянную обшивку вокруг нее. Еще больше ударило ее в спину и упало, оставив лишь неглубокие раны.

Теперь, надежно закрепленная толщиной самих ворот, Нона протянула другую руку ладонью вперед к другой створке. И толкнула. Когда она била кулаком по воротам, у нее не было времени пошевелиться, и она пробила их. Теперь она толкала с медленной, неумолимой силой. Закрепленная левой створкой, она не могла двинуться назад. Вместо этого ворота должны были принять на себя все давление. Она повернулась, прижимаясь плечом и бедром к другой створке, используя всю внутреннюю силу своего тела, увеличенную в тысячу раз угасающей энергией, взятой с Пути. Позади нее грохот экипажа становился все ближе.

С протестующим визгом болты наверху и внизу начали выпадать, куски камня отлетали в стороны, куски дерева длиной с руку вырвались наружу, когда створки поддались. Позади нее замаячила тень. Время вышло. Экипаж Шерзал врезался в ворота, Нона оказалась между ударом молота и наковальней ворот.

Мгновение темноты, света, кружащегося движения, криков и ломающегося дерева. Нона

обнаружила, что лежит на земле, а над ней несется что-то огромное.

ДОРОГА, СПУСКАВШАЯСЯ ИЗ распадка, в котором располагался дворец Шерза представляла собой длинную извилистую дугу с небольшим уклоном. Она заканчивалась на большой дороге, пересекавшей Великий Перевал.

Несмотря на стрелу, пронзившую ее левую икру, Ара сумела вскарабкаться на крышу экипажа, спуститься на сильно поврежденную переднюю часть и найти тормозные рычаги. Склон был слишком крут, чтобы тормоза могли полностью остановить движение экипажа, но они помогли укротить его.

Однако оказалось, что рулевое управление — совсем другое дело. Экипаж двигался сам по себе, скребя по скалистой стене в том месте, где инженеры прорезали распадок, чтобы проложить дорогу. Примерно каждые двадцать ярдов от борта экипажа отлетал новый кусок, каждой удар о выступ побольше угрожал развернуть экипаж на узкой дороге лицом к обрыву и скатить его в ту раздирающую сердце бездну, которую скрывала темнота.

В конце концов, когда до Большого Перевала оставалось примерно треть мили, развалины большого экипажа Шерзал накренились в сторону и остановились с передним правым колесом, висящим над неизмеримой пропастью. Ара стояла, тяжело дыша, вцепившись в рычаг тормоза.

Через минуту большинство пассажиров экипажа высадились или их вынесли. Двое пожилых мужчин были убиты стрелами, которые пролетели сквозь ставни и подпиравшие их сидения. Почтенная женщина в просторном платье была ранена в плечо, стрела все еще была на месте, ее стальной наконечник торчал из спины. Регол, Чайник и Ара держались рядом с настоятельницей.

•••

НОНА ВЫПОЛЗА ИЗ-ПОД обломков экипажа, ее руки болели, ноги были исцарапаны разорваны. Она рванулась к оси и позволила ей тащить себя, и только угасающая сила Пути защитила ее от тяжелых ран.

— Нона! — Ара заковывала к ней, чтобы помочь подняться. Позади Ары Нона видела далекое пламя, лижущее стены Шерзал. Она надеялась, что пожар распространится и разрушит это место от самого низкого подвала до самой высокой башни.

— А где Клера? — спросила Нона, оглядывая выживших.

— Она так и не вошла, — сказала Ара.

— Я ее окликнула. — Чайник сжала рот, между бровей появилась задумчивая морщинка. — Она попятилась в дым.

— Но... — Это не имело никакого смысла. Настоятельница приняла бы ее обратно. Нона это знала.

— Она сделала выбор, Нона. — Настоятельница Стекло заговорила тихим голосом: — Она помогла тебе, когда ты нуждалась в помощи, но посчитала, что с сестрой императора у нее больше возможностей.

Нона огляделась. Свет звезд омывал дорогу через проделанную ветром дыру в облаках. Он освещал разрушенный экипаж, один бок которого был оторван, крыша провисла. Малиновый свет освещал дюжину Сис в бальных платьях и парадной одежде, плохо

приспособленной для прогулок по горам. Многие были ранены, в том числе Чайник, Ара и она сама. Ее взгляд остановился на Реголе, единственном бойце среди них, пригодном для боя, за исключением Мелкира.

— Миледи. — Он отвесил полупоклон, показывая ей ту же самую старую улыбку, даже сейчас.

Она вдруг почувствовала, насколько изодранной и неподходящей была ее сорочка, как ветер играет ей вокруг нее и как грязно все, что под ней.

— Регол. — Она собиралась сказать ему, что она скорее послушница, чем леди, но в тот момент не была уверена, что права. И под его пристальным взглядом она уже не была уверена, кем бы ей хотелось быть.

— Каждый раз, когда я обедаю где-нибудь, где ты тоже гостя, Нона, на меня нападают. — Он потер подбородок, словно вспоминая удар. — Одна и та же женщина!

— Сафира? — Чайник шагнула вперед. — Неужели она...

— Я ударил ее довольно сильно, — сказал Регол. — Но она снова встанет. И я не могу утверждать, что это был честный бой.

— Мы в безопасности? — Терра Менсис ворвалась в их круг, баюкая раненое запястье. Судя по всему, в экипаже она получила новые травмы, и на левой половине лица у нее красовался синяк.

— Сомневаюсь, — ответила Настоятельница Стекло. — Шерзал пошлет за нами своих солдат. Как скоро, зависит от того, насколько сильный пожар мы ей оставили, но не думаю, чтобы мы их здорово обогнали.

Словно в ответ ей, небо прояснилось еще больше, и в свете звезд стало можно разглядеть весь изгиб дороги, ведущей к разбитым воротам дворца. По ней на большой скорости двигался отряд из примерно пятидесяти солдат. Они уже преодолели половину расстояния.

•••

НОНА ПРИСЛОНИЛАСЬ СПИНОЙ к камням у дороги, измученная, как никогда. Йии называла друзей слабостью. Боль, которую причинила ей смерть Гессы, а теперь и Дарлы, сильно отличалась от той, что причинила ей Беда, но была глубже и продолжительнее. Слабость? Именно дружба сопровождала ее половину империи, дружба заставила Клеру вытащить ее из подземелий ной-гуин, и если бы ей пришлось умереть, она предпочла бы сделать это здесь, под алыми небесами, со своими сестрами, Красными и Серыми, свободными и сражающимися, и это было бы лучше любого другого, что она могла себе представить.

Чайник встала, отбросив в сторону половинки стрелы, которую вытащила из икры Ары, и подошла к Ноне. Ара последовала за ней, с гримасой проверяя свой вес на туго перевязанной ноге.

— Ох. — Она прислонилась рядом с Ноной, ветер разметал по камням золотистые волосы.

— Красивое платье, — сказала Нона.

— Спасибо. Терра помогла мне его выбрать. Это было глупо дорого.

Регол подошел и встал перед ними. Его темные волосы развевал ветер Коридора, он бросил взгляд на приближающихся солдат. Вокруг них лежали скалы, красные от света звезд.

Он перевел взгляд на Нону, и вдруг показалось, словно вспыхнул фокус луны, заставив ее вспотеть.

— Ты будешь держать дорогу со мной, сестра? — спросил он. — Я хотел бы снова увидеть, как ты сражаешься.

— Я не сестра, всего лишь послушница. — В тот момент, когда слова покинули ее, она почувствовала себя глупо. Неужели она не могла сказать что-нибудь получше? И почему это вообще имело значение, когда приближаются пятьдесят мечей?

Регол усмехнулся. Он всегда усмехался:

— Ты — моя сестра по клетке.

Холодок пробежал по спине Ноны, несмотря на жар его взгляда. Откуда он знал, что она будет Сестрой Клетка? Эту тайну знали только Ара и Госпожа Путь.

— В конце концов, мы оба родились в клетке Гилджона! — Он рассмеялся, снимая напряжение, и повернулся к дворцу, изобразив восьмерку росчерком меча.

Настоятельница Стекло подошла, когда Регол отошел в сторону. Она тоже улыбалась, хотя и с оттенком грусти.

— Вы трое совершили поразительные подвиги, чтобы приблизить нас к невозможному успеху. Поразительные. — Она протянула руки, Нона взяла их, а Чайник и Ара положили свои поверх ее. — Но мир не меняется отдельными актами насилия, независимо от того, насколько хороша причина. Точно так же его нельзя изменить силой Пути. Все величайшие из Мистических Сестер это знали. Сколько бы сил ни было сосредоточено в одной Боевой Сестре, как бы глубоко ни постигала события Сестра Благоразумия, ее превосходят сила и постижение масс. Вы можете быть камнями, но человечество — это прилив, и вам нужно только встать на песок, чтобы увидеть, как закончится это соревнование.

В конце концов, дело не в том, будем ли мы жить или умрем здесь, а в том, что послание эхом разнесется по империи и за ее пределами. Мы не предводители, мы просто слуги. Даже власть императора — иллюзия. В конечном счете нами движет воля народа, и она так же неотвратима, как наступление льдов. И народ, каждый из них, — дети Предка, святые, избранные. Мы показали им истинное сердце Шерзал, и они будут судить ее поступки. Те, кто не может замедлить погоню, должны бежать. Они должны рассеяться по склонам, и мы должны верить, что кто-то найдет дорогу в безопасное место и расскажет о том, что здесь произошло.

Настоятельница Стекло подошла ближе, по очереди заглядывая в их лица добрыми глазами:

— Я всегда гордилась своей способностью смотреть вперед, умением видеть последствия поступков. Возможно, это скудное умение по сравнению с теми талантами, которые Предок вложил в вас, девочки, но оно хорошо служило мне до этой ночи. Но вы должны знать, что самая большая радость для тех, кто видит будущее, — то, что жизнь остается полной сюрпризов. И вы все меня удивили.

— Святая Мать... — Голос Чайник стал слишком хриплым от волнения, чтобы продолжать.

— Когда-то у меня был сын. — Настоятельница улыбнулась, вспоминая. — Я бы не могла любить его больше. Но у меня никогда не было дочери. Я бы с гордостью назвал любую из вас своей. — Она подняла руки, предупреждая любые объятия. — Вы все — мои дети, дети Предка, дочери Скалы Веры, дочери Сладкого Милосердия. Я ожидаю, что вы свирепо встретите врага и покажите себя с лучшей стороны.

Нона повернулась к дороге, где стоял наготове Регол, за ним тонкая линия Сис с лордом Карвоном Йотсисом в центре. Солдаты Шерзал были близко, достаточно близко, чтобы она слышала топот их сапог, когда они быстро шли вперед, по восемь в ряд. Каждый человек был закован в кольчугу, каждый нес щит и копье. Звезды все еще смотрели, их свет поблескивал на стали.

Рядом с экипажем Агика и Селдом повели стариков и немощных на молитву. Терра Менсис встала, срезав обожженную часть своих юбок. Неловко сжимая нож в левой руке, она встала рядом с отцом, со слезами на глазах, готовая последовать за остальными, которые уже направлялись к главной дороге. Скоро история об измене Шерзал распространится по Великому Перевалу в обоих направлениях.

— Что-то приближается... — сказала Нона, когда Чайник с трудом подошла к Реголу.

— Ну... да, — ответила Ара, поднимая меч.

— Нет, что-то другое. — Нона посмотрела в ночь, вниз по склонам, темным и невидимым, окаймленным слабым малиновым светом звезд. В вышине ветер еще больше разогнал облака, и Надежда вспыхнула, добавляя миру свой свет. Нона напрягла все свои чувства. Она слышала... шаги? Удар, по крайней мере. Что-то, что росло в течение некоторого времени, но что не обращало на себя внимания на фоне остальных громких эмоций. Внезапно ее осенило.

— Это же кор...

Ее заглушил треск камня. Без всякого предупреждения огромный клин горного склона скользнул вниз на дорогу впереди. Через несколько секунд все было кончено, если не считать нескольких десятков валунов, которые продолжали катиться вниз по склону, разбиваясь и отскакивая вдаль. Нона в замешательстве смотрела, как каскады сыпучих камней превращаются в ручейки. Неисчислимая тяжесть скалы обрушилась участке в десятки ярдов, уничтожив дорогу и солдат на ней.

Все те, кто был в экипаже, просто стояли и смотрели, не уверенные в том, что видят. Свет звезд начал слабеть, унося прочь детали. Только Нона отвернувшись от сцены видела, как покрытая грязью рука схватилась за край дороги. Мгновение спустя за ней последовала и остальная часть человека, подтянувшегося на одной руке. Человек встал и ответил на пристальный взгляд Ноны. Фигура прижимала к груди что-то светящееся. Что-то сферическое, размером с человеческую голову, освещенное изнутри глубоким фиолетовым светом. Свечение было таким глубоким, что, казалось, могло бы быть краем какого-то пламени, бросающего вызов лунному фокусу, если бы глаз мог увидеть его с дальнего конца спектра радуги.

— Зоул.

Это была лед-девушка, ее одеяние было таким же грязным и рваным, как и сорочка Ноны, а лицо таким же бесстрастным и непроницаемым, как всегда.

Потом обернулась Ара, стоявшая рядом с Ноной, за ней Чайник и настоятельница.

— Это ты сделала, — сказала Нона.

— Как? — Настоятельница казалась слишком ошеломленной, чтобы произнести больше одного слова.

— У нее есть корабль-сердце, — сказала Нона.

Чайник покачала головой:

— Этого не может быть. Хранилище Шерзал было слишком...

Зоул подняла сферу, ее свет был каким-то яростным, но слишком слабым — мерцающие

там и здесь огоньки не могли осветить даже дорогу.

— Это корабль-сердце ной-гуин.

— Как ты смогла... — начала Настоятельница Стекло.

Зоул наклонила голову и подняла сферу повыше. И тут Нона увидела его, только мельком — пятно, темное и пурпурное, стекающее с руки, державшей сердце, вниз по запястью, быстро затерявшееся под рукавом одежды Зоул.

Настоятельница Стекло взяла себя в руки:

— Как это возможно?

Зоул подняла к ним лицо, ее глаза горели светом корабль-сердца:

— Я — Избранная.

ЛАНО ТАКСИС ПРИВЕЛ в монастырь Сладкого Милосердия две армии. Арми пеларти, которая уже потерпела поражение, и армию его собственного дома, которой еще предстояло испытать свою силу против сестер, преградивших путь. В его распоряжении были сотни воинов. Но он знал, что восемь человек, стоявших вокруг него, были опаснее всех пеларти, купленных на деньги Таксисов, и всех солдат, присягнувших его имени. И из этих восьми ной-гуин один, по слухам, был более смертоносным, чем остальные семь вместе взятые.

Особенный ной-гуин, как говорили, покидал Тетрагод только тогда, когда сам Тетрагод был разрушен и восстановлен в какой-то новой крепости, скрытой от мира. Особенный перемещался из старого Тетрагода в новый и занимал свое место, как темное сердце организации. Особенный был хранителем Книги Теней и был связан тень-узами с каждым бессветным и каждым ной-гуином, был пауком в центре паутины. И все же он находился здесь, по правую руку от Лано, при свете дня и в то же время так глубоко в темноте, что казался силуэтом.

Лано подал знак капитану.

— Веди войска. Возьми ее. Лучше всего покалеченной, но, если не получится, мертвой. Убей всех остальных. Сначала монахинь, потом детей. — Он хотел отомстить Сестре Клетка, конечно хотел, но смерть есть смерть. Стремление к чему-то большему привело к падению его старшего брата и отца. Нона Грей подарила ему титул лорда, и он был готов пропустить зрелище ее ужасной смерти, если быстрая смерть будет более безопасной и верной.

Лано позволил себе удовлетворенно улыбнуться, когда его воины начали готовиться к наступлению. Сегодня он увидит, как падет Сладкое Милосердие.

Клера Гомал шагала среди ной-гуин, как будто она была благородной, равной, а не перебежчицей, дочерью обанкротившегося торговца. Лано подавил желание ударить ее наотмашь. Сегодня был день победы, который нельзя было омрачать ссорами с подчиненными.

— Она убежит, — сказала Клера. — Теперь, когда подруга у нее, она убежит. Она побоится снова попасть в руки Таксисов. — Она огляделась вокруг. — Или в руки ной-гуин. Она направится к пещерам, и ты никогда ее не найдешь. Никогда, если ты не знаешь их так, как знаю я.

— Мои войска найдут любого, кто попытается бежать. — У Лано не было ни малейшего желания самому пускаться в погоню. Он пожалел, что не закрыл рот Клере кулаком в тот момент, когда та открыла его без приглашения.

— Нет. — Особенный направился к далеким колоннам. Ной-гуин последовали за ним, девушка пошла с ними. — Идем.

Лано не двинулся с места, но ной-гуин с обеих сторон взяли его за локти и подтолкнули вперед. Лано беспомощно посмотрел на своих солдат. Он никогда не собирался возглавлять эту атаку.

Особенный пошел быстрее:

— Пусть она умрет на клинке ной-гуин. Пусть произойдет именно так. Пусть для нее не будет никакого побега.

— Побег? — Лано хотел было весело расхохотаться, но смех получился нервным. — Она не убежит. Не отсюда. Это ее дом. Ее семья. Кроме того, — он указал на дымящийся горизонт, — куда ей бежать? Весь мир в огне.

Марк Лоуренс
СВЯЗЬ
Книга Предка – 2.5

Перевод Александра Вироховского

— Нона Грей, чему равно X ?

— Семи, — сказала Нона максимально уверенно. Сестра Яблоко советовала быть уверенной в своих догадках. При достаточной серьезности даже самую дикую ложь можно заставить звучать правдоподобно.

Сестра Правило хлопнула по столу Ноны своей указкой:

— Если бы X было количеством щепоток смертьсусла, добавляемых в очищающее зелье, ты бы сейчас была мертва.

— Я имела в виду одному. — Нона притворилась, что щурится на свою дощечку. — Я неправильно прочитала.

— Осталось попробовать не так уж мало целых чисел. — Тень Сестры Правило поглотила Нону, когда она подошла еще ближе.

— Четыре! — Нона разделила разницу в ответах и решительно кивнула.

— Это две трети. — Колокол послушниц прозвенел по всему монастырю. — А теперь убирайся из моего класса и не возвращайся, пока...

Остальная часть тирады Сестры Правило была потеряна из-за скрипа стульев; дюжина послушниц Мистического Класса направилась к двери, сжимая в руках грифельные доски, мел, различное учебное оружие и случайный свиток.

Нона поспешила вниз по лестнице Башни Академии, впереди толпы. Математика наполняла ее ужасом, чего никогда могла сделать горстка метательных звезд, летящих в ее сторону. Она никогда не понимала, почему уравнения требовали, чтобы она их решала. Разве они не были бы счастливее, если бы их оставили в покое на страницах пыльных книг?

Ара догнала Нону, когда та выскочила из главной двери в холодный порыв ветра Коридора:

— Рули говорит, что у нее есть бочонок бренди, спрятанный в винных складах.

— Бренди? — Нона не знала точно, что это было.

Ара закатила глаза:

— Сестра Дуб использует его для укрепления вина, когда делает портвейн. Оно очень сильное. Обжигает тебе рот.

— О. — Нона позволила направить себя к винодельне. — Это звучит... болезненно.

— Его пьют лорды. У Настоятельницы Стекло в кабинете есть бутылка. Рули говорит, что именно из-за этого она выбрала свое имя. — Ара подождала, пока Нона сообразит, затем снова закатила глаза. — Потому что она любит попустить бокал-другой, а бокалы делают из стекла.

— Рули выдумывает всякую чушь, — сказала Нона.

Ара не стала с этим спорить.

— Может, нам позвать Кетти и Джулу? — Нона кивнула в сторону двух девушек, направлявшихся в аркаду послушниц.

Ара фыркнула:

— Джула? Пить? А Кетти безнадежна в хранении секретов. Ты не можешь знать, сколько раз она чуть было не рассказала кому-то о пещерах. У меня нога болит от того, что я пинала ее под столами.

Нона пожала плечами. У Кетти в городе был мальчик, в которого она была влюблена, и, казалось, она рассказывала ему все обо всем в надежде понравиться.

Они пробрались через склад бочек в заднюю часть винодельни. Рули встретила их на чердаке, где Сестра Дуб хранила всевозможное странное оборудование, якобы использовавшееся в процессе изготовления знаменитого красного вина Сладкого Милосердия, хотя все оно было покрыто толстым слоем пыли и грязи и никто никогда не видел, чтобы его использовали. Сестра Дуб также держала на чердаке около миллиона пауков, судя по завесе паутины. Рули утверждала, что однажды очень маленькая послушница безнадежно запуталась в паутине и была съеден серыми пауками, таящимися во во тьме, в течение седьмого дня.

Рули повела их в помещение, заставленное сушилками:

— Что вы об этом думаете?

Нона уставилась на маленький бочонок, около двух футов высотой, с железными полосами сверху и снизу:

— Я думаю, что его хватятся.

Рули покачала головой:

— В эти дни я веду бухгалтерию для Сестры Дуб. И, согласно книгам, этого бочонка не существует. И я заплатила за него не существующими деньгами — кое-где сэкономила.

— Мы не можем это пить! — Нона уже пробовала вино раньше. Рули стащила полную чашку во время проверки партии. Несколько глотков красного Сладкого Милосердия оказалось достаточно, чтобы у Ноны закружилась голова, и это... бренди используется, чтобы превратить вино во что-то более сильное.

— Конечно, можем. — Рули кивнула, словно соглашаясь сама с собой. — Но не только мы трое. Вечеринка в дорме!

— Ты заслуживаешь кое-чего после того, что пережила, Нона. — Ара сжала губы в сочувственную линию. — Например, вечеринку по случаю возвращения.

— Попробуй немного. — Рули предложила ей один из маленьких железных ковшиков, которые Сестра Дуб использовала при дегустации вина.

Нона почувствовала запах этого вещества еще до того, как поднесла ковшик к лицу, свирепый аромат, похожий на тени и огонь, уколол ее нос. Аромат обещал что-то восхитительное, но опасное. Рули и Ара внимательно наблюдали за ней, когда она поднесла ковшик ко рту. С железным ободком у губ и запахом жжения в горле, Нона заколебалась.

— Давай! — Рули махнула ей, чтобы пила.

Нона сделала глоток. Жидкость обожгла ей язык, такая сильная, что она потеряла ковшик, уже начиная плевать и ругаться.

Три вещи произошли одновременно. Ара с быстротой удара хлыста потянулась, чтобы поймать падающий ковшик. Смех, который Рули сдерживала, вырвался у нее с той же взрывной силой, что и разбрызганный бренди Ноны. И главные двери винодельни с шумом распахнулись.

— ...встретимся с ней здесь. — Голос Сестры Яблоко, почти прямо под ними.

— Почему бы просто не привести ее к настоятельнице? — Голос Сестры Чайник.

На чердаке все три девушки замерли. Нона изо всех сил старалась не задохнуться и не хватать ртом воздух, пары бренди все еще наполняли ее нос и жгли горло, по лицу текли слезы. Рули и Ара обменялись взглядами. Не было ничего необычного в том, что Чайник и Яблоко ускользнули вместе, в поиске уединения, но это явно было что-то другое.

Одна из монахинь закрыла двери, подняв их на провисших петлях, чтобы они не скрипели по бульжнику.

— Никто не понимает ценность лжи лучше, чем Настоятельница Стекло, — сказала Сестра Яблоко. — Но бывают случаи, когда она должна быть в состоянии правдиво ответить вышестоящим властям, что ничего не знает о том или ином конкретном событии. В таких случаях она полагается на меня, и я делаю то, что нужно, не спрашивая ее разрешения и не информируя ее о моих действиях.

Рули первой с кропотливой медлительностью опустилась на чердачные доски и припала одним глазом к щели. Ара последовала его примеру. Нона, уже почти оправившаяся от бренди, переставила ноги, чтобы понадежнее устроиться на прочных стропилах, затем опустилась вниз, тесно прижимаясь к Аре. Она затаила дыхание и молилась, чтобы доски успокоили свои язычки и не выдали ее скрипом или треском.

— Итак, когда... — Стук в дверь прервал вопрос Чайник.

Нона протиснулась мимо Ары и поглядела в щель между выветрившимися досками как раз вовремя, чтобы увидеть незнакомую монахиню, входящую в винодельню. Женщина казалась почти шаром в своем одеянии, почти такой же широкой, как сестра Роза, но более мускулистой. Она выглядела ровесницей Яблоко, ниже обеих сестер, с выпуклым краснощеким лицом, но строгой, человеком, с которым нужно считаться.

— Сестра Горшок. — Яблоко взяла ее за руки, затем отпустила их и повернулась, чтобы представить. — Горшок, познакомься с Чайник.

Две монахини обменялись осторожными кивками:

— Сестра.

— Горшок здесь, чтобы получить нашу помощь с отравлениями в Истине, — сказала Яблоко.

Нона услышала легкий вздох Ары, лежавшей рядом. Ара говорила об убийствах всего несколько дней назад. Для нее они были напоминанием о жизни, которую она бросила, приехав в Сладкое Милосердие. Порочные интриги и элегантное фехтование аристократии, которые из года в год разворачивались на мраморных полах больших бальных залов, на светских свадьбах, помолвках и празднествах богатства. Местах, в которые стекались Сис. Одной из жертв стала ее подруга детства, Джелла Абонсис, дочь третьего в линии лорда Абонсиса. Все, кто до сих пор умер, были в возрасте от пятнадцати до двадцати лет, четыре девушки и старший сын лорда Оверсиса.

— ...пока пять. — Сестра Горшок протянула Чайник свиток, исписанный аккуратно написанными заметками. — Отравлены.

— Симптомы? — деловито спросила Чайник.

— Одышка, спазмы в животе, внутреннее кровотечение. Смерть в интервале от шести до двенадцати часов после начала болезни.

— Возможно, это что-то из семейства курал, — сказала сестра Яблоко. — Определенно, что-то пероральное.

Горшок поджала губы:

— Может быть. Но мы не можем добавить к списку пять мертвых дегустаторов. У нас их нет.

В начале года Ноне рассказывали о рыбах семейства курал. Это было на уроках Тени незадолго до того, как в монастырь приехала инквизиция. Несколько подвидов этой рыбы можно было найти в самых глубоких частях моря Марн, обитающих в полной темноте и проводящих свою жизнь на глубине тысячи фатомов под волнами в скалистых впадинах, разделявших морское дно. И там им разрешили бы оставаться невредимыми, потому что у них был отвратительный вкус и их было чрезвычайно трудно поймать, если бы все рыбы курал не выделяли яд в маленькие мешочки, содержащиеся в их плоти. Это заставляло других обитателей постоянной тьмы держаться от них подальше.

Извлеченный, яд рыбы-курал не имел ни вкуса, ни запаха и был смертельно опасным. Он действовал медленно, но, так как противоядия не существовало, это не имело значения. На самом деле медленно действующий яд необходим, когда цель — представитель высших эшелонов аристократии, и их еда проверяется дегустаторами задолго до употребления.

Однако его широкому использованию, помимо непомерно высокой стоимости, мешало то, что приготовление пищи делало его безвредным, и сама жидкость варьировалась от ядовито-синего до ядовито-зеленого цвета с маслянистым радужным блеском, а это затрудняло ее маскировку в сырой пище.

— Мы говорим о некоторых из самых хорошо охраняемых людей в Коридоре, — сказала Горшок. — О домах, в которые было бы трудно проникнуть незамеченными даже Серой Сестре или ассасину Ной-гуин. Затем успешно отравить еду, предназначенную для одной конкретной цели... и сделать это пять раз за несколько месяцев... Мальчик Оверсис умер в комнате отца-лорда, под одной крышей с двумя магами Академии...

Все три женщины повернулись к главным дверям, когда они со скрипом открылись. Нона попыталась изменить положение, чтобы лучше видеть новоприбывшую, но смогла разглядеть только ее ноги. Кто бы это ни была, она пискнула от удивления, оказавшись лицом к лицу с тремя монахинями.

— Послушница Кетти. Что привело тебя в винодельню? — спросила Сестра Яблоко строгим голосом, которым говорила во время занятий, будучи Госпожой Тень.

— Я... э-э... — Ноги Кетти попятнулись назад. — Простите!

— Послушница! — Повышенный голос Яблоко остановил отступление Кетти. — Сестра Горшок — гостья в Сладком Милосердии. Я не могу позволить, чтобы такая позорная попытка соврать осталась без наказания. Я сама учила тебя лгать. А теперь сделай это как следует. В чем была твоя первая ошибка?

— Э-э...

— Ты снова ее повторяешь. Колебание! Нерешительность, девочка! А теперь ври, черт возьми! Но, если ты начнешь с «э-э», помоги мне Предок, я выбью из тебя правду.

— Я пришла повидать Сестру Дуб, — выпалила Кетти.

— Слишком быстро. Тебе нужно не торопиться, говорить спокойно.

Пауза.

— Скажи это гладко! — потребовала Яблоко.

— Я пришла повидать Сестру Дуб.

— Вот так. В конце концов, не так уж и страшно. — Сестра Яблоко отмахнулась от нее. — Дуб в соборе Предка молится, чему я не удивляюсь. А теперь уходи. И в следующий раз

приготовь ложь прежде, чем откроешь дверь.

Монахини подождали, пока Кетти закроет за собой двери и убежит. Нона решила, что Кетти пронюхала о краже бренди и пришла искать Рули. К счастью, у Сестры Яблоко были дела поважнее, чем проступки послушниц.

— Мы продолжим разговор в моей лаборатории, — сказала Яблоко. — Чайник, ты можешь присоединиться к нам, когда найдешь рекрута.

— Да, Ябби. — Чайник насмешливо присела в реверансе.

Яблоко подняла бровь, лицо ее было суровым:

— Не задерживайся надолго.

Все три монахини вышли из здания, Яблоко повела Сестру Горшок налево, Чайник повернула направо. Двери с грохотом закрылись за ними.

— Уф. — Рули перевернулась на спину.

— Я думала, что нам конец, когда ворвалась Кетти! — Ара поднялась на ноги, отряхивая пыль со своей одежды. Она отхлебнула из ковшика, поморщилась и скривила рот. — Это хорошо. Пронеси кувшин в дормиторий ночью следующего шестого дня, и мы сможем устроить вечеринку. Мы это заслужили после того кошмара на востоке. Алата и Лини не будут возражать, и еще можно пригласить нескольких девушек из Серого дорма.

Нона ничего не сказала, только последовала за Арой, когда та направилась обратно к лестнице. Нона никогда не была на вечеринках, и эта идея показалась ей довольно пугающей. Хотя она решила, что хотела бы увидеть, как Ара выпьет немного бренди, распустит волосы и посмеется, как они смеялись, когда были маленькими.

Нона сошла с последней ступеньки лестницы и уже поворачивалась к двери, когда тихое покашливание привлекло ее внимание к двойному ряду огромных складских бочек.

— Что у нас здесь есть? — Из теней появилась Чайник. Понимающая улыбка играла в одном уголке ее рта. — Нона Грей и Арабелла Йотсис вместе выходят с чердака? — Она протянула руку и выдернула соломинку из золотистых кудрей Ары.

Ара открыла рот, как будто собираясь ответить, но не произнесла ни слова.

Взгляд Чайник метнулся к верху лестницы, где нога Рули возвращалась на чердак с первой ступеньки.

— Вас трое? Это... необычно. — Чайник приподняла бровь. — Приходи и присоединяйся к нам, Послушница Рули.

Рули выдала свое смятение легким вздохом, затем спустилась вниз, явно удивляясь, как Чайник опознала ее по мельканию одного сапога.

— Не хочешь ли объяснить, Нона? — Чайник приблизилась к ней и вопросительно склонила голову набок.

— Мы искали Сестру Дуб. — Это была плохая ложь, но Нона была довольна, что, по крайней мере, не колебалась.

— Сегодня она популярная монахиня. — Чайник задумчиво кивнула. С быстротой хунска она наклонилась к смущающе близко к Ноне, потом ее лицо поднялось с уровня шеи Ноны до уровня линии волос; выпрямляясь, она плавно вдыхала через нос. — И почему, послушница, от тебя пахнет бренди? Может быть, ты дипсоманьяк?

— Э-э... кто?

— Пьяница, Послушница Нона. Алкоголичка. Алкашка. — Она медленно обошла Нону по кругу. — Пьянчужка, гуляка, выпивоха, развратница?

— Нет, Сестра Чайник. По крайней мере, я так не думаю.

— Приятно слышать. — Чайник взяла Нону за плечи и указала ей на дверь. — Тогда ступай.

— Ч... Что? — Нона не могла поверить, что наказание ограничится этим.

— Ты свободна. Вместе с вами. Улетайте, маленькие послушницы. — Чайник махнула им в сторону выхода.

Обменявшись взглядами, три девушки направились к дневному свету.

В последний момент рука Чайник метнулась и схватила Ару сзади за одежду:

— Но только не ты, Арабелла.

— Я? — Ара сумела не пискнуть.

— Да. — Чайник кивнула. — Ты — рекрут.

Нона и Рули вышли на порывистый ветер, моргая от яркого дневного света. Рули захлопнула дверь и закрыла засов:

— Пошли, найдем Кетти и Джулу!

— Что ей нужно от Ары? — спросила Нона, когда они поспешили к аркаде послушниц.

— Разве это не очевидно? — Рули закатила глаза. — С каких это пор две Серые Сестры позволяют послушницам шпионить за собой? Они знали, что мы там, наверху. Они пришли за Арой. Она — та, кто им нужен для расследования этого отравления.

— Ара? — испуганно спросила Нона.

— Конечно! Кто лучше впишется в эти балы и пиры, чем Арабелла Йотсис? У ее дяди больше земли и денег, чем почти у любого из лордов, устраивающих все эти праздники. Им нужно только сказать, что она ушла из монастыря и снова входит в общество.

— Но, — сказала Нона, когда они вошли под арки аркады, — ее отравят!

Рули пожала плечами:

— Имей хоть немного веры! Не то чтобы нас всех раньше не отравляли.

Они сидели с Джулой и Кетти, сгрудившись под центральным дубом, и ждали, когда Ара присоединится к ним. Джула была возмущена тем, что они пили бренди. Кетти была возмущена тем, что она не участвовала в этом. Ни один из них, казалось, не был так обеспокоен, как Нона, тем, что Ару вот-вот втянут в сложную игру по убийству во внутренних кругах Сис.

Колокол прозвонил последний урок этого дня, а Ара все еще не вернулась.

— Пошли! — Кетти поднялась на ноги, вытягивая свое слишком длинное тело. — Следующий — урок Духа.

Рули и Джула вскочили. Сестра Колесо не любила опоздания. Как и многое другое.

Нона вошла в класс последней, все еще оглядываясь через плечо и ожидая, что Ара пробежит через главные двери в Собор Предка.

— Хорошо, что ты присоединилась к нам, послушница. — Сестра Колесо уставилась на нее холодным, ничего не выражающим взглядом.

Вопреки ожиданиям, от Ноны не требовалось ни читать весь катехизис, ни провести час в безмолвной молитве под большим куполом. Ей просто пришлось вынести скуку еще одного урока Колеса вместе с остальными послушницами.

Сидя в конце класса рядом с Рули, Нона испытала, несмотря на всю свою скуку, небольшое озарение. Пока сестра Колесо бубнила, читая строчку за строчкой доктрину из великой Книги Предка, Ноне впервые пришло в голову, что она действительно согласна со

многим из того, что зачитывалось. Несмотря на ее презрение к человеку, читающему эти слова, несмотря на то, что голос, донесшийся до ушей, действовал ей на нервы, послание об единстве и непрерывности имело много достоинств.

Внезапно Нона вспомнила кое-что, что Настоятельница Стекло сказала ей много лет назад. Нону отправила в большой дом сестра Колесо, и вместо того, чтобы выразить раскаяние в своих преступлениях, она воспользовалась возможностью пожаловаться на Колесо сама. Она хотела знать, почему Стекло поручила кому-то вроде Колеса отвечать за то, что Церковь должна считать самым важным уроком, преподанным в Монастыре Сладкого Милосердия. Сама настоятельница справилась бы с этой работой в сто раз лучше, полагала Нона.

— Уроки сестры Колесо сами по себе являются уроком, послушница. — Настоятельница Стекло улыбнулась и встала из-за стола. — Сестра Яблоко учит тебя лгать. Она учит тебя, как продавать ложь. Лесть, доброжелательность и красивые слова часто делают свое дело. Сестра Правило учит тебя истинам о нашем мире, а Сестра Сквородка — истинам о потусторонних мирах. Сестра Колесо, с другой стороны, учит тебя истинам о тебе самой и это то, что труднее всего изучить. Эти истины должны быть усвоены сердцем, а не головой, их нельзя подслащивать, как ложь. Если они должны стать основой веры, они должны быть обнаружены, а не доставлены. Сестра Колесо заставляет вас обнаружить откровение. И не имеет значения, есть ли у нее такое намерение.

Теперь Нона поняла смысл слов Настоятельница Стекло. Или, по крайней мере, часть. Эта женщина всегда прятала одно внутри второго, а второе — внутри третьего. Но дело в том, что немногие люди способны увидеть ценность в словах того, кто им действительно не нравится. Если кто-то, кого ты презираешь, выскажет тебе собственное мнение, ты, скорее всего, начнешь придирается.

— ...испытание на откровения Святого Мрака! — Сестру Колесо остановил звон Брея колокола послушниц.

Нона резко выпрямилась на стуле. Целый урок ускользнул от нее.

— Кто такой Святой Мрак? — прошипела она Рули.

Рули только покачала головой и продолжила запихивать грифельную доску в сумку:

— Пошли!

Ара пришла в dormitorio после последнего звонка, когда остальные ученицы Мистического Класа были уже в ночных рубашках. Девушки стеклись к ней. У Ары не было врагов, только друзья, и Нона не думала, что положение дел было бы иным, если бы она пришла в монастырь нищей, а не с богатством Сис за спиной.

— Семейное дело, — повторила Ара для всего класса. — Настоятельница хотела поговорить со мной. Я уезжаю завтра. По крайней мере, на неделю.

Взгляд, который она бросила в сторону Ноны, ясно дал понять, что это была выдумка, которую ей велели раскрутить, и что с правдой придется подождать.

Ара сбросила свою одежду и была уже в постели, когда Сестра Шрам крикнула с лестницы, чтобы погасили фонари. Для многих девушек выключение света не имело большого значения. Почти все марджалы — даже с самым маленьким прикосновением, как у Ары, — были достаточно хорошими тень-работниками и видели в темноте не хуже любой кошки. Нона, однако, отрезала свою тень и потеряла ее много лет назад, став ночью такой же слепой, как герант. Она лежала на боку, наблюдая за черными контурами бедра и плеча

Ары под ее одеялом. Ждала.

— Тссс.

Нона вздрогнула.

— Ара? — выдохнула она.

Рука протянулась и нашла под одеялом ее руку:

— Пошли.

Каким-то образом Ара незаметно выскользнула из своей кровати, оставив свернутое постельное белье, имитирующее ее фигуру, и подкралась к Ноне. Ара вытащила ее из теплой постели и подтолкнула к ней верхнюю одежду.

Нона позволила вывести себя из дормитория и спуститься по лестнице в прихожую. Она дрожала, ступая босыми ногами по холодному каменному полу. Снаружи ветер завывал над крышами монастыря, стремясь украсть любое тепло. Ара направилась мимо дверей в Серые и Красные дормитории, к выходу.

— Ты не можешь сказать мне здесь? — прошипела Нона, не желая рисковать ночью в одной ночной рубашке и плаще.

Ара покачала головой.

— Фокус скоро будет здесь. — Она усмехнулась.

Нона набралась решимости и приготовилась к холоду, в ожидании сжавшись всем телом. Ара распахнула главную дверь, и они обе выскользнули наружу, в пасть ветра.

Ара шла впереди, ночь была открыта ее взору. Она отвела Нону за скрипторий, туда, где здание стало убежищем. Они прижались друг к другу у большой бочки, которая собирала стоки с крыши.

— Ну? — спросила Нона.

— Я должна вернуться в общество, чтобы поймать того, кто стоит за этими убийствами.

— В одиночку? — в ужасе спросила Нона.

— Нет, глупая. За нами будут присматривать Чайник и еще одна Серая Сестра.

— Нами? — Нона на мгновение почувствовала надежду. Если бы она тоже могла пойти, Аре не причинили бы никакого вреда.

— Есть еще один рекрут. Мальчик.

— О. — Конечно, крестьянской девушке не место на больших балах Сис. Нона ничего не знала ни о танцах, ни о том, как вести себя в компании денег. Ее визит в дом Терры Намсис в начале года показал, что она даже не знала, как поесть под такой крышей. — Это звучит чертовски опасно. — Нона почувствовала бы себя в большей безопасности, наблюдая, как Ара бросается на патруль вооруженных охранников, чем когда ее бросят на произвол судьбы в шелковом платье среди потоков вечеринки Сис. Мало кто мог сравниться с Арой в играх клинка. Но ножи Сис всегда незаметны, почти до того, как плавно войдут меж твоими лопатками. — Ты ничего не должна есть. Или пить. И постарайся ни к чему не прикасаться.

Ара выдохнула. Красное зарево коснулось крыш монастырей, хотя земли под Скалой Веры все еще лежали во тьме.

— Я беспокоюсь не о яде...

— Ну, ты должна!

— ...а о возвращении ко всему... этому. — Ара покачала головой. — Ты знаешь, для чего все эти сборища людей нашего возраста?

Нона моргнула.

— Еда? — Вот о чем она подумала бы, увидев эти огромные столы, стонущие под

серебряными блюдами с виноградом, жареным кабаном, глазированной осетриной, пирожными, изящнее корон. У нее уже потекли слюнки. Вздвогнув, она поняла, как легко ее можно было бы отравить при таких обстоятельствах. — Нет. Тогда для чего?

— Речь идет о том, чтобы выйти замуж. Все мы, юные Сис, знаем, что мы в двух шагах от того, чтобы нас продали какой-нибудь другой семье...

— Продали? — Нону отдали, но всех остальных детей в клетке Гилдзон купил у их родителей. Она и представить себе не могла, что Сис поступают так с детьми, рожденными под их золотыми крышами.

— Они называют это ценой за брак, приданым. Это земли, торговые права, союзы или просто подарки. Но да, продали.

Свет луны превратил ночь в черные тени. Нона почувствовала обещание тепла, когда фокус устремился к ним по Коридору. Она распустила завязки на плаще.

— Ну, Чайник не ожидает, что ты выйдешь замуж. — Нона нахмурилась. — Или ожидает?

Ара рассмеялась:

— Нет. Предок запрети!

— Ну, тогда...

— Итак, все юные наследники Сис идут на это, отчаянно пытаюсь найти пару по любви. Есть вариант заключения брака, который может одобрить семья, с человеком, который действительно нравится девочке или мальчику. В противном случае, они просто хотят узнать, что такое романтика, прежде чем их потащат на свадьбу по сговору.

Нона кивнула.

— Но ничего из этого с тобой не случится. Ты все еще Невеста Предка, в какую бы игру ты ни играла на следующей неделе. — Она склонила голову набок. — Так о чем же ты беспокоишься?

Ара посмотрела вниз. Усиливающееся свечение луны окрасило ее красным, но Нона могла поклясться, что ее подруга покраснела:

— Поцелуй.

— Что?

— Вот что они делают на таких встречах! — Ара яростно нахмурилась. — Я видела это однажды, когда отец взял меня на бал в поместье лорда Амсиса. Мне было девять, поэтому я осталась за столом с мамой, но более старшие наследники... Они танцевали. А потом были поцелуи.

— О. — Нона тоже нахмурилась. — Ну... насколько это может быть сложно? — Ее пугала мысль о танцах, но она предполагала, что у Ары для этого были бы наставники.

— Кетти говорит, что некоторые мальчики хороши в этом. — Ара прикусила губу. — И это означает, что другие плохи. Я не хочу быть плохой.

Нона протянула руку.

— Ты не будешь! Но если это тебя беспокоит, просто не целуйся. — Ей не нравилась мысль о том, что Ара целуется с какими-то мальчиками, которые почти не знают ее. Или танцует с ними.

— Чайник говорит, что мне придется сыграть свою роль. Мне нужно, чтобы мне поверили. И мне страшно, Нона. Я не хочу, чтобы надо мной смеялись.

— Смеялись? — Нона почувствовала, как ее дефект-лезвия впиваются в кожу. Она не позволит никому издеваться над Арой.

— По словам Кетти, Лини показала ей, как это делается. — Ара подняла свои голубые глаза на Нону, когда фокус усилился.

— Что? — Нону окутал жар, но не только из-за луны.

— Кетти хотела сначала попрактиковаться, и Лини...

— Разве Алата жаловалась? — Бледная, рыжеволосая Лини и темная, покрытая шрамами Алата делили одеяла с Серого Класа.

Ара отмахнулась от вопроса. Вокруг них Скала Веры начала поскрипывать от лунного тепла, лужи дымились, черепица на крыше щелкала. С быстротой хунска Ара поднялась, увлекая за собой Нону, их тела выровнялись, глаза на одном уровне, дюймы между их ртами.

— Покажи мне. — Ара взяла Нону за руки.

— Но я сама не умею...

Сладкая мягкость губ Ары заглушила протест Ноны.

Полный фокус луны сиял вокруг них, жар был таким яростным, что растопил ледяные стены высотой в мили. Жар тоже что-то растопил в Ноне. От яркого света у нее закрылись глаза. Холодный огонь языка Ары украл слова, и она крепко обняла подругу, чтобы не упасть.

Нона отпрянула, дезориентированная и сбитая с толку, обнаружив, что находится в слепой темноте.

— Ара? — Поцелуй все еще покалывал ее губы. — Ара? С тобой все в порядке?

— Я промокла, — выдохнула Ара прямо перед ней, но скрытая в ночи.

— Я... — Нона протянула руку, чтобы найти свою подругу. — Я тоже.

Ара вздрогнула. Ее верхняя одежда промокла насквозь.

— Шел дождь?

— Мне кажется. — Нона была такой же мокрой. Каким-то образом она пропустила потоп, который намочил даже ее почти отсутствовавшую одежду. Фокус давно исчез. — Как?.. Как могло пройти так много времени?

— Мы должны вернуться. — Ара казалась встревоженной. — Я не знаю, как долго мы здесь пробыли.

Ара медленно двинулась вперед, шлепая по лужам, которые были глубже и многочисленнее, чем до прихода фокуса луны.

— Это... Это всегда так? — спросила Нона, следуя за ней.

— Надеюсь! — Задыхающийся, слегка нервный смех Ары. — Хотя я так не думаю!

Они добрались до дормитория и прокрались внутрь, дрожа, страстно желая поскорее снять мокрую одежду и лечь в теплую постель.

Никто не окликнул их, и вскоре Нона лежала под одеялом, единственная ночная рубашка висела рядом и сохла, мысли кружились, уверенные, что сон не сможет найти ее до рассветного колокола.

Нона, вздрогнув, проснулась и обнаружила, что ее трясет Рули.

— Ты проспала Брей!

Нона села, зевая, и ей пришлось потянуться к одеялам, чтобы скрыть свою наготу. Все остальные послушницы уже одевались, за исключением Ары, которая, все еще в ночной рубашке, сидела на краю кровати и терла глаза, ее золотистые волосы были в беспорядке.

— Завтрак! — позвала Рули. Слово только еда могла заставить послушниц поспешить.

Нона с трудом влезла в одежду и вышла из комнаты последней, по пятам за Арой. Они добрались до трапезной и обнаружили, что Чайник ждет снаружи. Серая Сестра кивком головы указала в сторону Зала Сердца. Ара свернула, и Нона последовала за подругой, несмотря на тянувшиеся к ней ароматы яиц, бекона и свежего хлеба.

— Только не ты. — Чайник поймала сзади пояс Ноны.

— Это что... — Нона прищурилась, вглядываясь в тени под колоннадой портика Зала Сердца. Спиной к стене стоял высокий мужчина, худощавый и темный. — Регол?

— Другой рекрут. — Чайник кивнул, когда Нона повернулась. — Сис приглашают его на всевозможные собрания. Не как часть их, но как часть зрелища. — Она указала Ноне на дверь трапезной. — Заходи, заходи!

— Но я хочу помочь!

— Ара не нуждается в твоей помощи, Нона. Она уже большая девочка. — Голос Чайник стал немного более сочувственным. — И мы с тобой не можем последовать за ней туда, куда она направляется.

Остаток дня Ноны прошел как в тумане. На уроке Академии уравнения скользили по ней, не оставляя и следа. В классе Сестры Сквородка Нона впервые за несколько недель нашла Путь, сделала слишком много шагов и высвободила силу во взрыве, который потряс башню и оставил серебряные знаки, покрывавшие стены Второй комнаты, светящимися в течение нескольких часов после того, как она ушла. На уроке Меча Сестра Сало отчитала Нону за недостаточную концентрацию. Она заставила Нону сражаться сразу против четырех сокурсников, и Нона оставила их всех стонать на песке, ее мысли все еще кружились между поцелуем прошлой ночи и тем, где сейчас могла быть Ара.

В раздевалке Нона обнаружила, что путь к одежде прегражден Джулой, которая стояла прямо у нее на пути, потирая челюсть и хмурясь.

— Джула? — Нона моргнула.

— Это действительно больно! — Джула попыталась пошевелить зубами. — Что, черт возьми, с тобой происходит, Нона? И куда подевалась Ара?

Нона удивленно посмотрела на Рули. Рули обычно хранила тайну от Джулы примерно столько, сколько требуется, чтобы добежать до аркады послушниц:

— Библиотека скриптория, пять минут.

Джула отступила в сторону и кивнула, все еще двигая челюстью для пробы.

Нона пришла в скрипторий мимо дома настоятельницы, заглядывая во все окна в поисках каких-либо признаков того, что Ара все еще может быть в монастыре. Ни она, ни Чайник не показывались весь день.

Сестра Шрам занимала свое обычное место за передним столом скриптория, склонившись над столом с кистью для миниатюр в руке. Она на мгновение подняла глаза, шрам, по которому она назвала себя, искривил ее рот в оскале, свет фонаря отразился в ее слепом глазу, придавая молочно-белому шару что-то демоническое.

Джула и Рули уже ждали. Джула стряхивала пыль с какого-то тяжелого тома, а Рули крутила на костяшках пальцев метательную звезду, которую она украла из складов Меча — ее бы наказали, если бы об этом узнали.

— Итак, — сказала Джула, со стуком кладя книгу, — что с тобой сегодня? Вы с Арой подрались? И где она сейчас? — Ее глаза расширились. — Не в санатории?

— Что? Нет! — Нона покачала головой. — Мы не подрались. — Она вспомнила

поцелуй и почувствовала, как покраснели ее щеки. — Я не знаю, где она.

— Примеряет платья, я полагаю. — Рули глубокомысленно кивнула. — Они снова превратят ее в принцессу.

Джула моргнула:

— Ты сказала, что ничего не знаешь!

Рули сложила руки на груди:

— Я сказала... О, ты права. Я соврала. Но Нона все равно собиралась тебе рассказать.

— Чайник забрала ее, чтобы расследовать эти убийства Сис. Пятерых наследников. Ее используют как крысу, для проверки ядов. Они отправили ее и Регола туда, чтобы посмотреть, кто в них выстрелит.

— Регола? — Рули изобразила губами поцелуй. — Я слышала, что он — мечта любой девушки.

Джула неодобрительно покачала головой:

— Кетти говорит это о любом мужчине, у которого все еще есть зубы.

— Итак, что мы собираемся с этим делать? — спросила Нона.

— Делать? — Рули нахмурилась. — Этим делом занимается Сестра Чайник. И Сестра Яблоко! Ее называют Отравительницей по известной тебе причине! Она живет ради такого рода дел.

Нона нахмурилась:

— Я не собираюсь сидеть сложа руки и просто ждать, выживет ли Ара. Нам нужен план.

Джула задумалась. Она подошла к стене с книгами напротив двери и приподнялась на цыпочки, чтобы коснуться основания, возможно, самой толстой книги во всей коллекции:

— Спусти ее вниз для меня, Нона.

Нона спустила тяжелую книгу, с удивлением обнаружив, насколько выше Джулы она стала за последние год или два. Том весил больше, чем некоторые новые послушницы Красного Класа. Можно использовать как щит или дубинку, если под рукой нет ничего другого...

— Что это?

— Ну. — Джула открыла обложку. — Дерево Предка растет от стержень-корня через все эти ветви до крошечных зеленых листьев, которые являются нами, танцующими на ветру времени. И ты никогда не найдешь достаточно книг, чтобы все это записать. Но это золотые ветви. Только для нашей империи, только за последние пятьсот или шестьсот лет. Все Сис. Кто кого породил, в браке и вне его. Каждые пять лет сестра Шрам снимает обложку и добавляет новые страницы, чтобы включить недавние рождения. — Она перевернула около четверти страниц вместе, затем еще дюжину, затем еще одну. — И... вот... ветвь Абонсис. Я знаю, что Джеллу Абонсис отравили. И... мальчика Оверсиса?

— Ригана Оверсиса. — Рули кивнула. — Оверсисы владеют правами на порт в Денси. Мой отец должен платить им налоги.

Нона заглянула через плечо Джулы на тщательно прокомментированные диаграммы свадеб, ведущих к потомству, которое затем женилось и породило еще больше собственных Сис, пока поколения не отошли слишком далеко от центральной линии и не были отброшены в небытие незарегистрированных.

— Нас интересуют убитые. Почему нас должно волновать, на ком женились их дедушки?

— Ах, — сказала Джула, делая то же самое лицо, которое было у Сестры Правило, когда она читала лекцию послушницам. — Вполне возможно, что у кого-то в голове сидит дьявол и он убивает этих молодых женщин — и одного молодого человека — ради удовольствия. Однако более вероятно, что он делает это ради какой-то выгоды. А с Сис любое дело — политика. Мы должны посмотреть на последствия каждой смерти. Кто выигрывает, кто проигрывает. Какой дом воюет с каким другим. — Она постучала по книге. — Если за этими убийствами стоит какая-то закономерность, то ключ здесь.

— Я должна была догадаться, как только ты сказала, что надо встретиться в библиотеке. — Рули вздохнула и осела, как будто из нее выпустили весь воздух. — Разве мы не могли бы раскрыть это дело с помощью шпионажа? Залезть в высокие окна? Захватить заложников? Выбить признания?

Джула строго посмотрела на Рули, затем перевела прищуренный взгляд на Нону:

— Выньте доски. Будете записывать, пока я занимаюсь исследованиями.

Джула неустанно работала над огромной книгой, переворачивая страницу за страницей. Некоторые страницы были старыми, потрескавшимися и пожелтевшими от времени, другие — намного более новыми. Рули, как оказалось, знала невероятно много о всех тонкостях вражды семей Сис, о том, кто кого хотел заполучить, какой лорд пренебрегал кем-то другим в последнее время, чьи коммерческие интересы сталкивались с чьими-то еще. Нона обнаружила, что поражена и глубоко скучает от широты ее знаний. Рули приписывала большую часть своей информации универсальным «они», и при нормальных обстоятельствах Нона предположила бы, что девушка выдумала большую часть на месте, но, с Арой в опасности, казалось, что Рули действительно собрала все это как побочный эффект ее пристрастия к сплетням.

Нона, почти ничего не добавляя к процессу, послушно царапала то, что ей было сказано, покрывая свежие графитовые доски паутиной отношений. Сис то, Сис это. Ее глаза затуманились, мысли блуждали, несмотря на ее решимость сосредоточиться, быть в фокусе...

Фокус... Фокус луны. Шорох заполнил уши Ноны. Ее губы помнили тот поцелуй. Ее первый поцелуй в жизни. И с внезапным чувством головокружения она обнаружила, что закутана в шепчущий шелк, что яркий огненно-оранжевый вихрь следует за ней, когда она поворачивается и поворачивается снова, ища, за что бы уцепиться в вращающемся мире.

— С вами все в порядке, госпожа? — Пожилая женщина в простом черном и коричневом взяла обе руки Ноны.

— Я... Я себя как-то странно чувствую. — Казалось, что-то было не так с голосом Ноны. Он звучал не так, как у нее, и слова, которые он произносил, не были теми, которые она произнесла. — У меня закружилась голова.

— Присаживайтесь, госпожа. — Женщина казалась обеспокоенной. — Я ослаблю этот корсет.

Нона села:

— Нет... Нет, оставь так. Мне просто придется привыкнуть к этой чертовой штуке.

Женщина, темноволосая, лет сорока с небольшим, кивнула и отступила назад.

— Ну, вы прекрасно выглядите. — Она помахала рукой, и в поле зрения появились две молодые девушки с высоким зеркалом между ними. — Видите?

Нона встала. Она не узнала женщину в зеркале — высокую, статную, до боли красивую,

ее лицо было накрашено, чтобы подчеркнуть красноту губ и блеск глаз. Серебро и драгоценные камни висели у нее на шее. Украшенные драгоценными камнями гребни превратили ее волосы в реку золота.

Ара? Голос Ноны не издал ни звука. Как это может быть Ара? Платье каким-то образом превратило ее жесткое тело атлета во что-то совершенно другое. Во что-то такое, что принадлежало миру Сис, в невероятную красоту, которая существует только на мраморных полах, под хрустальными люстрами.

— Мы должны снова попробовать зеленое, с жемчугом и твоими волосами. — Портниха хлопнула в ладоши, и из-за черных занавесок появилось еще больше помощников.

Ара обмякла и отвернулась от зеркала, смирившись с судьбой.

Нона, находившаяся в глубине души Ары, наконец поняла. Она уже испытывала это раньше. Полгода назад Нона создала нить-связь с Сестрой Чайник во время торопливой попытки Чайник установить между ними тень-связь. На начальных этапах их связь и была такой: Нона, вызванная без сознательного решения, становилась бесчувственным призраком в сознании Чайник, точно так же, как она была здесь с Арой.

Поцелуй. Это был тот самый поцелуй. Вот почему они обе так долго стояли, потерявшись друг в друге, не подозревая о дожде, который то приходил, то уходил.

Нона не хотела шпионить за своей подругой, но, если она хотела помочь, то должна была знать, что происходит. В любом случае, Ноне было не совсем ясно, как вернуться в свое собственное тело. Она спросила себя, быть может она уснула, свалилась на свою доску и хrapит? Тогда Джула и Рули могли запаниковать и утащить ее в санаторий к Сестре Роза.

Нона сидела на задворках сознания Ары, безуспешно пытаясь привлечь внимание девушки, в то время как Ара, в свою очередь, надевала и снимала платья, каждое ярче и сложнее предыдущего. Нона восхищалась ими так же, как она восхищалась цветами. Она видела их привлекательность, но обнаружила, что истинная красота проще и сильнее. Она обнаружила, что ее сердце больше волнует широкое небо, чем изящная художественность анемона, и что Ара более привлекательна в строгой меч-одежде, чем в кринолине и кружевах, которые стоили больше, чем вся деревня, в которой выросла Нона.

— Кто мог бы устоять перед вами сейчас? — Портниха отошла со своими помощницами, чтобы полюбоваться последним платьем.

Ара пожала плечами. Одежда свисала с нее потоками голубого шелка и серебристой ткани.

— Это хорошо. Я возьму это платье.

— Но, может быть...

— Нет. Это. — Очевидно, терпению Ары в этом процессе пришел конец. Она направилась к занавешенному выходу, швея следовала за ней, все еще болтая об аксессуарах и возможном столкновении с сестрами Гренсис, которые также предпочитали голубое.

Ара вышла в зону ожидания, уставленную плюшевыми креслами. Развалившись в одном из них ждал Регол, одетый в купеческий наряд. Чайник сидела рядом с ним, настороженная и готовая, в глубинах транса ясности.

Регол плавно встал, сбрасывая скуку, как плащ.

— Великолепно! Это та же девушка, которая вошла к вам, мадам От? Наверняка вы поменяли местами послушницу с проходившей мимо наследницей? — Он встретился взглядом с Арой — и с Ноной, — и Нона узнала, каково встретиться с ним взглядом без глаз,

полных полуночи. Она почувствовала, как ускорилось сердцебиение Ары, и поняла, что ее собственное, тоже ускорилось. Регол нес в себе странный магнетизм, возможно, оттенок эмпатии марджала. Чем бы это ни было, оно заставило Нону вспомнить, как она наблюдала за ним в Калтессе, когда он казался намного старше ее, недостижимым, великодушным богом чердака.

— Итак, Арабелла. — Регол предложил ей руку. — Ты готова к сегодняшнему вечеру?

— Нет. — Ара решительно покачала головой, но все равно взяла его за руку. — Я бы предпочла встретиться лицом к лицу с Ной-гуин.

— Чепуха. — Регол ухмыльнулся и направился к двери, в то время как Сестра Чайник передала портнихе много серебряных монет. — Сис не узнает, что их ударило. Если ты не разобьешь три сердца к полуночи, я съем хулу.

— Три — чересчур амбициозно. — Ара издала смешок, которого Нона никогда раньше от нее не слышала, что-то серебряное и звенящее.

Регол наклонил темноволосую голову и коснулся своей груди:

— У тебя уже будет одно, если потанцуешь с кем-нибудь другим.

Нона подняла голову от стола:

— Что?

— О, ты снова с нами, — сказала Джула. — Очень мило с твоей стороны снова присоединиться к разговору!

Рули усмехнулась:

— Ты погасла, как свечка. Не смогли тебя разбудить. И это казалось неправильным — слишком стараться. Тяжелая ночь?

Нона попыталась стряхнуть с себя дезориентацию:

— Это... сложно.

Джула и Рули обменялись взглядами.

Нона открыла рот, чтобы заговорить. Нить-связь казалась чем-то слишком интимным. Тем, чем она не хотела делиться. Даже с самыми близкими подругами. Но Ара шла навстречу опасности, поэтому Нона заговорила:

— Мы с Арой нить-связаны. Я не спала. Я была с ней. В Истине, я думаю. Примеряли платье. Так что, если мы найдем что-нибудь полезное, я, возможно, смогу дать ей знать.

— О, — сказала Джула.

— О, — повторила Рули.

— Тогда давайте работать! — Нона выпрямилась и приготовила мелок.

— Здесь нет никакой закономерности! — Рули сердито отмахнулась от полдюжины переполненных досок. — Ни одной!

— Всегда есть определенная закономерность. — Голос Джулы был усталым, выражение лица — мрачным и напряженным. Она переставила фонарь и посмотрела на закрытое ставнями окно. Если бы выяснилось, что они прокрались в библиотеку после отбоя, возникли бы неприятности. — Мы занимаемся этим всего несколько часов.

— Скорее, несколько жизней. — Рули драматично рухнула на стол.

Нона подобрала несколько отброшенных грифельных досок. Она разделяла разочарование своих подруг. Во всяком случае, ее собственная терпимость к книжной работе была еще ниже, чем у Рули, но жизнь Ары могла зависеть от какой-либо тайны, скрытой в

паутине имен и семей.

— Есть половинные закономерности и четвертные закономерности, — сказала Джула. — Например, ни один из погибших не является человеком, которого Таксисы действительно не хотели бы видеть мертвым.

— Верно, — кивнула Рули. — Но они ничего не выигрывают от их смерти. У них есть разногласия с Абонсисами... но это не кровная вражда или что-то в этом роде.

— Таксисы не обязательно должны стоять за всем плохим, — сказала Нона. Да, Лано Таксис хотел ее смерти, и самым ужасным способом, но это не означало, что он виноват в убийстве наследников Сис в Истине.

— Нам просто нужно быть методичными. — Джула вернулась к главе Оверсис. — Мальчик был убит первым. Может быть, ключ к разгадке — порядок.

— Или, может быть, нам следует забыть о «почему» и спросить «как»? — Рули подняла голову от стола. — Только у меня и здесь нет никаких идей. — Она снова опустила лоб.

— Может быть, здесь нет никакой закономерности, — сказала Нона.

— Всегда есть определенная закономерность. — Джула произнесла эти слова сквозь стиснутые зубы.

— Ты думаешь, какой-то безумец использовал любую представившуюся возможностью? — спросила Рули.

— Яд кажется слишком сложным для сумасшедшего убийцы. — Нона покачала головой. — Но что, если убийца был заинтересован в том, чтобы только один из этих пятерых умер? Что, если остальные четверо просто для того, чтобы скрыть свои мотивы?

— Отлично, значит, теперь нам нужно рассмотреть возможные индивидуальные мотивы для любого из наших пяти убийств? — Джула всплеснула руками.

— Нам нужно больше информации, — сказала Рули.

— Нона, ты можешь сделать это снова? Посмотреть, что происходит с Арой при помощи твоего супер-магического квантал-трюка?

Нона нахмурилась:

— Это нить-связь, и она еще не установлена должным образом. Вероятно, потому, что это произошло как бы случайно.

Рули приподняла бровь:

— Вы обе просто слишком сильно столкнулись друг с другом, направляясь в разные стороны по лестнице? Бам! И теперь ты можешь заглядывать в ее сознание?

Нона опустила глаза, делая вид, что изучает дощечку, которую только что взяла в руки:

— Что-то в этом роде.

Рули протянул руку, взял доску из рук Ноны, перевернула ее правильным образом и вернула ей:

— Ага.

— Я постараюсь. Может быть, я увижу что-нибудь, что даст нам ключ к разгадке. — Нона отодвинулась от стола и подняла руки к голове. — В то же время, возможно, вместо того, чтобы искать закономерность, вам следует искать странность. Убийство, которое пытаются скрыть среди других.

Рули постучал по грифельной доске под названием «Риган Оверсис»:

— Он мальчик...

— Возможно, что-то не настолько очевидное. — Нона замолчала. Ее усилия установить контакт начали приносить плоды. Вспышки картин другого места, увиденного другими

глазами, заиграли в ее глазах, и тело начало казаться далеким, как будто она больше не командовала им.

Внезапно Нона обнаружила, что танцует. Музыка наполнила ее уши. Не хоровое пение монастыря, а глубокая, томная музыка — струны разрывали сердце, флейты пели высокими голосами, лавина звуков, от которой у нее перехватило дыхание. Нона никогда не слышала ничего подобного. И танцы. Она никогда не танцевала, но Ара ступала с уверенной грацией, ее платье из серебра и темного неба кружилось вокруг нее, отставая от изгибов и поворотов тела на один удар сердца. Она двигалась в такт музыке, исполняя формальный набор шагов, таких же организованных, как и оружейные каты Сестры Сало. Каким-то образом Ара добавляла что-то личное — быть может, страсть, — уравнивая их.

У нее был партнер, светловолосый наследник в темной бархатной куртке, коренастый, с нежными карими глазами, которые компенсировали резкость его черт. Время от времени, когда они расставались и снова соединялись, кланялись и кружились, кружились и встречались, глаза Ары скользили по Реголу, танцевавшему в более крупной шеренге, в паре со стройной темноглазой девушкой. Черно-коричневые шрамы на плечах и спине девушки образовывали узор, который привел на ум Ноне шрамы Алаты — еще одно напоминание о землях, затерянных подо льдом, пока человечество все теснее сжималось в сужающихся пределах Коридора.

Ара танцевала, и Нона танцевала внутри нее, присоединяясь к осознанию подругой чуждых ощущений. Все было то же самое, но по-другому. Неловкая обувь на каблуках. Шелест и прикосновение шелка. Тесный корсет, преобразующий тело. Все это пытались изменить и приручить ее, превратить ярость Ары во что-то более нежное, более приятное для глаз окружающих.

Музыка смолкла, и Ара поклонилась своему партнеру:

— Моя благодарность, Чалм.

— Я мог бы проводить тебя в...

— Ара! Ты обещала, что я смогу представить тебя лорду Пемдерсису. — Регол плавно встал между Арой и Чалмом.

Лицо мальчика напряглось от досады. Регол определенно был ниже его по социальному положению, и очень значительно, но его известности в сочетании с весом имени лорда оказалось достаточно, чтобы избежать конфронтации.

Регол увел Ару из танцевального зала в один из многочисленных открытых альковов, где старшие члены Сис стояли и беседовали, наблюдая за деятельностью молодого поколения. Нона оценила зрелище, открывшееся перед Арой. Нона могла быть в монастырской библиотеке, но в то же время она присутствовала на первой вечеринке в своей жизни и на чем-то гораздо более грандиозном, чем дюжина послушниц в дорме, потягивающих запрещенный бренди.

Ара нашла для них немного свободного места, и Регол наклонился к ним, говоря тихим голосом:

— Ну, ты определенно в центре внимания. Каждый достойный холостяк в Истине смотрит в твою сторону. Но, к сожалению, весь этот здоровый интерес маскирует любой нездоровый интерес, который может быть там. Ты видела что-нибудь подозрительное?

Ара рассмеялась:

— Все, что делают Сис, подозрительно. Без интриги они не могут выбрать, какую обувь

надеть.

Нона продолжала смотреть глазами Ары, выискивая признаки опасности. Она отметила, что, несмотря на великолепие особняка, никакой еды не предлагалось, даже напитков. Время от времени кто-нибудь из гостей осторожно вынимал из внутреннего кармана украшенную драгоценными камнями фляжку, отхлебывал из нее и быстро возвращал на место. Нона знала, что на самых богатых из них стоит сигил, предназначенный для нейтрализации ядов. Такие сиилы не могли противостоять каждому токсину, но, даже если убийца каким-то образом испортит содержимое, владелец, скорее всего, не умрет, выпив напиток.

Как же тогда были отравлены пять юных Сис? Как бы ни было трудно сделать это на таком собрании, это было значительно легче, чем в безопасности их собственных домов. Но где могли находиться ассасины? Нона сомневалась, что у кого-либо из Сис были необходимые навыки. Хотя, например, Лано Таксис, поклявшийся убить ее, тренировался с Ной-гуин и изучил многие из их искусств.

В поле зрения появилась женщина, проходившая мимо алькова, еще один изысканный образец грации Сис, стройная и уверенная в себе, ее платье было черным с серебром, черные волосы были уложены на макушке и приручены серебряными гребнями.

— Клера? — Ара выдохнула имя. Нона знала, что Ара, должно быть, ошиблась, но голова женщины повернулась, и, из-под нарисованного очарования ее лица, выглянула Клера Гомал.

Клера даже не замедлила шага, но слегка покачала головой, яростно глядя на Ару в мгновение контакта, и пальцы ее левой руки сделали быстрое прогоняющее движение.

— Это Клера. — Ара повернулась к Реголу. — Человек Шерзал.

— Где? — спросил Регол.

Ара повернулась, чтобы указать, но Клера уже ушла:

— Она та самая! Убийца! Она училась в Сладком Милосердии у Отравительницы, а потом у Ной-гуин. Это ее рук дело!

Нона попыталась это отрицать. Она попыталась заставить Ару ее услышать.

— Видишь его? — Регол мягкими руками направил Ару. — В бархате?

Молодой человек только что вошел в альков в сопровождении небольшой группы женщин. Многие в нем напомнили Ноне Регола. Такой же худощавый и темный, а еще глаза, которые могли быть одновременно горькими и сладкими. В нем было достаточно хищника, и по по ней пробежал предупреждающий трепет. И вдобавок — своего рода красота. У этого мальчика было все, что было у Регола, но он поднялся на новые высоты. Его красота была более мягкой, хотя все еще с жесткими углами. Очевидно, вблизи магнетизм был еще более сильным, поскольку женщины, казалось, беспомощно тянулись за ним по пятам.

— Да, я его вижу. — Ара старалась говорить спокойно, хотя Нона подумала, что на ее месте она бы стала сплошной массой нервов, ладони бы вспотели, а сердце — бешено колотилось. — Я все еще считаю, что мы должны заняться Клерой. — Она еще немного понаблюдала за молодым человеком. — Кто он такой?

— Джордо Ситсис, — сказал Регол. — Недавно приехал в Истину из владений своего отца далеко на востоке. Протеже Лано Таксиса.

— Кажется, он направляется в нашу сторону, — заметила Ара.

— Конечно. Я же сказал, что все заметили твое появление. Джордо всегда почует твой запах. Настоящий дамский угодник, наш Джордо. Каждую ночь новое завоевание.

Ара встретила взглядом с молодым человеком, когда он приблизился, его глаза были поразительно зелеными. Что-то в этом взгляде заставило ее задрожать. Нона была в замешательстве. Ара не могла бояться мальчика, конечно же? Дрожь перешла в сотрясение. Сотрясение переросло в землетрясение. Ноне показалось, что крыша должна рухнуть, но никто из гостей не выглядел даже слегка обеспокоенным...

— Нона! Нона! Проснись! — Кто-то тряс ее.

Нона подняла голову. Левая сторона ее лица онемела:

— Ч... Что?

— Ты спала целую вечность. Мы беспокоились.

В комнате было так темно, что Нона едва могла разглядеть фигуры перед собой:

— Джула?

— Конечно! — Джула фыркнула. — Ты связалась с Арой? Как у нее дела?

— Мы вернули тебя, потому что кто-то только что попытался открыть главную дверь, — прошипела Рули. — Мне кажется, это была Сестра Колесо, она постоянно патрулирует монастырь.

— Расскажи мне о Ситсисах. — Нона отмахнулась от новостей о Сестре Колесо. Она вынесет любые наказания, которые последуют за тем, что ее поймают в библиотеке. Прямо сейчас Ара была в опасности, и это было то, что имело значение. — Ара собирается танцевать с Джордо Ситсисом. Наследник, как мне кажется. Он новенький, и у него были контакты со многими наследницами Сис.

— Ну, как и у многих других молодых лордов... — Джула казалась озадаченной.

— Ты его не видела, — сказала Нона. — Женщин тянет к нему. Как мух к...

— К очень привлекательной мухе? — предположила Рули.

— Очень. — Нона покраснела. — Клера тоже там. Или была...

— Клера! — Рули выпрямилась. — Она и есть! Эта коварная...

Нона покачала головой:

— Я так не думаю. Я думаю, она предостерегла Ару. Жестом сказала, чтобы Ара убиралась оттуда.

— Ты просто слепая, когда дело касается Клеры, — сказала Рули. — И всегда была. Она продала тебя на реке. Продала нас всех.

— Просто посмотри, что есть об этом мальчике Ситсисе, хорошо? — Нона знала, что Рули права, но Клера недавно помогла ей, и она не была убийцей, что бы они ни говорили.

Джула поколебалась, потом взяла фонарь и подвернула фитиль.

— Заслони свет от окна, Рули. — Она торопливо перелистала страницы. — Ситсис... Ситсис... Я бегло проверила их, но они не живут в Истине. И даже близко.

— Он живет у Лано Таксиса. — Нона скривила губы. Во всей империи не было никого, кто желал бы ее смерти больше, чем Лано Таксис, но она не могла понять, как все это могло быть направлено на нее, бывшую крестьянскую девушку, ныне живущую в монастыре.

— Ну, если интересы Ситсисов совпадают с интересами Таксисов, то у него была довольно веская причина желать смерти Джелле Абонсис. Но ничего серьезного против кого-либо из других жертв.

— Ну, тогда вот и твой ответ, — сказала Нона. — Мне нужно вернуться.

— Подожди! — Джула взяла ее за руку. — Не слишком убедительный аргумент. Если записать все дома, которые враждуют с домами хотя бы одного из отравленных... ну... это

будет длинный список.

— Тогда продолжай искать! — Нона сделала глубокий, медленный вдох. — Мне нужно вернуться и посмотреть, смогу ли я с ней связаться. — Она потянулась вдоль нить-связи, и маленькая, тускло освещенная библиотека скриптория медленно исчезла, сменившись блеском и цветом большого бального зала, владельца которого Нона еще не установила.

Ара была в объятиях Джордо Ситсиса. Мгновение спустя она повернулась, оказавшись на пределе их вытянутых рук. Он притянул ее к себе. Лицом к лицу сила его красоты, казалось, подавляла даже музыку. На удар сердца в Ноне вспыхнула ревность, когда тела двух танцоров прижались друг к другу. На удар сердца ей захотелось стать кем-то другим — перестать быть некультурной крестьянской девушкой с совершенно черными глазами, послушницей, которая даже не отбрасывает тени, а стать кем-то, кто бы вписался в яркость и богатство и присоединился к разговору Сис, кем-то, кто мог бы сказать что-то остроумное, заставить других смеяться вместе с ней. Она желала быть той, кто прижимается к этому художавому телу. Она желала быть желанной.

Музыка стихла, и танцоры остановились, затем поклонились друг другу. Глаза Ары осмотрели комнату. Где-то там Сестра Чайник, наблюдает. Скорее всего, где-то высоко. Возможно, на дальней стороне высоких окон над галереей музыкантов. Сестра Горшок тоже может быть где-то в толпе. Компаньонка, уполномоченная следить за тем, чтобы юная любовь оставалась в определенных пределах. Святых Сестер нередко призывали на такое служение. Другие Серые тоже могли действовать, хотя, без официального разрешения настоятельницы, для решения проблемы можно было использовать только ограниченные ресурсы.

Нона, все еще держащаяся за ниточку, осознала, что Джордо не выпустил руку Ары и, вместо этого, наклонился поближе, бормоча что-то удивительно глубоким голосом. Ара, вместо того чтобы освободиться, казалась пришибленной, удерживаемой чем-то большим, чем давление его руки на ее. Нона почувствовала, как у Ары участилось дыхание, как будто оно было ее собственное.

— ...роза вернулась в сады Сис... — Красивые слова срывались с губ Джордо, но Арой завладело не то, что он говорил. Нона знала, что здесь действует эмпатия марджал. В какой-то степени она и сама могла делать так же, но мастерство Джордо превосходило ее, гранича с принуждением, которое время от времени оказывала на людей ее подруга Зоул.

Мальчик наклонился, как будто хотел поцеловать Ару. Внезапно связь между Ноной и Арой усилилась, втягивая Нону глубже в плоть Ары, хотя она все еще не могла привлечь внимание подруги. Подчиняясь эмоциям, которые не до конца понимала, Нона попыталась оторвать Ару от опускающихся губ. Ноне удалось вырвать контроль у Ары в момент удивления, но ей не хватило тонкого контроля, необходимого для элегантного пируэта, который она намеревалась совершить. Вместо этого голова Ары дернулась вперед, сильно ударив Джордо в лицо.

Они оба отшатнулись, Ара пробормотала потрясенные извинения, Джордо зажал рот и нос.

— Мне так жаль... — Ара наполовину потянулась к юноше. — Я не...

Через мгновение Регол оказался рядом с ней, уводя ее от танца.

— Следи за собой, Ситсис! — Его тон был легким, но в нем чувствовалась скрытая угроза. — Этот фрукт не для тебя. — Он подтолкнул Ару под локоть к ближайшей нише. — Он напал на тебя?

— Нет, он... — Ара в замешательстве покачала головой. — Он просто...

— О чем ты только думала? — спросил Регол.

Они остановились у большой каменной вазы, полной цветов, которых Нона никогда не видела ни в лесу, ни в поле. Небольшая группа старших Сис с презрением посмотрела на них с другой стороны ниши.

Регол покачал головой:

— Подобный трюк может настроить их всех против тебя. Ты не сможешь ничего расследовать, если никто не будет с тобой танцевать. И если у твоего последнего партнера сломан нос или отсутствуют зубы...

— Я... я думаю, мной управляли. — Ара нахмурилась. Она уставилась на свои руки, чтобы не встречаться с неодобрением Сис. На краю ее запястья, всего на волосок от того, чтобы потеряться под разрезом рукава платья, лежало маленькое голубое пятнышко. Нона заметила это раньше Ары и попыталась обратить на него внимание подруги. Случайная блеска? Маленькая и блестящая бусинка, сбившаяся с чужого платья во время танца?

Ара, казалось, услышала Нону. Она замерла, затем поднесла запястье к лицу. Не блеска или бусинка, а капля какой-то ярко-синей жидкости. Не голубизна какого-либо неба. Скорее оттенок напомнил Ноне о перьях, которые Сестра Правило когда-то показывала ей, перьях птиц, которые больше не летали над Абетом. Они вели теплую жизнь в глухом лесу, а когда солнце ослабло, лед поглотил их дома. Переливчато-синий, грустный, невозможно синий, но он был здесь.

— Что это? — спросил Регол, тоже заметив каплю.

— Не знаю. — Ара понюхала ее.

Нона знала. Хотя имя, в котором она нуждалась, отстало от понимания, и, когда она наконец произнесла слово, оно сорвалось с языка Ары:

— Курал.

— Что? — Регол выглядел озадаченным.

— Яд рыбы курал. — Ара говорила медленно, ее мысли были заняты другим.

Нона?

Я здесь!

Как ты?..

Мы нить-связаны. Нона попыталась произнести это извиняющимся тоном.

Связаны? Как?

Я... Когда мы...

— Целовались, — сказала Ара.

— Что? — Регол моргнул. — О чем ты говоришь?

— Об этом. — Ара подняла запястье, но понизила голос. — Это очень редкий и очень мощный пероральный яд.

Регол выхватил из верхнего кармана вышитый носовой платок. Ара схватила его за руку.

— Пероральный означает, что мне пришлось бы проглотить это вещество, чтобы оно убило меня.

Регол убрал носовой платок:

— Что, во имя всех чертей, оно делает на твоём запястье?

Ара медленно покачала головой:

— Я не знаю.

Это был Джордо. Нона заговорила в голове Ары.

Джордо?

Да. Должен быть. Каким-то образом. Когда я боднула его головой.

Это была ты?

Э-э... да. Нона не стала дожидаться неизбежного «почему?». Подожди! Она ухватилась за краешек ответа и потянула за него, пытаясь представить себе все произошедшее. Подожди! Он пытался отравить тебя поцелуем!

Поцелуем? Так ты спасла меня?

Я... э... Мне так кажется.

Но это безумие. Ара покачала головой. Регол смотрел на нее, ожидая, что она что-нибудь скажет. Это безумие. Если бы яд был у него во рту, он бы тоже отравился. Нет никакого противоядия от курала... не так ли?

Да. Но... может быть... у него есть какой-то мешочек на нёбе?

Ему понадобится носик, какая-нибудь трубка, ответила Ара. Но как...

Была ли у него щель между передними зубами?

— Нет. — Ара фыркнула.

— Ара? — Регол взял ее за руку. — Тебе нехорошо? Ничего из этого не попало тебе в рот, не так ли?

Итак, мешочек, трубка и обработанный воском рот, чтобы предотвратить всасывание яда, сказала Нона.

— Этот ублюдок. — Ара высвободилась из хватки Регола. — Джордо Ситсис — убийца. Он убивал своих жертв поцелуем.

— Ты уверена? — Регол оглядел бальный зал в поисках мужчины, о котором шла речь.

— Совершенно уверена, — сказала Ара.

— Так что мы должны сказать твоей Сестре Чайник и получить награду, — сказал Регол. — Хорошо. По крайней мере, могут заплатить мне. Ты можешь получить... все, что получают монахини.

— Послушницы.

— И эти тоже. — Регол улыбнулся своей кривой улыбкой. — И не забудь напомнить обо мне Послушнице Ноне.

— Ты должен сказать ей сам, — чопорно ответила Ара. — Ты говорил о ней весь день.

Регол нахмурился:

— Я упоминал о ней пару раз.

Ара закатила глаза:

— Просто скажи ей, что ты чувствуешь. Она может тебя удивить. Или просто выбрось ее из своих мыслей и позволь ей стать монахиней.

И что он чувствует? удивленно спросила Нона.

Ты такая же плохая, как и он, ответила Ара. Даже хуже! Ты не знаешь, чего хочешь. По крайней мере, Регол знает. Он просто слишком напуган, чтобы просить об этом. Я думала, что ринг-бойцы должны быть храбрыми... Он вознес тебя на какой-то пьедестал. Может быть, это привычка.

Нона не смогла скрыть своего потрясения. Если бы это сказал кто-нибудь другой, кроме Ары, она бы подумала, что это ложь и над ней насмеются.

— Итак, давай расскажем Сестре Чайник, — снова сказал Регол.

— Обязательно, — согласилась Ара. — Но прямо сейчас у нас есть разъяренный убийца с полным ртом яда. Он воспользуется им для кого-нибудь другого, прежде чем уйдет, и я

очень сомневаюсь, что Чайник сможет что-нибудь сделать, чтобы остановить его.

Регол поджал губы:

— Я так не думаю. Она кажется очень грозной женщиной...

— Она сможет достать его, как только он окажется снаружи, конечно. — Ара кивнула.

— Но, пока мы здесь, это моя работа. У меня идеальная маскировка. Я — одна из них. — Она подняла руки и посмотрела на свое платье.

— Итак... что мы делаем? Ты собираешься зарезать его в бальном зале? Я не возражаю, но могу вспомнить довольно много лордов, которые через несколько ударов сердца потребуют твоей крови.

— Возможно, мне не придется... — Ара кивнула в сторону главного зала. — Он идет сюда.

Джордо Ситсис пришел один, широко раскинув руки, широко улыбаясь, по-видимому, не пострадав от удара головой.

— Ты пришла в себя, Арабелла? Ты в порядке? Ты меня напугала! — Он коснулся подбородка. — И это был настоящий удар.

— Мои извинения. — Арабелла слегка присела. — Я внезапно почувствовала боль. Возможно, триксит — слишком энергичный танец для того, кто так недавно вернулся в общество.

Улыбка Джордо стала шире. Нона почувствовала, как магнетизм мальчика распространяется, как физическая вещь, подавляя здравый смысл.

— Тогда я вернусь, когда музыка замедлится, и попрошу доставить мне удовольствие от твоего общества в более спокойном темпе. — Он коротко поклонился и отступил в сверкающую толпу, не сказав Реголу ни слова.

— Ты собираешься позволить убийце обнимать тебя? — Возмущение Регола усилилось, когда вместо ответа Ара повернулась и ушла. — Подожди! Куда ты направляешься?

Ара прокладывала путь между лордами и наследниками, кивая этой великой леди, этому великому лорду, обмениваясь улыбками с младшими Сис, которые когда-то была ее детскими товарищами по играм. Регол последовал за ней, молча кипя от злости. Она прошла под аркой, по коридору, и мгновение спустя они, дрожа, остановились на балконе с видом на Истину, темноту нарушали только бесчисленные точки света, лившегося из окон домов.

Она повернулась, взметнув шелка, и встретила лицом к лицу с Реголом:

— Я собираюсь сделать больше, чем просто потанцевать с ним. Я собираюсь позволить ему поцеловать меня.

— Это безумие! Ты не можешь...

Темная фигура поднялась рядом с ними, сбрасывая тени.

— Объяснись, послушница. — Привычная улыбка исчезла из глаз Сестры Чайник, сейчас это была Серая Чайник, вся деловая, вся убийственная.

— Наш убийца — Джордо Ситсис. Он собирается сделать меня своей следующей жертвой. У него во рту мешочек с ядом курала, и он отравляет свои жертвы во время поцелуя.

— Мы можем задержать его снаружи, после окончания бала, — сказала Чайник.

— Но у него все еще есть яд. Он просто убьет им кого-нибудь другого, — сказала Ара.

— Мы не можем действовать сейчас. Вокруг слишком много лордов. И лорд Венсис хорошо охраняет это место. — Чайник взглянул на купол, изгибающийся над ними. — Есть и другие, которые тоже наблюдают. Я чувствую их... Другие, которые гораздо опаснее любого

стража Венсиса.

— Я могу обратить против него его собственный метод, — сказала Ара. — Если я тоже обработаю рот воском и прикреплю короткую иглу к языку, я смогу проколоть мешочек. Тогда все, что мне нужно сделать, — заставить его проглотить.

Чайник покачала головой:

— Слишком опасно.

— Я готова. — Ара сжала кулаки. — Мы не можем просто позволить умереть еще одному невинному. Мы — хорошие ребята.

При этих словах темные глаза Чайник расширились, и на мгновение тень улыбки скользнула по ее лицу:

— Это никогда не бывает так просто, Ара.

— Я справлюсь. — Ара твердо встретила ее взгляд.

Чайник вздохнула:

— Мне кажется, ты не понимаешь, насколько сложно то, что ты предлагаешь. Тебе потребуется значительная... оральная ловкость.

Ара опустила глаза и стиснула зубы:

— Я справлюсь.

Чайник снова вздохнула и взглянула на Регола, который молча стоял у плеча Ары:

— Это потребует некоторой тренировки.

Чайник развернула два набора из широкого пояса со множеством карманов, надетого под верхней одеждой. Серые Сестры несли в поле самое разнообразное оборудование. В первом наборе было много иглонок, ниток и крошечный тюбик плоть-бинта. Во втором хранилась коллекция миниатюрных баночек с различными защитными кремами, мазями и воском, предназначенным для защиты кожи от ядов. Горшочек с воском содержал несколько доз жидкости, которую надо было всосать и оставить во рту, после чего кожа внутри покрывалась воском, предотвращающим — или, по крайней мере, уменьшающим — впитывание токсинов в организм.

— Высунь язык, послушница. — Чайник наклонился с маленькой деревянной лопаточкой, измазанной плоть-бинтом. Она также держала последнюю четверть иголки, которую отрезала при помощи ножа из Ковчег-стали. Нож ей подарили, когда она взяла Серый.

Ара высунула язык.

— Когда это приклеено на место, оно так легко не оторвется. Будет трудно как найти и проколоть мешочек с ядом, так и не поцарапать Джордо, тем самым предупредив его о том, что происходит.

— Тогда мы должны сначала попрактиковаться без иголки, — сказал Регол. — Иначе у меня будет полный рот крови и ленты вместо языка, прежде чем она освоится.

Чайник поджала губы:

— Согласна. Но поторопитесь. У нас нет в запасе всей ночи.

Мне пора идти, сказала Нона в голове Ары, когда ее подруга повернулась лицом к высокому ринг-бойцу.

Не смей оставлять меня с ним наедине!

Но... это неправильно. Мы его обманываем, сказала Нона.

Ерунда. Это тебя он хочет поцеловать.

Нона фыркнула. Столкнувшись с золотой Арабеллой Йотсис, туго закутанной в струящиеся шелка, ни один мальчик на Абете не пожелал бы неряшливую послушницу с темными глазами.

— Вот так? — Ара потянулась к Реголу.

Регол резко отступил назад:

— Он ожидает, что будет действовать первым и мысленно подавит твою оборону.

Ара склонила голову набок:

— Ну, тогда действуй.

Регол нахмурился. По-видимому, он чувствовал себя неловко, когда не был главным:

— Я... э-э...

Ара закатила глаза. Нона, прятаясь за этими глазами, чувствовала себя гораздо менее уверенно. Она все еще не могла поверить, что Реголу было интересно говорить о ней, когда он держал под руку Ару. Вероятно, это был какой-то трюк, способ успокоить Ару, поговорив о ком-то, кого они оба знали. Это звучало гораздо более правдоподобно.

Внезапно Регол оказался намного ближе, чем должен был быть, быстро наклонился вперед, одной рукой обняв Ару за плечи и поддерживая ее. Его лицо еще больше приблизилось, теперь Нона чувствовала его запах, что-то от Калтесса, все еще узнаваемое под лавандовой водой, которую использовали многие наследники Сис, что-то более близкое к деревенской хижине, чем к дворцовому залу, и более честное.

Регол встретился взглядом с Арой. Ара нахмурилась и хотела поцеловать его, но он покачал головой:

— Это сделает Джордо.

Поэтому Ара встретилась с ним взглядом, и, хотя ее голубые глаза встретились с темными напряженными глазами Регола, Ноне показалось, что он увидел ее. Глаза Регола расширились в мгновенном замешательстве, затем рука Ары легла ему на шею, притягивая его вниз, и он поцеловал ее.

Ара быстро отстранилась и вытерла губы:

— Сделано.

Регол казался смущенным:

— Неужели я действительно так много говорю о Ноне...

— Нет, нет и еще раз нет. — Чайник встала между ними, качая головой. — Ты не можешь просто щелкать языком, как гадюка с кровью хунска. Вошла, потом вышла и закончила. Он сразу поймет, что ты задумала.

— Почему это будет иметь значение? — спросила Ара, проводя языком по зубам. Казалось, ей нравилось целоваться с Реголом гораздо меньше, чем Ноне.

— Ну, для начала он просто выплюнет яд, — сказал Регол.

Сестра Чайник кивнула.

— Сделай это еще раз, послушница, и играй роль. Пусть Джордо думает, что убил тебя. — Она отступила назад и помахала им обоим.

Ара пожала плечами, затем снова положила руки на бока Регола.

— Никаких быстрых входов и выходов. Пусть он думает, что прикончил меня. Поняла. — Она поджала губы. — Готова.

Регол покачал головой, стараясь не улыбнуться.

— Монахини... — Он наклонился и нежно коснулся ее губ своими, прежде чем углубить поцелуй.

Ара наклонилась к нему, открыв рот, отдаваясь процессу. Нона поймала себя на том, что вспоминает поцелуй, который связал их нить-связью, поцелуй, который был почти украден из ее памяти высвобожденной магией. Она обнаружила себя нарушительницей, виновной в худшем вторжении, но Ара не отпустила ее. Хуже того, оказавшись между двумя сторонами, она не была уверена, на какой стороне уравнения хотела бы быть.

Поцелуй продолжался. Нона обнаружила, что вовлечена в него больше, чем Ара или Регол, которые, казалось, считали это необходимой, но не особенно желанной работой. Отсутствие химии между этой парой одновременно и радовало, и удивляло ее. Ара, казалось, чувствовала себя особенно неловко, но она продержалась еще немного, прежде чем нашла свою цель, а затем медленно отстранилась.

— Лучше? — спросила Ара.

— Лучше. — Регол кивнул. — Но будет еще лучше, если ты не будешь вытирать рот сразу после поцелуя. Попробуй притвориться, что тебе это понравилось.

— Прости! — Ара быстро опустила руку.

Регол ухмыльнулся и покачал головой:

— Не смотри так обиженно. Я знаю, что я не в твоём вкусе.

Ара усмехнулась в ответ:

— Давай попробуем еще раз. С иголкой.

Потребовалось еще три попытки, прежде чем Ара смогла убедительно поцеловаться и проткнуть мешочек с ядом. Реголу, казалось, с каждым разом это нравилось все больше и больше, как и Ноне, что приводило ее в смятение и замешательство.

Чайник была уверена, что Джордо прикрепил мешочек с ядом к нёбу:

— В любом другом месте это потенциально проявилось бы, а также было бы уязвимо для ударов и толчков.

— И бодания, — пробормотал Регол.

— Главное, — подчеркнула Чайник, — не глотать. Не глотать! Но пусть он ничего не подозревает. И тебе нужно будет как можно скорее прополоскать рот. Он тоже постарается не глотать и тоже захочет прополоскать рот. Но если он подумает, что весь яд был впрыснут в тебя через трубочку, тогда он будет менее осторожен, и смертельная доза все равно сможет просочиться ему в горло.

Ара кивнула, серьезная и сосредоточенная. Нона могла сказать, что она была напугана. Но как бы ни была напугана Ара, Нона боялась за свою подругу в десять раз больше.

Нона рискнула вернуться в свое тело, в полумрак библиотеки скриптория. Она подняла голову от стола и увидела, что Джула и Рули изучают груды дощечек.

— Что-нибудь еще? — спросила она, немного неуверенным голосом, собственное тело казалось ей странным после нескольких часов, проведенных с Арой.

— Ничего. — Джула положила свою доску с такой силой, что едва не разломила ее пополам. — Мне кажется, мы упускаем что-то важное. Либо это, либо пять человек действительно были убиты из-за бессмысленных прихотей. Либо Джордо Ситсис не убийца...

— Убийца, — убежденно сказала Нона.

— Ну, даже если это не так, тогда у нас ничего нет. Между пятью мертвецами нет никаких связей, похоже, это случайная выборка.

Рули молча смотрела на свою доску с тех пор, как Нона подняла голову. Теперь она озадаченно подняла глаза:

— Что, если убийства случайны, но не бессмысленны?

— Как убийство того, кто не находится у тебя на пути, может не быть бессмысленным?

— огрызнулась Джула.

Рули пожалала плечами и отложила грифельную доску:

— Может быть, убийца просто хотел, чтобы было следствие.

— Зачем кому-то это нужно? — Раздражение Джулы исчезло.

— Чтобы доставить Серых Сестер туда, где сейчас находятся Чайник и Ара, — сказала

Рули.

Ноне никогда не приходила в голову мысль, что Чайник и другая Серая могли быть намеченными целями с самого начала. Она передала информацию по своей нить-связи Чайник, зная, что позднее ночью такое сообщение станет для Серой Сестры полной неожиданностью.

— Я должна вернуться! — Она обхватила голову руками и закрыла глаза. Чайник, возможно, смертельно опасна, но Нона все еще беспокоилась о ее безопасности.

Рули хмыкнула:

— Итак, она снова уходит. Как получается, что Нона идет на роскошную вечеринку, а мы напрягаем глаза, читая о высоких и могущественных, с которыми она танцует?

— Тебе лучше читать, юная послушница, — сказала Джула тоном Сестры Колесо. — Мирские обычаи — пятно на совершенстве Предка.

— Я думаю, Ноне следует... — Рули замолчала. — Подожди. Ты все еще здесь, не так ли?

Нона повернула голову и приоткрыла один глаз:

— Может быть...

— Теперь это просто нечестно. Из тебя вышла бы отличная Серая Сестра! — Рули нахмурилась.

— Извини. Просто на этот раз все не так просто. — Нона снова закрыла глаза. — Я думаю, что слишком старалась.

— Я читала, что надо думать о том случае, когда вы установили связь, — сказала Джула. — Это помогает.

— Есть ли что-нибудь, о чем ты не читала? — спросила Рули.

Но если у Джулы и был ответ, Нона его не слышала. Воспоминание о поцелуе под фокусом луны уже вернуло ее к Аре.

Музыка, доносившаяся из большого бального зала, приобрела более медленный и интимный тон. Час был поздний, и фокус луны скоро должен был пройти. Снаружи темными рядами стояли экипажи, ожидая, чтобы вернуть Сис в свои особняки. Лошади негромко ржали между стойлами, где-то в ночи черный жаворонок изливал свое сердце плавными трелями, наполненными трагической красотой.

— Рули думает... Я хочу сказать, я думаю, что, возможно, убийца пытается выманить наружу Серых Сестер. Ты можешь стать мишенью, Чайник. — Ара повторила предупреждение, которое Нона дала ей по прибытии.

— Пора возвращаться.— Регол потянулся к руке Ары.

— Рули думает? — Чайник изогнула бровь. — Возможно, она действительно так

думает. В любом случае, я буду наблюдать за вами. И охранять вас. — Чайник осталась на балконе, когда они ушли.

— Какое сообщение ты хочешь, чтобы я передала Ноне? — спросила Ара, когда они подошли к бальному залу.

Ара! Что... Я имею в виду... Заткнись! крикнула Нона.

— Я... — Регол казался озадаченным, даже оробевшим. Совсем не похоже на Регола. — Я не знаю, что ей сказать, когда мы лицом к лицу, так почему сообщение должно быть проще? — Он вздохнул. — Есть только... это то, что у нее есть... Я не очень хорошо говорю, но есть такое...

— Искра. — Ара поморщилась, когда ткнула иглой, прикрепленной к языку, в верхнюю губу.

— Да! Искра! Вот подходящее слово. Как будто в любое мгновение она может вспыхнуть. Как будто она может сделать все, что угодно. Ты знаешь? Я... ну... у нее это есть, и это меня притягивает.

Двери замаячили перед ними, и музыка стала громче, когда два швейцара открыли им дорогу. За ними ожидала сверкающая толпа.

— Так и есть. — Ара отпустила руку Регола и пошла впереди него.

Потребовалось всего несколько минут, чтобы появился Джордо Ситсис. Он пробрался сквозь толпу зрителей, еще раз представился Аре и изящно предложил ей руку.

— Я верю, Арабелла, что музыканты играют нашу песню. — Его принуждение марджал окутало ее теплым одеялом, которое заставляло принимать его так легко. Страхи Ары рассеялись, как туман перед солнцем.

Помни, что ты должна сделать, подсказала Нона, хотя она тоже чувствовала силу магнетизма мальчика.

Ара взяла Джордо за руку и позволила увлечь себя в медленный водоворот пар, каждая из которых была островом из двух, связанных мягкостью музыки. Она ничего не говорила, возможно, опасаясь, что может уколоться коротким кусочком острой стали, прикрепленным к кончику ее языка. Вместо этого она обвила партнера руками, когда он, в свою очередь, обнял ее за талию, затянутую в корсет.

Нона смотрела глазами Ары, стараясь не поддаваться гипнотической красоте ее партнера. Ноне казалось безумием утверждение Регола, дескать она, Нона, обладает каким-то похожим притяжением, которое действовало только на него. Она изучала танцоров так же внимательно, как и Джордо. У него могли быть сообщники в толпе, и, хотя у Ары было только два глаза, ей служили два разума, изучавшие то, что показывали глаза.

В танце все еще были па, но они казались менее формальными, более открытыми для повторения и развития. Каким-то образом десяткам пар, перемещающихся по узорчатому полу, удавалось пройти друг мимо друга без столкновения, словно существовала взаимосвязь множества танцоров, движущихся под одну и ту же мелодию. Он нервного напряжения у Ары пересохло во рту, она чувствовала себя неприятно восковой из-за защитного раствора, которым прополоскала рот, но все равно танцевала хорошо.

Джордо притянул Ару ближе, бормоча что-то о голубизне ее глаз. Ноне казалось ужасным преступлением лгать кому-то в глаза, скрывая убийство в акте любви. Быстрая жестокость боя была чем-то, что она очень хорошо понимала, но эта медленная ложь, эта паутина обмана, использующая все инструменты любви и обольщения... это ранило ее

сердце и заставляло страдать. Пока Джордо нашептывал Аре на ухо сладкие и щекотливые пустяки, Нона решила, что ей не хватает стали, чтобы принять Серый Цвет и стать Сестрой Благоразумия. Хотя у нее были секреты и она лгала, это никогда не давалась ей легко и всегда оставляло горький привкус.

— ...хочу поцеловать тебя... — пробормотал Джордо и наклонился, чтобы сделать именно это, заключая Ару в клетку своих рук и усиливая свое принуждение к ее воле. Вопреки утверждению Регола, он не остановился, чтобы посмотреть Аре в глаза. Возможно, мальчик был недостаточно бездушен, чтобы встретиться взглядом со своей жертвой так близко к акту убийства.

Ара уступила наступлению Джордо так же, как она тренировалась с Реголом. Нона чувствовала напряжение в теле Ары. Это совсем не походило на поцелуй с Реголом, который им обоим нравился. Несмотря на свою внешность, Джордо был отвратительным существом, и позволение ему даже прикоснуться к ней, не говоря уже о том, чтобы разделить интимность поцелуя, заставляло Ару корчиться от отвращения.

Осторожно! бесполезно посоветовала Нона, когда губы Джордо встретились с губами Ары. Она была благодарна, что Ара была главной, проявляя сдержанность. Если бы это была Нона, то Джордо уже отшатнулся бы назад, его горло и живот были бы вскрыты ее дефект-лезвиями, и к черту все последствия.

Ара прикрыла иглу зубами и позволила Джордо вторгнуться. Сестра Сало научила их преимуществу тактического отступления, позволяющего врагу перенапрячься. Не было никаких признаков того, что Джордо наполнил рот Ары ядом. Он, вероятно, подождет до самого конца поцелуя, чтобы свести к минимуму яд, который получит сам. Но, поскольку жидкость была невелика по объему, безвкусна и имела температуру тела, ее было бы очень трудно заметить, даже если бы кто-нибудь стал ее искать.

Холодная уверенность овладела Ноной, ужасающая мысль, которая вырвалась из темноты разума и глубоко вонзила в нее свои зубы.

Дело совсем не в Чайник! Это ты, Ара! Все дело в тебе. Он убил всех остальных, чтобы доставить тебя сюда! Нона знала, что была права. Кого еще монастырь мог послать в такое место?

Меня? Зачем кому-то понадобилось меня убивать?

Раньше, чем, возможно, ей следовало бы, Ара высунула язык вперед со скоростью хунска и прочертила линию, которая поцарапала бы небо Джордо, если бы ничто не остановило иголку. Она почувствовала какое-то напряжение, как будто иголка вонзилась в плоть или кожу мешочка с ядом.

Сохраняя твердую решимость не глотать, Ара без предупреждения отстранилась от поцелуя, лишив Джордо шанса доставить свой яд.

— Мои извинения, — сказала Ара, — я ужасно плохо себя чувствую. — Она повернулась, чтобы уйти.

— Подожди. — Джордо схватил ее за руку гораздо сильнее, чем позволяли приличия. На его красивом лице был намек на уродство.

Он — орудие Лано Таксиса, сказала Нона. Они притянули тебя сюда, чтобы причинить боль мне. Это месть за его отца. Пытка, которую он пообещал мне! За много миль отсюда тело Ноны содрогнулось. *Он сказал, что будет отрезать от меня кусочек за кусочком. И кем была Ара, если не кусочком ее сердца?*

— Еще один поцелуй. — Джордо притянул Ару к себе. Они все еще двигались в такт

музыке, покачиваясь в потоке танцующих. Теперь на лице Джордо появилась некоторая жесткость.

Он не глотает, сказала Нона, боясь не за себя, а за Ару.

Регол тоже будет в беде, сказала Ара. *Они узнают о вас обоих.*

Нас обоих? Что такое нас обоих? Нет нас обоих! Но даже когда она протестовала, Нона знала, что что-то есть и что они убьют Регола, с его внешним обаянием и скрытой нервностью. И она также знала, что не может этого допустить.

Тебе нужно выплюнуть любой яд, сказала Нона.

Не раньше, чем он проглотит! возразила Ара.

Джордо наклонился для второго поцелуя, обеими руками обхватив Ару, его сила была больше, чем у нее. Нона предположила, что Ару парализовал какой-то детский инстинкт, приличия Сис, страх скандала, страх опозорить свой дом. Нона не испытывала таких колебаний. Она взяла под контроль ногу Ары и ударила коленом в пах Джордо. Сильно.

Джордо отшатнулся, издавая слабые задыхающиеся звуки, когда внезапная боль захлестнула его голос. Нона с удовлетворением отметила, что в конце своего первого долгого вдоха он сглотнул.

Иди! Найди Регола и убирайся отсюда! Беги!

Джордо рухнул на колени, зажав обе руки между ног, затем повалился на бок. Это зрелище подтолкнуло Ару к действию. Она переступила через него и выплюнула полный рот слегка синеватой слюны, прежде чем поспешить прочь сквозь толпу танцующих. Все Сис вокруг Джордо остановились, осознание того, что что-то не так, стало распространяться по залу. Однако Ара двигалась быстрее и через несколько мгновений схватила Регола за руку:

— Все сделано. Нам нужно уходить. Быстро!

Регол нахмурился.

— Мне кажется, что яд подействует через несколько дней. Верно? Поспешное бегство будет выглядеть подозрительно. — Хотя, к его чести, он уже двигался, даже когда протестовал.

— Мне пришлось ударить его коленом. И Нона думает, что мы — мишени, ты и я.

— Почему? — Они уже выходили из бального зала, швейцары отвесили короткие поклоны, закрывая за ними двери.

— Это Таксис. Он пытается причинить ей боль и...

— Подожди. Что? Нона сказала тебе это? И ты говоришь мне об этом только сейчас?

— Для меня это было новостью. — Ара поспешно повела их по длинной галерее, которая, как предположила Нона, вела обратно к главному входу.

— Нона здесь? — Регол казался озадаченным. — Наблюдает за нами с Сестрой Чайник?

— Угу... что-то в этом роде. — Ара оглянулась через плечо. Группа мужчин в темном вошла в галерею и быстро приближалась к ним. — Нам нужно бежать.

Пока она говорила, впереди них открылась боковая дверь. Еще больше людей, которые, как подозревала Нона, были личной охраной Лано Таксиса, начали выплескиваться в галерею; все они были одеты в черное и без знаков различия дома. В свете лампы блеснули лезвия ножей. Первые двое были огромными, по меньшей мере герантами пол-кровками, ростом более семи футов и мускулистыми.

— Нам придется с ними сражаться, — сказала Ара.

— С помощью чего? Резких выражений?

— Ну, у меня действительно острый язычок... — Ара поднесла руку ко рту и вытащила

иглу за острие.

Регол остановился и поднял кулаки. Нона знала, что он хорошо покажет себя даже безоружным. Но охранники, приближавшиеся к ним с обеих сторон, выглядели хорошо обученными.

— Лано это с рук не сойдет! — Ара повысила голос, для приближающихся охранников. — Только не под чужой крышей. За это придется заплатить чертовскую цену!

Нона задумалась, где же охранники того, кому принадлежал этот особняк. Она устроилась на задворках сознания Ары, зная, что ее подруга — смертоносный воин. Против дюжины обычных охранников Ара, скорее всего, одержала бы верх, даже безоружная и столкнувшись с ножами. Но качество этих врагов еще предстояло узнать.

Охранники молча бросились на них сзади и спереди. Регол присел на корточки и заплел ноги двум мужчинам. Ара подпрыгнула, ударив правой ногой в грудь одного охранника и, одновременно, левой в лицо охраннику, напавшему на нее сзади.

В следующий удар сердца Ара и Регол оказались среди врагов. Ара схватила за руку одного охранника и направила его на другого, потом ударила локтем женщину с жестким взглядом в горло, сбила с ног другого мужчину сокрушительным ударом ноги в колено. У некоторых врагов была кровь хунска, но скорость Ары все равно застигла их врасплох. Она вывернула нож из руки охранника, запястье которого только что сломала, и бросила его в бородатого геранта, пробивавшегося к ней. Клинок ударил того в глаз. Еще одно лезвие прочертило горячую линию вниз по ее руке, разрезав платье, пока она изгибалась.

Теперь у Регола было два ножа, и он использовал их, чтобы взобраться на геранта, прежде чем нырнуть в гущу еще большего числа врагов. Его тело было покрыто кровью, но была ли это его кровь, Нона не могла сказать.

Еще больше охранников присоединились к сражению. Нона понятия не имела, как Лано Таксис смог собрать на месте так много своих собственных войск или какое оправдание он мог бы предложить императору за резню, но сейчас для Ары и Регола было важно выжить. Ара была смертоносной и способной, но ей все еще предстояло окончить Мистический Класс, а затем Святой Класс, прежде чем она пройдет испытание мечом и станет Красной Сестрой. Как бы она ни крутилась и ни поворачивалась, это будет лишь вопросом времени, когда один из этих ножей, летевших к ней со всех сторон, погрузится по рукоятку в ее тело.

Иди по Пути. Это единственный выход, крикнула Нона.

Не могу. Ара боролась в трансе безмятежности, но ей было слишком трудно найти дополнительное спокойствие, в котором она нуждалась. Каждая клеточка ее тела была натянута до предела, двигаясь по морю тел, не позволяя ни одному из мерцающих лезвий ножа дотянуться до нее сквозь тонкое платье.

Позволь мне сделать это для тебя!

Ара ничего не ответила, но Нона почувствовала ее страх. Ни один из них не знал, как это будет работать, кто сможет овладеть силой, которую Нона принесет с Пути. Но Нона знала только одно — через дюжину ударов сердца Регол и Ара будут мертвы, несмотря на бойню, которую они устроили среди врагов.

Ноне не нужна была безмятежность, чтобы найти Путь. Ей не нужен был период спокойного созерцания. Или даже нескольких глубоких вдохов. Ей было нужно только одно — пылать от ярости. Еще одно лезвие полоснуло по ребрам Ары, и Нона была там, мчась по Пути так быстро, что, казалось, она летит.

Ярость Ноны заставляла ее бежать, но, хотя она хотела взять так много энергии, чтобы

сравнить с землей особняк и превратить всех в нем в горящую скорлупу, она знала, что ни она, ни Ара не могли обладать такой силой. С проклятием она бросилась прочь всего через несколько шагов, кувырнувшись с извилистых поворотов Пути в темноту, которая должна была привести ее обратно к Аре.

— Нона! Какого ч...

Джула отшатнулась, закрыв лицо руками. Четыре шага заставили плечи Ноны упереться в полки. Свет, исходящий от кожи Ноны, отбрасывал угольно-черную тень Рули на ряды ярко освещенных книг, когда она тоже в смятении отступила назад. Еще несколько мгновений, и корешок каждой книги начнет тлеть. Из высокого окна библиотеки, застекленного единственным листом драгоценного стекла, в ночное небо ударил луч белого света.

— Нет! — Нона взвыла. — Не здесь!

С необузданной силой Пути, сотрясающего ее, она попыталась сосредоточиться на поцелуе, который теперь казался таким далеким, таким давним. Она видела два мира, один лежал поперек другого, раскаленную библиотеку и залитую кровью галерею, где Ара и Регол сражались за свои жизни.

Нона потянулась к Аре, и внезапно два мира превратились в один. Ара ахнула и напряглась. Один нож вонзился ей в живот, другой — между лопаток. Она выпрямилась, ее плоть начала светиться розовато-золотистым светом. Ни одно оружие не пронзило ее кожу, несмотря на желание врагов ее убить. Ее окутали доспехи Пути.

Ара вложила всю свою энергию в скорость и прошла сквозь ассасинов Таксиса, как будто они стояли без движения. Свет, льющийся от нее, осветил врагов, обнажая застывший ужас на лицах людей, пойманных в ловушку мгновения. Те, кто стоял у нее на пути, разваливались на части, как будто были гнилым мясом, едва способным удержаться на ногах.

Регол, сражавшийся со скоростью полн-кровки хунска, сумел медленно повернуться и в шоке уставился на Ару, пришедшую ему на помощь. Она вонзила ногу в ближайшего из нападавших, как будто тот был не более чем кучей снега. Удар послал волны, пробежавшие по плоти следующего нападавшего, дробя кости везде, где они были.

— За мной! — Ара повернулась, отбросив опускающийся нож в сторону с достаточной силой, чтобы сломать лезвие.

Она пошла впереди по галерее, оставляя за собой трупы. Регол последовал за ней, нанося удары руками и ногами любому, кто остался стоять. Они прошли через двери в дальнем конце и оказались в большом вестибюле почти до того, как тела тех, кого Ара убила первыми, успели упасть на пол.

На темной площади в четверти мили от особняка Ара и Регол остановились, тяжело дыша, легкими порывами налетал дождь. От Ары все еще исходило слабое сияние. Оба были липкими от крови. Платье, которым так восхищалась Нона, теперь висело, разодранное на ленточки, которые развевал ветер, обнажая слабо светящуюся плоть.

— Это. — Регол сделал глубокий вдох. — Это было невероятно!

Ара склонила голову в знак согласия:

— Очень важно, убивая послушницу, не забыть привести с собой армию достаточного размера.

— Серьезно... — Регол кивнул. — Вы все можете такое делать?

Ара покачала головой и откинула прядь волос там, где кровь прилипла к ее щеке.

— Мне помогли, — сказала она. — Нона.

— Нона? — Глаза Регола расширились.

— Да. — Ара кивнула. — У нас есть связь, у Ноны и меня.

Было что-то в том, как она сказала это ему, что-то, что Нона уловила в тоне ее голоса. Вызов? Предупреждение? Ара защищала ее?

Регол, казалось, собирался что-то сказать, но, как только он открыл рот, к ним подбежала Сестра Чайник. В руке она держала окровавленный нож, ее одежда была разорвана в нескольких местах, а это означало, что она тоже поучаствовала в драке.

— Вы знаете, что это должна была быть Серая операция? Тонкая охота за подсказками. Вошли и вышли, и никто вообще не знает, что мы здесь были? — Она стояла, глядя на окровавленную пару перед собой. — И теперь у нас есть галерея Венсис-холла, похожая на бойню... галерея, на которую напали рейдеры Дарна... а затем подожгли!

— Мы ничего не поджигали! — запротестовала Ара.

— Тогда, предположу я, эти подсвечники сами столкнулись с гобеленами. — Чайник покачала головой. — Это должен был быть один поцелуй!

Моя вина... Нона передала эту мысль по нить-связи, которую она разделяла с Чайник. *Я просто пыталась спасти Ару.*

— Даже не знаю, сколько мертвых ты оставила. Слава Предку, что ни один Сис не умер! — Чайник перевела взгляд с Ары на Регола.

— Ну, один умрет. Через пару дней, — сказала Ара. — Но он этого заслуживает.

Это моя вина, повторила Нона. Все это. Лано Таксис пытался выманить Ару. Она все это время была мишенью. Джозели, должно быть, сказала ему, как мне будет больно, если она умрет.

Чайник опустила голову, глубоко вдохнула и выдохнула.

— Мы вернемся в монастырь и ответим за свои поступки. Что сделано, то сделано, я полагаю. — Она начисто вытерла нож о складку своего одеяния. Настоятельница Стекло просто придется учесть этот фактор в своих уравнениях. X — это Нона Грей. И никто не знает, что это такое. Чайник снова вздохнула и изобразила улыбку. — И это не значит, что я не понимаю, к каким неприятностям может привести один маленький поцелуй...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

in absentia — в отсутствие(лат).

Грей (Grey) — серый (англ.).

Напомню, крест-ножом ной-гуин называют метательную звезду.

ennui — скука (фр.).